

Over dit boek

Dit is een digitale kopie van een boek dat al generaties lang op bibliotheekplanken heeft gestaan, maar nu zorgvuldig is gescand door Google. Dat doen we omdat we alle boeken ter wereld online beschikbaar willen maken.

Dit boek is zo oud dat het auteursrecht erop is verlopen, zodat het boek nu deel uitmaakt van het publieke domein. Een boek dat tot het publieke domein behoort, is een boek dat nooit onder het auteursrecht is gevallen, of waarvan de wettelijke auteursrechttermijn is verlopen. Het kan per land verschillen of een boek tot het publieke domein behoort. Boeken in het publieke domein zijn een stem uit het verleden. Ze vormen een bron van geschiedenis, cultuur en kennis die anders moeilijk te verkrijgen zou zijn.

Aantekeningen, opmerkingen en andere kanttekeningen die in het origineel stonden, worden weergegeven in dit bestand, als herinnering aan de lange reis die het boek heeft gemaakt van uitgever naar bibliotheek, en uiteindelijk naar u.

Richtlijnen voor gebruik

Google werkt samen met bibliotheken om materiaal uit het publieke domein te digitaliseren, zodat het voor iedereen beschikbaar wordt. Boeken uit het publieke domein behoren toe aan het publiek; wij bewaren ze alleen. Dit is echter een kostbaar proces. Om deze dienst te kunnen blijven leveren, hebben we maatregelen genomen om misbruik door commerciële partijen te voorkomen, zoals het plaatsen van technische beperkingen op automatisch zoeken.

Verder vragen we u het volgende:

- + *Gebruik de bestanden alleen voor niet-commerciële doeleinden* We hebben Zoeken naar boeken met Google ontworpen voor gebruik door individuen. We vragen u deze bestanden alleen te gebruiken voor persoonlijke en niet-commerciële doeleinden.
- + *Voer geen geautomatiseerde zoekopdrachten uit* Stuur geen geautomatiseerde zoekopdrachten naar het systeem van Google. Als u onderzoek doet naar computervertalingen, optische tekenherkenning of andere wetenschapsgebieden waarbij u toegang nodig heeft tot grote hoeveelheden tekst, kunt u contact met ons opnemen. We raden u aan hiervoor materiaal uit het publieke domein te gebruiken, en kunnen u misschien hiermee van dienst zijn.
- + *Laat de eigendomsverklaring staan* Het “watermerk” van Google dat u onder aan elk bestand ziet, dient om mensen informatie over het project te geven, en ze te helpen extra materiaal te vinden met Zoeken naar boeken met Google. Verwijder dit watermerk niet.
- + *Houd u aan de wet* Wat u ook doet, houd er rekening mee dat u er zelf verantwoordelijk voor bent dat alles wat u doet legaal is. U kunt er niet van uitgaan dat wanneer een werk beschikbaar lijkt te zijn voor het publieke domein in de Verenigde Staten, het ook publiek domein is voor gebruikers in andere landen. Of er nog auteursrecht op een boek rust, verschilt per land. We kunnen u niet vertellen wat u in uw geval met een bepaald boek mag doen. Neem niet zomaar aan dat u een boek overal ter wereld op allerlei manieren kunt gebruiken, wanneer het eenmaal in Zoeken naar boeken met Google staat. De wettelijke aansprakelijkheid voor auteursrechten is behoorlijk streng.

Informatie over Zoeken naar boeken met Google

Het doel van Google is om alle informatie wereldwijd toegankelijk en bruikbaar te maken. Zoeken naar boeken met Google helpt lezers boeken uit allerlei landen te ontdekken, en helpt auteurs en uitgevers om een nieuw leespubliek te bereiken. U kunt de volledige tekst van dit boek doorzoeken op het web via <http://books.google.com>

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

8.

ГОСУДАРЬ ЦАРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСѢВИЧЬ

ЦАРЬ БѢЛЫЙ ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ

ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ ПО ЗЕМЛѢ

№ 3823.

В. Кофевинск.,
1899.

Дрл

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢВСКИМЪ

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ВЫПУСКЪ 8.

МОСКВА.

Въ Типографіи П. Вахметова, на Срѣтенѣ, д. Карлони.

1870.

По опредѣленію Общества:

1868, Февр. 23, и 1870 года, Апр. 24.

Секретарь и редакторъ П. Безсоновъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ЧАСТЬ III.

ВЫПУСКЪ 8-й.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ ОБЩЕСТВА Л. Р. СЛ.

Пѣсни Былевья и Историческія:

Русь Петровская.

Государь-царь Петръ Алексѣевичъ,

Царь Великій Петръ Первый,

Первый императоръ по землѣ.

	<i>Стран.</i>
I-я половина Пѣсней Петровскихъ	1 — 113
Отдѣлъ I. Рожденіе.	1, 2
Рожденіе, первые годы и отъѣздъ на чужую сторону.	3 — 15
II. Возстаніе и казни Стрѣльцовъ.	16 — 21
Фазъ Князя, Большаго Болрина, Атамана Стрѣлецкаго	22 — 30
III. Правежъ.	30 — 36
IV. Государь борется съ драгуномъ.	37, 38
V. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ	39 — 50
Князь Стрѣлковскій въ походѣ съ козаками.	51
VI. Азовскіе походы.—Донскіе Козаки. Иванъ Заморяннъ	52 — 54
Самъ царь.	54 — 56
Ѣдетъ Шереметевъ графъ Борисъ Петровичъ	56, 57
Пріѣздъ Донскихъ козаковъ на Воронежъ и Москву: народъ зна- комится съ атаманомъ	57, 58
Атамановъ приказъ по Дону: сборы Донцовъ.	58, 59
Сборы солдатъ, новаго войска.	59, 60

II

	<i>Стран.</i>
Дума и соборъ объ Азовѣ. Приступъ и побѣда.	60 — 63
Плывутъ подъ Азовъ: взяли городъ и поздравляютъ царя	64, 65
VII. Донскія и Азовскія дѣла.—Атаманъ Флоръ Миняевичъ. . . .	65 — 68
Сенька Маноцковъ	69, 70
Некрасовъ и князь Долгорукій.	71 — 73
Оплошность Донцовъ подъ Азовомъ и погоня имъ	75 — 78
Донской козакъ въ плѣну Азовскомъ.	78 — 85
Донской козакъ въ плѣну Турецкомъ	85, 86
VIII. Гроза на Донцовъ.—Вѣсть о смутахъ.	— 87
Жалоба Дона.	— 88
Челобитная Донцовъ	88, 89.
Скорлыгинъ-Карыгинъ.	89 — 93
Ефремовъ	93, 94
Донской козакъ передъ царемъ. Тюрьма, допросъ, правезъ и милость.	95 — 105
IX. Царица Евдокія Федоровна Лопухина. Пѣсня Царицы. . . .	106 — 113

II-я половина Пѣсней Петровскихъ. . . . . 114 — 302

Война Сѣверная. Походы Шведскіе.

Отдѣлъ X. Русскій сонъ	114, 115
Видѣнье королю Шведскому	115, 116
Сборы Шведскіе.	116, 117
Сборы Русскіе.	117, 118
Выступъ войска	118, 119

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

Отдѣлъ XI. Сборы и выѣздъ Шереметева. Пѣсня его.	119 — 125
XII. Шереметевъ и Шлиппенбахъ. Маіоръ земли Шведской. . . .	125 — 135
Тѣ же и Левенгауптъ	135, 136
XIII. Левенгауптъ и Краснощочковъ	137
XIV. Орѣхъ—Орѣшекъ, Нѣтебургъ—Нюссбургъ, Шлюссельбургъ—Шлюшенъ.	138 — 146
То же (иначе).	146, 147
То же. Убить полковникъ	147, 148
Рычковъ на морѣ Варяжскомъ	148 — 153
Донцы на морѣ Верейскомъ, передъ самимъ королемъ Шведскимъ. . .	154, 155
XV. Царь на пути къ Шлюссельбургу. Козаки не узнали его. . .	156 — 160
XVI. Поѣздка царя въ Стокгольмъ и обратно	160 — 167
XVII. Осада Выборга	167, 168

III

	<i>Стран.</i>
XVIII. Сборы подъ Полтаву. Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ	168 — 170
Полтавское дѣло.	170 — 173
Полтава, Король Шведскій и Мазепа	173, 174
Шата Запорожцамъ за Полтаву.	174, 175
XIX. Пѣсни Малорусскія	176 — 211
Поплатились Запорожцы за Полтаву.—Гордѣенко.—Царь Восточный и Голицынъ.	176 — 178
Замыслы Мазепы. Искра, Кочубей, Палій	178 — 185
Палій на свободѣ, битва подъ Полтавой. Король утекаетъ за одною съ Мазепою.	186, 187
Погоня за Шведами до Бендеръ. Палій съ Гречкой.	188
Съѣздъ Русскихъ. Свобода Палію и походъ его съ Шереметевымъ подъ Полтаву. Король и Мазепа, ихъ бѣгство	189 — 196
Мазепа. Судьба Искры и Кочубея. Разоренъ Батуринъ	197 — 200
Мазепа подъ Полтавой со Шведами. Царь Московскій и побѣда. Бѣгство къ Бендерамъ и смерть Мазепы	200 — 202
Палій въ Сибири.	203 — 205
Старина про Палія и прочіе Малорусскіе отзывы о томъ времени.	206 — 211
Отдѣлъ XX. Опять война.	212
XXI. Походъ Шереметева подъ Ригу.	213
Государь ѣдетъ по морю. Рига взята.	213, 214
XXII. Колывань—Ревель.	215, 216
XXIII. Походы въ земли Шведскія и Турецкія, возвратъ и уроны.	217 — 229
XXIV. Петровскія Канты.	230 — 260
Слюсенбургъ	231 — 234
Нарва	234 — 236
Переходъ Шведовъ въ Малую Русь, Полтава, Мазепа	236 — 254
Рига	254 — 256
Прочія канты.	256 — 260
Отдѣлъ XXV. Ладожскій каналъ.	261 — 264
XXVI. Пѣснь Петровскія у Сербовъ	265 — 272
Отдѣлъ XXVII. Петръ Первый кончается	273 — 276
Смерть государя.	276, 277
Плачь государыни	277, 278
Плачь войска	278 — 294
—	
XXVIII. Князя (Репнинъ) Меншиковъ, Гагаринъ.	294 — 302
—	

IV

Дополненія

къ прежнимъ выпускамъ

и

Приложенія

къ VIII-му выпуску пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ.

	<i>Стр.</i>
1.—Илья Муромецъ на Соколѣ кораблѣ.	305 — 308
Добрый Молодецъ теряетъ жену	309, 310
Грозный царь Иванъ Васильевичъ и казаки Гребенскіе.	310
Смутное Время. Попъ Емеля	311
Убить Карамышевъ	312
Убить Астраханскій Воевода.	313, 314
Стоянка Разина	315 — 317
Сынъ Разина. Попытки проникнуть въ Астрахань	317, 318
Пѣсня Разинская.	319
Пѣсня Разинцевъ	320, 321
Татарскій полонъ	321 — 325
Канты передъ Петровскими	325 — 332
Безвременный Молодецъ	333 — 335
Плачи.	335 — 338
Сказки о Петрѣ.	339, 340
II. Забѣтка П. А. Безсонова къ 8-му выпуску (первая половина). I —	CXIX
Оглавленіе 8-го выпуска.	I — IV

Выписка изъ протоколовъ Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1868 года, Февраля 23-го, ССL заседание, пунктъ 4.—Д. Ч. П. А. Безсоновъ представилъ, что имъ уже приготовленъ въ чернѣ текстъ 8-го выпуска «Пѣсепъ Кирѣвскаго,» заключающій въ себѣ *Пѣсни Былевья и Историческія о Петрѣ 1-мъ.*—Представленія Д. Ч. П. А. Безсопова были утверждены Обществомъ.

— 1870 года, Апрѣля 24-го, ССLXXV заседание, пунктъ 3.—Д. Ч. П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что на дняхъ выйдетъ въ свѣтъ изданный имъ по порученію Общества *восьмой* выпускъ «Пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣвскимъ,» обнимающій *Пѣсни Былевья и Историческія изъ эпохи Петра 1-го,* съ цѣною для продажи въ 1 р. 50 к., при чемъ представилъ отпечатанные чистые листы и счета по изданію, а также доложилъ, что въ черновыхъ матеріалахъ имъ собранъ и подготовленъ къ изданію *выпускъ 9-й, съ Историческими Пѣснями отъ Петра 1-го до Александра 1-го и 1812 года,* предполагаемый къ печатанію въ теченіе предстоящаго лѣта и по объему матеріаловъ имѣющій стоить до 1 рубля сер. за экземпляръ; по прежнимъ примѣрамъ, выразивъ вновь своему сочлену признательность за успѣшно выполняемое имъ изданіе, Общество постановило: выдать по счетамъ...; 8-й выпускъ по выходѣ разослать..., а относительно выпуска 9-го утвердить предположенія издателя и предоставить ему немедленно приступить къ печатанію.

---

*) Печатались въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ виду повторяющихся прискорбныхъ явленій и во избѣжаніе неприятныхъ разбирательствъ впредь, покорнѣйше просятъ гг. сочинителей разныхъ теоретическихъ и историческихъ обзоровъ словесности, составителей хрестоматій и учебниковъ, издателей сего рода руководствъ, пособій и извлеченій: изъ подлежащаго изданія или прочихъ подобныхъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ Обществу Л. Р. Сл., *не перепечатывать цѣликомъ* образцовъ или памятниковъ народной словесности, хотя бы краткихъ, но составляющихъ—каждый—отдѣльное цѣлое и особый номеръ, въ томъ видѣ, въ какомъ они, съ примѣчаніями и объясненіями, являются здѣсь свѣту впервые, ибо симъ недозволительнымъ способомъ нарушается собственность Собирателей или ихъ наслѣдниковъ, право Общества и трудъ первыхъ Издателей, а продажа, возвращающая расходы и доставляющая фондъ для будущаго теченія дѣлу, подрывается къ явному ущербу.

Выпускъ 8.

Пѣсни Вылевыя и Историческія,

Русь Петровская:

Государь-царь Петръ Алексѣевичь,

Царь Вѣлыи, Петръ Первый,

первый императоръ по землѣ.

—

Во весельи въ радости
Не видали, какъ дни прошли,
Для младаго царевича,
Петра Алексѣевича.

*

Туть распахана была пашня:
Не плугами и не сохами,—
Добрыхъ коней копытами;
Посѣяна была пашня
Еще тѣми же драгунскими тѣлами;
Взборонована была пашня
Еще тѣми же Мурзавецкими копытами;
Поливана была пашня
Тою ли христіанской кровью.

*

О семъ преславномъ дѣлѣ, въ пѣсняхъ неслыханномъ,
Пѣти будетъ весельникъ по морю пространномъ,
Пѣти будетъ на холмѣ путникъ утружденный,
И проповѣсть иногда, лѣты изнуренный,
Старець внукомъ: и, яко своимъ очима
Видя то, внуцы старца нарекутъ блажима.

*

ПОСВЯЩАЕТСЯ ИЗДАТЕЛЕМЪ
ДВУХСОТЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
30 МАЯ 1672 ГОДА.

ГОСУДАРЬ ЦАРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСѢВИЧЬ.

I.

Рожденъе.

1.

(Кирша Давыловъ).

Когда ¹⁾ свѣтель-радошень во Москвѣ ²⁾
Благовѣрный ³⁾ царь Алексѣй царь ⁴⁾ Михайловичъ:
Народилъ Богъ ⁵⁾ ему сына царевича,
[Царевича] Петра Алексѣевича,
5. Перваго императора по землѣ ⁶⁾.

Всѣ-то Русскіе какъ ⁷⁾ плотники-мастеры ⁸⁾
Во всю ноченьку ⁹⁾ не спали,—
Колыбель-люльку ¹⁰⁾ дѣлали
Они младому царевичу.
10. А и нянюшки-мамушки,
Сѣнныя красныя ¹¹⁾ дѣвушки
Во всю ноченьку ¹²⁾ не спали,—
Шириночку ¹³⁾ вышивали
По бѣлому рытому ¹⁴⁾ бархату
15. Они ¹⁵⁾ краснымъ золотомъ.

---

¹⁾ Сазар. А что;—*Кост.* Ужъ какъ;—*Люб.* Какъ.—²⁾ *Кост.* въ Москвѣ;—*Люб.* въ каменной Москвѣ.—³⁾ *Кост.* Ласковый (небывалое прозвище, неловко перенесенное отъ Владиміра).—⁴⁾ *Кост.* сударь.—⁵⁾ *Кост.* Господь.—⁶⁾ *Кост.* Этого стиха нѣтъ: „Что царевича Петра Алексѣевича“.—⁷⁾ То есть: какъ и всѣ то; *Люб.* нѣту „какъ“.—⁸⁾ *Кост.* Какъ и всѣ-то Русскіе плотнички, Что плотнички—сами мастера (разбавлено).—⁹⁾ *Кост.* Они почку.—¹⁰⁾ Тождество (эпическая тавтологія).—¹¹⁾ *Кост.* сѣнны.—¹²⁾ *Кост.* Онѣ почку.—¹³⁾ У Калайдовича ошибочно прочитано: „Шинкарочку;“ *Кост.* исправлено, а *Сазар.* (придуманно по обычаю) „одѣялицо“.—¹⁴⁾ *Люб.* Что по бѣл. рыт;—*Сазар.* По бѣлу рыту.—¹⁵⁾ *Кост.* и *Люб.* опущено.

- [А и] тюрьмы съ покаянными ¹⁾—
 Они ²⁾ всѣ распушались ³⁾,
 А и погребы царскіе—
 Они всѣ растворялись ⁴⁾.
 20. У царя благовѣрнаго ⁵⁾
 Еще ⁶⁾ пирь и столъ на радости,
 А князи собиралися,
 Бояра ⁷⁾ съѣзжались
 И дворяне сходилися ⁸⁾;
 25. А все ⁹⁾ пародь Божій на пиру
 Пьютъ—ѣдятъ, прохлаждаются ¹⁰⁾.
 Во весельи въ радости ¹¹⁾
 Не видали, какъ дни прошли ¹²⁾,
 Для младаго ¹³⁾ царевича.
 30. Петра Алексѣевича.
 Перваго императора ¹⁴⁾.

(Ср. „Древн. Росс. Стихотворенія,“ подъ заглавіемъ: „Свѣтель-радошень царь Алексѣй Михайловичъ.“—Разнорѣчія: 1) *Сахарова* „Сказанія,“ т. 1; 2) *Костомарова* и *Мордощевой* сборникъ въ „Лѣтописяхъ Р. литер. и древн.“ т. IV; 3) *С. М. Любецкаго* ивъ сборника, пѣсня, неизвестно гдѣ и когда записанная).

* *

¹⁾ „А и тюрьмы съ покаянными:“ такъ у *Люб.*, такъ по составу стиха и согласному стиху слѣдующему: *покаянные*—то же, что нынѣ *несчастные*, тюремные, затворники, заключенные. — ²⁾ Онѣ, тюрьмы, какъ и выше *они* — дѣвушки. — ³⁾ *Кост.* приправлено: „А втапоры затюремнички она всѣ распушались;“ — *Сахар.* сочинено: „Бояре тюрьмы съ покаянными всѣ распушали.“ — ⁴⁾ *Кост.* Царскіе погребы они всѣ растворялись; *Сахар.* А погребы царскіе они всѣ растворяли (И. П. Сахарова смѣшало слово *они*). — ⁵⁾ *Кост.* у ласковаго (какъ и выше). — ⁶⁾ *Кост.* Шель; — *Люб.* Пошоль. — ⁷⁾ *Люб.* и *Сахар.* Бояре. — ⁸⁾ Стихи приблизительно должны быть:

А князи-бояра собиралися,
 Сбиралися-съѣзжались
 И дворяне сходилися.

Кост. (разбавлено) Всѣ князья, бояре къ царю собиралися. Всѣ дворяне ко ласковому съѣзжались. — ⁹⁾ Д. б. „Весь;“ такъ и исправлено *Кост.* — ¹⁰⁾ Множественное при собирательномъ „пародь.“ — *Сахар.* А все пародь Божій. На пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются. — ¹¹⁾ По стиху д. б. „во радости;“ *Кост.* одно: „въ весельи.“ — ¹²⁾ *Люб.* Въ томъ ли весельѣ, на великой радости, Не видали они, какъ дни прошли. — ¹⁴⁾ *Кост.* Все для младшаго (!). — ¹³⁾ Какъ и

Рожденіе, первые годы и отъездъ на чужую сторону.

1.

(Сибирск. губ., у. Сызранскаго, село Рѣльска).

- Что у насъ въ каменной Москвѣ приуныли,
 Во большой колоколъ звонили ¹⁾:
 Породила ²⁾ царевича
 Свѣтъ Петра Алексѣевича.
5. Нянюшки-мамушки
 Всей ночь не спали.—
 Одѣяльце простегали
 На чистыемъ сѣребрѣ,
 На красномъ золотѣ.
10. Плотнички-мастеры
 Всей ночку простукали,—
 Колыбелку продѣлали ³⁾.

*

выше, прибавка позднѣйшая.—*Кост.* прибавлено, пропущенное въ 5-мъ стихѣ, „Перваго императора по землѣ.“—У *Люб.* окончаніе:

Для влады царевича Петра Алексѣевича,
 Для того ли славнаго перваго императора.
 • То старина, то и дѣяніе.
 Какъ бы синему морю на утѣшеніе,
 Молодымъ молодцамъ на переманье (переманье),
 Еще намъ, Веселымъ Молодцамъ (скоморохамъ, смѣшаннымъ древнихъ пѣвцовъ), на потѣшеніе,
 Сидючи во бесѣдѣ смиренныя,
 Испиваючи медь, зелено вино.
 Гдѣ-то пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
 Тому боарину великому

И хозяину своему ласковому (ср. этотъ конецъ въ прежнихъ выпускахъ).

¹⁾ Это „унылое“ начало, несоответственное веселью рожденія, взято отъ многочисленныхъ Былевыхъ пѣсень о смерти царей (см. ихъ ниже и въ другихъ выпускахъ); внезапный звонъ большого колокола пугалъ одинаково, ибо могъ возвѣщать, и чаще, чѣмъ рожденіе, напротивъ смерти, пожары и прочія бѣдствія какъ набать.—²⁾ Государыня.—³⁾ Переходъ постепенный отъ сего начала къ дальнѣйшему, къ Добрынь, Безъмянному Молодцу, вноска-заніямъ и олицетвореніямъ, связь и смыслъ подобныхъ переходовъ см. съ

1*

- Отломилася вѣточка
Отъ сахарнаго дѣревца;
15. Откатилося яблочко
Отъ сахарнаго дѣревца ¹⁾:
Отвѣзжалъ Добрый Молодецъ
Отъ отца своего—матери;
Лишился же ²⁾ Добрый Молодецъ
20. Своей родной страны;
Привѣхалъ же Молодецъ
Къ быстрой рѣчкѣ Смородинкѣ;
Перевѣхалъ же Добрый Молодецъ
Черезъ быструю рѣчку Смородинку.
25. Переѣхавши Молодецъ
Сталъ похвалятися:
«Охъ ты гой еси, рѣчинька,
«Рѣка быстра Смородинка!
«Ты въ славѣ была, рѣчинька,
30. «Рѣка была славная.»
И сталъ надъ ней смѣяться:
«Хуже озера стоячаго,
«Поганой калужины ³⁾!»
- Позабылъ Добрый Молодецъ
35. На той странѣ два ножа,
(Два ножа) два булатные;
Воротился же Молодецъ
За ножами за булатными.
Онъ на перву ступень ступиль—

подробностию въ „Замѣткѣ“ на концѣ выпуска. Здѣсь же различный составъ обозначенъ различными шрифтами.

¹⁾ Д. б. „Отъ садовой отъ яблоньки.“—²⁾ Выѣхалъ изъ.—³⁾ Стока лужь, соединенія ихъ; лужи извилистой (въ снхъ случаяхъ у насъ приставка *ка* то же, что нѣмецкое *de*).

40. Потопилъ коня добраго;
 На другую ступень ступилъ—
 Потонулъ Добрый Молодецъ.

- Прѣзжаетъ его матушка,
 Говорить быстрой рѣчинькѣ:
 45. «Охъ ты гой еси, рѣчинька,
 «Рѣка быстра Смородинка!
 «Потопила ты моего сына,
 «Сына любимаго,
 «Любимаго, единаго.»»
 50. Говорить-то ей рѣчинька
 Человѣческимъ голосомъ,
 Душой красной дѣвицей:
 —Охъ ты гой еси, баба старая,
 —Стара баба—матѣрая!
 55. —Не я его потопила,
 —Потопила его похвала молодецкая.—

(Записано Языковымъ).

*

2.

(Смѣривъ).

- Что у насъ было на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 Православный царь весель былъ,
 Онъ и весель, и радошень:
 5. Породила сударыня
 Ему сына царевича.
 Тутъ и нянюшки, и мамушки
 Всей ночку просидѣли,—
 Сороченьку прошили
 10. По атласу, по бархату.

- По чистому по золоту,
 По мелкому серебру;
 Тутъ-то плотнички-мастеры
 Всѣ ночку простукали,—
 15. Колыбелушку строили.

*

- Отломилася вѣточка
 Отъ садовой отъ яблонки,
 Откатилось яблочко:
 Отъѣзжаетъ сынъ отъ матери
 20. На чужу-дальну сторону,
 На чужу-дальну сторону—
 За рѣку за Смородину.

- Подъѣзжаетъ же молодецъ
 Ко рѣкѣ ко Смородинѣ:
 25. Онъ воскликнетъ же—возгаркнетъ
 Громкимъ голосомъ:
 «Охъ ты рѣчушка, рѣчушка,
 «Мать быстра рѣка Смородина!
 «Широкимъ ты не широкая,
 30. «Глубокимъ ты глубокая!
 «Есть ли на тебѣ на рѣчушкѣ
 «Переходы-то частые,
 «Переброды-то мелкіе?»
 Возговорить рѣчушка
 35. Человѣческимъ голосомъ,
 Душой красною дѣвицей:
 —Охъ ты гой еси, добрый молодецъ,
 —Добрыня Никитьевичь!
 —Нѣтъ-то на мнѣ на рѣчушкѣ
 40. —Переходовъ-то частыхъ,
 —Перебродовъ-то мелкихъ;

- Только есть на мнѣ на рѣчушкѣ
 —Два мосточка калиновыхъ,
 —И то они во далечѣ
45. —Во чистомъ полѣ.—
 Возговорить молодецъ,
 Добрыня Никитъевичъ:
 «Что же ты, рѣчушка,
 «Съ перевозу съ насъ берешь?»
50. Возговорить рѣчушка
 Человѣческимъ голосомъ,
 Душой красной дѣвицей:
 —Охъ ты гой еси, молодецъ,
 —Ты Добрыня Никитъевич!
55. —Съ перевозу-то съ васъ беру:
 —По добру коню наступчату ¹⁾,
 —По сѣделечку Черкасскому,
 —По удалу-добру молодцу;
 —А тебя я, добрый молодецъ,
60. —Я тебя и такъ перещу
 —За слова твои за ласковы,
 —За поклоны за низкіе.—

- Переѣхалъ же молодецъ
 Черезъ рѣку чрезъ Смородину
65. И сталъ похвалятися,
 Надъ рѣкой посмѣхатися:
 «Сказали про рѣчушку,
 «Сказали про быструю,
 «Что эта рѣчушка
70. «Широкімъ широкая,
 «А глубокімъ глубокая:
 «Анъ эта рѣчушка

¹⁾ Что выступаетъ впередъ бодрой и твердой поступью.

«Хуже озера стоячаго.

«Какъ дождева калужина!»

75. Какъ возговорить рѣчушка
 Душой красной дѣвицей:
 —Охъ ты гой еси, добрый молодецъ,
 —Ты Добрыня Никитъевичъ!
 —Воротись ты за меня, за рѣчушку:
80. —Позабылъ ты за мной, за рѣчушкой,
 —Два ножа, два булатныхъхъ.—

Воротился молодецъ

За рѣку за Смородину:

Онъ на перву ступень ступилъ,—

85. Онъ добра коня потопилъ;
 Онъ на другую ступень ступилъ,—
 Съдѣличко Черкасско потопилъ;
 На третью ступень ступилъ,—
 Самъ тутъ утонулъ.

(Записано Языковымъ; ср. у насъ выпускъ 2-й).

*

3.

(Кирша Даншловъ ¹⁾).

Когда было Молодцу

пора-время великое ²⁾,

честь-хвала молодецкая,

Господь-Богъ миловаль,

Государь-царь жаловаль,

¹⁾ Страница эта, по связи содержания, въ самомъ сборникѣ Кирши поставлена *рядомъ* съ рожденьемъ Петра; особенная форма Старины, переходящей въ разговоръ, сдѣлала то, что каждый почти второй, и даже третій стихъ, теряя самостоятельность склада, присоединяется къ первому какъ прибавка; мы и печатаемъ эти разрушенные стихи особымъ способомъ.—²⁾ Когда все было въ пору и во время, съ великою удачей.

- Отець-мать Молодца у себя
 во любви держалъ ¹⁾,
 А и родъ-племя на Молодца
 не могутъ насмотрѣться,
 5. Сусѣди-ближніе
 почитаютъ и жалуютъ,
 Друзья и товарищи
 на совѣтъ съѣзжаются,
 Совѣту совѣтовать,
 крѣпку думушку думати,
 Они про службу царскую
 и про службу воинскую ²⁾.

*

- Скатилаь ягодка
 съ сахарнаго деревца,
 10. Отломилаь вѣточка
 отъ кудрявыя отъ яблони:
 Отстаеьтъ Добрая Молодець
 отъ отца—сынъ—отъ матери;

*

- А нынѣ ужъ Молодцу
 безвременья великое:
 Господь-Богъ прогнѣвался,
 государь-царь гнѣвъ взложилъ,
 Отець и мать Молодца у себя
 не въ любви держать,
 15. А и родъ-племя Молодца
 не могутъ и видѣти,
 Сусѣди-ближніе
 не чтуть—не жалуютъ,
 А друзья-товарищи
 на совѣтъ не съѣзжаются,

¹⁾ Согласно съ „отець“, какъ выше со „временемъ.“ — ²⁾ За симъ перерывъ, ибо слѣдующіе три стиха составляютъ собственно начало втораго отдѣла Старинны.

- Совѣту совѣтовать,
 крѣпкѣ думушку думати,
 Про службу царскую
 и про службу воинскую.
20. А нынѣ ужь Молодцу кручина великая
 и печаль немалая ¹⁾.

*

- Съ кручины, дѣ, Молодецъ,
 со печали великія,
 Пошелъ, Доброй Молодецъ,
 онъ на свой конюшенной дворѣ.
- Бралъ, Доброй Молодецъ,
 онъ добра коня стоялаго,
- Наложилъ, Доброй Молодецъ,
 онъ уздицу тесмянную,
 сѣделечко Черкесское,
25. Садился Доброй Молодецъ
 на добра коня стоялаго,
 Поѣхалъ Доброй Молодецъ
 на чужу-дальну сторону.

Какъ бы будетъ Молодецъ
 у рѣки Смородины,
 А и взмолится Молодецъ:
 «А и ты, мать быстра рѣка,
 ты быстра рѣка Смородина!

¹⁾ Все это начало относится уже къ другимъ Безымяннымъ или Молодецкимъ пѣснямъ, о Безвременномъ или Неудачливомъ Молодцѣ, о женѣ его неудачливой, объ отбѣздѣ въ Литву къ Королевицѣ Политовской, о Горѣ и т. п.: эта связь указана уже не разъ въ прежнихъ выпускахъ и въ нашемъ изданіи сборника Рыбниковскаго. Второй же отдѣлъ Старшины, слѣдующій за симъ, о гибели въ Смородицѣ, начинается собственно стихами, врѣзавшимися выше: „Скатилась ягодка;“ а первый отдѣлъ той же Старшины, о рожденіи. имѣющійся въ двухъ предшествующихъ образцахъ, здѣсь уже утраченъ.

30. «Ты скажи мнѣ, быстра рѣка,
ты про броды кониные,
про мосточки калиновы,
перевозы частые.»

Провѣщитесь быстра рѣка
человѣческимъ голосомъ
да и душой красной дѣвицей:

—Я скажу тѣ, быстра рѣка,
Доброй Молодецъ,

—Я про броды кониные,
про мосточки калиновы,
перевозы частые.

—Со броду конинаго я беру
по добру коню,

35. —Съ перевозу частаго
по сѣделечку Черкесскому,

—Со мосточку калинова
по удалому Молодцу:

—А, тебя, Безвременнаго Молодца ¹⁾,
я и такъ тебя пропущу.—

Переѣхалъ Молодецъ
за рѣку за Смородину,

Онъ отѣхалъ, Молодецъ,
какъ бы версту—другую,

40. Онъ своимъ глупымъ разумомъ,
Молодецъ, похваляется:

«А сказали про быстру рѣку
Смородину,

«Ни пройти, ни проѣхати
ни пѣшему, ни конному.»

---

¹⁾ Когда прошло его „время,“ сталъ онъ „Безвременнымъ,“ неудачливымъ, несчастнымъ.

Третью ступень конь ступилъ,—
уже гривы не видѣти.

А и взмолился Молодецъ:

«А и ты, мать быстра рѣка,
ты быстра рѣка Смородина!

60. «Къ чему ты меня топишь,
Безвременнаго Молодца?»

Провѣщитесь быстра рѣка
человѣческимъ языкомъ,
она душой красной дѣвицей

—Безвременной Молодецъ!

—Не я тебя топлю,
Безвременнаго Молодца:

—Топить тебя, Молодецъ,
похвальба твоя—пагуба.—

65. Утонулъ Доброй Молодецъ
во Москвѣ рѣкѣ, Смородинѣ;

Выплывалъ его доброй конь
на крутые берега;

Прибѣгалъ его доброй конь
къ отцу его и матери;

На лукъ на сѣдельныя
ярычекъ написанной:

«Утонулъ Доброй Молодецъ
во Москвѣ рѣкѣ, Смородинѣ ¹⁾.»»

(Др. Росс. Стихотвор.).

*

¹⁾ По преданію, здѣсь подтвержденному, это древнее имя Русское при другомъ, еще болѣе древнемъ, Чудскомъ (Финскомъ) имени рѣки „Москвы;“ ср. въ концѣ выпуска „Замѣтку.“

(Губ. Олонецкой, въ Тихвинборскомъ погостѣ, Каргопольскаго у.).

- Богъ Молодца не милуеть,
 Государь Молодца не жалуеть,
 Дружья-братья-товарищи
 На совѣтъ не съѣзжаются,
5. И нѣтъ на Молодцѣ ни чести-похвалы молодецкія.
 Жениль-то его родной батюшка
 На чужой на дальней сторонущкѣ
 И бралъ за женою приданого
 Три черленныхъ три карабля:
10. Первый грузонъ карабль златомъ и серебромъ,
 А другой грузонъ карабль скатнымъ жемчугомъ,
 А третій грузонъ карабль женинимъ приданнымъ.
 Тутъ-то Добру Молодцу молода жена
 Не въ любовь пришла, не по разуму.
- *
15. Бралъ онъ себѣ добра коня наступчива,
 И сѣдельшко Черкасское, и плетку шелковую,
 Самъ говорилъ таково слово:
 «Лучше мнѣ добрый конь злата и серебра,
 • «Лучше мнѣ сѣделко Черкасское всего женинаго приданого,
20. «Да лучше мнѣ плетка шелковая молодой жены.»
 Да взялъ-то съ собою Добрый Молодецъ
 Два товарища, два надѣйные,
 Два ножичка, два булатніе;
 Поѣхалъ на чужую-дальнюю сторонущку.
25. Доѣхалъ до рѣчки Смородинки,
 Самъ говорилъ таково слово:
 «Ай ты матушка, быстра рѣка Смородинка!
 «Есть ли чрезъ тебя, рѣку Смородинку,
 «Перевозы-то узкіе, переброды-то мелкіе?»

30. Отвѣчала она человѣческимъ голосомъ:
 —Есть чрезъ меня перевозы-то узкіе, переброды-то мелкіе,
 —Есть три мосточка, три каиновыхъ;
 —На первомъ беру на мостѣ сѣделко кованое,
 —На другомъ беру на мостѣ коня наступчива,
 35. —На третьемъ самого Добра Молодца;
 —А тебя, Добра Молодца, и такъ пущу.—

Переѣхалъ Добрый Молодецъ чрезъ рѣку Смородинку,
 Самъ говорилъ таково слово:

«Сказали мнѣ, Добру Молодцу,

40. «Что течетъ рѣка Смородинка быстра и грозна:
 «А нынче рѣка Смородинка течетъ будто вода болотняя,
 «Болотня вода со ржавчинкой.»

Да забылъ Добрый Молодецъ за рѣчкой Смородинкой
 Два товарища, два надѣйные,

45. Два ножичка, два булатніе,
 И поѣхалъ за рѣчку Смородинку.

На первомъ мосту брала сѣделко кованое,
 На другомъ брала добра коня наступчива,
 На третьемъ брала самого Добра Молодца.

50. Взмолился Добрый Молодецъ:
 «Ай ты матушка, быстра рѣка Смородинка!
 «Не топи, не губи меня, Добра Молодца!»
 Говорила рѣка Смородинка таковы слова:
 —Ай ты, удалый-дородный Добрый Молодецъ!
 55. —Не я тебя топлю; не я гублю,
 —А топить тебя—губить честь-похвала молодецкая!—

Только Добрый молодецъ и живъ бывалъ:
 Оставалась его нелюба жена.

(ср. *Рыбник*. ч. 1, № 82, тамъ же Былины о Добрыи и сердитой Пучав-рѣкѣ, а
 также у насъ выпуски 2-й и 7-й).

* * *

II.

Возстанія и казни Стрѣльцовъ.

1.

(Губ. Симбирской, с. Головино).

Бывало, де, православный царь
 Любилъ стрѣльцовъ, много жаловалъ:
 Нищче государь на насъ прогнѣвался
 И хочеть стрѣльцовъ казнить—вѣнати.
 5. Съ самого съ атамана голову рубить.

Сходились стрѣльцы во единый кругъ,
 Они думали крѣпку думу за единую.
 Посылали атамана къ самому царю:
 «Поди-ка, атаманъ, къ самому царю,
 10. «Кланяйся царю въ рѣзвы ноженъки,
 «Проси у царя большой милости:
 «Не можно ли насъ, батюшка, стрѣльцовъ простить?
 «Возьмемъ мы ему городъ, который надобно.
 «Безъ свинцу возьмемъ, безъ пороху.
 15. «Безъ его снаряду государева ¹⁾,
 «Возьмемъ городъ грудью бѣлою.»

Тутъ пошолъ атаманъ къ самому царю,
 Пошолъ онъ вдоль по улицѣ,
 Подходить онъ къ государеву Двору.
 20. На то время государь-царь по дворцу гуляетъ.
 Онъ и палъ, молодець, на колѣночки,
 Сталъ кланяться царю въ рѣзвы ноженъки,
 Сталъ просить у него большой милости:
 «Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
 25. «Всея Руси царь Петръ Федорычъ ²⁾!

¹⁾ Безъ нововведеній, принятыхъ въ новомъ войскѣ.—²⁾ У новаго пѣвца
 прежнее имя уже замѣнено болѣе новымъ.

- «Не можно ли насъ, стрѣльцовъ, простить?
 «Возьмемъ мы тебѣ городъ, который надобно.
 «Безъ свинцу возьмемъ, безъ пороху,
 «Безъ твоего снаряду государева,
 30. «Возьмемъ городъ грудью бѣлою.»
 Выходитъ царь-государь на Красенъ Крымецъ,
 Возговорить онъ громкимъ голосомъ:
 —Охъ ты гой еси, стрѣлецкій атаманушка!
 —И нѣтъ отъ меня вамъ милости.
35. —Ступай, собирай стрѣleckое свое войско,
 —Гони-ты ихъ на Красну Площадушку,
 —А которыхъ на поле на Куликово-то ¹⁾:
 —Кого стану казнить, кого вѣшати.
 —Съ тебя, съ атамана, голову рубить.— ●
40. Тутъ у молодца рѣзвы ноги подогнулись.
 Бѣлы руки его опустилися.
 Буйна его головушка съ плечь долой катится,
 Соболина его шапочка изъ рукъ выпала,—
 Соболина шапка на немъ во сто рублей,
45. А кунья шуба на молодцѣ во тысячу.
- Пошолъ молодецъ съ широка двора,
 Съ того двора съ государева.
 Выходитъ во Стрѣleckу большу улицу;
 Тутъ не золота трубонька вострубила,
 50. Не серебряна сиповинка ²⁾ возыгрывала,
 Тутъ вскричалъ атаманъ громкимъ голосомъ,
 Чтобы слышно было по всему городу:
 «Охъ вы гой еси, стрѣльцы, добры молодцы!
 «Вы ступайте, убирайтеся вонъ изъ города:
55. «И нѣтъ намъ, братцы, отъ царя большой милости,
 «Велѣлъ гнать на Красную Площадушку,

¹⁾ Московскія Былины повсюду перевели эту мѣстность въ Москву (смѣшивая „поле Кучково“): ср. вып. 6-й.—²⁾ Сиповка, сопля, народный и войсковой духовой инструментъ.

«А которыхъ на поле на Куликово-го,
«Кого хочеть казнить, кого вѣшати,
«А съ меня, съ атамана, голову рубить.»

(Записано Языковымъ).

*

2.

(Смарая).

- Во далечѣ, во далечѣ во чистомѣ полѣ,
А ещё того подалѣ во раздольицѣ,
Тутъ на красное солнышко выкаталося:
Выѣзжаетъ-то удалый-добрый молодецъ,
5. Ещё тотъ же стрѣлецкій атаманушка.
Хороша больно на молодцѣ приправушка:
Подъ нимъ добрый конь ровно лютой звѣрь,
Кольчуга-то на молодцѣ серебряная,
Соболина на нёмъ шапка до могучихъ плечъ,
10. На нёмъ тугій лукъ какъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Калены стрѣлы какъ часты звѣзды.
Онъ и держитъ путь-дороженьку въ каменну Москву,
Онъ и горы и долы въ перескочъ скакаль,
Темные лѣсы между ногъ пускаль,
15. Быстрыя рѣки перепрыгиваль.
- Возѣзжаетъ онъ во матушку каменну Москву,
Приѣзжаетъ ко дворечушку ко судареву.
Караульщикова онъ не спрашиваль,
Приворотничкамъ не билъ челомъ,
20. Онъ и бьетъ своего добра коня—не жалуеть,
Его добрый конь осержается,
Отъ сырой мати-земли отдѣляется,
Перепрыгиваль онъ стѣнушку бѣлокаменну;
Подѣзжаетъ онъ ко крылечушку ко судареву.
25. Воскрикнетъ онъ—возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
«Во всеѣ Руси царь, Петръ, сударь, Лексѣевичъ!
«Ты за что про что на насъ, сударь, прогнѣвался,

- «Ты за что нашъ зеленый садъ хочешь выжечь—вырубить,
 30. «Всѣ и вѣтвицы—кореньицы повысушить?
 «Не можно ли тебѣ, сударь, насъ стрѣльцовъ простить?
 «Мы возьмемъ тебѣ городъ, какой надобно,
 «Безъ свинцу—то мы—безъ пороху сударева,
 «Мы безъ ружеецъ, безъ сабелекъ безъ вострыихъ,
 35. «Мы возьмемъ тебѣ городъ своей грудью бѣлою.»
 Выходилъ—то тутъ батюшка православный царь,
 Во однихъ—то онъ чулочкахъ, онъ, безъ чоботовъ,
 Во одной—то онъ сорочкѣ, онъ, безъ панцировъ;
 Воскричить—то онъ—возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
 40. —Охъ ты гой, стрѣлецкой атаманушка!
 —Ужъ и вотъ—то я съ боярами подумаю,
 —Съ сенаторами съ федьмаршалами перевѣдаю.—
 Ужъ возговорить тутъ стрѣлецкой атаманушка:
 «Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
 45. «Во всеѣ Руси царь, Петръ, сударь, Лексѣевич!
 «Въ глазахъ ты меня, сударь, обманывашь:
 «Не видать тебѣ меня у себя ¹⁾ въ дворцѣ!»

- Онъ и бьетъ своего добра коня—не жалуется,
 Его добрый конь осержается,
 50. Отъ сырой мати—земли отдѣляется,
 Переирыгивать онъ стѣнушку бѣлокаменну,
 Онъ и держитъ путь—дорожку во далече во чисто поле;
 Возѣзжаетъ онъ во стрѣлецкую армеюшку,
 Воскричить—то онъ—возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
 55. «Охъ вы гой еси, стрѣлецкія головушки!
 «Еще хочеть насъ православный царь всѣхъ жаловать,
 «Жаловать хоромами, хоромами высокими,—
 «Двумя столбами дубовыми
 «И петлями шелковыми!»

(Языковъ).

*

¹⁾ Это дурно записано и вѣроятно подправлено.

3.

- Дотолѣва зѣлень ¹⁾ садъ зѣлень стояль:
 А нонче зѣлень садъ присохъ—приблѣкъ,
 Присохъ—приблѣкъ, къ землѣ прилѣгъ,
 Приуныли въ садочкѣ вольны птишечки,
 5. Всѣ горькія кукушечки.

- На зарѣ было на утренней,
 На восходѣ солнца краснаго,
 Государь—царь по дворцу гуляль,
 Онъ въ однихъ чулкахъ безъ чоботовъ,
 10. Тоненькій сосямчикъ ²⁾ на спашечку.
 На всѣ сторонки обзирался:
 Никто нейдетъ къ Бѣлу царю съ повинной,
 Ни князя, ни бояре, ни сильны могучи богатыри:
 Только одинъ изъ нихъ пошолъ добрый молодець,
 15. По имени Иванушка Ивановичъ,
 Стрѣлецкій атаманушка.
 Несеть съ собой топоръ и плаху.
 Подходилъ онъ къ Бѣлу царю близѣхонько,
 Кланялся Бѣлу царю низѣхонько,
 20. Рѣчь возговорилъ добрый молодець Бѣлу царю:
 «Гой ты, гой еси, батюшка, православный царь!
 «Не прикажи казнить, прикажи слово молвити:
 «Никто нейдетъ къ тебѣ, къ Бѣлу царю, съ повинною,
 «Только я пришолъ къ тебѣ съ повинною,
 25. «Принесъ съ собой топоръ и плаху.»
 Рѣчь возговоритъ православный царь:
 —Да Богъ проститъ тѣ за всѣ вины, да и я прощу!—

Послалъ въ силу—ратію ³⁾ посланника,
 Шла бы шла ратія къ Бѣлу царю съ повинною:

¹⁾ Зеленый.—²⁾ *Осямъ* (ознять, ознимать) то же, что *зипуиъ* (спять, за-
 пать, запинать), сначала на застежкахъ, потомъ запашной полный кафтанъ
 халатомъ; частице *зипуиъ*—застежкою, *осямъ* запискою.—³⁾ Рать.

30. Опять никто нейдетъ къ Бѣлу царю съ повинною.

На то же православный царь осержался,
Приказалъ ихъ всѣхъ казнить-вѣшать.

(Кир.).

Сравните Ивана Ивановича ниже, въ Козакахъ.

*

4.

(Съ Урала).

Тонко-звонко во Успенскій большой колоколъ ударили.

- У крыльца-крыльца было параднаго,
Стоялъ тутъ стрѣлецкій атаманушка:
Во правѣй рукѣ держитъ коня добраго,
5. Соболиную шапочку подъ пазушкой.
Со крыльца идетъ надежа православный царь,
Въ одномъ ситцевомъ халатѣ на распашечку,
Въ однихъ шолковыхъ чулочкахъ и безъ туфелекъ.
Какъ возговоритъ стрѣлецкій атаманушка:
10. «Охъ ты гой еси, надежа, православный царь!
«Не возможно-ли насъ, батюшка, стрѣльцовъ простить?»
Что возговоритъ надежа православный царь:
—Охъ ты гой еси, стрѣлецкій атаманушка!
—Поѣзжай ты скоро во Слободы Стрѣлецкія,
15. —И я тамъ буду кого любить, кого жаловать,
—И кого буду казнить и вѣшать.—
Еще тутъ-то стрѣлецкій атаманушка призадумался:
Подогнулись у стрѣльца рѣзвы ноженьки,
И опустилися бѣлы рученьки,
20. И выпадаетъ изъ рукъ шапочка.

(Отъ В. И. Дала).

* *

Казнь Князя, Большаго Боярина, Атамана Стрѣ-
лецкаго.

1.

- Изъ Кремля—Кремлю, крѣпка гѣрода,
Отъ дворца—дворца государева,
Что до самой ли Красной Площади,
Пролегала тутъ широкая дороженька.
5. Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра молодца, Большаго Барина ¹⁾,
Что Большаго Барина, атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ царскаго Величества ²⁾.
10. Онъ идетъ ли молодець—не остушается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается,
Что и тутъ царю не покоряется ³⁾.
Передъ нимъ идетъ грозѣнъ палачъ,
Во рукахъ несетъ остѣръ топоръ,
15. А за нимъ идутъ отецъ и мать,
Отецъ и мѣть, молода жена;
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдають, какъ ручьи шумять,
Въ возрыданъѣ выговаривають ⁴⁾:
20. «Ты дитя ли наше милое!
«Покорнся ты самому царю,
«Принеси свою повинную,

¹⁾ Въ другихъ „боярина.“—²⁾ *Дмитр.* „къ отечеству.“—³⁾ *Дмитр.* „И въ измѣнѣ не кантса.“—⁴⁾ Въ изд. *Якушкина*, 1865 г. (записано А. А. Грѣгорьевымъ у Цыганъ):

Позади пять отецъ съ матерію,
Отецъ съ матерію, молодая жена.
Отецъ—мать во слезахъ слово молвилъ.—*Дмитр.* „Они взыдъ
говорятъ ему.“

«Авось тебя государь-царь пожалуетъ ¹⁾,
 «Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ.»»

25. Каменѣетъ сердце молодецкое ²⁾,
 Онъ противится царю, упрямствуеетъ,
 Отца-матери не слушаетъ,
 Надъ молодой женой не сжалится,
 О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуеетъ.
30. Привели его на Площадь Красную,
 Отрубили буйну голову,
 Что по самы могучи плечи ³⁾.

(Песенникъ Чулковскій и Новяковскій; Дмитрева и др.).

Конецъ пѣсни явно подправленъ.

*

¹⁾ Въ другихъ:

Авось тебя Богъ помилуетъ,
 Государь-царь пожалуетъ.

Якушк.:

Царю Бѣлому, Петру Первому,
 Принеси ты головушку повинную;
 Авось тебя тогда Господь-Богъ помилуетъ,
 Государь-царь тебя пожалуетъ.

²⁾ За нимъ *Якушк.:*

Добрый молодецъ отца-матери не слушаетъ,
 Надъ молодой женой насмѣхается,
 О милыхъ дѣтяхъ не болѣзнуеетъ,
 Что и тутъ онъ царю не покоряется.

³⁾ *Дмитр.* разбавлено:

Сердце въ немъ было каменю,
 Не внималъ отцу съ матерью,
 Не тужилъ о женѣ своей,
 Не вздыхалъ о сироточкахъ
 И царю не покорствовалъ.
 Привели его на площадь,
 Не успѣлъ народъ воззрѣться...
 Отхватилъ палачъ молодцу
 Въ одинъ разъ буйну голову
 По его могучи плеча.

2.

- Голова ль ты моя, головушка,
 Голова моя послуживая!
 Послужила моя головушка
 Ровно тридцать лѣтъ и три года,
 5. Со добра кони не слѣзаючи,
 Изъ стремянъ ногъ не внимаючи.
 Ахъ, не выслужила головушка
 Ни корысти себѣ, ни радости,
 Какъ ни слова себѣ добраго ¹⁾,
 10. И ни рангу себѣ высокаго ²⁾:
 Только выслужила головушка
 Два столбика высокіе,
 Перекладинку кленовую,
 Еще петельку шелковую.
15. По Мясницкой славной улицѣ,
 За Мясницкими за воротами,
 Ведутъ князя-боярина.
 Передъ нимъ идутъ поны, дьяконы,
 Во рукахъ несутъ большу книгу,
 20. А за нимъ идетъ солдатъ рота,
 На голоѣ несутъ шпаги ³⁾ острыя;
 А по правую по сторонушку
 Идетъ его грозной палачъ,
 Во рукахъ несетъ саблю острую ⁴⁾:
 25. А по лѣвую по сторонушку,
 Тутъ идетъ его родна сестра;
 Она плачетъ, что рѣка льется,

¹⁾ Начиная съ Данила Заточника, чрезъ всю нашу древнюю Словесность до пословицъ, повторяются эти выраженія.—²⁾ Сахаровъ подправилъ: „И ни славы высокія.“—³⁾ Сахаровъ подправилъ: „стрѣльцовъ рота;“ „бердыши.“—⁴⁾ Сахар. „топоръ широкій.“

Возрыдаеть, какъ ручьи текутъ.

Унимаеть ее рѳднѳй братъ:

30. «Ты не плачь, не плачь, родна сестра.
«Не слези свои очи ясныя,
«Не руди ¹⁾ своего лица бѳлаго,
«Не надсажай своего сердца ретиваго.
«Какъ чего же тебѳ хочеться:
35. «Иль помѳстій моихъ, иль вотчины,
«Иль имѳнїя тебѳ—богатства ²⁾,
«Или злата, или сѳребра,
«Иль моего тебѳ здоровьїца?»
—Ахъ ты свѳтъ же, мой любезной братъ!
40. —Ничего—то мнѳ не хочеться,
—Ни помѳстій твоихъ, ни вотчинъ,
—Ни имѳнїй твоихъ—богатства,
—Ни злата, ни сребра:
—Ужъ какъ только мнѳ, братецъ, хочеться,
45. —Твоего, сударь, здоровьїца.—
Да что взговорить родимой братъ:
«И ты свѳтъ, моя родна сестра!
«Тебѳ плакать,—не выплакать,
«Молить Бога,—не вымолить,
50. «У царя просить,—не выпросить.
«И такъ меня Богъ помиловать,
«Государь—царь пожаловалъ:
«Велѳлъ срубить буйну голову
«По мои плеча могучїя.»
55. Какъ взвели князя на срубъ высокъ.
На его мѳсто показанно;
Онъ молился Спасу—чудному ³⁾ образу.
Онъ на всѳ стороны ⁴⁾ низко кланялся:

¹⁾ Не кровавь или не марай.—²⁾ По складу—„богатства;“ въ другихъ „богатаго.“—³⁾ Въ другихъ „образу“ отброшено.—Это на Спасской башнѳ, Красной Площади.—⁴⁾ Въ другихъ: „Онъ кругомъ всѳмъ.“

- «Ахъ прости, прости, мѣръ и народъ ¹⁾ Божій!
 60. «Помолитесь за мои грѣхи,
 «За мои грѣхи тяжкіе.»
 Не усибѣлъ народъ лишь взбѣрнн,
 Какъ отсѣкли буйну голову
 По его плечи могучія.

(Оттуда же).

*

3.

- Изъ Кремля-Кремля, крѣпка города,
 Отъ дворца-дворца государева,
 Что до самой ли Красной Площади
 Пролегала тутъ путь-дороженька.
 5. А по той ли по дороженькѣ,
 Ахъ, казнить вели добра молодца,
 Добра молодца, знатна барина,
 Что главнѣйшаго атамана, де,
 Атамана, де, слышь, стрѣлцакаго,
 10. За измѣну, де, клятвы въ вѣрности,
 Клятвы въ вѣрности царю Русскому,
 Царю Русскому и Московскому ²⁾.
 Молодецъ идетъ—не оступится,
 Не оступится, не посупится:
 15. Онъ на всѣхъ людей озирается,
 Видомъ гордымъ такъ всѣмъ доказывать,
 Что и тутъ царю нѣтъ повинности.
 Передъ нимъ идетъ злой грозень палачъ,
 Онъ въ рукахъ несѣтъ страхъ-остѣръ топоръ;
 20. А за нимъ идутъ отецъ съ матерью
 Того добраго удѣль-мѣлодца,
 Удѣль-мѣлодца, знатна барина;

¹⁾ Ошибка вмѣсто „мѣръ-народъ.“

²⁾ До того доходили исправленія:

- А за матерью шла млада жена,
Его вѣрная сердцу милая.
25. Они плакавъ всё, горько всхлипываютъ,
Слезы горькія какъ рѣкой текутъ,
А рыданья ихъ, какъ ручей шумить,
Ихъ кручина зла обуяла всёхъ,
Имъ надежды нѣтъ упросить царя,
30. Царя грознаго, справедливаго;
Безнадежные жь приговоривутъ:
«Ты дитя, дитя ль, дитя милое!
«Покорися самъ предъ царемъ своимъ,
«Ты пади предъ нимъ, поклонись ему,
35. «Повинись ему во повинности,—
«Милосерды всё цари Русскіе,
«Наказавъ они и пожалуютъ,
«Отдадутъ тебѣ честь и жизнь твою,
«Не лишишь ты насъ собой радости,
40. «Не оставишь насъ сиротами здѣсь.»
Сердце каменно молодецкое
Леденѣтъ лишь да упорствуешь,
На царя дышетъ злобой дерзкою,
Злобой дерзкою, богомерзкою.
45. Молодецъ отца не послушался,
Не тронулся онъ воплемъ матери,
Надъ женой своей онъ не сжалился,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуешь,
Шедши съ гордостью усмѣхается.
50. Привели его къ Красной Площади,—
И буйна глава непокорнаго
Отдѣлилася отъ могучихъ плечь.

(Нашивая романтическую передѣлку къ „Русскомъ національномъ пѣснопѣніи.“ — Слѣдующія за сими передѣлки, забывшія известное лицо и обратившія князя-боярину-атамана въ простаго „добраго молодца“ или остановившіяся уже надъ казненнымъ, принадлежатъ къ дальнѣйшимъ судьбамъ пѣсни среди самаго народа).

* *

I.

- Ты змѣйка, скоропейка ¹⁾, змѣя лютая!
 Изъ норы ты, змѣя, ползешь—озираешься,
 По песку ползешь—извиваешься,
 По травѣ ты ползешь—всю траву сушишь;
 5. Изсушила въ полѣ всю травушку,
 Да всю травушку, всю муравушку,
 Всѣ цвѣточки, всѣ лазоревые ²⁾.
 Ты душа ль, душа красна дѣвица!
 Изсушила ты добра молодца,
 10. Какъ былиночку въ ³⁾ чистомъ полѣ,
 Довела его ты до погібѣли,
 Что до той ли темной тѣмницы.

- Что изъ славнаго села Преображенскаго,
 Изъ того Приказу государева,
 15. Что вели казнить добраго молодца,

¹⁾ Скорпионъ; Сахаровъ, не понявши, по обычаю исправилъ „скорослѣйка“ и, не смотря на то, что творческій сей образъ выражаетъ свидѣющую грусть, по другимъ образцамъ угрызающую совѣсть преступника, по инымъ изъву несчастной любви, наконецъ и саму „погубительницу дѣвицу,“—напротивъ сочинилъ изъ этого жену (рядомъ съ полк бовницею!), а все начало изложилъ такими затѣйливыми стихами:

У меня ли, молодца, змѣя жена,
 Змѣя жена, ладо (какъ это гармонируетъ со скорпиономъ!) скорослѣйка.

Моя-то змѣя изъ норы ползеть, озирается,
 По песку ползеть, извивается,
 По травѣ ли ползеть, всю траву сушить;
 Изсушила моя лада и травушку,
 Да что травушку, муравушку.

²⁾ Таково, можно думать, было вступленіе Бызевой пѣсни „Изъ Кремля-Кремля, крѣпка города,“ когда она не перешла еще, отъ историческаго князя, къ простому „молодцу“ и „дѣвицѣ;“ потому что начало окрѣпло лишь при пѣснѣ Безьямянной.—³⁾ Въ другихъ „во“.

- Что казнить его—повѣснн.
- Его бѣлыя руки и ноги скованы ¹⁾.
- По правую руку идетъ страшнѣ палачъ,
По лѣвую идетъ его мать рѣдная.
20. Позади идетъ красная дѣвица,
Его милая полюбовница,
Что зазноба, его рѣтивѣ сердца,
Погубительница живота его.

(Самая распространенная пѣсня; ср. пѣсенникъ Чулковскій, Новиковскій и другіе).

* *

б.

- Голова ль ты моя, головушка.
Голова ль ты моя молодецкая!
До чего тебѣ дошататися,
По всему ли свѣту бѣлому,
5. По всему ли царству Московскому?

- Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
На Мясницкой славной улицѣ,
У кружала государева ¹⁾:
10. Какъ лежитъ убить добрый молодецъ,
Онъ бѣлымъ лицомъ ко сырѣй землѣ,

¹⁾ По другимъ: „Его бѣлыя руки связаны, Его скорыя ноги скованы.“

¹⁾ За обводъ Города, туда, гдѣ приходились (и нынѣ называются) ворота, на примѣръ Мясницкія или Петровскія, вынесены были „кружала, государевы,“—шатеръ съ питьями, а старше народные круги для гульбищъ, хоровадовъ и—тутъ же публичной казни; пѣсня отъ исторической казни перешла уже просто къ пропавшемуся молодцу и, кажется, съ Красной Площади въ Бѣлыя городъ.

- Растрепавъ ¹⁾ свои кудри черные.
 Разметавъ ¹⁾ свои руки бѣлыя,
 Протянувши ¹⁾ ноги скорыя.
 15. Что ни ласточка—ни косаточка
 Вкругъ теплѣ гнѣзда увивалася,
 Увивалася его родная матушка.
 Причитавши сію рѣчь промовила ²⁾:
 «Я давно тебѣ, сынъ, говорила,—
 20. «Не ходитъ было по чужимъ дворамъ,
 «По чужимъ дворамъ, по чужимъ женамъ!»

(Ср. пѣсенникъ Шнора, изд. 2, Спб., 1791, и „Русск. национ. пѣснопѣніе“).

* * *

Творчествомъ связанная съ сими казнь князя Долгорукаго вѣроятно имѣла подлѣйшее историческое происхожденіе и потому пѣсня о ней помѣщена будетъ послѣ.

Обратная сторона казней и милость царя нашла себѣ выраженіе въ другомъ отдѣлѣ подобныхъ пѣсней (ср. ниже „Замѣтку“):

III.

Правежь.

1.

- У насъ было, братцы, на святой Русѣ,
 На святой Русѣ, въ каменной Москвѣ,
 Стояла тутъ палата бѣлокаменна.
 Къ той палатѣ бѣлокаменной
 3. Свѣзжались князья со боярами,
 Всѣ сенаторы Московскіе,

¹⁾ Первоначально, разумѣется, было: „растрепаль“, „разметаль“, „протянуль.“—²⁾ Народная рѣчь подправлена на письмѣ.

- Грозные воеводы губернские.
 Изъ той ли палаты бѣлокаменной
 Выводятъ бѣсаго добраго молодца,
 10. Въ одной сорочкѣ безъ пояса,
 Въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ;
 Становятъ его на бѣль-горючъ камень;
 Стали его судить-допрашивать:
 «Ты скажи, не утанвай, добрый молодець:
 15. «Ты съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ.
 «Ты съ кѣмъ разбивалъ золоту казну.
 «Того монастыря Румянцева?»»

(Вир.; не кончено).

*

2.

(Въ Сѣвннѣй Губѣ, Олон. губ.).

- А ходилъ-гулялъ добрый молодець по чисту полю,
 Искалъ себѣ поединщичковъ,
 И находилъ во чистомъ полѣ:
 Сидятъ шестьдесятъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ
 5. И подбѣляютъ ёмы золоту казну.
 И приходитъ этотъ дородннй-добрый молодець,
 Самъ говорить таковы слова:
 «Ай же вы, удалы-дородни-добры молодцы!
 «Дайте мнѣ-ка-ва золотой казны
 10. «Хоть малый жеребеечекъ?»
 И проговорятъ всѣ удалы-добры молодцы:
 «Голечёкъ ты, удаленькнй молодець!
 «Не можешь нажить себѣ золотой казны!
 «А не дадимъ тебѣ малаго жеребеечка,
 15. «А не дадимъ тебѣ и трехъ рублей,
 «А не дадимъ тебѣ и трехъ алтынѣ!»
 Показалось ему это слово

- За досаду, за обиду за великую.
Ухватилъ черленый вязъ
20. И ударилъ черленымъ вязомъ по сырой землѣ:
Отъ того удара богатырскаго
Мать сыра земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбѣгалися,
25. И оставили ѣны золоту казну.
Взялъ удалый-добрый молодецъ золоту казну
И понесъ въ каменну Москву.

- Приходить въ каменну Москву на царевъ кабакъ.
И купилъ-бралъ зелена вина,
30. Самъ говорилъ таковы слова:
«А пейте, братцы, зелена вина!
«Не пропить моей золотой казны:
«Есть у меня золотой казны сорокъ тысячей.»
И пригодилися служки монастырскія,
35. И доносили его царскому величеству.
И вводятъ этого удалаго-добра молодца,
И сталъ царь его допрашивати:
—Скажи, скажи, удалый-дородній-добрый молодецъ:
—Былъ ли ты красть монастыря Румянцева
40. —И былъ ли ты нести золотой казны?—
Говоритъ удалый-добрый молодецъ:
«Ай же ты, царь Петръ Алексіевичъ!
«А не былъ я красть монастыря Румянцева
«И не былъ я нести золотой казны.
45. «А ходилъ-гулялъ по чисту полю
«И находилъ во чистомъ полѣ
«Шестидесять удалыхъ-добрыхъ молодецвъ,
«И подѣляютъ ѣны золоту казну,
«И золотой казны сорокъ тысячей;
50. «И просилъ я у нихъ золотой казны
«Хотя малаго жеребеечка.
«А ѣны говорятъ, удалые молодцы:

- «—Голечёкъ ты, удаленькій молодець!
 «—Не можешь нажить себѣ золотой казны!
55. «—А не дадимъ тебѣ малаго жеребечка,
 «—А не дадимъ тебѣ и трехъ рублей,
 «—А не дадимъ тебѣ и трехъ алтынъ!—
 «Показалось мнѣ это слово
 «За досаду за обиду за великую;
60. «Ухватилъ я черленый вязъ
 «И ударилъ черленнымъ вязомъ по сырой землѣ:
 «Отъ того удара богатырскаго
 «Мать сыра земля сколыбалася,
 «А добры молодцы испугалися,
65. «По чисту полю разбѣгалися,
 «И оставляли ѣны золоту казну.»
 Проговорить его царское величество:
 —Ай же ты, удалый—дородный—добрый молодець!
 —Ходи—гуляй по чисту полю
70. —И стой за вѣру христіанскую!—

(Отъ Козьмы Романова; записано 13 Янв. 1861 г.; ср. сборн. Рыбник. т. II, № 42).

*

3.

(Село Павлово, Нижегород. губ.).

- Били добраго мѡлодца на правекѣ;
 На жемчужнымъ перекрѣстычкѣ,
 Во морозы во Хрепшенскіе,
 Во два прутышка желѣзные.
5. Онъ стоитъ, удалинкой,—не тряхнетса
 И русы кудри не шолохнутса:
 Только горячі слезы изъ глазъ катятса.
- Наѣжжаетъ къ нему православный царь,
 Православный царь Петръ Алексѣевичь.

10. Не золотая трубынка вострубила,
 Не серебряна сиповычка возыграла,
 Тутъ возговорить царь Петръ Алексѣвичъ:
 «Вы за што добротнаго казните,
 «Бьете-казните казнью смертною?»
15. Тутъ возговорять мужики приходскіе ¹⁾:
 «Ужь ты гой еси, православный царь,
 «Царь Петръ Алексѣвичъ!
 «Мы за то ёво бьемъ-казнѣмъ,—
 «Онъ покралъ у насъ Николу-ту Можайскаго
20. «И унесъ казны сорокъ тысячей.»»
 Тутъ возговорить добрый молодець:
 —Ужь ты гой еси, православный царь,
 —Православный государь Петръ Алексѣвичъ!
 —Не вели меня за слово казнити-вѣшати,
25. —Прикажи мнѣ слово молыти,
 —Мнѣ сея, добра молодца, поправити:
 —Не я покралъ у нихъ Николу-ту Можайскаго
 —И не я унесъ у него золоту казну,
 —А покрали ёво мужики кашилы ²⁾.
30. —Только лучилося мнѣ, доброму молодцу,
 —Это дѣло самому видѣти.
 —Гулялъ я, молодець, по бережку,
 —На жолтымъ песку, при мелкимъ лѣску,
 —И увидѣлъ, што онѣ дѣлятъ казну,
35. —Не шшитаючи дѣлятъ, отгребаючи;
 —У меня, у молодца, серцо разгорѣлося,
 —Молодецка кровь раскипѣласа:
 —Ломалъ я, молодчикъ, мотовилочку ³⁾ дубовую,
 —Перебилъ я мужиковъ до полу-смерти,
40. —Иныхъ-прочихъ чуть живыхъ пустылъ.
 —И взялъ я у нихъ золоту казну,

¹⁾ Члены приходской общины, церковнаго прихода.—²⁾ Коробейники, перехожіе торговцы.—Кашильцы?—³⁾ Костыль съ развилиною; въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ ошибочно „мостовничку.“

—Взявши казну, сталъ перешитывать:
—Нашшитель казны сорокъ тысячей.—

- Туть не зóлота трубынька вострѣбила,
45. Не серебряна сиповычка возыграла,
Какъ возгóворить надѣжа православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевич:
«Ты куда такову казну дѣвалъ?»
Туть возгóворить добрый молодець:
50. —Ужь ты гой еси, православный царь,
—Православный царь Петръ Алексѣевич!
—Прогулялъ я во кружалѣ
—Со голыдьбою со кабацкою!—

(Запис. свид. Озворскихъ; ср. Изв. А. Н., т. I; у насъ выпускъ 6, стр. 194 и далѣе;
вып. 7-й, стр. 53 и дал.).

* *

Слѣдующая пѣсня перешла уже отсюда въ простую Безымянную:

4.

- Ахъ ты сердце мое, сердце молодецкое,
Крѣпче твердаго булата, крѣпче камени ¹⁾!
Ты *трепещешь повсечасно* во бѣломъ тѣлѣ,
А доселѣ не вѣщало, не сказывало,
5. Что быть доброму дѣтинѣ во поиманьѣ,
Что рукамъ его *моучимъ быти связаннымъ*,
Что ногамъ его проворнымъ быти скованнымъ,
Что сидѣтъ ему, дѣтинѣ, въ темной тѣмницѣ
За запоромъ *и рѣшоткой за желѣзными*.
10. Ахъ, мнѣ завтра ²⁾ горемыкѣ во допросѣ быть,

¹⁾ Въ другихъ: „каменя.“—²⁾ „завтрѣ.“

Передъ грознымъ судією, предъ самимъ царемъ.
 Станетъ царь нашъ *правосудный* меня спрашивать:
 «Ты скажи, скажи, дѣтинка, добрый молодець ¹⁾,
 «Повинись мнѣ, съ кѣмъ ты грабилъ, съ кѣмъ разбой
 держалъ?»»

15. «Донесу я, государь ²⁾, со всей истинной:
 «Воровали—разбивали со мной четверо,—
 «Первый другъ мнѣ и товарищъ былъ мой добрый конь,
 «А по немъ второй товарищъ мой булатный ножъ,
 «На посылку же послати ³⁾ калены стрѣлы,
 20. «Куда я ихъ посылаю, туда самъ нейду.»
 «Исполать тебѣ,» царь скажетъ, «добрый молодець!
 «*Надлежитъ* тебя дѣтину мнѣ пожаловать:
 «Что высокими хоромами ⁴⁾ въ чистомъ полѣ,
 «На двухъ столбикахъ дубовыхъ съ перекладиной,
 25. «Съ перекладиной кленовой и со петлею ⁵⁾.»»

(Пѣсенникъ *Дмитріева* и другіе; помимо письменной поправки, обозначенной здѣсь, гдѣ слишкомъ явно, курсивомъ, повторяется на разные лады въ дальѣйшихъ пѣсняхъ Безъмяныхъ и оживаетъ въ знаменитой пѣснѣ Ваньки Каина, о чемъ ниже).

* * *

---

¹⁾ „дѣтинушка, крестьянской сынъ.“—²⁾ „государю.“ — ³⁾ „На посылку посылаю я.“—⁴⁾ „высокою полатою.“—⁵⁾ „вязовой и съ петлицею.“

IV.

Государь борется съ драгуномъ.

1.

(Съ Ураза).

- У дворца—дворца было государева,
 У того крыльца у Крашенова ¹⁾,
 Стоялъ тутъ раздвѣжной стулъ,
 На стулу сидитъ православный царь,
 5. Православный царь Петръ Алексѣевичъ;
 Передъ нимъ стоятъ князья—баре.
 Рѣчь возговорилъ православный царь:
 «Ой вы гой еси, князья—бояре!
 «Нѣтъ ли изъ васъ охотничка
 10. «Со Бѣлымъ царемъ поборотися,
 «За прокладъ ²⁾ царя потѣшити?»
 Всѣ князья—бояре испужалися,
 По палатушкамъ разбѣжалися.
 Передъ нимъ стоитъ молодой драгунъ,
 15. Молодой драгунъ лѣтъ пятнадцати;
 Рѣчь возговорить онъ Бѣлу царю:
 —Гой ты, гой еси, православный царь,
 —Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
 —Не прикажи ты меня казнить—вѣшать,
 20. —Прикажи мнѣ слово молвити,
 —Слово молвити, рѣчь возговорити:
 —Я охотничекъ съ тобой, со Бѣлымъ царемъ, поборотися,
 —За прокладъ царя потѣшити.—

---

¹⁾ Краснаго.—²⁾ Скуки ради, для удовольствія и отдыха (прохлады), чтобъ провести время (откуда „про-клада“).

- «Когда поборешь ты меня, молодой драгунъ,—милую тебя,
 25. «А я поборю,—казнить буду тебя.»
 Рѣчь возговорилъ молодой драгунъ:
 —Есть воля Божья и твоя царѣва.—

- Подпоясывалъ православный царь шелковъ кушакъ,
 Выходили они, съ молодымъ драгуномъ, сухваталися.
 30. Рѣчь возговорилъ ему молодой драгунъ,
 Бѣлу царю Петръ-Алексѣвичу:
 —Гой ты батюшка, православный царь,
 —Православный царь Петръ Алексѣвичъ!
 —Да я тебя, православнаго царя, побороть хочу ¹⁾!—
 35. Лѣвой рукой молодой драгунъ побарывалъ,
 Правой рукой молодой драгунъ подхватывалъ,—
 Не пушалъ царя на сыру землю.
 Рѣчь возговорилъ православный царь:
 «Сполать ²⁾ тебѣ, драгунъ, боротися!»
 40. Подходилъ къ нему молодой драгунъ близѣхонько:
 —Гой ты, гой еси, батюшка православный царь,
 —Православный царь Петръ Алексѣвичъ!
 —Не погнѣвайся на мое бороньце.—
 «Благодарю тебя, молодой драгунъ, за бороньце!»
 45. «Чѣмъ тебѣ, молодой драгунъ, дарить-жаловать:
 «Сслами ли те—деревьями,
 «Али те золотой казной?»
 —Не надо мнѣ ни селовъ, ни деревневъ,
 —Ни матушки золотой казны:
 50. —Дай ты мнѣ безденежно
 —По царевымъ кабакамъ вино пить.—

(Отъ В. И. Дала; связь сего съ ближайшими отдѣлами см. ниже въ „Замѣткѣ“).

* * *

¹⁾ Передъ тѣмъ, какъ повалить: смотри-ка, сей-часъ повалю тебя!—²⁾ Исполать, спасибо, молодець: съ греческаго „ис полла эти“, на многа лѣта (= спася Богъ), которое слышалось постоянно въ церкви и удержалось особенно благодаря близости къ народному (столь же однако иностранному, но древнѣйшему) „исполнѣ“, „сполнѣ“, богатырь, молодець.

V.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

1.

(Воронежскій уѣздъ).

- Какъ ни куликъ по болотамъ куликаеть ¹⁾:
 То князь Голицынъ по лугамъ гуляетъ
 Со своими со стрѣleckими полками.
 Онъ думаетъ, князь,—гадаетъ,
 б. Про все размышляетъ:
 «Гдѣ бѣ пройти ему—проѣхать?
 «Если подемъ князю ѣхать,
 «Ему будетъ пыльно;
 «По глухимъ дорогамъ ему ѣхать,—
 10. «Будетъ князю стыдно.»
 Вотъ поѣхалъ князь Голицынъ
 На Тверскую заставу.

- У Тверской ли у заставы
 Его окликали:
 15: ««Какъ кто это по дорожкѣ,
 ««Кто изволить ѣхать?»»
 Отвѣчаетъ князь Голицынъ:
 «Здѣшній вашъ начальникъ!»

---

¹⁾ Кромѣ своей фигуры и манеры, *куликъ*, благодаря связи своего имени съ древне-праздничными, обрядовыми и торжественными—*куличь*, *колячъ* и т. п., далъ свое имя длиннымъ поѣздамъ колядскимъ и масляничнымъ (гусемъ, „куликомъ“—говорятъ Поляки и Бѣлоруссы), гордымъ выступаемъ (медленнымъ, подъемнымъ шагомъ), потѣхамъ и дикованью („куликаеть“), даже длинному, разгорѣвшемуся отъ праздника, носу и т. д.

- Подъѣзжаетъ князь Голицынъ
 20. Къ Казанску собору:
 Скидаваетъ князь Голицынъ
 Шапочку соболью,
 Полагаетъ князь Голицынъ
 Три поклона въ землю;
 25. Помолвившись, князь Голицынъ
 Во Кремль-городъ ѣдетъ.

- Какъ подъѣхалъ князь Голицынъ
 Ко Кремлевскимъ палатамъ,
 Какъ и вышла-та ему на встрѣчу
 30. Матушка царевна,
 Матушка царевна—Софья Алексѣвна....

(Ср. „Воронежск. Бесѣду“ 1861 г.).

*

2.

(Орловск. губ., у. Малоарханг.).

- Эхъ да ни кулика-тъ ¹⁾, братцы, во чистомъ полѣ ку-
 ликантъ:
 Охъ аль-на ²⁾ молодой князь Голицынъ по лужкамъ гу-
 ляить;
 Юнъ гуляить-разгуляить на ворономъ кѣни,
 Ни одинъ князь гуляить,—съ своими съ полками,
 5. Што съ своими со полками, съ Донскимъ казаками ³⁾.

¹⁾ Произнесенный въ: *куликъ-тъ*; ср. наше изданіе „Болгарскихъ пѣсенъ“ и замѣчанія объ языкѣ.—²⁾ То же, что *ажь ко*, ажь вотъ.—³⁾ Въ этомъ періодѣ пѣсенъ „Донскіе казаки“ постоянно чередуются именованъ со „стрѣльцами“, по своей роли за это время и по сходству положенія, въ чемъ см. ниже при Азовѣ и грозѣ на козаковъ.

Вотъ онъ думать—гадать:

«Гдѣ ему пройтить—проѣхать?

«Если лугомъ князю ѣхать,—лугомъ очень мокро;

«Если лѣсомъ князю ѣхать,—лѣсомъ очень темно;

10. «Вотъ и полямъ князю ѣхать,—черно—пыльно;

«Што Москвою князю ѣхать,—Москвой очень стыдло.»

Вотъ онъ крался, князь,—пробирался улицей Тверскою,

Што и улицей Тверскою, Охотнаймъ Рядомъ ¹⁾.

Подъѣзжають князь Голицынъ близко ко Собору:

15. Скидають князь Голицынъ шапочку соболью,

Вотъ онъ Богу—то молился на всѣ три сторонки,

На четвертую сторонку парю поклонился:

«Здравстуй, царь—государь, съ своими съ полками!»

(Запис. П. В. Якушкинымъ).

*

3.

(Оттуда же, с. Сабурово).

Что ни куликъ куликаегъ:

Ни ²⁾ молоденькій князь Голицынъ по лужку гуляетъ,

Онъ ни одинъ князь гуляетъ, съ своими полками,

Со любезными сы полками, больше съ козаками.

3. Да онъ думаетъ, князь,—гадаетъ,

Про все размышляетъ:

«Вотъ и гдѣ князю Голицыну въ Москву проѣхать?

«Вотъ и полемъ князю ѣхать,—полемъ было пыльно,

«Вотъ и полемъ ѣхать князю,—да всё былья;

¹⁾ Тамъ же, гдѣ Охотный рядъ по нынѣ; дальнѣйшій путь обозначается Казанскимъ Соборомъ и оттуда уже Успенскій.—²⁾ Еще особый видъ отрицательнаго сравненія: съ двойнымъ отрицаніемъ, при обѣихъ половинкахъ.

10. «Вот и лѣсомъ князю ѣхать,—ему было тѣмно;
«Вотъ Москвою ѣхать князю,—ему было стыдно.»
Отъ чего же князю стыдно? Что первый измѣнщикъ.

- Вотъ и ѣхалъ князь Голицынъ улицей Тверскою,
Да все улицей Тверскою, Слободой Ямскою,
15. Слободою все Ямскою, къ новому Собору.
Онъ скидаетъ, князь Голицынъ, шапочку соболью,
Шапочку соболью несетъ онъ съ собою,
Юнъ снялъ, князь Голицынъ, сталъ Богу молиться,
Вотъ и Богу князь помолился, да всѣмъ поклонился:
20. «Ужь ты здрастуй, царь-государь, со своей царицей ¹⁾!
«Ужь ты жалуй, царь, господь разными чинами,
«А меня, князя Голицына, малымъ городочкомъ,
«Да вотъ малымъ городочкомъ,—славнымъ Ярославомъ.»

(Запис. гвизъ же).

*

4.

(Сибирск. губ., Усть-Урень).

- Не куличенка куликаетъ:
Небольшой-то ли ²⁾ князь Голицынъ по лужкамъ гуляетъ.
Онъ думаетъ-гадаетъ: гдѣ въ Москву проѣхать?
«Лѣсомъ князю ѣхать,—очень тѣмно;
3. «А лугами князю ѣхать,—мужичкамъ накладно;
«Косогоромъ князю ѣхать,—очень косогорно;
«Чернобылью князю ѣхать,—очень чернобыльно ³⁾;
«А дорогой большой князю ѣхать,—очень пыльно;

¹⁾ Царевной—Софьеи Алексѣвной.—²⁾ Набольшій (наибольшій), главный изъ „Большихъ“ князей-бояръ.—³⁾ „Быль“ и „чернобыль“ возникла изъ „черпопыльно“, см. № 2.

«А Московю князю ѣхать,—очень стыдно:»

10. У князя есть карета,—худыя лесоры.

«Поворачивай, ребята, глухимъ переулкомъ!»

И подѣзжаетъ князь Голицынъ къ большому собору...

(Окончавъ какъ въ слѣдующемъ образцѣ; запис. П. В. Шейномъ отъ Евр. Полюкова 70 лѣтъ; ср. „Чтения“ 1859).

5.

(Оттуда же).

Не куликъ куликаеть:

Небольшой—то ли самъ князь Голицынъ

Во лужахъ ли гуляетъ;

Не одинъ—то князь гуляетъ,

5. Гуляетъ—то со своими полками,

Да все съ казаками.

Онъ думаетъ—гадаетъ:

«Гдѣ бы въ Москву мнѣ проѣхать?»

Дороженькой князю ѣхать пыльно,

10. Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать очень страшно,

А зелеными лужами ѣхать тонко ¹⁾:

«Я проѣду, князь Голицынъ, на Московскую дорогу.»

И выѣзжаетъ князь Голицынъ на Московскую дорогу,

Подѣзжаетъ князь Голицынъ къ Московскимъ воротамъ,

15. Какъ у князя Голицына худыя лесоры:

Онъ думаетъ князь,—гадаетъ: «какъ Москвой проѣхать?»

Глухимъ переулкомъ, улицей Ямскою,

Улицей Ямскою, дорожкой Тверскою,

Ко Спленскому Собору.

20. Подѣзжаетъ князь Голицынъ ко Спленскому Собору,

Скидаваетъ свою шапочку соболью,

¹⁾ Ошибка вм. тонко, мокро (лугами залитыми).

- И приходитъ князь въ соборную церковь,
Начинаетъ князь Голицынъ Богу молиться;
Помолился князь Голицынъ, всѣмъ низко поклонился,
25. Самому императору поклонился пониже:
«Охъ ты, государь нашъ, императоръ!
«Всѣхъ ты господъ жаловалъ чинами,
«А меня ты ни чѣмъ не пожаловалъ?»
—Жалую тебя, князь Голицынъ, городомъ Ярославля.—

(Отъ ратника Николая Картавенка, лѣтъ 40, запис. тѣмъ же).

*

6.

(Губ. Олонецк., Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость)

- А не куличенька по болоту куликаеть:
Какъ самъ большой князь Голицынъ по дужкамъ гуляетъ,
Не одинъ-то князь ѣздить-гуляетъ,—со полками,
Что со тыма со полками, съ конными егарями.
5. Ужъ какъ думаетъ князь Голицынъ, думаетъ-гадаетъ,
Ужъ какъ думаетъ-гадаетъ, срозмышляетъ:
«Още гдѣ же тутъ мнѣ, князю, гдѣ въ Москву проѣхать?
«Если полюшкомъ ѣхать,—ему очень князю пыльно;
«Если лѣсушкомъ князю ѣхать,—ему очень страшно;
10. «Что болотамы князю ѣхать,—ему было грязно;
«Что Москвою князю ѣхать,—ему было стыдно;
«Что поѣду я, князь Голицынъ, Ямскою-Тверскою,
«Что Ямскою-Тверскою, глухимъ персулкомъ.»
Пріѣзжаетъ-то князь Голицынъ къ Успенскому собору,
15. Скидываетъ-то князь Голицынъ шапочку соболѣю,
Становился онъ, князь, самъ Богу молился,
Онъ молился, на всѣ на четыре на сторонки поклонился,
Поклонился самому государю, всѣхъ ему пониже:

- «Ужь ты здравствуй, нашъ государь императоръ!
 20. «Още жалуешь насъ, государь, малыма чинамы,
 «Още жалуешь насъ, государь, мелкима селамы:
 «Пожалуй-ко, государь, Малымы-Ярославцемъ ¹⁾?»
 — Ты скажи-тко, князь Голицынъ, чѣмъ онъ прилюбился?—
 «Прилюбился мнѣ онъ: стойтъ на прикрасы.»

(Отъ Леонтія Богданова, запис. П. Н. Рыбниковымъ; ср. ч. III).

*

7.

(Тульск. губ. и уѣзда).

- Во лужкахъ-то князь Голицынъ гуляетъ,
 Онъ со тѣми, вѣдь, со полками, всё съ егорями
 Онъ и думаетъ, князь Голицынъ:
 «Гдѣ пройтить лучше,—проѣхать?»
 5. «Дорóгою ѣхать пыльно, а лѣсомъ ѣхать тѣмно.»
 Ёхалъ князь Голицынъ, улицей Тверскою,
 Улицей Тверскою, славною ²⁾ Ямскою,
 Славною Ямскою, глухимъ переулкомъ.
- Подъѣзжаетъ князь Голицынъ прямо ко Собору,
 10. Скидаваетъ князь Голицынъ шапочку соболью;
 Вотъ и сталъ, князь Голицынъ, Богу онъ молиться,
 На всѣ стóроны князь Голицынъ поклонился:
 «Вотъ и здравствуй, государь-царь, съ своею царевной!
 «Вотъ ты жалуешь, государь-царь, князьёвъ и бояревъ,
 15. «Вотъ ты жалуешь, государь-царь, малыми чинами:
 «А ты пожалуй-ко меня, государь-царь, меня городочкомъ,
 «Вотъ и тѣмъ ли же городочкомъ,—Малымъ-Ярославцемъ?»

¹⁾ Вмѣсто: „славнымъ Ярославцемъ.“—²⁾ Вмѣсто: „слободой.“

—Вотъ и чѣмъ же тебѣ, князь Голицынъ, городъ пожа-
зался?—

- «Хорошо Ярославъ городъ построенъ, на рѣчкѣ поставленъ,
20. «Вотъ во томъ ли городочкѣ много зеленыхъ садочковъ,
«Что во тѣхъ ли во садочкахъ гуляютъ дѣвочки,
«Гуляютъ дѣвочки, генеральскія дочки 1).»

(Отъ солдата, изъ показанной мѣстности, записано П. В. Кирѣвскимъ 11 Сент. 1834 г.
въ Новгородѣ).

*

8.

(Моск. губерніи, с. Воронки).

Не куликъ по болотамъ куликаеть:

Молодой князь Голицынъ по лугамъ гуляетъ;
Не одинъ князь гуляетъ,—съ разными со полками,
Со Донскими козаками, еще съ егарями.

5. И онъ думаетъ—гадаетъ:
«Гдѣ пройтить—проѣхать?»
«Ему лѣсомъ ѣхать,—очень тѣмно;
«Мнѣ лугами, князю, ѣхать,—очень было мокро;
«Чистымъ полемъ князю ѣхать,—мужикамъ обидно 2);
10. «А Москвой князю ѣхать,—было стыдно.»
Ужъ поѣхалъ князь Голицынъ улицей Тверскою,
Тверскою—Ямскою, Новой Слободою,
Новой Слободою, глухимъ переулкомъ.

Подъѣзжаетъ князь Голицынъ близко ко Собору,

15. Скидываетъ князь Голицынъ шапочку соболью,
Становился князь Голицынъ на колѣнки,
На колѣнки становился, самъ Богу молился,

1) Видѣнь пѣвецъ—солдатъ.—2) Затопчетъ ниву.

- Богу помолился, царю-государю низко поклонился:
 «Ужь ты здравствуй, государь-царь, со своими боярами,
 20. «Со своими боярами, съ большими князьями,
 «А еще ты, государь-царь, съ голубыми лентами ¹⁾,
 «А еще ты, государь-царь, съ разными полками!
 «Охъ ты батюшка, государь-царь, ты нашъ православный!
 «Ты за чѣмъ, государь-царь, черня-тъ ²⁾ разоряешь?
 25. «Ты за чѣмъ большихъ господъ сподобляешь ³⁾?
 «Ты пожалуй, государь-царь, меня городочкомъ,
 «Не большимъ городочкомъ, Малымъ-Ярославцемъ?»
 —Нѣту, нѣту тебѣ, князю, нѣтъ ни городочка,
 —Ни малаго, ни большаго нѣту Ярославца!—

(Запис. П. В. Квр. Июля 23).

*

9.

(Губ. Калужской, у. Лихвинскаго, дер. Андроновское).

- Ю насъ только вы болоти куликъ куликан:
 Вотъ нашъ да князь Голицинъ сы полкомъ гуляи.
 Думалъ-думалъ князь Голицинъ, думалъ, гдѣ проѣхать?
 «Толька лѣсомъ, только князю, ѣхать лѣсомъ,—очень тѣмно;
 5. «Толька полемъ князю ѣхать,—полемъ очень пыльно;
 «Вотъ Москвою князю ѣхать,—Москвой очень стыдно.»
 Толька ѣхалъ князь Голицинъ, ѣхалъ все провулками,
 Все провулками-заковулками, низли ⁴⁾ въ Москву ѣхать.

- Подъѣзжаютъ князь Голицинъ къ цареву къ Собору ⁵⁾,
 10. Юнъ скидаетъ, князь Голицинъ, ѡнъ шапку соболью,

¹⁾ Здѣсь видѣнъ пѣвшій, новаго времени.—²⁾ То же, что „чернь-тъ“ (переходъ ъ въ л, какъ ѡ въ а).—³⁾ Угодны они тебѣ и ты угождашь имъ, по праву, удовлетворишь.—⁴⁾ Нежели, ежели (старинное негли).—⁵⁾ Въ другомъ спискѣ: «къ церкви ко Собору.»

- Ионъ Богу, Богу молился, низко поклонился,
 Низко, низко только поклонился й упалъ ¹⁾ на колѣнка:
 «Южь чѣмъ, государь-царь, чѣмъ жа насъ пожалуешь?»
 —Я пожалую тебе, князь Голицынъ, мелкими деревнями,
 15. —Мелкими деревнями, новыми городами:
 —Они тѣсомъ ни 'бложоны ²⁾, небомъ 'ни ³⁾ покрыты.—

(Занис. Якушк.).

*

10.

(Губ. Орловск. в того же уѣзда).

- Ни куличенька по болоту куликаеть:
 Князь Голицынъ по лужечку гуляетъ;
 Ни одинъ онъ гуляетъ,—съ своими полками,
 Со своими полками, всё съ егарями.
 5. «Думаетъ-гадаетъ: гдѣ въ Москву проѣхать?
 «Полемя князю ѣхать,—чернобыльно;
 «Лужкомъ князю ѣхать,—трава павелика ⁴⁾;
 «Лѣсомъ князю ѣхать,—будеть тѣмно;
 «Большой дорогой князю ѣхать,—будеть пыльно;
 10. «Большой улицей князю ѣхать,—будеть отъ господъ стыд-
 но.»
 Поѣхалъ князь Голицынъ глухимъ переулкомъ.

- Подѣзжаетъ князь Голицынъ къ Успенскому собору,
 Скидаетъ князь Голицынъ шапочку соболью,
 Кладетъ онъ ее передъ собою,
 15. На колѣни князь становился, Богу онъ молился,

¹⁾ И упалъ.—²⁾ Не обложоны.—³⁾ Онп.—⁴⁾ Придumана въ пополненіе къ чернобылю: см. выше.

- Богу онъ молился, царю поклонился:
 «Здравствуй, государь-царь, надежа моя!
 «Чѣмъ ты, государь-царь, господъ жалуешь?»
 —Господъ я жалую чинами, купцовъ жалую городами.—
20. «А меня, государь-царь, жалуй городочкомъ,
 «Жалуй городочкомъ, Малымъ-Ярославцомъ.»
 —Чѣмъ же тебѣ, князь, Ярославъ-городъ показался?
 «Показался мнѣ Ярославъ-городъ садами:
 «Во первомъ во садикѣ гуляли генеральски дочки,
 25. «Во другомъ во садикѣ гуляли купчески дочки.»
 —Я тебя, князь Голицынъ, жалую
 —Двумя столбами съ перекладиной,
 —На шею на твою шелковую петельку.—

(Запис. П. В. Кир.).

*

11.

(Той же губерніи, у. Болховскаго).

- Не куличушки въ полѣ куликами:
 Не ¹⁾ Голицынъ князь по роцѣ гуляетъ;
 Про все думаетъ и гадаетъ, про все размышляетъ:
 «Гдѣ же князю ѣхать, гдѣ ему проѣхать?»
5. «Чистымъ полемъ князю ѣхать,—ему будетъ пыльно;
 «Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать,—ему будетъ темно;
 «Улицею ѣхать,—ему будетъ стыдно;
 «Ужъ и лугомъ князю ѣхать,—трава спавелника.
 «Ужъ и ѣхать ему, не ѣхать,—глухимъ переулкомъ,
 10. «Что глухимъ переулкомъ, улицей Москвою,
 «Улицей Москвою, славною Тверскою.»

Подъѣзжаетъ князь Голицынъ къ церкви ко Собору,
 На колѣннхъ становился, самъ Богу молился ²⁾:

¹⁾ То же двойное отрицаніе при сравненіи, какъ выше.—²⁾ За сямъ должно быть: „Самъ Богу молился, царю поклонился.“

- «Ужь ты батюшка, государь, вся наша надѣжа!
 15. «Ужь ты жаловаль всѣхъ господь всѣми городами:
 «А меня пожалуй однимъ городочкомъ.»
 —Я пожалую тебѣ, воръ собака, во полѣ хоромы,
 —Что въ чистомъ полѣ хоромы, ни крыты, ни мшѣны
 —Ни крыты, ни мшѣны, столбы не твержѣны.—

(Записано и доставлено намъ М. П. Ясичевымъ).

*

12.

(Губ. Московской, с. Ильинское).

- По лужкамъ князь Голицынъ гуляетъ,
 Не одинъ—то князь гуляетъ, съ своими полками,
 Съ своими полками, ещё егарями.
 Думаль—думаль князь Голицынъ, гдѣ лучше проѣхать?
 5. «Ужь и полемъ князю ѣхать,—ему пыльно;
 «Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать было страшно;
 «А дорогою князю ѣхать было стыдно.»
 Ужь поѣхалъ князь Голицынъ переулкомъ.
 Подъѣзжалъ—то князь Голицынъ ко Собору,
 10. Скидовалъ—то князь Голицынъ пуховую шляпу,
 Становился князь Голицынъ на колѣни,
 И онъ кланялся царю Бѣлому (Николаю Павловичу),
 Кланялся князь Голицынъ господамъ всѣмъ—боярамъ:
 «Вы состройте мнѣ, бояре, каменны палаты,
 15. «Что не крытыя, не мшоны, совсѣмъ не свершоны.»

(Запис. П. В. Кир. 1832 г.).

* •*

Князь Стрѣлковскій въ походѣ съ козаками.

1.

(Сибирск. губ., с. Усть-Урень).

- Мимо лѣсику, мимо бору сыраго,
 Пролежала путь-дороженька;
 Никто по ней не прохаживаль
 И никто по ней не проѣзживаль:
5. Только шель-прошелъ одинъ полкъ козаковъ.
 Напередъ у нихъ ѣхаль злой полковничекъ,
 Злой полковничекъ ѣхаль, князь Стрѣлковскій.
 «Прикажи ты намъ здѣсь ночевати?»
 Князь Стрѣлковскій на то разсердился,
10. И поѣхаль онъ на крутыя горы,
 И беретъ во правую рученьку подозрную трубоньку,
 И поглядываль на чисто поле далекохонько:
 Какъ во трубоньку ничего ему не видно,
 Только и видно ему—быстрая рѣчка,
15. Какъ по рѣчушкѣ растеть камышь-травка;
 Какъ со вечера травка притихаетъ,
 Ко полуночи травка зашумѣла,
 Ко бѣлой-то зарѣ травка завѣвала....

(Отъ Н. Картавенка, запис. П. В. Шейномъ; ср. „Чтенія“ 1850.—О связи сего съ ближайшими отдѣлами см. ниже „Замѣтку“).

* * *

При слѣдующемъ отдѣлѣ предварительно нужно вспомнить, по Былинамъ, первыя по-
кушенія на Азовъ, соборы о томъ (подобныя соборамъ о Смоленскѣ) и плѣнь древнѣй-
шихъ козаковъ въ Азовъ, о чемъ см. ч. II, выш. 7, стр. 116, 117, 133, 135—137, и
Рыбани. ч. II, № 40, ч. III, №№ 46 и 47.

VI.

Азовскіе походы. Донскіе Козаки.

Иванъ Заморянинъ.

1.

(Губ. Симбирской, с. Головино).

У насъ было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, на Тихомъ Дону,
На Тихомъ Дону на Иванычѣ,
Соходился тутъ хорошъ-пригожъ козачій кругъ,
5. Донское козачье со Яицкими,
Гребенскіе съ Запорожскими.

По кругу ходитъ Иванъ Заморянинъ,
Онъ и рѣчь-ту говоритъ,—во трубу трубятъ:
«Вечоръ-то намъ, братцы, указъ пришелъ,
10. «За утро намъ добрымъ молодцамъ во походъ итти,
«Подъ тотъ ли подъ Азовъ городъ,
«Подъ тую ли подъ стѣну бѣлокаменну.
«Ой гой еси, добрые молодцы,
«Донскіе козаки со Яицкими,
13. «Гребенскіе козаки съ Запорожскими!
«Вы возьмите, молодцы, по топорнику,
«Сдѣлайте телѣженьки карлинскія ¹⁾,

¹⁾ Въ смыслѣ „иностранныхъ“, не обычныхъ, на особый способъ, съ палу-
бами, по образцу судовъ (въ постройкѣ которыхъ доселѣ есть техническій
терминъ „карлингъ“). Иначе „бурмистровскія“, бургомистровъ и бурмистровъ
(также иностранныя), или „бурмицкія (отъ „бурма“),“—съ подъемомъ, съ
крышкой, съ записьемъ, съ запоромъ.

- «Карлінскія телѣги со палубами:
«Во телѣженьки кладите живой товаръ,—
20. «По восьми мѳлодцевъ,
«А по девятому въ провожалъники,
«По десятому въ повозчики
«Бхать же намъ, добрымъ мѳлодцамъ,
«Во Азовъ городъ.»
25. Не добхатчи Азова, становилися,
Пушчали они въ зелены луги заповѣдныя,
Добрыхъ коней,
Вотъ луга княженецкіе ¹⁾.
Изъ того же изъ славнаго города изъ Азова
30. Выходили тутъ Турецки цѣловальнички:
««Что это за диво, за дивѳвище,
««Что у насъ въ лугахъ за народъ стоитъ,
««Попушчали они ²⁾ добрыхъ коней на стреножники ³⁾?»»
- Не золотая трубынька вострубила,
35. Не серебряне сиповочки возговорили,
А возгѳворитъ Иванушка Замѳрянинъ:
«Ой вы гой еси, вѳрны ключницы ⁴⁾,
«Турецки цѣловальнички!
«Я стою, Иванъ, со товарами со дорогильными ⁵⁾:
40. «Очищайте вы двѳры вѳвѳзжіе,
«Гдѳ со товаромъ раскластися,
«А я самъ стану, Иванъ, середъ города,
«Средъ города, середъ Азова.»

¹⁾ Относится къ предыдущему: „въ зелены луги заповѣдныя, вотъ (въ) луга княженецкіе (заповѣдныя—княженецкіе, въ Былинахъ со времянь Владиміра).—

²⁾ Народъ.—³⁾ Спутавъ ноги; другой списокъ: „не стреноживши.“—⁴⁾ Множ. отъ „ключникъ.“—⁵⁾ Шелковыми: не отъ „дороговизны“ сихъ товаровъ (дѳрогов), какъ думаютъ иные, а скорѳе это товары 1) травчатые, съ узорами, полосатыя, и 2) полосами, какъ извѣстно, у насъ поставившіяся по царскому и вообще праздничному пути, откуда ихъ имя „дѳрѳги“ и „пути;“ были почетныя лица „съ путемъ“ и т. п.). Позднѳе это имя утвердилось за товаромъ „шелковымъ.“

- Не золотая трубынька вострубила,
 45. Не серебряная синовочка возговорила,
 Возговорить Иванушка Заморянинъ:
 «Ой гои еси, удалы-добры молодцы!
 «Чтобы были у васъ ружья ¹⁾ чистыя,
 «И кремни вострые,
 50. «И во бѣлыхъ ²⁾ рукахъ сабли вострыя!»

- На зарѣ было—на зоренькѣ,
 На зарѣ было на утренней,
 Не золотая трубынька вострубила,
 Не серебряна синовочка возговорила,
 55. А возговорить Иванушка Заморянинъ:
 «Вставай ты, вставай, мой живой ³⁾ товаръ,
 «Во бѣлы руки берите сабли вострыя,
 «Вы рубите со Татаръ буйны головы!»

(Доставл. П. М. Языковымъ).

Былина очень хорошая и по языку древняя; къ сожалѣнiю подлежащiй образецъ на половину разрушенъ въ стихѣ.

Именно эта Былина и подкрашена, въ книжной обработкѣ, именемъ Скопина, а потому перенесена ко ваятiю Астрахани, къ Одоевскому наъ времяъ Разина, къ Шереметеву наъ времяъ Петра. См. выд. 7, стр. 116, 117, 161 и дал.

* *

Самъ царь.

1.

(Губ. Нижегородской, с. Павлово).

Собирается православный царь
 подъ крѣпкой Азовъ-городъ,
 Собираетъ онъ телѣжницкѣ
 Сорокъ тысячей,

¹⁾ Въ другомъ спискѣ „рукавы.“ — ²⁾ „въ обѣихъ.“ — ³⁾ „повой.“ — то же что свѣжій, живой.

Въ кажную телѣжку сажалъ
по пяти молодчиковъ,
По шестому приставливалъ
по извошшичку,

5. Укрывали сукнами
багрецовыми,
Убивали гвоздочками
полужоными.

Подѣзжали къ Азовскимъ крѣпкимъ
воротничкамъ.

Возгóворить православный царь
таково слово:

«Охъ вы гой естя, Азовскіи
караульшички!

10. «Доложите во Азовѣ
свымъ начальничкамъ:
«Пріѣхалъ къ вамъ богатой гость
Өѣдоръ Ивановичъ,
«Съ тѣми ли съ товарами
со заморскими,
«Со куницами пріѣхалъ
и съ соболицами ¹⁾»

Отворили ёму Азовски
крѣпки воротнички:

15. Онѣ ²⁾ ѣхали во Азовъ-городъ
трои суточки,
На четвёртые суточки
установились.

Тутъ возгóворить православный царь
таково слово:

«Охъ вы гой естя, извошшички,
добры мóлодцы!

¹⁾ Какъ отъ „куна“ и „кунь“ образована „куница“, такъ отъ „соболь“—
„соболица.“—²⁾ Пріѣзжіе.

- «Отдирайте суконцы
во единой махъ!»
20. Отдирали они суконцы
скоро на скоро,
Вылетали изъ кажней изъ телѣжки
по пяти молодчиковъ,
Они сабли востры
на голо держуть.

- Испужалися Азовскін
начальнички:
- «Ужь ты батюшка нашъ,
православный царь,
25. «[Православный царь]
Петръ Алексѣевич!»
- «Не нути ты нашъ
Тихой Донъ:
«Мы станемъ тѣ ¹⁾ служить вѣкъ
вѣрой—правдою,
«Вѣрой—правдою и какъ тѣ надобно ²⁾.»»

(Запис. свид. Баворскииъ; ср. Изв. А. Н. т. 1).

* *

Вдѣтъ Шереметевъ графъ Борисъ Петровичъ.

1.

(Оттуда же).

- Ужь ты славное село Павлово,
Слобода графа Шереметева!
Про тея, село, идетъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
5. Будто ты, село, на красі ³⁾ стоишь,

¹⁾ Тебѣ.—²⁾ Влагаются тѣ же слова, какъ Донскимъ козакамъ. —³⁾ На красѣ (какъ въ другихъ): крась, высь, швьрь и т. п.

- На краси стоишь, на крутой горѣ,
 На крутой горѣ, по раздольицу ¹⁾,
 Ты на двухъ рѣкахъ, на двухъ быстрыхъ,
 Промежь тея бѣжить рѣчка Тарычка,
 10. Возлѣ бокѣ ²⁾ бѣжить Ока-матушка.

- По Окѣ-рѣкѣ бѣжить лотычка ³⁾,
 Лѣгка лотычка раскрашѣная,
 Всѣ гребцами лѣтка ³⁾ усажѣная,
 Какъ на восьмера на весѣлички.
 15. Въ этой лотычкѣ самъ графъ гулялъ,
 Шереметевъ графъ Борисъ Петровичъ...

(Не кончено; запис. тѣмъ же).

* *

Прїѣздъ Донскихъ козаковъ на Воронежъ и Мос- кву: народъ знакомится съ атаманомъ.

1.

- Мимо славнаго города Воронежа
 Пролегала тутъ широкая дороженька
 [Чго ко славному ко городу ко Санктпитуру ¹⁾].
 Что по той было по широкой по дороженькѣ
 5. Ужь какъ шли-прошли козаки со Тиха Дона,
 Со Тиха, братцы, Дона со Ивановича.
 Ужь какъ всѣ, братцы, козаки сквозь Москву прошли ⁵⁾:

¹⁾ Обычное начало, обращаемое и къ Ярославлю, и къ друг.—²⁾ По бокамъ, вдоль боковъ, о бокъ. — ³⁾ Одна изъ формъ, указывающая на корень *лот-* (*лот-окъ*, *лат-из*, *лат-ка* и т. п., плоскость выгнутая или вогнутая). — ⁴⁾ Позднѣе вставленный стихъ. — ⁵⁾ Такъ какъ въ ту пору не было еще Санктпитера (и стихъ о немъ вставочный), то путь и слова самой пѣсни были конечно не „сквозь Москву“, а „на Москву;“ потому и первое знакомство, удивившее цѣловальниковъ, вѣроятно имѣло мѣсто въ Воронежѣ (безъ того не за чѣмъ было и выводить его).

- Что одинъ изъ нихъ козакъ остается ¹⁾.
 Онъ заходитъ на кружало государево ²⁾,
 10. Онъ снимаетъ съ себя шапочку чернаго соболя,
 Онъ и молится Спасителю образу,
 Онъ и кланяется на всѣ четыре стороны,
 Государевымъ цѣловальникамъ особливъ поклонъ:
 «Ахъ вы здравствуйте, государевы цѣловальники!
 15. «Вы продайте мнѣ вина на пять сотъ рублейъ,
 «А товарищамъ моимъ на тысячу.»
 Промежу ¹⁾ собою цѣловальники взглянулися:
 «Ужь какъ окова шутуха у насъ не было,
 «Ужь какъ знать это, братцы, не Донской козакъ;
 20. «Ужь какъ знать это атаманъ ихъ!»»
 Вывозили имъ поила, сколько надобно:
 «Ужь вы пейте, мои робята ¹⁾, сколько вамъ хочется!»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

* *

Атамановъ приказъ по Дону: сборы Донцовъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

- Не ясенъ соколъ леталъ по поднебесью:
 Донской есаулъ бѣгалъ по Дону;
 Казаковъ-то онъ рѣчью *привѣтствовалъ* ³⁾:
 «Вы вставайте, добры молодцы,
 5. «Господу Богу помолнитесь:
 «Да не пусти Господь руки варвара
 «На Петра царя Бѣлаго, *православнаго!*

¹⁾ у Сахарова, какъ водится, исправлено: „остается.“ „промежду;“ „ребята.“—²⁾ См. выше.—³⁾ Отзывается книжною подправкой: ее и ниже мы отмѣчаемъ въ печати курсивомъ.

- «Вы вставайте, други, пробудитесь,
 «Борзыхъ коней, други, вы сѣдлайте,
 10. «Подъ Азовъ-городъ, други, поѣзжайте:
 «Ой мы городъ разоримъ *съ головы до ногъ*,
 «Много казны возьмемъ, много золота,
 «Войсковую казну ¹⁾ знатно поисправимъ.»
 ««Атамана своего семь ²⁾ да послушаемъ ³⁾,
 15. ««Послушаемъ да пойдёмъ въ походъ!»»
 Самъ сизой орелъ пробуждается:
 Самъ Петро ⁴⁾ царь подымается,
 Съ своими князьями-боирами,
 Съ своими Денцами,
 20. Съ своими Запорожцами.

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866, СПб.).

* *

Сборы солдатъ, новаго войска.

1.

(Симбирск. губ. с. Станичное).

- Намъ пора-та, робятушки, съ кабаку итти!
 Не вечерняя заря потухать стала,
 Не утренняя заря занимается:
 Бѣжить-то изъ Москвы скорый посоль,
 5. Держить во рукахъ грозный указъ,
 Чтобы были мы солдатухи приубраные,

---

¹⁾ Свою, Донскую.—²⁾ Давайте-ка, пу-ка.—³⁾ Это уже отвѣтныя рѣчи козаковъ.—⁴⁾ То есть „Пѣтра, Пѣтръ-тъ (оглашеніе конечнаго а, при зарождавшемся у насъ, подобно болгарскому, членѣ).“

- Перевязи—портупей были бы бѣленыя
И ружьцы были бы чищенныя.
Намъ заутра, солдатушкамъ, въ походъ итти,
10. Въ походъ итти подъ Азовъ—городъ:
Намъ стоять—то, солдатушкамъ, подъ Азовомъ три года ¹⁾....

(Отъ А. М. Языкова).

* *

Дума и соборъ объ Азовѣ. Приступъ и побѣда.

1.

- Ахъ ²⁾ бѣдныя головушки Солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ!
Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
Со полночи солдаты ружья чистили,
5. Ко бѣлу свѣту солдаты во строю стоятъ.
- Что не золотая трубушка ³⁾ вострубила,
Не серебрена сиповочка возыграла,
Что возговоритъ нашъ батюшка православный царь:
«Ахъ вы гой еси ⁴⁾, всѣ князья и бѣря!»
10. «Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
«Еще какъ намъ Азовъ—городъ взять?»
Еще ⁵⁾ князья и бѣря промолчали:
Еще жъ самъ ⁶⁾ нашъ батюшка прослезился.
«Ахъ вы гой еси, солдаты и драгуны!»
15. «Вы придумайте мнѣ думушку крѣпкую:
«Еще какъ—то намъ Азовъ—городъ взять?»

¹⁾ Обыкновенное въ Былинахъ предупрежденіе, послѣ котораго въ пѣсви слѣдовало конечно описаніе самой стоянки.—²⁾ Сахар. „Ахъ вы;“ Костюмар. „Охъ.“—³⁾ Кост. „трубонька.“—⁴⁾ Кост. „есте (!).“—⁵⁾ Кост. „Какъ.“—⁶⁾ Кост. „А и самъ.“

Какъ не ярыя пчолушки зашумѣли,
 Что взговорятъ ¹⁾ солдаты и драгуны:
 «Взять ли намъ, не взять ли,—бѣлой грудью!»»

20. На восходѣ было краснова солнышка,
 На закатѣ было свѣтлова мѣсяца,
 На зорѣ они на приступъ пошли,
 Подъ тотъ ли подъ славной подѣ Азовъ-городъ,
 Что подѣ тѣ ли стѣны бѣлокаменныя,
 25. Ахъ ²⁾ подѣ тѣ ли подѣ раскаты подѣ высокіе.
 Что не съ горѣ ли бѣлы камни ³⁾ покатылися:
 Покатылися со стѣнъ *непріятели*;
 Не бѣлы спѣги въ полѣ забѣлѣлися:
 Забѣлѣлися бѣлы груди бассурманскія;
 30. Ахъ ⁴⁾ не съ дождичка ⁵⁾ ручьи разливалися,
 Разливалася тутъ кровь *нечестивая* ⁶⁾.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій; то же повторяется въ другихъ позднѣйшихъ; конецъ отъывается,—гдѣ у насъ *курсивъ*,—внѣшною подправкой; не много *исправили* Сахаровъ и гг. Костомаровъ съ Мордовцевой—„Лѣтоп. Р. литер. и др.“ Гораздо больше Н. Н. Дмитріевъ въ своемъ пѣсенникѣ, откуда перешла слѣдующая, вторая редація и къ позднѣйшимъ:)

*

2.

Еще съ вечера солдатамъ
 Приказъ отданъ былъ:
 Со полуночи солдаты
 Ружья чистили;

¹⁾ Сахар. и Кост. „возговорятъ.“—²⁾ Кост. „Что.“—³⁾ Любопытно Сахаровъ исправилъ синтаксисъ: „Что съ горѣ не бѣлы камни (такъ же!)“—
⁴⁾ Кост. „Что.“—⁵⁾ Сахар. „не съ дождика.“—⁶⁾ У Цертелева въ рукописи: „Азовъ *кряжкій*.“—„Что возговорятъ солдаты и драгуны: Ахъ ты батюшка, православной Руской царь! Прикажи ты намъ скорѣй итти на приступъ, Мы возьмемъ тотъ Азовъ-городъ своей грудью.“—„Не съ крутыхъ горѣ камни покатылися.“—„Ахъ не дождички ручьями разливалися.“—„Не латвары Турецки раздалися, Раздалось ура Россійское побѣдное (подправлено)“

5. Ко бѣлу свѣту солдаты
 Во строю стоять.
 Не трубушка золотая
 Вдругъ вострубила,
 Не серебрена сишовка
10. Вдругъ воскликнула,
 То возговорить отецъ нашъ
 Православный царь:
 «Ой вы гой еси, всѣ князи
 И боярева!
15. «Придумайте-пригадайте
 Вы мнѣ думушку:
 «Какъ бы взяти поскорѣе
 Намъ Азовъ-городъ?»
 Всѣ князья-бояре нишкнутъ ¹⁾.
20. Самъ ли батюшка
 Прослезился, и, вздохнувши,
 Къ нимъ возгворилъ:
 «Ой вы гой еси, драгуны
 И солдатушки!
25. «Вы придумайте мнѣ, други,
 Крѣпку думушку:
 «Какъ бы взяти поскорѣе
 Намъ Азовъ городъ?»
 Какъ рой пчель зашумѣли,
30. Такъ солдатушки
 Въ одинъ голосъ закричали:
 «Царь нашъ батюшка!
 «Взять ли намъ его, не взять ли,—
 «Грудью бѣлю!»»

---

¹⁾ Такъ старались подладиться къ народному языку: *нишкнутъ*—молчатъ.

35. До заката еще было
 Свѣтла мѣсяца ¹⁾,
 Еще утренней зарею ¹⁾
 На приступъ пошли,
 Что подъ тѣ ли крѣпки стѣны
40. Бѣлокаменны,
 Что подъ тѣ ли подъ роскаты
 Подъ высокіе.
 Не съ крутыхъ горъ сѣры камни
 Покатилися:
45. Съ стѣнъ высокихъ покатились
 Непріатели;
 Не въ поляхъ широкихъ снѣги
 Забѣлилися:
 Забѣлилися то груди
50. Непріательски;
 И не съ дозжика потоки
 Разливалися:
 Разливалася ручьями
 Ихъ багрова кровь.

(„Карманный Пѣсенникъ“ Н. Н. Дмитриева, М. 1796 г.; если уже допускать было передѣлку,—одна изъ самыхъ мастерскихъ, достойная лучшей цѣны; замѣчательно, какъ талантъ писателя и чуткій слухъ угадалъ и воспроизвелъ подлинный складъ, господствующій въ Былинахъ этого періода,—см. образцы выше, съ особымъ способомъ печатанія стробѣ).

* *

---

¹⁾ Поправка умная, хотя и безъ знанія приѣмовъ народнаго творчества.

**Плывутъ подъ Азовъ: взяли городъ и поздравля-
ютъ царя.**

1.

(Москва).

Ахъ, по морю, морю синему,
По синему морю по Вереискому ¹⁾,
Плыли-воспывали три военныхъ корабля.
На передъ корабль бѣжить,—

5. Что соколъ летитъ:

Во томъ во корабликъ,
Императоръ-царь сидитъ;
Во другомъ корабликъ
Всѣ князья-бояра сидятъ;

10. Во третьемъ корабликъ

Всѣ солдатушки сидятъ,
Солдаты сидѣли Преображенскаго полку.
Охоту имѣли ²⁾ подъ Азовъ городокъ.

Подкопы копали всѣ глубокиѣ,

15. Бочки закатали съ лютымъ зельемъ,

[Съ лютымъ зельемъ] съ чернымъ порохомъ,
Свѣчи прилѣпляли воску яраго:
Свѣчи догорали,—бочки разорвало,
Разметало башни всѣ угольчатыя ³⁾.

20. Стали поздравляти императора-царя:

«Здравствуй ⁴⁾, государь-императоръ, съ Азовомъ горо-
домъ!»»

(Запис. П. В. Квр. отъ Московской мѣщанки, 70-ти лѣтней старухи, изъ Рогожской).

*

¹⁾ Осмыслено изъ „моря *Варяжскаго*“, которое получило въ сей періодъ главную роль и куда перенеслись въ слѣдъ за симъ народныя взоры; дальнѣйшее осмысленіе городомъ *Вереи* см. ниже.—²⁾ Направлялись, стремились; казаки, шедшіе въ подобные походы, технически именовались *охотниками*.—

³⁾ Это совершенно одинаково съ описаніемъ взятой Казани, см. вып. 6-й.—

⁴⁾ Поздравляемъ тебя.

(Сибирск. губериѣ, с. Станицное).

По морю-морю ¹⁾

Плывутъ-выплывають тутъ тридцать кораблей.

На корабличкахъ распущены тонки парусы,

Тонки парусы распущены полотняные,

5. И флаки распущены разноличные,

А подъ парусами матросы земли Пруцкой ²⁾.

Подступали онѣ подъ славный подъ Азовъ-городъ,

Открывали онѣ оконечки всё боевые,

Заряжали они пушечки всё ломовыя ³⁾,

10. Пушали они во славный во Азовъ-городъ.

(Отъ А. М. Языкова).

* * *

VII.

**Донскія и Азовскія дѣла.—Атаманъ Флоръ Ми-
няевичъ.**

1.

(Кирша Даниловъ).

Приуныли-приутихли ⁴⁾

на Дону Донски да козаки,

А Яицкіе, Донскіе,

Донскіе (Донски), Запорожскіе.

А и по чемъ они ⁵⁾ уныли?

Потому они приуныли,

на Дону Донски да козаки,

5. Ахъ что взялъ у нихъ

государь-царь городъ ⁶⁾,

¹⁾ Тутъ уже не знали, какъ и назвать море.—²⁾ Иностранцы.—³⁾ Осадныя, для проломки стѣнъ; тяжолыя.—⁴⁾ Образцы этого же склада см. выше. При расколовшихся двухъ половинѣхъ стиха, чтобы дополнить вторую, меньшую и прибавочную, повторяется иногда конецъ первой; это отмѣчено было и въ рукописи, в сообразно тому мы печатаемъ.—⁵⁾ Сахарову показалось лучше исправить: „А и что казаки.“—⁶⁾ Черкасскій.

Со трети съ тѣми со малыми
 съ пригородками,
 А и со славною со Кубаньей,
 съ крѣпкимъ Лютникомъ.

А во славномъ да во Черкасскомъ
 во земляномъ городкѣ
 А стоитъ у козаковъ
 золотой бунчугъ,

10. А на бунчугѣ стоитъ
 чудень-злотъ крестъ,
 А передъ крестомъ туто стоитъ
 Войсковой ихъ атаманъ,
 А по имени ли Флоръ
 сынъ Минаевичъ.

Ко кресту тутъ собиралися
 Донски козаки,

А и Донскіе, Гребенскіе,
 Запорожски хохлачи;

15. Становились молодцы
 во единой войскою кругъ,
 Среди круга стоитъ
 войсковой атаманъ,
 А по имени ли Флоръ
 сынъ Минаевичъ.

Атаманъ рѣчи ¹⁾ говорилъ,
 будто въ трубу ¹⁾ трубилъ:

«А и вы, братцы, козаки,
 вы Яицкіе, Донски,
 Донски, Запорожскіе!

20. «Пособите мнѣ, атаману, вы
 думу думати:

«Челобитну ли намъ писати,
 государю подавать?»

¹⁾ По складу должно быть: „рѣчь;“ „въ трубушку.“—*Сахар.* для разнообра-
 зія поставилъ: „говорить; трубить.“

«Самому ли мнѣ, атаману,
въ Москву ѣхати?

«Перемирье бы намъ взять
передъ самимъ царемъ ¹⁾»:

«Залегли пути-дороги
за сине море гулять,

25. «Еще отъ вора отъ Васьки
отъ Голицына съ дѣтьми ²⁾,

«Залегли пути-дороги
за сине море,

«А и не стало намъ добычи
на синемъ морѣ

«И на тихомъ Дону
на Иванычѣ.»

И поѣхалъ атаманъ
въ каменну Москву.

¹⁾ Если царь Петръ Алексѣевичъ, то все-таки перемирье разуйтется съ Турецкимъ царемъ, ибо послѣ похода Голицынскаго натянуты были отношенія и козаки стѣснены „въ промыслахъ“ военною сторожью Турокъ, особенно отъ Азова, равно какъ присыльными съ Москвы отрядами.—²⁾ Почтительный Калайдовичъ, при изданіи Курши, какъ самъ говоритъ, оставивши одинъ *Г.* нанечаталъ точками „два слова, означающія известную фамилію, не справедливо поносимую козаками (Сахаровъ потому и вовсе ее выкинулъ).“ Конечно это знаменитый *Голицынъ*: честили же такъ, одинаково и откровенно, всѣхъ посланцевъ, коими были недовольны, начиная съ Карамышева до Долгорукаго, Гагарина и т. д. „Съ дѣтьми“—обычное выраженіе (см. ниже о Гагаринѣ): съ его родичами, сообщниками, преемниками. Послѣдовательная связь такова: 1) присяга Донцовъ Петру; 2) походъ В. В. Голицына, въ которомъ участвовалъ Флоръ, старшій современникъ и потомъ дѣятельный, вѣрный сподвижникъ Петра; но вслѣдствіе похода, при неудачѣ, только запутались отношенія; за тѣмъ 3) сборы на Москву, чтобы явиться къ новому царю и кстати высказать нужды и жалобы (Флоръ ѣздилъ первый разъ 1694 года); туда же, и еще ближе на Воронежъ, приходилось собираться начальникамъ для новаго побѣдоноснаго, похода (см. выше первый пріѣздъ атамана и знакомство съ нимъ,—это конечно былъ Флоръ). Но пѣсня сложена вѣроятно еще позднѣе, когда, по взятіи Азова и за подаркомъ золотого бунчука (1706), еще строже были взяты въ руки козаки съ ихнимъ Черкасскомъ и настала пора смуть, разразившаяся вскорѣ открытымъ бунтомъ Булавина и отъѣздомъ Некрасова. „Грозенъ“ царь и весь тонъ Былины, къ великому сожалѣнію потерявшей конецъ, указываютъ уже „грозу“ на Донцовъ, о которой ниже.

30. Еще будетъ атаманъ
 въ каменной Москвѣ,
 Поклонился государю
 о праву руку,
 Сквозь слезы онъ словечко
 едва выговорилъ:
 «Ахъ ты свѣтъ нашъ, надежда,
 благовѣрный царь,
 «А и грозенъ, сударь ¹⁾,
 Петръ Алексѣвичъ!
35. «Прикажи намъ, на Дону,
 чѣмъ кормится?
 «Залегли пути-дорожки
 за сине море,
 «Отъ вора отъ Васьки
 отъ Голицына съ дѣтьми,
 «Еще тѣ ²⁾.... дороги увойные ³⁾.....
 «... царствѣ ... крѣп..... ⁴⁾.»
40. —А и гой есть, атаманъ,
 и съ Допскими козаки!
 —У тебя, у атамана,
 вѣдь козачій судъ:
 —Если ... непорядочно
 живетъ ба..... ⁵⁾.....
 (Др. Росс. Стихотвор.; Сахар. и друг.).

* *

¹⁾ Сахар. „осударь.“—²⁾ За симъ означенное точками въ подлинникѣ слняло.—³⁾ Вѣроятно: „Еще тѣ ли путь-дороги, увойные (уводные, воровскіе, краденые) пути.“—⁴⁾ Сообразно съ другими того же рода пѣснями можно предполагать: „А на царствѣ на Московскомъ крѣпки караулы стоять.“—⁵⁾ По тѣмъ же признакамъ, можно предполагать отвѣтъ въ родѣ: „Если баба живетъ непорядочно, стерегутъ же ее и наказываютъ.“ Сахаровъ желалъ пособить, придумавши конецъ (перешедшій и въ новѣйшіе пѣсенники):

„У тебя, у атамана, есть козачій судъ:
 „Если не порядочно живетъ (кто?),
 „Суди правдой по тому суду,
 „По тому суду да правому;
 „Живи съ козаками на Дону во миру.“

- «Ой не дай Боже Азовцамъ
ума-разума того,—
—«Не поставили бѣ они башенки ¹⁾,
на усть-рѣчки каланчи,
15. —«Не перекинули бы цѣпи
черезъ славный Тихій Донъ,
—«Не подвели бы они струны
ко звонкимъ колоколамъ,—
—«Ужь нельзя намъ, братцы, будетъ
во сине море пройтить,
—«По синю морю гулять,
зипуновъ-то доставать.»—

- Какъ у насъ было на Дону,
во Черкасскомъ городу,
20. Войсковой нашъ атаманъ
во всю ночушку не спалъ;
Какъ со вечеру соколъ нашъ ²⁾
Роговыя проплывалъ,
Ко бѣлу свѣту соколъ нашъ
по синю морю гулялъ ³⁾,
По синю морю гулялъ,
кораблики разбивалъ.

(Ср. Сахарова, потомъ Савельева и др.; до отысканія другого подлинника въ устахъ народа иля въ рукописи, пѣсню можно еще считать сомнительною).

* *

¹⁾ Слово лишнее (я по складу пѣсни), ибо *каланчи* и есть тѣ же башенки (глосса, внесенная въ текстъ, интерполяція); Сахаровъ *каланчи* счелъ за имя „рѣчки.“—²⁾ Атаманъ.—³⁾ Испорчено.

- На бѣлой зарѣ проходили
 славной Тихой Донѣ,
 На славную *Дильпрэ-рѣку*
 они становилися,
 15. Во чистомъ полѣ и во зеленыхъ лугахъ
 расположились,
 [Расположились] козаченьки
 теплыми *лагерьми*.
 Распускали царску *знамечку*
 позлащеную,
 Собирался къ *знамечку*
 козачій кругъ,
 Во кругу стоятъ *хорошенькій*
 раздвѣжный стулъ,
 20. На стулѣ сидитъ ихъ молодой
 атаманушка,
 Игнатьюшка Ивановичъ сынъ
 Некрасовъ ¹⁾,
 Передъ нимъ стоятъ его сортники
 любимые.
 Онъ же пишетъ *на скоро* ²⁾
 граматку,
 Не перомъ пишетъ,
 не чернилами,
 25. А онъ пишетъ своими
 горючьми *слезами* ³⁾,
 [Горючьми слезьми]
 къ *графу* ⁴⁾ Долгорукому:
 «Ты спасибо, нашъ батюшка,
 «Поилъ-кормилъ, берѣгъ и жаловалъ!
 «Ты въ одномъ же на насъ, батюшка,
 прогнѣвался:

¹⁾ Должно быть: „Некрасовъ сынъ.“ — ²⁾ Д. б. „скорую.“ — ³⁾ „Слезьми.“ —
⁴⁾ „Какъ и выше—*Дильпрэ* вмѣсто „Дунай.“—Ошибка, обличающая намѣрен-
 ность Сахарова.—Князь Василій Владиміровичъ.

30. «Захотѣль старикамъ
   усы-бóроды сбрить,
 «И молодыхъ дѣтей
   во солдаты брать;
 «Ты прїѣхалъ къ намъ
   на Тихой Донъ,—
 «Безъ указу-то насъ
   разорять сталь;
 «Ужь мы бросили свое
   бытье-богатство ¹⁾,
 35. «Съ того-то мы со Тиха Дона
   долой пошли,
 «Мы пошли къ Турецкому *хану* ²⁾
   въ подданство,
 «Онъ принялъ насъ
   со честию, со *славомъ*,
 «И пожаловалъ намъ по коню,
   коню хорошему,
 «И сѣделечку
   Черкасскому.»

(Оттуда же, и то же должно сказать о еомнительномъ происхожденїи пѣсви).

*

2.

(Земля Войска Донскаго).

Кто бы намъ сказалъ, братцы,
   про батюшку Тихій Донъ,
 Про того козачка
   Игнатку измѣньшичка?

¹⁾ Д. б. „Житье-бытье, богатство.“ — ²⁾ Опять, вмѣсто „султану,“ якобы ошибка, но едва ли возможная у Донцовъ.—Поддѣлки на концѣ еще хуже.

Какъ измѣнилъ онъ служить
 царю Бѣлому ¹⁾,
 Провѣръ ²⁾ сдѣлалъ нашей
 государынѣ ³⁾:

5. На вышку взлѣзъ,
 взявъ царску значечку ⁴⁾,
 Съ этимъ значечкомъ
 за Дунай ⁵⁾ бѣжалъ,
 Не одинъ бѣжалъ съ Дону,—
 козачковъ увелъ,
 Не служилыхъ ⁵⁾ старыхъ,
 а глупыхъ малолѣтчиковъ.

- Переправушку имѣлъ онъ
 на быстромъ броду,
 10. Не въ бредки они брели,
 все въ плавки плыли,
 Знамя царское
 на рукахъ несли.
 Переплывши Дунай,
 во кругъ собиралися,
 Во кругу поставили
 знамя царское,
 Приказъ сталъ дѣлать ⁶⁾
 нашъ измѣнщикекъ:
 15. «Кидайте, козачки, вѣру
 христіанскую,
 «Понимайте ⁷⁾ вѣру
 басурманскую!»

¹⁾ Въ пѣсняхъ почти всюду имя „царя Бѣлаго“, какъ могутъ замѣтить читатели, усвоено по преимуществу Петру 1-му, и по этому признаку, даже безъ личнаго имени, можно легко отгадывать многія пѣсни изъ сего періода.—²⁾ Измѣну: „пзневѣрился (per-fidia).“—³⁾ Вставка позднѣйшаго пѣвца.—

⁴⁾ По произношенію (и по соблазнительному примѣру Сахарова) вм. „значечко“, какъ ниже.—⁵⁾ См. предыдущій образецъ. — ⁶⁾ „Держать?“ — ⁷⁾ Примите: обычное народное выраженіе въ семъ смыслѣ, иначе „поймите, понимайте.“—Сахаровъ непременно исправилъ бы.

Малые малолѣточки

перепугались,

По темнымъ лѣсамъ

разбѣжались;

Одинъ у нихъ стоитъ—

не полóшится ¹⁾:

20. —Стойте, малые малолѣточки,

не пужайтесь,

—По темнымъ лѣсамъ

не разбѣгайтесь!

—Мы отрубимъ Игнаткѣ

буйную ²⁾ голову,

—Пойдемъ опять служить

царю Петру Первому!—

(Ср. сборникъ г. Савельева 1866 г.; эта чисто-народная, характерная пѣсня представляетъ одинъ изъ тѣхъ подлинняковъ, которые *обдѣланы* Сахаровымъ въ предыдущемъ образцѣ).

* *

Оплошность Донцовъ подѣ Азовомъ и полонѣ имъ.

1.

(Губ. Симбирской, село Головино).

Шли казаки съ моря Чорнаго,

Лузьями-болотами топилися,

Азова крѣпкаго города таилися.

Не доѣхатчи Чагану становилися,

5. Становились казаки во единый кругъ;

Они думу думали крѣпкую за единую:

Выбирали атамана походнаго.

¹⁾ Не пугается, не знаетъ переполоху. — ²⁾ Д. б. „буйну“ по складу.

- Атаманъ у нихъ по кругу похаживаетъ,
Онъ камышею ¹⁾ своей тросточкой помахиваетъ,
10. Казакамъ братцамъ работать наказываетъ:
«Ой вы слушайте, ребята, моего слова,
«Моего слова атаманскаго:
«Поѣдете гулять чрезъ большую степь,
«Чрезъ такую чрезъ большую степь Азовскую,—
15. «Не стреножимши добрыхъ коней не пускайте въ степь,
«Не поставимши караула не ложитесь спать,
«Безъ денного часового чтобы не было.»

- Казаки его слова не послушали,
Не стреножимши добрыхъ коней попускали въ степь,
20. Не поставимши караула сами спать легли.
Наѣзжали на нихъ Кайсаки,
Всѣхъ казаковъ въ полонъ побрали.

(Отъ П. М. Языкова).

*

2.

(Оттуда же).

- Шли тутъ казаки съ моря Чернаго,
Они лугами-болотами топилися,
Азова крѣпкаго города таилися.
Не доѣхатчи Чагану становилися,
5. Соходились казаки, братцы, во единый кругъ,
Во единый соходились кругъ, на зеленый лугъ,
Они думали крѣпку думу за единую.

Атаманушка у нихъ по кругу похаживаетъ,
Онъ камышею тросточкой своей помахиваетъ,

---

¹⁾ Камышевою.

10. Казакамъ свои слова приказываетъ:
 «Ой вы слушайте, ребята, моего слова,—
 «Не стреноживши добрыхъ коней не пускайте въ степь,
 «И безъ крѣпкаго караула не ложитесь спать.»

Казаки-то его слова не послушали,

15. Не стреножимши добрыхъ коней попускали въ степь .
 И безъ крѣпкаго караула спать ложились.
 Наѣзжали на нихъ собаки злы Киргицкины,
 Всѣхъ ли казаковъ въ полонъ побрали.
 Одинъ оставался у нихъ добрый молодець,
 20. Скорѣхонько онъ садился на добра коня
 И скорѣхонько онъ метался на Тихой Донъ,
 На Тихой Донъ къ атаманушкѣ:
 —Ой ты гой еси, нашъ батюшка, атаманушка!
 —И у насъ ли несчастье случилося:
 25. —И всѣхъ ли насъ, казаковъ, въ полонъ побрали.—

(Отъ него же).

*

3.

(Съ Урала).

Изъ подъ Турскаго изъ подъ славнаго Азова изъ подъ
 города,

Пролежала тутъ широка-больша дороженька.
 Какъ по этой по широкой большой дороженькѣ
 Туто шли-прошли козаченьки, добры молодцы.

5. Не доѣхавши до урочества ¹⁾ становилися,
 Не стреножимши добрыхъ коней въ степь попускали,
 Не выбравши крѣпкаго сторожа сами спать легли.

¹⁾ Имя мѣста, по отдаленности, уже затеряно и замѣнено „урочьсья.“

Нападали на нихъ мѳлодцевъ злы Татарища.

Они билися—рубился троя сутоки,

10. Не пиваючи, добры молодцы, не ѣдаючи,
 Со добрыхъ коней, добры молодцы, не слѣзаячи.
 На сонныхъ на нихъ, добрыхъ мѳлодцевъ, понаѣхали,
 Сонныхъ добрыхъ мѳлодцевъ всѣхъ порубили,
 Козачьева атаманушка въ полонъ взяли.
15. Посадили его, добра молодца, въ темну тѣмницу:
 Морять его, разудалаго, на уморъ морять,
 Не дають ему, доброму молодцу, ни пить, ни ѣсть.

(Отъ В. И. Дала.)

* *

Подобные случаи повторялись во весь этотъ періодъ, и даже послѣ, отъ Флора до Краснощогова. Но пѣсня получаетъ здѣсь мѣсто особенно потому, что концомъ своимъ переходитъ къ полону Донскаго козака въ Азовъ и объясняетъ происхождение пѣсенъ въ родѣ слѣдующей:

ДОНСКОЙ КОЗАКЪ ВЪ ПЛѢНУ АЗОВСКОМЪ.

1.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ ¹⁾,
 Или участь моя горькая!

Ты звѣзда моя злосчастная!

Высоко звѣзда восходила:

5. Выше свѣтлаго ²⁾ младѣ мѣсяца,
 Что затмила ³⁾ солнце красное.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,

Или участь моя горькая:

На роду ли мнѣ написано,

10. На дѣлу ли ⁴⁾ мнѣ досталось,

¹⁾ Образецъ сей послужилъ подлинникомъ для множества послѣдующихъ пѣсенниковъ, откуда приводимъ *разкорчія*; *Сахаровъ*, какъ водится, подправилъ.—*Разн.* „такой.“—²⁾ *Разн.* „свѣтла.“—³⁾ *Разн.* хуже: „затмило.“—⁴⁾ *Даль*, какъ доселѣ у Ю. Славянъ,—доля, участь, судьба: на долю, по жеребью. *Сахар.* „на дѣлѣ (!);“ *разн.* поправляютъ: „на бѣду;“ „по дѣломъ.“

Что со младости до старости,
 До сѣдого бѣла вѣлоса,
 Во весь вѣкъ мнѣ горя ¹⁾ мыкати,
 Что до самой гробовой доски ²⁾!

15. Во Азовѣ славномъ городѣ,
 Во стѣнѣ ³⁾ бѣлокаменной,
 Какъ была ⁴⁾ тутъ тѣмна тѣмница
 Безъ дверей и безъ окошечекъ.
 Ахъ во той ли тѣмной тѣмницѣ
20. Что сидѣлъ ⁵⁾ тутъ добрый мѡлодець,
 Добрый мѡлодець, Донской козакъ,
 Въ заключеньѣ ровно двадцать лѣтъ,
 Ровно двадцать лѣтъ и двѣ года.

- Лучилось ⁶⁾ тутъ мимо ѣхати
25. Самому царю Турецкому,
 Что султанскому величеству.
 Что возгѡворитъ добрый мѡлодець:
 «Ахъ ты гой еси, Турецкой царь,
 «Ты султанское величество!
30. «Прикажи меня поить—кормить!
 «Не прикажешь ты поить—кормить,—
 «Прикажи меня скорѣй казнить;
 «Не прикажешь ты меня ⁷⁾ скорѣй казнить,—
 «Прикажи на волю выпустить;
35. «Не прикажешь ты вонъ выпустить,—
 «Напишу я вскорѣ ⁸⁾ грамоту ⁹⁾,
 «Не перомъ и не чернилами,—

¹⁾ Разн. „горе.“—²⁾ Все это начало сложено самимъ козакомъ въ неволѣ: оно переходитъ въ разсказъ о событїи, какъ это обычно въ другихъ образцахъ и какъ именно можно видѣть на знаменитой пѣснѣ Разина, см. вып. 7-й; послѣ это послужило уже „вступленїемъ“ и такъ связалось съ другими однородными, безъименными пѣснями.—³⁾ Разн. „Во стѣнѣ ли.“—⁴⁾ „Какъ стоять.“ „Тутъ стояла.“—⁵⁾ У Сахар. разнообразїе: „сидитъ.“—⁶⁾ Разн. „Случилось.“—⁷⁾ Выпущено, и лучше.—⁸⁾ Ожидалось бы „скору.“—⁹⁾ Разн. „грамотку.“

- «Я своими горячьми слезьми,
 «Ко товарищамъ на Тихой Донъ:
 40. «Славной Тихой Донъ взволнуется,
 «Весь козачей ¹⁾ кругъ ²⁾ взбунтуется,
 «Разобьютъ силу Турецкую
 «И тебя, царя, въ полонъ возьмутъ.»

- Ай что взгóворить Турецкой царь,
 45. Что султанское величество,
 Ко своимъ ли ко фельдмаршаламъ ³⁾:
 —Выпускайте добра молодца,
 —Добраго молодца, Донскаго козака ⁴⁾.
 —Во его ли землю Русскую,
 50. —Ко его да царю Бѣлому ⁵⁾!—

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій; потомъ дальѣйшіе в Сахаровъ: всюду образецъ немножко подправленъ книжниками противу народнаго языка).

*

Эта знаменитая пѣсня, которую встрѣтимъ еще ниже, и съ развѣтвленіями, прошла весь длинный періодъ и остановилась на самыхъ любимыхъ народныхъ мѣстахъ, отъ Ермака до Разина (см. вып. 7, стр. 135—137), потомъ до Краснощокова, Чернышова и даже Платова, въ томъ или другомъ видѣ, а съ передвиженіемъ мѣста дѣйствій, въ слѣдъ за обращающимися взорами,—отъ Азова до Шведскаго стана, Кистрина, Берлина и даже Парижа. На такомъ протяженіи времени и пространства она конечно легко освобождалась отъ историческихъ именъ, переходила въ Безъимянную и, какъ любимая, въ Безъимянныхъ все болѣе и болѣе обобщалась чертами, пока дошла до всякой „тенничвой“, „военной“, всякой почти „любвонной.“ Въ приведенномъ образцѣ весь строй и складъ (редакція), по несомнѣннымъ признакамъ, принадлежитъ эпохѣ Петровской; но вотъ кстати нѣсколько и ближайшихъ развѣтвленій:

1) „козачій.—2) „полкъ.“—3) Эта черта времени утвердилась особенно въ пѣсняхъ по перенесеніи поприща событий и военныхъ дѣйствій съ Азовскаго моря къ Варяжскому и Шведамъ: см. ниже.—4) *Рим.* весь стихъ: „Козака Донска удалаго.“—5) Между прочимъ одинъ изъ признаковъ, что окрѣпшій строй, если не отдѣленное происхождение пѣсни, принадлежитъ именно эпохѣ Петра I-го.

2.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная!

Высоко звѣзда восходила,

5. Выше свѣтлаго мѣсяца,
Что затмило(а) красно солнышко.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая:
На роду ли то написано,

10. Чтобъ во всѣ дни горе мыкати,
Съ молодыхъ ли дней печаль узнать!
Старый вѣкъ мой приближается,
Моя младость сокрушается ¹⁾:
Сокрушила красна дѣвица,

15. Что ни день, ни ночь покою нѣтъ,
Я не знаю, какъ разстатися;
Довела она добра мѡлодца
До погибели великiя;
Разорился я, добрый мѡлодецъ,
20. Отъ души ли красной дѣвицы.

Какъ у насъ было, на Тихомъ Дону,
Что на устьицѣ синя моря,
Какъ поставлена свѣтла свѣтлица
И еще тутъ темна тѣмница ²⁾.

25. Какъ во той ли темной тѣмницѣ
Что сидить ли добрый мѡлодецъ,

¹⁾ Сравните за сѣмъ, какой крутой поворотъ отъ исторiи вѣшной ко внутренней.—²⁾ Желанiе могутъ на этомъ образцѣ съ любопытствомъ наблюдать, какъ, при выходѣ съ почвы исторической, забытой въ туманѣ прошлаго, на свѣтъ простой и современной дѣйствительности, въ самомъ твор-

- Онъ повѣся ¹⁾ буйну голову.
 Приходила красна дѣвица,
 Вызывала добра молодца.
30. Выходилъ къ ней добрый молодець
 Какъ изъ той ли темной тѣмницы,
 При печали при великой бывъ ¹⁾
 Во оковахъ во желѣзныхъхъ.
 Усмотрѣла красна дѣвица
35. Удалаго добра молодца,
 Что въ такой тоскѣ-кручинушкѣ,—
 Говорила она добру молодцу:
 —Не печалься, добрый молодець!
 —Всѣ оковы желѣзныя
40. —Они съ ногъ твоихъ долой пойдуть ²⁾.
 —Какъ поидемъ мы въ(во) чисто поле,
 —Что на устьице синя моря,
 —Разгуляемъ мы печаль свою,
 —И мы пустимъ во чисто поле,
45. —По всему ли свѣту бѣлому
 —И по устьицу синя моря.—

(Оттуда же).

*

На этой ступени пѣсня постепенно связывается съ Развизскою, объ известной—по преданію—подругѣ Развиза (ср. выш. 7-й, стр. 140): но тамъ, въ отличіе всѣхъ Развизскихъ, обычное начало и призывъ — „Вы гѣса ль мои,“ или „Вы туманы,“ или „Ты взоиди, взоиди, солнце красное“ и др. (см. мѣ въ своемъ мѣстѣ), между тѣмъ какъ собственное отличіе Азовской—Донской, и притомъ въ Петровскомъ складѣ, составляетъ именно начало „Ахъ таланъ.“ Въ такомъ видѣ пѣсня важна здѣсь особенно тѣмъ, что представляетъ постепенный переходъ и объясненіе къ Донскому козаку въ тѣмницѣ передъ Петромъ и къ Козацкому Правежу при Петрѣ,—вскорѣ въ слѣдъ за самъ.

Независимо отъ сихъ „исторически-былевыхъ“ судебъ, пѣсня имѣетъ и свои особенныя, въ области и приемахъ творчества:

чествѣ и въ его образахъ совершается борьба—рядомъ—между свѣтомъ и тьмою, свѣтлицею и тѣмницею.—¹⁾ Книжное.—²⁾ Испорчено вм. „спадуть.“

3.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная!

Высоко звѣзда восходила:

5. Выше свѣтлаго мѣсяца,
Что затмило(а) красно солнышко.

- Какъ далече во чистомъ полѣ,
Что стоялъ тутъ высокъ терѣмъ ¹⁾.
Что во томъ ли то во терѣмѣ,
10. Подъ косящетымъ окошечкомъ,
За стѣкланною оконницей,
Что сидѣла тутъ боярыня,
Передъ ней стоитъ ей рѣднй сынъ.
Говорить ли она плачучи:
15. — Ты дитя ли мое милое,
— Ты дитя мое разумное!
— Съ чего, дитятко, состарѣлся?
— Не жена ли тебя, дитятко,
— Не жена ль тебя состарила,
20. — Или малы твои дѣтушки?—
«Государыня ты матушка!
«Не жена меня состарила,
«Что не малыя ли дѣтушки,
«А состарила меня, матушка,

---

¹⁾ Забудьте переходъ отъ темницы.

25. «Что чужая-дальна ¹⁾ сторонушка,
«Грозна служба государева,
«Что часты-дальные походы всѣ ²⁾»»

(Оттуда же).

*

Здѣсь уже мѣсто Азовской темницы постепенно занялъ простой теремъ, а воспта-
тягость принудительной, частой и далекой службѣ: переходъ отъ обязательной службѣ
XVII вѣка къ солдатской и рекрутской, переходъ, совершившійся опять въ эпоху Петра
(особо о сихъ пѣсняхъ въ своемъ мѣстѣ). Есть шагъ далѣе:

4.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная!

- Высоко звѣзда восходила,
5. Выше свѣтлаго мѣсяца
И затмило(а) красно солнышко.

- Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая:
На роду ли мнѣ написано,
10. На дѣлу ли мнѣ досталось,
Во всю жизнь ³⁾ несчастье видѣти!
Али въ людяхъ людей нѣ было,
Полюбить ли было нѣкого?
Но несчастьемъ ⁴⁾ то случилось,

¹⁾ Въ другихъ, и лучше, „чужа-дальная.“ — ²⁾ „Что часты-дальны похо-
душки.“ — ³⁾ *Раззоръчїе* въ другихъ позднѣйшихъ: „Чтобъ всю жизнь.“ — ⁴⁾ *Са-
хар.* поправилъ: „По несчастьямъ.“

15. Что въ мила друга влюбилася ¹⁾.
 Онъ казался мнѣ милѣй всего,
 Такъ взяла вѣру божьѣ его ²⁾:
 А нынѣче ³⁾ мой сердечный другъ
 Покидаетъ меня бѣдную,
 20. Измѣняетъ мнѣ душа моя ⁴⁾.

(Оттуда же).

Того же происхожденія и разряда, какъ „Таланъ“, но въ другой обстановкѣ и съ новымъ характеромъ пѣсня:

ДОНСКОЙ ВОЗАКЪ ВЪ ПЛѢНУ ТУРЕЦКОМЪ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

- По тому-то было морю, морю синему,
 Тамъ плыли-воспльвали пять сотъ кораблей,
 А одно-то изъ нихъ суденышко на передь бѣжить.
 Хорошо-то это суденышко изукрашено:
 5. У ней ⁵⁾ носъ сы кормой по звѣриному ⁶⁾.
 На этомъ на суденышкѣ стояла палатушка,
 Во этой-то палатушкѣ сидѣлъ Турецкій паша,
 Передъ нимъ-то стоитъ младъ Донской казакъ,
 [Младъ Донской казакъ] невольничекъ.
 10. Стоитъ-то онъ, молодець,—какъ свѣча горить,

¹⁾ Разн. „Что въ такого я влюбилася, Что прельстилась я измѣнникомъ.“—
²⁾ „Онъ казался мнѣ милѣе всѣхъ, Всѣхъ привѣтливѣй, всѣхъ ласковѣй,
 Я повѣрила божьѣ его.“—³⁾ Сахар. „А нынѣ ли.“—⁴⁾ „А теперь мой милый
 видный другъ—Измѣняетъ супостатъ злодѣй.“—⁵⁾ По причинѣ произношенія—
 „суденышка“, женск. рода. — ⁶⁾ Попытка воротаться къ древнимъ богатыр-
 скимъ краскамъ: ср. корабль Ильи и Соловья, выш. 1 и 4.

Онъ рѣчи-то говорить,—какъ въ трубу трубить:

«Какъ ты славный Турецкій паша!

«Отпусти меня на волюшку!»

Отвѣчаетъ ему Турецкій паша:

15. «Загадаю я тебѣ, Донской казакъ, три загадки;

«Отгадаешь ты мнѣ три загадки,

«Тогда-то я отпущу тебя на Тихій Донъ:

«Чего ¹⁾ у насъ на свѣтѣ безъ ногъ рѣзко ²⁾ бѣжить?

«Чего у насъ на свѣтѣ безъ крыль скоро летить?»

20. «Чего у насъ на свѣтѣ безъ огня жарко горить?»

Отвѣчаетъ ему Донской казакъ:

—Безъ ногъ у насъ бѣжить твое судно легкое,

—А безъ крыль-то летить буйный вѣтеръ,

—Безъ огня-то печеть на свѣтѣ красное солнышко.—

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866.—Переходъ отъ исторіи къ простымъ пѣснямъ „съ загадками“ въ сущности древнѣйшаго происхожденія, старте всякой нашей исторіи, о дѣвцѣ на морѣ в кораблѣ, предлагающей загадки молодцу, и освобожденіе его отъ сѣнкса разгадкой; см. ниже въ своемъ мѣстѣ).

* * *

Послѣ этихъ промежуточныхъ переходовъ, при возвратѣ къ историческимъ именамъ и къ Петровской эпохѣ, слѣдующія Былины, о Донскомъ козакѣ въ темницѣ или на правѣжѣ передъ Петромъ Первымъ, переносятъ на Донъ черты возстанія и казни Стрѣльцовъ, и также точно какъ тамъ, переходятъ отъ казни къ образу прощающаго царя-освободителя; съ тѣмъ вмѣстѣ Донской козакъ, какъ было и на самомъ дѣлѣ, передвигается постепенно съ Юга на Сѣверъ, отъ Азова и съ Дону къ другимъ станамъ и столицамъ государевымъ.

¹⁾ Особый видъ народнаго родительнаго „раздѣлительнаго (genitivus distributivus):“ чего много, чего есть и т. п.—²⁾ Рѣзво.

VIII.

Гроза на Донцовъ.—Вѣсть о смутахъ.

1.

- Ахъ служили мы на границѣ ¹⁾ три годочка:
 Намъ ни вѣсточки, ни граматки съ Дону нѣту,
 Ни словеснаго челобитьца намъ *не прислано* ²⁾.
 На четвертомъ годочкѣ перепала вѣсточка.
5. Не полуночная звѣзда съ небесъ упала,
 А скорая *почта* ³⁾ прибѣгала
 Ко походному нашему атаману,
 Ко Иванушкѣ *Ивановичу* Фролову ⁴⁾:
 «Ужъ ты здравствуй, походный нашъ атаманъ.
10. «Ужъ ты здравствуй съ походными старшинами,
 «Ужъ ты здравствуй со служащими казаками!
 «Какъ у насъ—то на Тихомъ Дону нездорово:
 «Какъ прибѣхали къ намъ на Тихой Донъ все *разсыльщики* ⁵⁾,
 «Во разсыльщикахъ были два боярина,
15. «Безъ указа—то они государева насъ разоряютъ.
 «И они старыхъ стариковъ всѣхъ ссылаютъ,
 «Молодыхъ, *де*, малолѣтокъ берутъ во солдаты.
 «Отъ того—то нашъ славный—Тихій Донъ возмутился,
 «Возмутился славный—Тихій Донъ вплоть до *устыца* ⁶⁾,
20. «Какъ и до славнаго до города *Черкаскаго* ⁷⁾»»

(Сахар. и за нимъ позднѣйшіе; до открытія другаго подлинника, подробности сомнительны).

* *

¹⁾ Сѣверозападной, въ первыхъ годахъ XVIII вѣка. — ²⁾ Курсивомъ означены у насъ сомнительныя выраженія, принадлежащія вѣроятно самому Сахарову. — ³⁾ Посылка? — ⁴⁾ Одинъ изъ сыновей вѣстнаго *Флора*, но ужъ ни какъ не *Ивановичъ*, ибо всѣ они по отцу и назывались *Фроловыми*: признавши это за фамилію въ родѣ нынѣшней, Сахаровъ конечно придумалъ другое отчество. — ⁵⁾ Разсыльщики? — ⁶⁾ До устья (по складу; Сахаровъ всюду любилъ подслащивать). — ⁷⁾ Черкаска.

Жалоба Дона.

1.

- Как* ¹⁾ ты батюшка, славный-Тихій Донъ,
 Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичь!
 Про тебя лежитъ слава добрая,
 Слава добрая, рѣчь хорошая:
3. Какъ, бывало, ты всё быстёръ бѣжишь,
 Ты быстёръ бѣжишь, всё чистѣхонекъ;
 А теперь ты, кормилецъ, всё *мутѣна* течеть,
 Помутился *ты*, Донъ, сверху до низу.
 Рѣчь возгворить славный-Тихій Донъ:
10. «*Ужь какъ-то* ²⁾ мнѣ *всѣ* ²⁾ мутну не быть,—
 «Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
 «Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ,
 «Размываются безъ нихъ *мои* круты бережки,
 «Высыпаются *безъ нихъ* косы желтымъ пескомъ.»

(Оттуда же и то же должно замѣтить).

* *

Челобитная Донцовъ.

1.

«Ахъ ты батюшка, *воеводушка* ³⁾!
 «Ты за что на насъ прогнѣвался?
 «Или сдѣлали тебѣ *измънушку*,
 «*Измънушку, перемънушку?*»

---

¹⁾ Ахъ?—²⁾ Любимое у Сахарова „ушначиванье“ рѣчи.—³⁾ И въ слѣдующихъ образцахъ, „изъ приличія“, Сахаровъ сдѣлалъ „воеводушку“ вмѣсто „православный царь.“

5. «Ты за чѣмъ у насъ коней обралъ,
«Ты коней обралъ, по полкамъ роздалъ,
«Ты по тѣмъ полкамъ по *гусарскимъ* ¹⁾?
«Ты полковничка у насъ разжаловалъ,
«*Есаулушковъ* на часы ставилъ:
10. «Аль мы въ чемъ тебѣ прослужидися?»
—Я за тѣмъ у васъ коней обралъ,
—Я коней обралъ, по полкамъ роздалъ,—
—А ²⁾ на всѣхъ полкахъ кони выпали,
—*Генералушки* всѣ приопѣшали,
15. —*Канонерушки* пѣшкомъ идуть,
—Они ляпочки на плечахъ несутъ,
—А орудія на себѣ везуть.—

(Оттуда же и то же).

* *

Сворлыгинъ-Барыгинъ.

1.

(Губ. Самбарской, с. Головино).

- На зорѣ было на зорюшкѣ ³⁾,
На восходѣ краснаго солнышка,
Государь-царь по дворцу гулялъ,
Онъ гулялъ-гулялъ, самъ разгуливалъ,
5. Въ одной тоненькой сорочкѣ и безъ пояса,
Въ однѣхъ чулкахъ ⁴⁾ и безъ чоботовъ;
Не одинъ гулялъ,—съ боярами,
Со Московскими офицерами:

¹⁾ Если это не прибавочное „объясненіе,“ то во всякомъ случаѣ ожидается по крайности „гусарскія.“—²⁾ Что?—³⁾ Разнорѣчіе: „на зоринкѣ.“ Начало сходное съ плачемъ по Разинѣ, выш. 7, стр. 41.—⁴⁾ „чулочкахъ.“

- Во рукахъ держитъ грозной указъ.
 10. Онъ и сталъ указъ прочитывать,
 Казакъ ¹⁾ братцевъ перекликивать;
 Всѣ казаки соходилися:
 Одного казака нѣтъ нелучшева ²⁾,
 [Не лучшева], атаманушки,
 15. А по прозваньюцу Скорлыгина ³⁾.

- У Иванушки ⁴⁾ была жена умная
 Жена умная, разумная;
 Выходила она на красенъ крылецъ,
 Воскричала она громкимъ голосомъ:
 20. «Гой еси, слуги вѣрные!
 «Запрягите вы вороныхъ коней,
 «[Вороныхъ коней] что не лутчихъ ²⁾:
 «Вы поѣдете гулять въ каменную Москву,
 «Во проѣзжую славную улицу,—
 25. «Не увидите ль могò друга милаго,
 «Горьку пьяницу Иванушку Скорлыгина,—
 «Привезите его въ государевъ дворець!»....

(Отъ Языкова).

*

2.

На зорѣ-то *бывало*—на зоренькѣ,
 На зорѣ утренней ⁵⁾,
 На восходѣ солнца краснаго,
 Воевода *большой* ⁶⁾ по садикъ ⁷⁾ гулялъ,

¹⁾ Козаковъ.—²⁾ Наилучшаго: что ни лучшаго.—³⁾ Объ этомъ „голомъ и пядомъ“ см. ниже „Замѣтку.“—⁴⁾ Вѣроятно изъ него-то сдѣлалъ въ предыдущемъ образцѣ Сахаровъ „Иванушку Флорова“, вмѣсто Василья или Максима.—⁵⁾ „На зорѣ было на зоренькѣ, На зорѣ было на утренней.“ Мы принуждены повсюду отмѣчать курсивомъ наивныя увлеченія Сахарова.—⁶⁾ „Государь-царь“ или „православный царь:“ изъ любезной деликатности, какъ и выше, и далѣе, Сахаровъ сдѣлалъ „воеводу большаго“ или „воеводушку“, вопреки даже явному складу пѣсни.—⁷⁾ Вмѣсто: „по дворцу.“

5. Онъ гулялъ—погуливалъ,
Въ однихъ чулкахъ безъ чоботовъ ¹⁾,
Азямчекъ ²⁾ на распашечку.
- Дотолѣва зелёный садъ зелёнь стоялъ,
А нынѣ зелёный садъ присохъ—приблѣкъ
10. *И прѣуныли* въ саду пташечки.
Дотолѣва—то *воевода большой* казаковъ любилъ,
Онъ любилъ ³⁾ и много жаловалъ,
А нынче *воевода* на казаковъ прогнѣвался,
На казаковъ прогнѣвался, разсѣрдился,
15. И сталъ казаковъ казнить—вѣшати,
И сажать по темнымъ тюрьмамъ.
- Выходилъ нашъ *большой воевода* на широкій дворъ,
Во рукахъ держалъ *бумаженьку*,
Имянной указъ, повелѣньице ⁴⁾,
20. *Ужъ онъ всѣхъ* казаковъ пересматривалъ,
Понмянно ихъ перекликивалъ:
Одного—*то* изъ нихъ не досчитывался,
Что ни лучшаго въ полку *боярина* ⁵⁾,
Козачьяго ихъ атаманушку,
25. Иванушку Ивановича,
По прозваньицу сына Карыгина.
Какъ у казачьяго атаманушки
Была жена умная—разумная,
Узнала она о несчастьицѣ,
30. Выходила она на красенъ крылець,
Закричала громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы гой еси, слуги вѣрные
«И казаки *ординарные!*
«Вы кидайтесь и бросайтесь на конюшенъ дворъ,

¹⁾ У Сахарова „безъ чоботокъ.“ — ²⁾ См. выше, въ казняхъ и правехъ Стрѣльцовъ, съ чѣмъ очень близко сродна пѣсня по самымъ даже выраженіямъ. — ³⁾ „Козаковъ любилъ.“ — ⁴⁾ Такъ изворачивался Сахаровъ, минуя простой „грознѣй указъ.“ — ⁵⁾ Это уже черезъ чуръ затѣвливо.

35. «*Вы запрегайте—ка* ¹⁾ *коней вороныхъ во каретушку золотую:*
 «Я поѣду по Москвѣ гулять,
 «По Московской большой улицѣ
 «И по мелкимъ переулочкамъ,—
 «Буду искать своего друга милаго,
 40. «Иванушку сына Ивановича.»
 Какъ на встрѣчу ей идетъ пьяница,
 Горькій пьяница—пропѣица.
 «Я спрошу, спрошу горьку пьяницу:
 ««Ужь ты гой еси, горькій пьяница,
 45. ««*Разудаленькій добрый молодецъ!*
 ««Не видалъ ли ты друга моего милаго,
 ««Иванушку Иваныча,
 ««*По прозваньицу сына Карыгина* ²⁾?»»
 —*Твой—то милый другъ, казацкой атаманушка,*
 50. —*Въ кабацѣ сидитъ за кружальцомъ* ³⁾ *государевымъ,*
 —*Онъ пьетъ вино всё безденежно* ⁴⁾.—

Подъѣзжала она ко цареву кабаку,

Подъѣхавши она *восплакала:*

«Ужь ты гой еси, милый другъ,

55. «Иванушка Ивановичъ,

«*По прозваньицу сынъ Барышицъ!*

«*Несчастьице надъ нами случилось:*

«На насъ *воевода большой* осердился и прогнѣвался,

«Всѣ твои друзья—братья порублены,

60. «[Порублены] и всѣ повѣшены.»

1) Подобными „вульгарными“ рѣчами и quasi-обмолвками полагалъ Сахаровъ выставить подлинную народность и скрыть свои поддѣлки.—2) Такъ, вмѣсто простыхъ поисковъ мужа пьяницы и гола о (см. „Замѣтку“), сдѣлалъ Сахаровъ прогулку по Москвѣ „въ золотой каретѣ“, особеннаго встрѣчнаго пьяницу и указаніе на мужа, котораго не хотѣлъ признать пьяницей, послужку возведъ въ мелодраматическаго героя.—3) Не довольно было одного „несчастьица:“ изъ кружала сдѣлано „кружальцо,“ ради народной сладости.—4) Слѣдующее за снѣмъ переходитъ рѣшительно въ область вымысловъ и, не въ со-

- Онъ взялъ съ собою *топоръ и плаху*,
 Пошелъ къ *восводъ* съ повинною;
 —Ужь ты батюшка, *воевода большой!*
 —Я пришелъ къ тебѣ съ повинною,
 65. —*Принесъ съ собою топоръ и плаху* ¹⁾.
 —Мои друзья и братья всѣ порублены,
 —[Всѣ порублены] и всѣ повѣшены:
 —Прикажи и мнѣ отрубить буйну мою голову!—

Эта прекрасная пѣсня, къ сожалѣнью слишкомъ воздѣланная Сахаровымъ, представляетъ потому лишь немного достовѣрныхъ пополненій къ предыдущей и въ остальномъ, особенно въ концѣ, за неимѣнiемъ другаго подлинника, остается пока сомнительною.

* *

Ефремовъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

По напрасну моя буйная головушка пропадаетъ,
 Безъ вины—то мое сердце отвѣчаетъ ²⁾!

Нанесли на сына Ефремова ³⁾ славушку несносную... ⁴⁾
 «И за то на меня государь прогнѣвался... ¹⁾

5. «Посадили меня, молодца, въ темную темницу,
 «[Въ темну темницу], въ тюрьму заключенницу.

стоянии будучи отличить какую ни будь правду, мы отмѣчаемъ курсивомъ только „слишкомъ“ затѣйливыя выдумки.—¹⁾ Безъ этихъ словъ было не видно.—
²⁾ Вѣроятно это начало нѣкто извѣстный намъ запѣвъ: „Ахъ таланъ ли мой“ или „Голова ль моя, головушка (см. выше)!“—³⁾ Одного изъ сыновей атамана Еерема Петрова, дѣателя той эпохи послѣ Флора.—⁴⁾ Къ сожалѣнью первый издатель, вѣроятно соблазненный той же Сахаровскою сахарностью, выпустилъ крайне интересныя намъ строки.

- «Только я не годъ въ тюрьмѣ сидѣлъ,
 «[Не годъ сидѣлъ] и не два года,
 «Сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ:
 10. «Побѣлѣла моя буйная головушка,
 «Изныло мое ретивое сердечушко.
 «При счастья при бесѣдушкѣ ¹⁾
 «Друзьёвъ-братьёвъ много,
 «При горѣ при кручинѣ
 15. «Друзьёвъ-братьёвъ нѣту ²⁾:
 «Всѣ-то отъ меня, Степана Ефремова, отступилися,
 «Всѣ думчи старшинушки въ совѣтъ ³⁾ не-идуть ⁴⁾»

- Только одна молодая жена,
 Меланья Карповна не отступилася:
 20. Пишетъ она бѣлую грамотку
 Своею горючей слезой,
 Припечатываетъ ее
 Своимъ крѣпкимъ разумомъ...

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866.—Къ сожалѣнію не кончено: по сравненію знаемъ, что эта грамотка—къ мужу съ убѣжденіемъ повиниться и къ дарю о милости).

* *

Подлинное мѣсто этой были при устьѣ Дона и въ Черкасскѣ, гдѣ мы и находимъ:

¹⁾ При весельѣ, при пиру при бесѣдушкѣ. — ²⁾ Это сходится и съ пѣснями козака Кирши Данилова, и Краснощогова, о чемъ см. въ слѣдующемъ выпускѣ.—³⁾ На совѣтъ ко мнѣ, придумать-пригадать въ бѣдѣ.—⁴⁾ Переходъ отъ самого себя и отъ пѣсни заключеннаго къ разсказу событія указанъ нами выше и разъясненъ при пѣсняхъ Разинскихъ, вып. 7, стр. 153—160.

Донской козакъ передъ царемъ.

Тюрьма, допросъ, правезъ и милость.

1.

(Оттуда же).

Да по край моря синяго,
на усть батюшки Дона Тихаго ¹⁾,
Тамъ стояла избушечка ²⁾,
малымъ-мала, таволжаная ³⁾.
Да покрыта эта избушечка
рытымъ бархатомъ,
Всѣ стѣночки у ней устланы
погребцовскими сукнами ⁴⁾,

б. Позлащёнными гвоздичками
они позапрѣбиты,
Да и столики стоятъ—
дубовыя ноженьки,
Всѣ пронѣжечки ⁵⁾—
изъ слоновыхъ костей.

Да никто къ этой избушечкѣ
съ роду не захаживалъ,
[Съ роду не захаживалъ],
съ роду не заѣживалъ:

¹⁾ Ср. точь въ точь начало пѣсни объ Ермакѣ, вып. 7, стр. 135. — *Усть* соединяется несклоняемо: „Усть-Дону, на усть-Волги, Усть-Сысольскъ“ и т. п. —
²⁾ Изъ нея творчествомъ создана то палата судная, то дворець государя, то тюрьма, и обратно.—³⁾ Изъ кустарника таволги, плетеная, мазанка; сдѣлавши *та* членомъ, пѣсни часто называютъ избушку „валженою“, сырою, мазаною, и на оборотъ.—⁴⁾ Такъ разставляемъ, по складу, вмѣсто „погребц. сукн. устланы;“ осмыслено вмѣсто „багрецовыми,“ багряными.—⁵⁾ Связи ножекъ.

10. Случилось ѣхать самому-то царю,
 Петру Первому,
 Со любимыми-то казаками своими ¹⁾,
 со гвардейскими.
 Захватили въ этой избушечкѣ
 добра мѡлодца,
 Его разобутаго, его разодрѣтаго,
 въ одной его во черкесочкѣ ²⁾,
 У черкесочки рукавички
 позасучены,
15. Басурманскою кровью
 позабрызганы ³⁾.
 Стали добраго мѡлодца
 спрашивать:
 «Ты скажи, добрый мѡлодецъ,
 чѣмъ царю служилъ?»
 —Я не сотничкомъ, не полковничкомъ,
 —А на синемъ морѣ былъ охотничкомъ ⁴⁾.—

(Ср. тамъ же).

*

Эта главная и срединная пѣсня, изъ всѣхъ ближайшихъ и подобныхъ, соединяетъ собою и самую древнюю обѣ Ермалѣ—выпускъ 7, стр. 135, и всѣ дальнѣйшія Петровскія, сколько ни будь историческія, и выше помнутаго стрѣлечія.—Любопытно видѣть за ней передѣлку Сахарова:

1) Вѣроятно: „Со любимыми со казаками“ или „Со любимы-то казака“ и т. п. — 2) Извѣстная Черкесская и Черкасская куртка. — 3) Такъ изъ „голага“ пѣсни дѣлаютъ „раздѣтаго на правожѣ“, изъ крови басурманской—кровь пытки, и на оборотъ (см. „Замѣтку“); отсюда же вѣроятно возникъ и образъ разодрѣтаго, въ рубашкѣ, самого царя.—4) См. выше: изъ козачьей „вольницы“, въ родѣ Новгородскихъ повольниковъ.

2.

На зарѣ-то было на утренней,
 На восходѣ было солнца краснаго,
 Среди торгу-базару, красной площади ¹⁾,
 Собирались казаченьки во единый кругъ.

5. Во кругу-то стоитъ добрый мѳлодець,
 Онъ стоитъ-стоитъ, самъ не тряхнется
 И русы-то его кудрюшки ²⁾ не ворѳхнутся.
 Передъ нимъ-то стоитъ воеводушка ³⁾,
 Онъ не бьетъ его, не пытается,—

крѣпко спрашиваетъ:

10. «Ты скажи, скажи, добрый мѳлодець,
 «Скажи ты правду истинну,—
 «Не атаманъ ли ты, *разудаленькій*,
 или атаманскій сынъ,
 «Не воевода ли ты, *разудаленькій*,
 воеводскій сынъ,
 «Не съ иной ли земли ты, *разудаленькій*,
 грозень посолъ ⁴⁾?)»

15. Отвѣтъ держаль добрый мѳлодець.
воеводъ:

—Не тебѣ, собакѣ, меня, молодца, спрашивать,

—А не мнѣ-то было тебѣ отвѣтъ держать!

—Распросилъ бы меня батюшка
 православный царь,

—Я сказалъ бы ему, батюшкѣ,

правду истинну:

20. —Разорилъ ты ⁵⁾ *прежде* войско Донское,
 —А *другое* войско *Оренбургское*,

¹⁾ Подобныя выраженія и привели пѣсню въ Москву, на Красную Площадь и къ Красному Крыльцу.—²⁾ Отмѣчаются опять лиценціи Сахарова.—³⁾ Такъ снова обойденъ „православный царь.“—⁴⁾ Ср. въ 7-мъ вып. допросы Разина и его сыну.—⁵⁾ По складу пѣсни, не смотря на уклончивость Сахарова, слова эти пришлись все-таки къ лицу „батюшки“, а слѣдующія за тѣмъ „разоренія“ въ рукахъ Сахарова разорили подлинность и достовѣрность Былины.

—Пріѣхалъ ты къ намъ разорять въ городъ,
—Потревожилъ нашихъ стариковъ старыхъ.—

(Сахар. и поздѣйшіе).

* *

Отъ Азова, отъ Черкаска и съ Дону пѣсня постепенно передвигается къ Сѣверу въ столицы. Переходомъ служатъ Безъимяныя, приведенныя выше. „Таланъ.“ „На зарѣ.“ „Ты звезда моя.“ „Высоко звезда восходила“ и т. п. (см. ихъ еще послѣ). Помянутый выше обмѣнъ „Азовской темницы“ на тяжесть „службы государевой.“ обращаясь къ пѣснямъ солдатскимъ и рекрутскимъ, имѣетъ между прочимъ особое специальное начало „Сторона ль моя, сторонушка (чужа-дальная, походная)“ и связывается съ пѣснями другаго начала— „Ты змѣя ль“ или „Ты змѣйка.“—съ пѣснями, которыми описываютъ гибель молодца и его службу „отъ дѣвницы“ или „отъ жены.“ а въ свою очередь сливаются съ пѣснями Стрѣleckими (см. ихъ выше). Есть однако пѣсни, съ тѣми же нѣсколькими началами, но о „ковакѣ Донскомъ“ и „въ темницѣ Московской.“ на примѣръ:

3.

(Губ. Саратовской).

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона ль моя незнамая,
Незнамая, незнакомая!
На сторонушкѣ слободушка,
5. На слободушкѣ квартирушка ¹⁾,
На квартирушкѣ зазнобушка,
Зазнобушка—красна дѣвица,
Бѣлолицая, круглолицая,
Чернобровая, черноглазая:
10. Ужь не ты ль меня высушила,
Безъ морозу сердце вызнобила.
Безъ морозу безъ студенаго?

¹⁾ Это черты пѣсенъ рекрутскихъ, солдатскихъ, походныхъ.

- Высоко звѣзда востодила,
Выше лѣсу, выше темнаго.*
15. *Выше садику зеленаго ¹⁾.*

*Пролежала тутъ дороженька,
Шириною она не широкая,
А долиною конца-краю нѣтъ ²⁾.*

- На дорожкѣ нова улица.*
20. *Нова улица—Московская.
Московская, посадская:
Какъ построена тутъ тюрьма темная,
Въ ней дубовая дверь тяжелая.
Запертая замкомъ крѣпкимъ.*
25. *Замкомъ крѣпкимъ, Нѣмецкимъ.
Въ ³⁾ тюрьмѣ сидитъ невольничекъ;
Невольничекъ, добрый молодець,
Добрый молодець—Донской козакъ.
Во желѣзахъ ноги скованы,*
30. *Въ кандалахъ руки заклѣпаны.
Сидитъ молодець задумавшись,
Задумавшись, пригорюнившись;
Ужь какъ тужить онъ о своей сторонущкѣ,
О своей сторонѣ, молодой женѣ ⁴⁾...*

(ср. сборн. *Постомар. и Мордовц.*).

* *

Такии-то постепенными переходами снова возрастаютъ историческія черты и являются уже Былины въ столицѣ, передъ Петромъ:

¹⁾ Начало второе: ср. выше.—²⁾ *Дороженька* отъводитъ къ *улицѣ* и т. д.: постепенность такая означена у насъ курсивомъ въ печати.—³⁾ Д. б. „во.“—

⁴⁾ Последняя черта, *жена*, связующая снова съ историческимъ лицомъ: ср. выше.

4.

(Съ Урала).

- Подъ стѣной—стѣной было каменной,
 Подъ другой стѣной было дѣрновой ¹⁾,
 Стояла тутъ темна тюрьма,
 Безъ дверей тюрьма, безъ окошекъ,
 5. Съ одной дымовой трубой.
 Во той тюрьмѣ сидѣлъ тюремщикъ,
 Со Тиха Дона молодой козакъ,
 [Молодой козакъ] лѣтъ пятнадцати ²⁾.
 Онъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ,
 10. [Ровно тридцать лѣтъ], еще три года:
 Посѣдѣла его бородушка
 Со буйной его головушкой ³⁾;
 Отростилъ онъ русы кудри
 По могучи плеча;
 15. Не слыхалъ онъ звону колокольнаго,
 Читья—пѣтя церковнаго.
- Случилось царю по тюрьмамъ ѣхать,
 Возвѣстили молодцу караульщички;
 Доѣзжалъ царь до его тюрьмы
 20. И сталъ царь его спрашивать:
 «Гой ты, гой еси, тюремщикекъ,
 «Донско́го войска молодой козакъ!
 «Ты за што про што во тюрьмѣ сидишь,
 «За какія бѣды безголовныя ⁴⁾?»

¹⁾ Изъ дѣрну,—земляная тюрьма: но вѣроятнѣе здѣсь обмолвка или ослышка. И вмѣсто „было каменной“ скорѣе „бѣлокаменной.“ Такъ, потерявъ историческія имена, по отдаленности мѣста, нѣсна старается наверстать общими чертами изображеніе поприща дѣйствія.—²⁾ Ср. выше борьбу съ драгуномъ.—³⁾ Не совсѣмъ народно и противорѣчить „русымъ“ кудрямъ; съ ними вѣроятно и было связано, въ родѣ: „Отростилъ онъ русы кудри со буйной его головушки;“ ср. ниже.—⁴⁾ То же, что „уголовныя“, лишаящія головы, падающія на голову: безголовье—напасть, бѣда уголовная.

25. —За первую я за бѣду сижу:
—Зарѣзалъ я своего отца рѣднаго;
—За другую я вину сижу:
—Зарѣзалъ я молодую жену;
—За третью за бѣду сижу:
30. —Зарѣзалъ я своего братца рѣднаго,
—Изъ за одного коня виноходнаго ¹⁾,
—Изъ ²⁾ ружейца винтовочки.—
Тутъ возговоритъ православный царь:
«Ой ты гой еси, тюремщикъ ³⁾!»
35. «По винамъ твоимъ тебя казнить—вѣшать:
«Я припасъ тебѣ два столба дубовы,
«Третью кладочку соснову,
«Четверту петлю шелкову.»
Тутъ добрый молодецъ испуганлся ⁴⁾,
40. Испустилъ слезы изъ ясныхъ очей,
Сталъ просить царя Бѣлаго ⁵⁾:
«Гой ты, гой еси, батюшка,
«Православный царь!
«Выпусти меня изъ тошной тюрьмы,
45. «Заслужу я тебѣ свою вину,
«Я сослужу тебѣ службу царску:
«Возьму я тебѣ славный Азовъ-городъ,
«Возьму я тебѣ его своей бѣлой грудью,
«И возьму его безъ свинца, безъ пороху ⁶⁾»
50. Выводили молодца изъ тошной тюрьмы,
Подводили его къ рѣлушкамъ ⁷⁾,

¹⁾ Виноходца: „въ вино-ходъ“, въ виноу, особую поступь, или „въ единую ступню“, въ одинъ слѣдъ (такъ „единнорогъ—винорогъ“, „винокъ—единнокъ“ и т. п.).—²⁾ Изъ-за, ради.—³⁾ Согласно предыдущему, слѣдуетъ, какъ и выше: „тюремщикъ“: „безъ окошечекъ“; и ниже: „казнить—вѣшати, дубовые, сосновую, шелковую, царскую, грудью бѣлою.“—⁴⁾ Этимъ усиленно поддерживая складъ пѣсни, уже разрушавшійся въ устахъ.—⁵⁾ Петра, по известному намъ признаку.—⁶⁾ Ср. выше слова стрѣльцовъ при опалѣ.—⁷⁾ Перекладинамъ висѣлицы; все, что „рѣветъ“ въ вышнѣй, виситъ или качается.

- Надѣвали ему на бѣлу шею
Петлю шелковую,
Подымали его высокохонько.
55. Тутъ счастьецо съ молодцомъ случилось:
Отрывалась петля шелковая,
Упаданль ¹⁾ молодець на сырѹ землю.
Подходила къ нему государыня ²⁾,
Подымала его за бѣлы руки
60. И просила царя Бѣлаго:
«Ой гой еси, православный царь!
«Ты не дѣлай молодцу второй казни!»
Тутъ осмѣливался добрый молодець,
Подходилъ къ царю близѣхонько
65. И кланялся низѣхонько:
—Ой ты гой еси, батюшко,
—Православный царь!
—Дай мнѣ волю
—По царевымъ кабакамъ гулять,
70. —Безденежно вино пить ³⁾.—
Возговорилъ православной царь:
«Ой ты гой еси, добрый молодець!
«Я вижу въ тебѣ сердце доброе:
«На што ты зарѣзалъ своего отца рѣднаго?
75. «Молись Богу за государыню:
«Она просила тебя у Бога и у меня царя;
«Богъ простить тебя, молодець,
«И я прощаю, православный царь,
«Во всѣхъ винахъ!»

(Отъ В. И. Дала).

*

¹⁾ Опять то же усиліе возстановить складъ.—²⁾ Такъ изъ жены виновнаго (см. выше) сдѣлана жена государева.—³⁾ Этотъ, по видимому не кстатн и неожиданный оборотъ получилъ мѣсто по памяти о виновномъ „пьяницѣ;“ атвмъ же связывается пѣсня съ приведеннымъ выше Правежомъ.

5.

(Оттуда же).

- Какъ во славномъ во городѣ во Питерѣ,
 Во крѣпости Петропавловской,
 У воротъ было Канверскихъ ¹⁾,
 Тутъ стояла нова тѣмница
5. Безъ дверей и безъ окошечекъ,
 Безъ щелочекъ, безъ протѣсочекъ.
 Тутъ сидѣлъ въ ней добрый мѣлодецъ,
 Добрый молодецъ Донской козакъ.
 Онъ сидѣлъ въ ней ровно тридцать лѣтъ:
10. Отростилъ свою бородушку
 Онъ по самый по шелковъ поясъ;
 Отростилъ свои русы кудри
 Онъ по самы могучи плеча.
 Тутъ случилось царю бхати
15. Мимо славной темной тѣмницы;
 Закричалъ въ ней добрый мѣлодецъ:
 «Эхъ, батюшка, православный царь!
 «Прикажи меня поить-кормить;
 «Не прикажешь ты поить-кормить,—
20. «Прикажи на волю выпустить ²⁾»....

(Отъ него же).

*

---

¹⁾ Кавалерскихъ?—²⁾ Ср. основную Былинну о Донскомъ козакѣ передъ султаномъ.

6.

(Сибирск. губ., с. Головино).

- Ты злодѣй—злодѣй, землянѣ тюрьма!
 Не для меня, добраго мѳлодца, крѣпко строена:
 А понече мнѣ, доброму мѳлодцу, пригодилася;
 А дотолѣва ты, тюрьма, людми—люднѣ:
 5. А понече ты, землянѣ тюрьма, пустынь пустѣ,
 А новьче мнѣ, доброму мѳлодцу, пригодилася ¹⁾,—
 Одишь—то я, добрый мѳлодецъ, во тебѣ сижу,
 Ровно тридцать лѣтъ и три года ²⁾!

- Появилась во русыѣхъ кудряхъ сѣдинушка,
 10. А бородушка у мѳлодца—ровно бѣлый ленъ.

- По двору—то дворочку государеву
 И ходить—гуляеть тутъ православный царь,
 [Православный царь] Петръ Алексѣевичъ.
 Онъ увидѣлъ невольничка во неволюшкѣ:
 15. «О гой еси вы, мои затюремные,
 «[Затюремные] главные сторожи!
 «Что это гуляеть за невольничекъ?»
 И возгѳворить удалый—добрый мѳлодецъ:
 —Я сижу во неволюшкѣ
 20. —И тридцать лѣтъ и три года,
 —И появилась въ моихъ во русыѣхъ кудряхъ сѣдинушка,
 —Бородушка—ровно бѣлый ленъ.—

---

¹⁾ „Пустынь пуста?“—А нынче, какъ ты мнѣ досталась, сижу только я одишь...—²⁾ Это, мы знаемъ по предыдущимъ образцамъ, пѣсня самого невольника и отъ перваго лица его постепенно переходитъ къ разсказу въ лицѣ третьемъ.

- И возговоритъ православный царь Петръ Алексѣевичъ:
«И Богъ тебя прощаетъ, и сударь ¹⁾ жалуетъ:
25. «Выпусти ²⁾ добраго молодца изъ неволюшки!»

(Отъ П. М. Языкова).

* * *

Вмѣстѣ съ событіями и Быльями другаго рода, эта пѣсня также движется въ Малую Русь, связываясь съ судьбою Палія (см. ниже): то промежуточныя звѣнья творчества между Азовомъ-Донемъ съ одной, Сѣверомъ или Новою Русью съ другою стороны.

Но пѣсня въ образцѣ, сей часъ приведенномъ, имѣетъ и свои присныя судьбы въ области Безымянныхъ, съ тѣмъ же началомъ, „Ты злодѣй-злодѣй, земляца тюрьма,“ или „Сторона-ль моя сторонushка (другая вѣтвь)“ и т. п.; это уже простыя „Темничныя,“ и вотъ одна изъ отпрысковъ, пока до будущаго:

7.

(Губ. той же, с. Станничное).

- Не для ради меня, молодца, тюрьма строена,
Одному же мнѣ, доброму молодцу, пригодилася.
Сижу-то я въ ней, добрый молодецъ, тридцать лѣтъ,
И тридцать лѣтъ и трѣ года.
5. Появилась сѣдинушка во русыхъ кудряхъ,
А бородушка у молодца какъ бѣлый лёнъ;
На рѣзвыхъ-то ногахъ желѣзушки перержавили,
Всѣ дверюшки-верекюшки развалилися.
- Пошелъ то я, добрый молодецъ, изъ тюрьмы-то вонъ:
10. «Ты прости, прости, воръ-злодѣюшка,
«Воръ-злодѣюшка, земляна тюрьма,
«И ты ли меня, молодца, состарила!»

(Отъ А. М. Языкова).

* * *

¹⁾ Государь.—²⁾ Безлично: выпустить! Подобно: „пускай, давай, бери!“ и т. д.—Отъ того-то, обратно, въ нашемъ Западномъ и Южномъ нарѣчій, со Слова о п. **М** доселѣ, неокончательное слилось съ повелительнымъ 2-го лица („вонзять“ вм. „вонзьте,“ и т. п. ср. ниже).

IX.

Царница Евдо́вья Фе́доровна Лопухина.

Пѣсня Царицы.

1.

(Москва).

- Возлѣ рѣченьки хожу млада,—
 Меня рѣченька стоить хочеть;
 Возлѣ ѳгничка стою млада,—
 Меня ѳгничекъ ¹⁾ спалить хочеть;
5. Возлѣ милаго сижу млада,—
 Меня милый другъ журить-бранить,
 Онъ-то журить-бранить,
 Въ монастырь нгти велить:
 «Постригись, моя немилая,
10. «Посхѣмися, постылая!
 «На постриженье выдамъ сто рублей,
 «На посхѣменье тебѣ тысячу,
 «Я поставлю нову кѣлейку,
 «Въ зеленѳмъ саду подѣ яблоней,
15. «Прорублю я три окошечка,—
 «Первое ко Божѣей церкви,
 «Другое-то во зеленый садѣ,
 «Третье-то во чисто поле:
 «Въ Божѣей церкви ты намолишься,
20. «Въ зеленѳмъ саду нагуляешья,
 «Во чисто поле намотришья ²⁾»

¹⁾ Ошибкой было напечатано: „ѳгничка, ѳгничекъ.“—²⁾ Отсюда, по извѣстному намъ способу творчества, пѣсня заключенной переходитъ въ разсказъ Былины.

- Случилось ѣхать князьямъ-боярамъ.
Они спрашиваютъ: «Что за келейка,
«Что за келейка, что за нѣвенька,
25. «Что въ ней за монашенка за молоденька?
«Еще кѣмъ она пострижена?»
Отвѣчала имъ монахиня:
—Я пострижена самимъ царёмъ,
—Я посхивлена Петромъ Первымъ,
30. —Черезъ его змѣю лютую.—

(Записана кн. В. Ф. Одоевскимъ въ половинѣ 1862 года съ голоса 80-лѣтней дамы, а та въ дѣтствѣ переняла отъ няни, слѣдственно съ пѣніи 1790-хъ годовъ; нашла княземъ съ напѣвомъ въ 1863 г., во 2-мъ № „Р. Архива.“—Ср. въ 6-мъ вых. Былмну и Плачь посланной Грознымъ Царицы, а въ 7-мъ Пѣсню и Плачь Ксеніи).

*

Въ слѣдъ за симъ нѣя терется:

2.

(Москва).

- Возлѣ рѣченьки стою млада,—
Меня рѣченька потопить хочетъ;
Возлѣ огонька хожу млада,—
Меня огоньчикъ спалить хочетъ:
5. Возлѣ милаго сижу млада,—
Меня милый журить-бранить;
Ужь онъ журить-то—бранить,
Постричься велить:
«Постригись ты, моя немилая,
10. «Посхимься, разпостылая!
«На постриженье дамъ тебѣ сто рублей,
«А на посхименье тысячу;
«Я построю тебѣ нову келейку,
«При пути при дороженькѣ,
15. «Во зелѣномъ саду подѣ яблоней;
«Прорублю три окошечка,—

- «Первое окно ко Божіей церкви,
 «А второе окно во чисто поле,
 «А третіе во зелѣный садъ:
 20. «Въ Божьей церкви помолишься,
 «Во зелѣномъ саду разгуляешься,
 «А въ чистомъ полѣ со мной увидишься ¹⁾»

(Записано и намъ сообщено В. Н. Далемъ въ 1861 году: „прилагаю недавно записанную пѣсню, какъ народъ увѣряетъ, на первую супругу Петра I.“)

*

3.

(Самарскій край).

- Я по бѣрежку хожу-хожу,
 Я на быструю гляжу-гляжу:
 Меня рѣченька топить хочеть;...²⁾
 Немилый мужъ журить-бранить,
 5. Журить-бранить, постричься велить:
 «Постригись, моя немилая,
 «Ты посхимься, распостылая!
 «За ³⁾ постриженье дамъ сто рублей,
 «За посхимленье дамъ тысячу;
 10. «Я поставлю тебѣ кѣлейку,
 «Что новѣхоньку, малѣхоньку,
 «Во оградушку ⁴⁾ окошками,
 «Во зелѣный садъ краснымъ крыльцомъ,
 «И накрою чернымъ бархатомъ,
 15. «Разувѣшу ⁵⁾ цвѣтами алыми.»
 Мимо кѣлейки Старцы ѣхали,
 Старцы ѣхали Перехожіе ⁶⁾,

¹⁾ По смерти, въ могилѣ. — ²⁾ За сямъ пропускъ. — ³⁾ На. — ⁴⁾ Монастырскую: передѣлано изъ „огорода“—сада. — ⁵⁾ Вѣроятно „разцвѣчу.“ — ⁶⁾ Калѣки Перехожіе, пѣвцы, что разносили по свѣту вѣсти, подслушивали пѣсни, слагали Былины.

Перехожіе, переѣзжіе;
 Моей келейкѣ дивовалися:

20. «Ужь и что́ это за келейка,
 «Что́ во келейкѣ за-старичка ¹⁾,
 «За молóденька монашенка?
 «Что́ во кельѣ за монашенка,—
 «Молодѣхонька пострижена,
 25. «Что́ пострижена-посхимлена,
 «За какой грѣхъ Богу молится,
 «За великій, знать, спасается?»»
 —Ахъ вы, Старцы Перехожіе,
 —Перехожіе, переѣзжіе,
 30. —Неразумные, недогадливы!
 —Вы спросите, разузнайте-ка ²⁾?—

Да ужь Богъ съ тобой, немилый мужь!
 На роду мнѣ такъ написано!

(Ср. сборникъ г. Варенцова 1862 г., гдѣ собиратель замѣчаетъ, что „такое невольное постриженіе было дѣломъ обыкновеннымъ въ Русской семьѣ до XVIII ст.“).

*

4.

(Саратовской губерніи).

- Возлѣ рѣченьки я хожу, молода,—
 Меня вóдоньки потопить хотять;
 А немилый мужь всё журить-бранить,
 Всё журить-бранить, постричься велтъ:
 5. «Постригися, моя жена немилая,
 «Постригися, моя жена постылая!

¹⁾ Монашенка, старица.—²⁾ Здѣсь такъ замѣтенъ покровъ тайны; народъ доселѣ подобныя пѣсли, какъ на примѣръ о князѣ Волконскомъ и влюшничкѣ, неохотно поѣтъ, ссылаясь на заврещеніе.

- «За ¹⁾ постриженье тебѣ дамъ сто рублей.
 «За посхименья дамъ тебѣ тысячу;
 «Я построю тебѣ нову келейку,
 10. «Обоью ея чернымъ бархатомъ;
 «Ты въ ней будешь жить да спасатися,
 «Что спасатися—Богу молитися.»

Какъ и ѣхали тутъ купцы богатые.
 Какъ увидѣли они нову келейку.

15. Дивовалися новой келейкѣ:
 «Ахъ и что это, братцы, за келейка?
 «Хорошо келья построена,
 «И малехонька, и новехонька:
 «Ужь и кто же въ ней спасается,
 20. «Или вдовушка, или дѣвушка?»»
 Выходила къ нимъ младая старочка.
 Хорошохонька, малодехонька,
 Поклонилася имъ низехонько.
 Поклонившися слово молвила:
 25. —Тутъ спасается не дѣвушка,
 —Не дѣвушка и не вдовушка,
 —А спасается тутъ жена мужняя.—
 —Не въ любви жила—не въ согласии ²⁾.—

Какъ и взмолился тутъ немилый мужъ:

30. «Разстригися ты, жена моя милая!
 «За разстриженье дамъ тебѣ тысячу,
 «За расхименья—все имѣнье:
 «Я построю тебѣ новъ-высокъ теремъ,
 «А со красными со оконцами,
 35. «Со хрустальными со стекольцами:
 «Будешь жить въ немъ—прохлаждатися,

---

¹⁾ На.—²⁾ Слѣдующій оборотъ представляется послѣ того, какъ вѣсть о постриженной разнеслась и мужъ устыдился.

- «Во цвѣтно платье наряжати.»
 Какъ возговорить молода старочка:
 —Что не надо мнѣ твоей тысячи,
 40. —Ни всего твоего имѣньяца,
 —Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ теремъ:
 —Я остануся въ этой келейкѣ,
 —Ужь я стану жить-спасатися,
 —За тебя Богу молитися.—

(Запис. гг. Костомаровымъ и Мордовцевой, ср. „Лѣтоп. Р. литер.“ т. IV).

*

Былина съ запрещеннымъ именемъ, постепенно его теряла и скоро уже перешла открыто въ простыя пѣсни бесѣдныя:

5.

- Возлѣ садику млада кожу,
 Возлѣ зеленѣ млада гуляю,
 Соловьѣвыхъ ¹⁾ пѣсенъ слушаю:
 Хорошо въ саду соловей поеть,
 5. Онъ поеть-поеть припѣваючи,
 Къ моему горю примѣняючи,
 Къ моему житью ко несчастному.

- Не пѣняю я, молодѣшенька,
 Ни на батюшку, ни на матушку,
 10. Ни на брата—на яснаго сокола,
 Ни на сѣстрицу—лебедь бѣлую;
 Что пѣняю я, младѣшенька,
 На свою ли участь горькую,
 На свои ли очи ясныя:
 15. Ахъ вы очи-очи ясныя!

¹⁾ Разнорѣчіе позднѣе: „Соловьинныхъ.“

Вы глядѣли да оглядѣлися,
 Вы смотрѣли да осмотрѣлися ¹⁾:
 Не по мысли вы друга выбрали,
 Не по мѣму по обычаю!

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, слѣдовательно записано въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, а пѣлось передъ тѣмъ; за нами другіе позднѣйшіе).

*

Вотъ еще ступень дальнѣйшей передѣлки, а можетъ быть первообразъ, къ которому пришла свою пѣсню царца:

6.

Какъ прошла ли про дѣвицу небылица,
 Будто бы я батюшку обезсудила ²⁾,
 Родную матушку обесчестила,
 Что сама-то я ко милу другу приходила.
 5. Ахъ за то на меня батюшко ³⁾ осердился,
 Родимая матушка распрогнѣвилася.
 Что построилъ мнѣ сударь-батюшка темницу,
 Безъ дверей-то онъ построилъ, безъ окошекъ,
 Что одна только у темницы трубица.
 10. И я стану своего батюшку просити:
 «Проруби ты мнѣ, сударь-батюшко, три оконка,—
 «Ужь какъ первое окошко—въ чисто поле,

¹⁾ Сахаровъ со свойственнымъ остроуміемъ исправилъ: „заглядѣлся, засмотрѣлся.“—²⁾ Обезславил.—„Обезсудить“—лишить суда, т. е. по старому представленію—жеребья и счастья, доли (откуда *со-судъ*, выѣствище жеребья).—Понятіе же „безславія“ привилось къ этому слову такимъ путемъ: лишить кого возможности—стать передъ судомъ „съ лицомъ свѣтлымъ.“ Это подтверждается народнымъ творчествомъ Сербовъ, по которому главное счастье—свѣтлый образъ передъ судомъ („на дивану“), а главная бѣда человѣку—образъ черныи, „при образъ“ лицо обесчещенное.—³⁾ Переходъ звательнаго на о въ именительный, какъ у Южныхъ Славянъ (и Итальянцевъ).

- «А другое-то окошко—въ садъ зелёный,
 «Ахъ какъ третье-то окошко—на сине море.
 15. «Какъ по ўтру я, красна дѣвица, рано встану,
 «Погляжу-то я, красна дѣвица, въ чисто поле:
 «Ничего-то я, красна дѣвица, не видала;
 «Погляжу-то я, красна дѣвица, въ садъ зелёный:
 «Жалобнёхонько въ саду пташки распѣвали;
 20. «Погляжу-то я, красна дѣвица, на сине море:
 «Какъ плыветъ тутъ—выплываетъ новъ корабликъ,
 «Какъ на томъ корабликъ мой дружечикъ.

- «Я въ окошечко милу другу кричала,
 «Я платкомъ милу другу махала:
 25. «Какъ не слышитъ мой сердечный другъ, не видитъ.
 «Такъ я рѣчушкой милу другу махнула,
 «Въ окошечко милу другу поклонилась:
 ««Ты прости, моя надёжа, милъ-сердечный другъ ¹⁾.
 ««Ужъ какъ знать, что ²⁾ мнѣ съ тобою не видаться!»»

(Оттуда же).

* * *

Здѣсь кончается *первая* половина Быловыхъ пѣсень изъ времени Петровскихъ и начинается за сѣмъ *вторая*, нѣсколько отличнаго характера, о чемъ см. „Замѣтку.“

¹⁾ Должно быть: „другъ сердечный.“—²⁾ Вѣроятно: „Ужъ какъ знать-то.“

Война Сѣверная. Походы Шведскіе.

Х.

1.

Русскій сонъ.

«Вечоръ—то мнѣ, матушка,
малымъ—мало спалося,

«Что малымъ—мало спалося,
много видѣлося:

«Какъ привидѣлась мнѣ, матушка,
крута гора во снѣ;

«Что на крутой на горѣ
бѣль—горючь камень лежитъ;

5. «А на камнѣ выросталъ
часть—ракитовый кустъ;

«Какъ на кустикѣ сидитъ птица
младъ—сизой орелъ,

«Во когтяхъ своихъ онъ держитъ
черна ворона ¹⁾»

Что возгворить родная еѣ
матушка:

—Ты дитя мое, дитя милое!

---

¹⁾ Въ нашей древней словесности видѣть обыкновенно такой сонъ „дѣвица,“ или въ ея образѣ „земля:“ здѣсь—дѣвица, а мать ея—земля Русская, сыра мать земля.

10. —Я тебѣ, дитя, сонъ этотъ разсужу:
 —Что крута гора,—
     то каменная Москва;
 —Бѣль-горючь камень,—
     то нашъ Кремль-городъ;
 —А ракитовъ кустъ,—
     то Кремлевскій дворець;
 —Сизой орёлъ,—то нашъ батюшка,
     православный царь;
15. —А черной воронъ,—
     то Шведской король.
 —Побѣдить нашъ государь
     землю Шведскую
 —И самого короля
     во полонъ возьметъ.—

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними позднѣйше и Сахаровъ).

* *

2.

Видѣнье королю Шведскому.

(Губ. Орловской, у. Малоархангельскаго).

Ты дорожка ли моя, дорожка,
     торна-широкая!
 Долиною ты, дорожка,
     конца-краю нѣту;
 Што никто ли, вить, по этой
     дорожкѣ не ѣздить,
 Только ѣздить-проѣзжать
     одинъ король Шведскій.

- б.   Закричалъ ли король Шведскій
     громкимъ голосочкомъ:

8*

- «Поглядите вы, ребята,
на свою сторонку,—
«Вот на нашей на сторонкѣ
всѣ темно и чѣрно:
«У насъ только, братцы, чѣрно,—
жить младцамъ невольно.
«Поглядите жъ вы, ребята,
въ Русскую сторонку,—
10. «У, какъ тамъ ли, во Россіи,
ясно всё и краснo:
«Ясно всё и красно,
жить младцамъ прекрасно ¹⁾»

(Записано кн. Костровымъ).

* * *

3.

Сборы Шведскіе.

(Съ Урала).

- Во матушкѣ каменной Москвѣ,
Тутъ бѣжитъ рѣчка быстрая;
По правой сторонкѣ войско царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго;
5. По лѣвую сторонку всё [Французское] ²⁾.
Среди силушки ³⁾ генераль стоитъ,

¹⁾ Въ сихъ образцахъ Сонъ и Видѣніе составляютъ такое же точно вступленіе къ великой творческой были, какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ.—²⁾ „Войско Шведское.“ Во Французовъ все передѣлано по отдаленности мѣста (ср. и выше подобные случаи въ пѣсняхъ съ Урала).—³⁾ Шведской.

- Генералъ стоитъ [молодой Французъ] ¹⁾;
 Въ рукахъ держитъ золоту трубу,
 Золоту трубу подзорную;
10. Онъ глядитъ—смотритъ во чисто поле,
 Во чисто поле, во синё море.
 Не пыль-то въ полѣ запылилася:
 Запылилася сила—армія [Французская] ²⁾.
 Побьютъ—то, побьютъ силу—армію
15. Царя Бѣлаго, Петра Перваго!
 «Сударыня, барыня ³⁾!
 «Откажи намъ всё Низовы города,
 «Всѣ Низовы города, всѣ широкі острова,
 «Всѣ широки острова, всѣ глубокі озера,
20. «Всѣ глубоки озера, всѣ и чистыя поля,
 «Всѣ и чистыя поля, всѣ и тёмные лѣса!»

(Отъ В. Ш. Дала.—Ср. выше Князя Стрѣльковскаго и ниже Графа Шереметова).

* *

4.

Сборы Русскіе.

(Верчипскъ).

На канунѣ было Петрова дни, царскаго ангела,
 Какъ не золотая трубынька вострубила,
 Не серебрянна синовочка возыграла ¹⁾,
 Какъ возгворить нашъ батюшка православный царь,

¹⁾ Сравнительно съ другими образцами вѣроятно пѣлось въ подлинной пѣснѣ: „самъ король стоитъ, Самъ король стоитъ земли Шведскія.“—²⁾ „Земли Шведскія“ или „Войско Шведское.“—³⁾ Это письмо короля Шведскаго и вѣроятно „Ужь ты гой еси, матушка, православная государыня“ и т. п., а это отъ того, что всѣ подобныя пѣсни дальнѣйшей эпохи (см. вып. 9) начинаются такимъ обращеніемъ Шведовъ, Прусаковъ и Турокъ къ государынямъ.—⁴⁾ Ср. выше сборы подъ Азовъ.

5. Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичь:
 «Охъ вы гой еси, князья со боярами!
 «Пьете вы—ѣдите всё готовое,
 «Цвѣтное платьице носите припасёное,—
 «Ничего-то вы не знаете, не вѣдаете:
10. «Еще пишетъ король Шведскій ко мнѣ грамотку,
 «Онъ будетъ, король Шведскій, ко мнѣ кушати.
 «Ужь мы столики разставимъ,—Преображенскій полкъ,
 «Скатерти разстелемъ,—полкъ Семеновскій,
 «Мы вилки да тарелки,—полкъ Измайловскій,
15. «Мы поильце ¹⁾ медяное,—полкъ драгунушекъ,
 «Мы кушанья сахарны,—полкъ гусарушекъ,
 «Потчивать заставимъ,—полкъ пѣхотушекъ.»

(Записано Юрьевскимъ, дост. М. П. Погодинымъ).

* *

5.

Выступъ войска.

- По конецъ было славна города,
 Славна города коменной Москвы,
 Что на самомъ ли на выѣздѣ,
 На розстаняхъ ко Всесвятскому ²⁾,
5. Не туманъ, братцы, затуманился,
 Не роса пала на травушку,
 Что катилися горючі слезы,
 Горючи слезы солдатскія,
 Идучи, братцы, въ землю Шведскую.

---

¹⁾ Поильце, пойло, питье.—²⁾ Извѣстное подмосковное село, по дорогѣ на Тверь и Новгородъ.

10. Всѣ солдаты во слезахъ идутъ,
 Во слезахъ идутъ възрыдаючи:
 Что прощаются ль солдатухи
 Какъ съ отцами и со матерями,
 Что съ женами и со дѣтками,
 15. Съ родомъ-племенемъ, съ пріятельми.
 Лишь одинъ изъ нихъ весѣлъ идетъ,
 Что весѣлъ идетъ, не кручинится:
 Оставляетъ онъ отца и мать,
 Оставляетъ молодую жену,
 20. Оставляетъ малыхъ дѣтушекъ,
 Оставляетъ весь и родъ-племя ¹⁾).

- [Но имѣеть весьма храбрый духъ,
 Исполняетъ волю царскую,
 Вооружается за вѣру онъ,
 25. Идетъ ратью за отечество].

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе).

* * *

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

XI.

Сборы и выѣздъ Шереметева. Пѣсня его.

1.

(Губ. Арханг., Шенкурскъ).

По дороженькѣ по Московской
 Шли-прошли три полка солдатъ,
 Три полка солдатъ, молодыхъ ребятъ.

¹⁾ Слѣдующее за сими явно сочинено книжникомъ.

- Впереди-то идутъ.—въ барабаны бьютъ,
 5. За имѣ-то ¹⁾ идутъ со знаменемъ,
 А во всемъ полку артикуль мечутъ,
 Замки крѣпко бьютъ, ружьица свѣтлѣютъ ²⁾
 Замки вбрыкали, солдаты всплакали:
 «Гдѣ намъ день днвать, ночь коротать?
 10. «Намъ денѣкъ днвать—во чистомъ полѣ,
 «Во чистомъ полѣ, подъ яснымъ небомъ:
 «Ночь коротати,—во темномъ лѣсу,
 «Во темномъ лѣсу, во сыромъ бору;
 «Намъ постелечка—мать сыра земля,
 15. «Намъ зголовьицо—зло корѣньицо,
 «Умываньицо—частый-мелкій дождь,
 «Утираньицо—шелковѣ трава!»»
- Позади полка идутъ—коня ведутъ,
 Лошадь добрую, сивогривую:
 20. На конѣ сидитъ самъ полковничѣкъ ³⁾,
 Самъ полковничѣкъ—Шереметевъ графъ.
 Во рукахъ держитъ саблю острую,
 Во устахъ держитъ рѣчь хорошую ⁴⁾:
 «Срягается ⁵⁾ мой батюшка ⁶⁾ изъ Москвы въ походъ,
 25. «Какъ во ту ли землю Шведскую, за границу государеву;
 «Меня, добра молодца, съ собой беретъ:
 «Не хотѣлось мнѣ, добру молодцу, изъ Москвы итти,
 «Хотѣлось мнѣ, добру молодцу, при Москвѣ пожить,
 «При Москвѣ пожить, во дворцѣ служить,
 30. «Московскимъ чудотворцамъ молитися.

1) За ними-то.—2) Свѣтлѣютъ.—3) См. выше Кнзя Стрѣлковскаго и короля Шведскаго.—4) За симъ, замѣчаетъ записавшій, „напѣвъ перемѣняется, и, голосомъ прежнихъ нашихъ рапсолистовъ, которые нѣкогда пѣвали о „убогомъ Лазарѣ“ и объ „Алексѣѣ, человекѣ Божіемъ,“ продолжается монотонно эта пѣсня.“ Очень естественно, ибо за симъ, внѣ были или, лучше, внутри ея вставлена пѣсня—Плачь самого Шереметева (ср. подобные приемы творчества выше). 5) Въ другомъ спискѣ: „Снаряжался.“—6) Государь.

- «Остался ¹⁾ у добраго молодца сирь зелёный садъ.
 «Во садикъ оставалось три дерева:
 «Первое деревцо—кипарисовое,
 «Другое деревцо—яблонь кудрявая,
 35. «Третье деревцо остается—груша зелёная.
 «Кипарисъ растетъ—родной батюшка,
 «Яблонь кудрявая—Богоданная матушка,
 «Груша зелёная остаётся—молода жена.
 «Отъ того мнѣ—ка не хотѣлось изъ Москвы итти,
 40. «А хотѣлось мнѣ при Москвѣ пожить,
 «При Москвѣ побыть, при дворцѣ служить,
 «Чудотворцамъ Московскимъ покланяться,
 «Отца рѣднаго на старости печаловать ²⁾,
 «За матерью въ немогутъ ³⁾ ухаживать,
 45. «Молодой женой любоватися!»

(Записано г. Борисовымъ и доставлено черезъ М. П. Погодина).

*

Подобная пѣсня, какъ и предыдущія такія же, легко терла имя и безъ обстановки
 расказка дѣлалась одною жалобой на службу. Вотъ постепенность:

2.

- Какъ никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ,
 Что куда нашъ государь-царь снаряжается:
 Снаряжается государь-царь въ землю Шведскую;
 Онъ меня ли, добра молодца, съ собой беретъ.
 5. Ужь какъ мнѣ ли, добру молодцу, не хотѣлося:
 Мнѣ хотѣлось, добру молодцу, при Москвѣ пожить,
 При Москвѣ пожить, при дворцѣ служить,
 При дворцѣ служить при государевомъ.

¹⁾ „Остается.“—²⁾ Заботиться, печаль.—³⁾ Въ немочи, въ болѣзни.

- Какъ не жаль-то мнѣ, молодцу, золотой казны,
 10. Только жаль-то мнѣ, молодцу, зеленá сада;
 Что во зéленомъ во садикѣ три деревца:
 Ужь какъ первое въ саду деревцо—кедровое,
 А другое въ саду дерево—кипарисное,
 А третье въ саду древо—сладка яблонька.
 15. Что кедрово древо въ саду—родной батюшко,
 Кипарисъ древо въ саду—родна матушка,
 Сладка яблоня въ саду—молода жена,
 Отросточки у яблонки—малы дѣтушки.

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе).

*

3.

(Губ. Калужской, у. Боровскаго, с. Слобода).

- Какъ куды же нашъ православный царь собирается?
 Собирается православный царь во ины земли,
 Во ины земли во Шведскія,
 Изъ за Шведскихъ—то въ Турецкія.
 5. Какъ меня, добраго молодца, за собой беретъ:
 Ужь и мнѣ—то, доброму молодцу, не хотѣлося,
 Ужь хотѣлось мнѣ, доброму молодцу, при Москвѣ пожить,
 Въ славной улицѣ въ Воскресенской ¹⁾.

(Запис. П. В. Квр.).

*

---

¹⁾ „Въ Воскресенскія.“

4.

(Съ Урала).

- Ни въ умѣ-то было, ни въ разумѣ,
 Въ помышленьицѣ моемъ не было,
 Куды-то нашъ батюшка,
 Православный царь, собирается.
5. Собирается-соряжается въ дальнюю сторону,
 Въ Низовой [корпусъ] ¹⁾,
 Меня, добраго молодца, съ собой беретъ.
 Не хотѣлось доброму молодцу въ походъ итти,
 Хотѣлось мнѣ, доброму молодцу, во Москвѣ пожить,
10. Во Москвѣ пожить, при дворцѣ служить.
 Не жаль-то мнѣ, доброму молодцу, свою сторону,
 Не жаль мнѣ, доброму молодцу, зелёный садъ,
 Только жаль мнѣ, доброму молодцу,
 Во саду три дѣревца:
15. Первое дѣревце—кипарисное,
 Другое дѣревце—сладкая яблонь,
 Третье дѣревце—зеленá груша,
 Подъ грушицей подъ зеленой есть отросточки.
 Кипарисъ древо—родной батюшка,
20. Сладкая яблонь—родная матушка,
 Зелена груша—молода жена,
 А отросточки—малы дѣтушки.

(Отъ В. И. Дала).

*

5.

(Оттуда же).

Эхъ, куды ты, православный царь, собираешься?
 Собирается православный царь во Низовы города,

¹⁾ Старше конечно: „Въ Низовой-то полкъ“ или „Въ Низовы полки.“

- Меня ли, добраго молодца, съ собой беретъ.
 Не жаль-то мнѣ, доброму молодцу, ни житья-бытья,
 5. Только жаль мнѣ, доброму молодцу, зеленá сада,
 Въ зеленымъ саду жаль мнѣ трехъ яблонокъ,
 А больше жаль мнѣ сладкой грушицы,
 А еще больше жаль мнѣ разстаться съ родными дочерьми!

(Отъ него же).

*

6.

(Губ. Симбирской, с. Ставичное).

- Никто про то не знаетъ, не вѣдаетъ,
 Что куды-то нашъ православный царь собирается,
 На Казань городъ сбирается, или въ Астрахань.
 Меня, добраго молодца, за собой беретъ,
 5. Ивана Леонтьевича Севрюгина ¹⁾.
 А мнѣ было, доброму молодцу, не хотѣлося:
 Мнѣ хотѣлося, доброму молодцу, во Москвѣ пожить,
 Во Москвѣ пожить, при дворцѣ служить.

(Отъ А. М. Лыкова).

7.

- Не черной воронъ высоко леталъ,
 Высоко леталъ, жалобно кричалъ,—
 Добрый молодецъ по Москвѣ гулялъ.
 По Москвѣ гулялъ, тяжело вздыхалъ:
 5. «Мнѣ не жаль-то, не жаль самому себя,
 «Только жаль-то мнѣ, жаль зеленá сада!

---

¹⁾ Сообразно Низовымъ городамъ, появляются снова и прежніе герои: ср. выше Ивана Скордыгина.

- «Въ зеленѣмъ саду есть три дѣревца
 «Перво дѣревцо—кипарисное,
 «Друго дѣревцо—сладка яблонка,
 10. «Третье дѣревцо—зеленѣ груша.
 «Кипарисъ древо—родной батюшко,
 «Сладка яблонка—родна матушка,
 «Зелена груша—молода жена.
 «Родной батюшка плачетъ,—какъ рѣка льется,
 15. «Родна матушка плачетъ,—какъ ключи шумять,
 «Молода жена плачетъ,—роса утрення:
 «Какъ солнце взойдетъ, росу высушить.»

(Запис. П. В. Кир.).

Пѣсня эта своимъ началомъ, а особенно концомъ, переходитъ уже въ совершенно особый разрядъ многочисленныхъ Молодецкихъ Безъимянныхъ пѣсень.

* * *

ХII.

Шереметевъ и Шлиппенбахъ.

Маіоръ земли Шведской.

1.

(Земля Войска Донскаго).

- Какъ во тысяча во семьсотъ во первомъ году.
 Да и шестаго мѣсяца Іюня ¹⁾,
 Какъ шестаго на десять во числахъ ²⁾,
 Какъ во томъ было во чистомъ полѣ,
 5. Пролегала тамъ дороженька широкая,
 Долиною, пробойная,—краю нѣту ³⁾.

¹⁾ По другимъ „Іюля.“—²⁾ Въ числахъ, по числу—Іюня 16-го.—³⁾ Дороженька пробойная, долиною—краю нѣту.

- Какъ по той по ширóкой по дорожкѣ,
Тамъ шель—прошелъ царскій Большой Бояринъ,
Кавалеръ Борисъ Петровичъ Шереметевъ,
10. Со своимъ онъ со коннымъ эскадронѣмъ.
Со своимъ онъ пѣшеходнымъ батальономъ,
Со своимъ козацкими полками,
Со своимъ Донскими козака́ми.

- Приходили они на Шведскую границу,
15. Вокругъ Краснаго Мыса ¹⁾ становились,
Козаковъ посылали грабить городъ Илтаво́ры ²⁾:
Они Красный Мысь разорили,
Въ полонъ Шведскаго маіора посадили...

(Не кончено; ср. сборникъ Савельева, 1866 г.).

Пѣсня важна тѣмъ, что, кромѣ чиселъ, соединяетъ сей отдѣлъ съ предыдущимъ описаніемъ „дороженьки широкой.“

*

2.

(Губ. Калужской, у. Лихвинскаго, с. Андроновское).

Собирался—то Большой Баринъ,
Онъ со тѣмъ ли войскомъ со Россейскимъ,
Что на Шведску—то границу.

- Не дошедши онъ границы, становился,
5. Становился въ чистомъ полѣ; при долинѣ,
Россейскимъ войскомъ поле изуставилъ,
Россейскими знаменами поле изукрасилъ.

¹⁾ Красной Мызы.—²⁾ Ерестѣры (Елтафоры—Илтаворы).

- Какъ увидѣлъ король Шведскій:
«Что-й-то въ полѣ всё за люди?
10. «Ни ¹⁾ торгомъ прѣхали они торговати,
«Или нашего городу глядѣти?»

- Что приходили только й силы ²⁾,
Что ни люты звѣрки проревѣли,—
Что чугуныя ядры проревѣли;
15. Сходилися тѣто й двѣи силы,
Что шибкіе громы гремѣли,
Что ни люты звѣри проревѣли,—
Прогремѣли чугуныя ядры:
Что между ихъ протекали рѣки,—
20. Протекали рѣки, рѣки кровавыя ³⁾;
Что и силы полягло,—что и смѣты нѣту.

(Запис. П. Н. Якушкинымъ).

*

3. :

(Сызрань, Симбирск. губ.).

- При край было синяго моря,
При усть ⁴⁾ было Тихаго Дунаю ⁵⁾,
Тутъ роспахана была пашня:
Не плугами и не сохами,—
5. Добрыхъ коней копытами;

¹⁾ Нисъ, нѣсть ли?—²⁾ Какъ только приходили силы.—³⁾ Начало сравненія, разыгравшагося далеко въ слѣдующихъ образцахъ.—⁴⁾ См. выше объ этой формѣ.—⁵⁾ Тихаго Дону: участіе Донскихъ козаковъ разсѣяло ихъ черты по всѣмъ пѣснямъ этой эпохи, ср. выше. Но любимый Дунай явился еще потому, что все это начало восходить къ глубокой древности образовъ.

- Посѣяна была пашня
 Еще тѣми же драгунскими тѣлами;
 Взборонована была пашня
 Еще тѣми же Мурзавецкими ¹⁾ копьѣми:
10. Поливана была пашня
 Тою ли хрiстіанской кровью. ²⁾
- Собирался Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ князь
 Подъ тотъ ли подъ городъ подъ Мызу.
 Онъ исправилъ провіанты не большіе,
15. Въ походъ пошелъ,—онъ и шелъ все топями,
 Все топями, все грязями,
 Все темными лѣсами.
 Не дошедши онъ Мызы, становился,
 Не дошедши онъ Мызы за пятнадцать верстъ:
20. Онъ разѣзжихъ козѣковъ разсылаеть,
 Разѣзжіе козаки разѣзжаютъ.
 Шведскіе караулы разбиваютъ,
 И Шведскаго маіора поимали,
 Къ Борису Петровичу приводили.
25. То Борисъ сударь Петровичъ сталъ его пытати,
 Крѣпкими допросами допрашати:
 «Охъ ты гой еси, маіоръ Шведскій!
 «Скажи—не утай всеѣ правду:
 «Много ли у васъ силы?»
30. Возговорить маіоръ Шведскій:
 —Охъ ты гой еси, Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ
 князь!
- У васъ силы много:
 —Со мною со маіоромъ сорокъ тысячь,
 —А съ самимъ съ королемъ много—смѣты нѣту.—
35. Какъ возговорить Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ
 князь:

¹⁾ Мурзинскими, ср. Былины Богатырскія.—²⁾ Образы и краски Слова о П. Игоровѣ.

- «Охъ ты врѣшь—плутуешь, говоришь не дѣло!
 «Я этого не боюся,
 «Я съ конницей съ драгунами не ворочуся:
 «Собью я Мызу всю съ корня,
 40. «До самой до пѣшты 1)!»

(Запис. Языковъ).

*

Слѣдующій образецъ отлично развитъ и соотрѣпанъ:

4.

- Не грозная гуча возставала 2),
 Не часть—крупень дождикъ выпадаетъ:
 Изъ славнаго изъ города изъ Пскова 3)
 Подымался царѣвъ Большой Бояринъ,
 5. Графъ Борисъ сударь 4) Петровичъ Шереметевъ,
 Онъ съ конницею и со драгуны 5),
 Со всею Московскою пѣхотой.

- Не доидеть онъ Красной Мызы становился 6),
 Хорошо—добрѣ 7) полками приполчился 8),
 10. Онъ и пушки, и мортиры всѣ уставилъ 9):
 Не ясень соколъ по поднёбесью летаетъ,
 То Бояринъ по полкамъ нашимъ гуляетъ:
 Что не золотая трубушка вструбила 10).

1) До почвы.—2) И. И. Дмитриевъ, въ своемъ „пѣсенникѣ“, исправилъ эту Быльну (какъ и многія другія пѣсни); отмѣтивъ эти „исправленія“ въ разнорѣчійхъ. — „собиралася“.—3) „Изъ славнаго города изъ Пскова.“—4) Опущено.—5) „Со конницею, со драгунами.“—6) „становится.“—7) Больно хорошо.—8) „ополчается.“—9) „Ужь и пушки, и мортиры,—все уставлено.“—10) „вострубила.“

- То возгворитъ царёвъ Большой Бояринъ,
 15. Графъ Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ:
 «Ой вы дѣтушки, драгуны и солдаты!
 «Мнѣ лзя ли на васъ надежду положить,—
 «Супротивъ непріятеля постояти?»
 Тутъ возгворятъ драгуны и солдаты:
 20. ««И мы рады ¹⁾ государю послужити,
 ««И одинъ за одного ²⁾ умерети!»»

Тутъ скоро Бояринъ подымался
 Со конницею и со пѣхотой.

- Нашли они на Шведски караулы:
 25. Они Шведски караулы сами скрали ³⁾
 И маіора во полонъ къ себѣ взяли ⁴⁾.
 Привели они маіора къ генералу;
 Приказалъ его генералъ допросити:
 «Скажи ты, маіоръ земли Шведской ⁵⁾,
 30. «Скажи намъ всю истинную правду,
 «Не могъ ты у царя ⁶⁾ утанти:
 «Далече ли стоитъ ваша сила,
 «И много ли силы съ генераломъ,
 «Съ самимъ генераломъ Шлиппенбахомъ ⁷⁾?»
 35. Что возгворитъ маіоръ земли Шведской:
 —Ахъ ты гой еси, царёвъ Большой Бояринъ,
 —Графъ Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ ⁸⁾!
 —Не могу я у царя утанти,
 —Скажу я всю истинную правду:
 40. —Стоитъ наша сила въ чистомъ полѣ,
 —За тѣми за мхами—за болоты,

¹⁾ „Мы ради.“—²⁾ Вполнѣ народно; *Дмитр.* „за другова.“—³⁾ Техническое выраженіе того времени: снали пикеты.—⁴⁾ „Нашли они на караулы Шведскія, Они скрали ихъ и съ маіоромъ самимъ.“—Удивительно, какъ Дмитріевъ, въ другихъ случаяхъ необычайно тонкій чутъемъ, глухъ былъ здѣсь къ народному, слишкомъ замѣтному складу.—⁵⁾ „Шведскія.“—⁶⁾ Петра.—⁷⁾ Въ другихъ: „Шлиппенбахомъ.“—⁸⁾ Соображая, что маіоръ могъ не знать имени, Дмитріевъ его опустилъ.

- За тою за великой переправой ¹⁾,
 —По-край-близъ ²⁾ Варяжскаго моря;
 —А силы съ генераломъ сорокъ тысячъ,
 45. —Съ любимымъ ³⁾ генераломъ Шлиппенбахомъ.—
 Бояринъ тѣхъ словъ не испугался,
 Онъ скоро съ полками подымался.

- Не двѣ грозныя тучи на небѣ всходили ⁴⁾:
 Сражались два войска тутъ большія,
 50. Что Московское войско со Шведскимъ ⁵⁾.
 Запалила ⁶⁾ Шереметева пѣхота
 Изъ мелкаго ружья и изъ пушекъ ⁷⁾.
 Тутъ не страшный громъ изъ тучи грянулъ,
 Не звонкая пушка разродилась:
 55. У Боярина тутъ сердце разъярилось.
 Не сырая мать-земля разступилась,
 Не синее море всколебалось ⁸⁾:
 Примыкали штыки тутъ на мушкеты,
 Бросали всѣ ружья на погоны,
 60. Вынимали тутъ ⁹⁾ вострыя сабли,
 Приклоняли тутъ булатныя кѣпья,

¹⁾ „За тѣми ли за мхами и болотами, За тою великою переправою.“—²⁾ Какъ одно нарѣчіе: близко возлѣ краю.—³⁾ У короля и Шведовъ: вполнѣ народно; Дмитріевъ выпустилъ какъ неловкость.—⁴⁾ „тучи собиралися.“—⁵⁾ „Два тутъ сильныя войска сразилися, Московское войско и Шведское.“—⁶⁾ „туть.“—⁷⁾ „Изъ пушекъ, мортиръ, ружья мелкаго.“ Вслѣдствіе этой поправки, по народному складу вышло бы, что мортиръ—мелкое оружіе.—⁸⁾ Нѣсколько перешито, и это скорѣй слѣдовало бы поправить Дмитріеву; въ подлинномъ образцѣ вѣроятно было:

Туть не страшный громъ изъ тучи грянулъ;
 Ино звонкая пушка разродилась;
 Не сырая мать-земля разступилась,
 Не синее море всколебалось:
 У Боярина тутъ сердце разъярилось;
 Примыкали штыки... и т. д.

⁹⁾ У Дмитр. опущено.

Гналися за Шведскимъ генераломъ
До самаго до города до Дерпта ¹⁾.

- Какъ расплачутся тутъ Шведскіе солдаты,
65. Во слезахъ они чуть слово промолвятъ:
««Лихая, де, Московская пѣхота!
««На вылазку часто выступаетъ
««И тѣмъ насъ жестоко побѣждаетъ ²⁾!»»³⁾»⁴⁾

- Тутъ много мы ³⁾ Шведовъ порубили,
70. А въ трое того въ пологъ ихъ взяли:
Тѣмъ прибыль государю учинили ⁴⁾.

(Пѣсенникъ, послѣ Новиковскаго, съ конца прошлаго столѣтія до 20-хъ годовъ нынѣшняго; Дмитріева 1796 года).

*

Въ слѣдующихъ образцахъ складъ уже повнвился или ослабѣлъ:

5.

- Изъ славнаго изъ ⁵⁾ города изъ Пскова
Подымался царевъ Большой Бояринъ,
Графъ Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ,
Онъ со конницею и со драгуны,
5. Со пѣхотными солдатскими полками.

Не дошедши Красной Мызы, становился,
Хорошо-добрѣ полками приполчился.

¹⁾ „Преклоняли копыя меткія И гналися за Шведскимъ воинствомъ До самаго Дерпта города:“ сладость Карамзинской эпохи.—²⁾ Дмитр. вмѣсто всего этого: „Какъ расплачутся солдаты Шведскіе: Лихая, де, пѣхота Московская!“—³⁾ Эти, и многія другія, черты убѣждаютъ, что Былина сложена тотчасъ за былью; слышенъ строй военного марша и весь складъ рѣчи современной эпохи.—⁴⁾ Этотъ стихъ, опять выпущенный Дмитріевымъ, совершенно отзывается рѣчью тогдашнихъ реляцій.—⁵⁾ У Сихарова опущено, какъ „лишнее“ повтореніе.

- Не ясень соколъ по поднебесью летаетъ,
То Бояринъ по полкамъ нашимъ гуляетъ;
10. Что не золотая трубушка вострубила,
Да что взгóворить царёвъ Большой Бояринъ,
Графъ Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ:
«Ой вы дѣтушки, драгуны и солдаты!
«Можно ли мнѣ на васъ понадѣяться ¹⁾»,—
15. «Супротивъ непріятеля постолти?»
Да что взгóворять драгуны и солдаты:
««Мы ради государю послужити,
««Единъ за одинаго умерети!»»

- Тутъ скоро Бояринъ подымался
20. Со конницей и со пѣхотой.
Нашли они на Шведскіе караулы:
Они Шведскіе караулы сами скрали,
Маіора въ полонъ къ себѣ взяли.
Привели они маіора къ генералу,
25. Къ полевому кавалеру ²⁾;
Приказалъ его генералъ допросити:
«Скажи ты, маіоръ земли Шведской,
«Скажи намъ всю истинную правду,
«Не могли ты у царя утаити:
30. «Далече ли стоитъ ваша сила,
«И много ли силы съ генераломъ,
«Съ самимъ генераломъ Шлиппенбахомъ?»
Что возговорить маіоръ земли Шведской:
—Ахъ ты гой еси, царёвъ Большой Бояринъ,
35. —Графъ Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ!
—Не могу я у царя утаити,
—Скажу я всю истинную правду:
—Стоитъ наша сила въ чистомъ полѣ,

---

¹⁾ Какъ это слабо и невѣрно складу сравнительно съ предыдущимъ образомъ!—²⁾ Опять хуже.

- За тѣми за мхами—за болоты,
 40. —За той превеликой переправой,
 —По-край-близъ Варяжскаго моря;
 —А силы съ генераломъ сорокъ тысячъ,
 —Съ любимымъ генераломъ Шлиппенбахомъ.—
 И тутъ ¹⁾ Бояринъ не утрашился,
 45. Онъ скоро съ полками подымался.

- Не двѣ грозныя тучи на небѣ всходили:
 Сражались два войска большія,
 Московское войско со Шведскимъ;
 Запалила тутъ Шереметева пѣхота
 50. Изъ мелкаго ружья и изъ мортировъ.
 Какъ не громъ предъ тучею ²⁾ грянуль,
 Троицъ-пушка разродилась,
 У Боярина сердце разъярилось.
 Не сырѣ мать-земля разступилась,
 55. Не синее море всколебалось:
 Примыкали штыки на мушкеты,
 Бросали ружья на погоны,
 Вынимали вострыя сабли,
 Приклоняли булатныя копья ³⁾,
 60. Гнались за Шведскимъ генераломъ
 До самаго города до Дерпта.

- Какъ расплачутся Шведскіе солдаты,
 Во слезахъ они едва сіе ⁴⁾ промолвятъ:
 ««Лихая, де, Московская пѣхота!
 65. ««Что часто на вылазку выступаетъ
 ««И тѣмъ ⁵⁾ насъ жестоко побѣждаетъ!»»

---

¹⁾ Сахар. „П того.“—²⁾ Опять хуже.—³⁾ Сахар. оразнообразилъ: „копья булатныя.“—⁴⁾ Сахаровъ догадался: „слово.“—⁵⁾ Исправилъ: „безъ бою.“ Хороши Шведы послѣ горячей битвы и „лиха“ пѣхота „безъ бою!“

Туть много мы Шведовъ порубили,
А въ трое и больше въ полонъ взяли:
Государю тѣмъ прибыль учинили;

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій, а за ними другіе и Сахаровъ).

*

Тѣ же и Левенгауптъ.

6.

(Губ. Архангельской, у. Шенкурскій).

Серѣдъ было краснаго лѣта,
Въ первыхъ числахъ въ Іюль,
Что изъ славнаго города Петербурга
Подымался царевъ Большой Бояринъ,
5. Генераль, и кавалеръ, и фельдмаршалъ,
Графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ,
Подымался подъ Шведскую Красную Мызу.

Не дошедъ до Красной Мызы, становился,
Онъ крѣпкія батареи на Шведа наладилъ,
10. Онъ пушки-мортиры разоставилъ.

Не двѣ тучи на небѣ сходились:
Сходились два войска въ чистомъ полѣ,
Русское войско со Шведскимъ;
Что не молнія на небѣ проблеснула:
15. Голубецъ, наша пушка, разряжалась;
Не громкій громъ на небѣ взгрянулъ:
Запала Шереметьева пѣхота.
Ни дѣнно, ни ночно нѣтъ покою,
Ни много, ни мало не отступятъ.
20. Они крѣпко къ Шведу приступаютъ.
Шведскую силу побиваютъ ¹⁾

¹⁾ Очевидно переставлены части Былины.

- Полонили маіора земли Шведской,
Повели они маіора звать-пытати:
«Ты скажи, скажи, маіоръ, всю сушу правду,
25. «Что по этому крестному цѣлованью:
«Много ли стоитъ силы въ Красной Мызѣ?
«Много ли силы-войска съ Левенѡптомъ?»
—Ахъ ты батюшка, царевъ Большой Бояринъ!
—Ты дай сроку, сударь, на единый часъ,
30. —Разкажу я тебѣ, сударь, сушу правду,
—Поруюко крестное цѣлованье:
—Стоитъ силы въ Красной Мызѣ тридцать тысячъ,
—Съ генераломъ съ Левенѡптомъ сорокъ тысячъ.—
Отвѣчаетъ царевъ Большой Бояринъ,
35. Генераль, и кавалеръ, и фельдмаршалъ,
Графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ:
«У меня, генерала, двадцать тысячъ,
«А и тутъ, вѣдь, я Шведа не боюся,
«А подъ Красную Мызу становлюся!»
40. Генераль Шильпебахтъ испугался,
Изъ подъ Красной Мызы убирался.

(Записано адмираломъ Кузьмищевымъ и доставлено М. П. Погодинымъ).

* * *

Ср. подобныя части творческаго разсказа нѣсколько разъ выше.

Случай съ маіоромъ переходитъ обратно на Краснощокова и этотъ знаменитый герой
выступаетъ здѣсь въ первомъ:

XIII.

Левенгауптъ и Краснощокоевъ.

- Приуныло—приумолкло *войское Дѣонское*,
 Прижаснулася армейошка царя Бѣлаго,
 Безъ вѣрнаго служителя государева,
 Безъ Ивана Матвѣича Краснощокоева.
5. Взяли Краснощокоева въ полонъ Шведы,
 Повели дѣбраго мѣлодца къ Левенгаупту.
 Какъ и сталь его Левенгауптъ спрашивать:
 «Ты скажи, скажи, добрый молодець, *не утай ничего*:
 «Ты чѣмъ служилъ царю Бѣлому, какъ ты жалованъ,—
10. «Сотникомъ, полковникомъ иль бригадирушкой ¹⁾?»
 Рѣчь возговорилъ Краснощокоевъ Левенгаупту:
 —Я служилъ царю Бѣлому ровно тридцать лѣтъ,
 —И не сотникомъ—полковникомъ—бригадирушкой,
 —Я служилъ царю Бѣлому—рядовой козакъ.—
15. «Нѣтъ, не правду, *разудалый, открываешь мнѣ*:
 «На тебѣ, младаецъ, управушка не козачая,
 «На тебѣ—то управушка командирская.
 «Я хочу тебя, младаца, *просить просьбою*:
 «Ты служилъ царю Бѣлому ровно тридцать лѣтъ,—
20. «Послужи ты царю Шведскому хоть три года?»
 Какъ воскрикнулъ Краснощокоевъ Левенгаупту:
 —*Ахъ если бы была* при мнѣ сабля острая,
 —Послужилъ бы я надъ твоей буйной головушкой!—

«Русская Старина» Корниловича, Сахаровъ и г. Савельевъ: перепечатывали другъ отъ друга; въ старшихъ и лучшихъ изданіяхъ нѣтъ. Кромѣ выраженій, отпечатанныхъ курсивомъ и противныхъ складу народному, замѣтна вообще искусственность, а если и была подлинная основа, то вѣроятно и тамъ по сличенію Левенгаупта съ Ласси, Шведскаго плѣна съ Турецкииъ, въ которомъ точно увидимъ героя ниже, при подробностяхъ о немъ въ творествѣ послѣдующей эпохи. Ср. „Замѣтку“).

● * * *

Слѣдующій отдѣлъ связывается съ предыдущимъ—образцомъ тѣхъ же пріемовъ, съ малоромъ:

¹⁾ Въ отлѣчїе отъ другихъ старшинъ, полковниковъ, Краснощокоевъ именовался „бригадиромъ.“

XIV.

Орѣхъ—Орѣшекъ,
 Нөтебургъ—Нюссбургъ,
 Шлюссельбургъ—Шлюшенъ.

1.

(Кирша Дангловъ).

- Во славномъ городѣ въ Орѣшкѣ,
 По нынѣшнему званію ¹⁾ Шлюшенбургъ,
 Пролегла тутъ широкая дорожка.
 По той по широкой дорожкѣ
5. Идетъ тутъ царевъ Большой Бояринъ,
 Князь ²⁾ Борисъ сынъ Петровичъ Шереметевъ,
 Со тѣми онъ со нѣхотными полками,
 Со конницей и со драгунами,
 Со удалами ³⁾ Донскими козаками.
10. Вошли они во Красную Мызу,
 Промежу тѣми высокими горами,
 Промежу тѣми широкими долами,
 А всѣ полки становилися.
 А втапору Борисъ сынъ Петровичъ
15. Въ объѣздъ онъ Донскихъ козаковъ посылаетъ,
 Донскихъ, Гребенскихъ да Яицкихъ:
 Какъ скрали ⁴⁾ они Шведскіе караулы,
 Маіора себѣ во полонъ полонили,
 Привезли его въ лагери царскіе.

¹⁾ Признакъ сложенія Былны вскорѣ по взятіи и переименовкѣ города.—

²⁾ Сборникъ *Костом. и Мордови.*, перепечатавши эту Былну, исправилъ „графъ“, а „князь“ поставилъ въ вариантахъ.—³⁾ Вѣроятно опечатка вм. „удалыми.“ Такъ и исправилъ *Кост.*—⁴⁾ *Кост.* „сидли.“

20. Злата ¹⁾ труба въ полѣ протрубила,
Прогласилъ государь, слово молвилъ,
Государь Московскій, первый императоръ:
«А и гой еси, Борисъ сынъ Петровичъ!
«Изволь ты маіора допросити
25. «Тихонько, помалешеньку ²⁾):
«А сколько, де, силы въ Орѣшкѣ
«У вашего короля Шведскаго?»
Говорить тутъ маіоръ не съ упадкою ³⁾,
А сталъ онъ силу рассказывать:
30. —Съ генераломъ въ полѣ нашимъ ⁴⁾ сорокъ тысячей,
—Съ королемъ въ полѣ смѣты нѣтъ.—
А втапоры царевъ Большой Бояринъ,
Князь Борисъ сынъ Петровичъ Шереметевъ,
А самъ онъ царю рапортуетъ:
35. ««Что много, де, силы въ полѣ той Шведской,
««Съ генераломъ стоитъ силы сорокъ тысячей,
««Съ королемъ въ полѣ силы смѣты нѣтъ.»»
Злата труба въ полѣ—въ лагерь протрубила,
Прогласилъ первый императоръ:
40. «А и гой еси, Борисъ Петровичъ!
«Не устращися маіора допросити,—
«Не корми маіора цѣлы сутки;
«Еще вы его повторите ⁵⁾,—
«Другіе вы сутки не кормите:
45. «И сладко ⁶⁾ онъ расскажетъ,
«Сколько у нихъ силы Шведскія.»
А втапоры Борисъ Петровичъ Шереметевъ
На то-то больно догадливъ:
А двое, де, сутки маіора не кормили,
50. Во третьи винца ему подносили;

¹⁾ Кост. „не злата,“ а „злата“ поставлено въ *вариантахъ*.—²⁾ „Допросити помалешеньку, тихонько.“—³⁾ Кост. „не съ утайкою“, а „не съ упадкою“ въ *вариантахъ*.—⁴⁾ „нашихъ,“ для разнообразія.—⁵⁾ Кост. „допросите.“—⁶⁾ Кост. „тогда.“

- А втапоры маіоръ разсказалъ,
 Правду истинну разсказалъ ¹⁾:
 —Всѣхъ съ королемъ нашимъ и генераломъ
 —Силы семь тысячей, а болѣе того нѣту.—
 55. И тутъ государь взвеселился:
 Велѣлъ ему, маіору, голову отлѣпать ²⁾.

(„Ар. Росс. Стихотвор.“).

* *

Пѣсни подлинно и собственно объ Орѣшкѣ слѣдуютъ за сими:

2.

- Ты злодѣй—злодѣй, ретиво сердце,
 Ретиво сердце молодецкое!
 Къ чему ты ныло—занывало?
 Ты бѣду мнѣ, молодцу, предвѣщало,
 5. Предвѣщало ты, а не сказало:
 Что быть ли мнѣ, молодцу, въ рекрутѣхъ,
 Что въ рекрутахъ быть мнѣ ³⁾ и въ солдатахъ,
 А въ солдатахъ быть мнѣ ³⁾ и въ походѣ
 Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,
 10. По нынѣшнему званію Шлиссельбургомъ ⁴⁾.

Весьма скоро Шведы догадались:
 Они ударили тотчасъ въ барабаны.
 Да что взгворитъ нашъ батюшка императоръ:
 «Ахъ вы любимые мои генералы!

¹⁾ При другихъ признакахъ порчи въ текстѣ, это уже самый наглядный.—
²⁾ Кост. предлагаетъ „замѣчательный“ *вариантъ*: „отлѣпать.“ Болѣе деликат-
 ный Сахаровъ совсѣмъ выбросилъ послѣдній стихъ.—³⁾ Въ иныхъ нѣтъ
 „мнѣ.“—⁴⁾ Признакъ, что пѣсня сложена современно, немедленно за собы-
 тіемъ: имя *старое* и прибавка *нового, нынѣшняго*.

15. «Вы придумайте мнѣ думу, пригадайте:
«Еще братъ ли мнѣ городъ Орѣшекъ,
«Иль не лучше ль отъ него намъ отступити?»
Что возгворять всѣ генералы:
«Ахъ ты нашъ батюшка, государь-царь!»
20. ««Еще сила намъ будетъ нада ¹⁾:
««Что не лучше ли намъ отсюда отступити?»»
Что возговорить надежа государь-царь:
«Ахъ вы дѣтушки мои, солдаты!
«Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
25. «Еще братъ ли намъ городъ Орѣшекъ?»
Что не ярыя тутъ пчелы зашумѣли,
Что возгворять Россійскіе солдаты:
—Ахъ ты нашъ батюшка, государь-царь!
—Намъ водою къ нему плыти,—не доплыти,
30. —Намъ сухимъ путѣмъ итти,—не досягнути:
—А что братъ или не братъ ли,—бѣлой грудью ²⁾—

- Тронулося войско ко стѣнѣ,
Полетѣли башни на берегъ,
Отворились ворота непродѣльны,
35. А проломаны изъ пушекъ ядрами.
Побѣдили силу Шведскую,
Полонили городъ надобной.

(Пѣсенники съ 1818 года, Театральный, Глазуновскій, П. Ш., Гурьянова и друг.).

Складъ пѣсни, постепенно возобладавшій въ ту эпоху.

*

¹⁾ Женскій родъ отъ мужескаго *нада* (ср. *на-да-ть-а*, *на-дежд-а*, серб. *на-да-ци-се* и т. п.): основа для дальнѣйшаго развитія *надоба*, *надобень*, *надобна* (ср. *радъ—Радованъ*, *милъ—Милванъ*).—²⁾ Ср. выше думу о походѣ Азовскомъ. Отселѣ складъ пѣсни измѣняется и, если выше попадаются выраженія книжныя, письменныя, то конецъ почти несомнѣнно придѣлаетъ послѣдующиимъ книжникомъ.

3.

- Ты злодѣй-злодѣй, ретиво сердце,
 Ретиво сердце молодецкое!
 Къ чему ты ныло-занывало?
 Ты бѣду мнѣ, молодцу, предвѣщало,
 5. Предвѣщало, а не сказало:
 Что быть ли мнѣ, молодцу, въ рекрутахъ,
 Что въ рекрутахъ быть мнѣ и въ солдатахъ,
 А въ солдатахъ быть и въ походѣ
 Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,
 10. По нынѣшнему званію Слиссельбургомъ.

- Весьма скоро Шведы догадались:
 Они ударили тотчасъ въ барабаны.
 Да что взговорить нашъ батюшка императоръ:
 «Ахъ вы любимые мои братцы, генералы!
 15. «Вы придумайте мнѣ думу, пригадайте:
 «Еще братъ ли намъ Орѣшекъ,
 «Иль не лучше ль отъ него отступить?»
 Что возговорятъ всѣ генералы:
 ««Ахъ ты нашъ батюшка, государь-царь!
 20. ««Еще сила намъ будетъ на́да:
 ««Что не лучше ль намъ отступить?»»
 Что возговоритъ надежа государь-царь:
 «Ахъ вы дѣтушки мои, солдаты!
 «Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
 25. «Еще братъ ли намъ городъ Орѣшекъ?»
 Что не ярыя тутъ пчолы зашумѣли,
 Что возговорятъ Россійскіе солдаты:
 —Ахъ ты нашъ батюшка, государь-царь!
 —Намъ водою къ нему плыти,—не доплыти,
 30. —Намъ сухимъ путемъ итти,—не достигнути:
 —А что братъ ли иль не братъ ли,—бѣлой грудью!—

Тронулося войско ко стѣнѣ,
 Полетѣли башни на берегъ,
 Отворилися ворота не продѣланны,
 35. А проломаны изъ пушекъ ядрами.
 Побѣдили силу Шведскую,
 Полонили городъ надобной.

(Пѣснники Чулковскій и Новиковскій, за ними послѣ иткорые другіе: хуже предъ-
 идущаго разпорѣчія, именно словомъ „непродѣланны“, хотя и старше времениъ напе-
 чатанія. Замѣтно, что всѣмъ служилъ образцомъ подлинникъ третій и старшій, къ кото-
 рому послѣдовала прйдѣлки; *рукопись кн. Церетелева* подтверждаетъ еще то же самое):

*

4.

Злодѣй-злодѣй, ретиво сердце!
 Чтѣ ты ныло, ретивое, занывало,
 Ничего ты мнѣ, сердечко, не сказало?
 Да что быть мнѣ, молодцу, въ рекрутахъ,
 5. Во солдатахъ быть мнѣ и въ походѣ
 Что подѣ славнымъ городомъ подѣ Орѣшкомъ,
 А по нынѣшнему званію Шлиссербургомъ.

Что слышавъ вору-Шведы догадались,
 Что ударили они въ барабаны,
 10. Наши Русскіе солдатушки въ литавры.
 Да что взговорить нашъ государь-царь:
 «Ахъ вы гой еси, братцы, генералы!
 «Вы придумайтѣ мнѣ, братцы, пригадайте;
 «Еще какъ намъ будетъ взять Орѣшекъ?»
 15. ««Ахъ ты гой еси, нашъ батюшка, государь-царь!
 ««Что не лучше ль намъ отъ города отступити?»»
 Что возговорить государь-царь ко солдатамъ:
 «Ахъ вы гой еси, мои дѣтушки солдаты!
 «Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте;

20. «Еще брать ли намъ иль нѣтъ Орѣхъ-городъ?»
 Что не ярыя пчолушки во ульѣ зашумѣли,
 Да что взговорятъ Россійскіе солдаты:
 —Ахъ ты гой еси, нашъ батюшка, государь-цары!
 —Намъ водою къ нему плыти,—не доплыти,
 25. —Намъ сухимъ путѣмъ итти,—не досягнути:
 —Мы не будемъ ли отъ города отступати,
 —А будемъ мы его бѣлою грудью брати,
 —А что брать ли иль не брать ли,—бѣлой грудью!—

Тронулося войско ко стѣнѣ,
 30. Полетѣли башни на берегъ,
 Отворилися ворота не продѣланы,
 А проломаны изъ пушекъ ядрами.
 Побѣдили силу Шведскую,
 Покорили городъ надобный.

(Рукоп. кн. *Церетелева*: изъ какого-то пѣсенника, откуда повторилъ в г. *Костомаровъ* съ г. *Мордовца*.)

* *

Ср. выше, думы о походѣ и походы подъ Смоленскъ и Азовъ, вып. 7-й и настоящій 8-й.

Весьма уже рано Былина эта перешла въ пѣсню Безъмянную и Молодецкую, даже Женскую, благодаря особенно лирическому ея началу, подобно какъ выше „Таланъ“ или „Звѣйка скоропейка“:

б.

Ты злодѣй-злодѣй, чужая-дальна ¹⁾ сторона!
 Ужь сколько мнѣ ни жити,—всѣ тужити,
 Мнѣ родимыя сторонки не забыти.
 Ты злодѣй-злодѣй, ретивое мое сердце!

¹⁾ Д. б. „чужа-дальна“ или „чужедальна.“

5. Къ чему ты, сердце мое, ноешь-унываешь?
 Не скажешь ты ни радости, ни кручины:
 Не можешь ты мила друга забыти,
 Ни денною порою, ни ночью,
 Ни утренней зарею, ни вечерней.
10. Со той ли тоски великія, злой кручины,
 Пойду-пойду, младѣшенька, погуляю,
 Я найду-найду два камышка алмазы,
 Я камышекъ о камышекъ ударю ¹⁾.
 Не во всякомъ драгомъ камнѣ огонь-искра:
15. Не во всякомъ добромъ мѳлодцѣ любовь-правда.
 Любилъ меня милъ-сердечной, да покинулъ.
 Я на шуточки милу другу отказала ²⁾:
 «Тебѣ полно, милъ-сердечной другъ, гуляти!
 «Ужь пора ли, милъ-сердечной другъ, жениться
20. «Что на душечкѣ на красной на дѣвицѣ.»

- Что у душечки у красной у дѣвицы
 Не дожжичкомъ бѣлое лицо смочило,
 Не морозомъ бѣлое личико ознобило:
 Смочило бѣлое лицо слезами,
25. Ознобило ретивѳ сердце кручиной.
 Тужить-плачетъ по миленькомъ дружечкѣ,
 По ласковомъ-привѣтливомъ по словечкѣ:
 Хорошь-пригожь мой миленькой уродился,
 Онъ не долго со мною, съ дѣвицей, поводился,—
30. Какъ сказана милу другу царская служба;
 Показана широкая путь-дорожка
 Ко славному ко городу Петербургу ³⁾.

¹⁾ Народный обычай искать каменьевъ съ алмазами подъ корою и на оныѣ бить такіе камни другъ о друга.—²⁾ Отвѣчала.—³⁾ Такъ легко было передѣлать изъ Шлиссельбурга.

- Со всѣми миль-сердечной другъ простился,
 Со мной съ одной, красной дѣвицей, не простился,
 35. Съ половины пути-дороженьки воротился,
 Подъ косящетымъ окошечкомъ колотился ¹⁾:
 —Ты прости, прости, душа моя дѣвица,
 —Наживай ты себѣ друга милаго ²⁾;
 —Если лучше наживешь, меня забудешь,
 40. —Если-жь хуже наживешь, меня вспомянешь,
 —Вспомянѣшь, — сама, красная дѣвица, слезно запла-
 чешь ³⁾.—

(Изъ 2-й части Пѣсенника Шноровскаго, изд. 2-е въ С.-П.-Б. 1791 г.; по другимъ образцамъ пѣсни пошла еще дальше въ область бытовую и личныхъ чувствъ; примѣры ниже, въ своемъ мѣстѣ).

* *

То же.

1.

- Какъ по славной матушкѣ Невѣ рѣкѣ,
 Подлѣ устьяца ея широкаго,
 Что при самомъ ли истокѣ быстрою ⁴⁾,
 Какъ плавали-гуляли три легкіе стружка:
 5. На первомъ стружкѣ Шереметевъ былъ,
 На другомъ стружкѣ офицеры сидятъ,
 А на третьемъ стружкѣ всѣ солдатушки,
 Преображенскіе и Семеновскіе.
 По рѣкѣ они бѣжали къ круту-красну бережку,
 10. Къ круту-красну бережку, ко Шлюссельбургскому ⁵⁾.

¹⁾ Стучался.—²⁾ „Наживай ты себѣ мила друга много.“—³⁾ „Вспомянѣшь,— сама, красна дѣвица, слезно заплачешь.“—⁴⁾ Въ другихъ „быстрою.“—⁵⁾ Въ другихъ: „Шлюссельбургскому.“

- Подбирали они парусы полотняные,
 Что того ли полотна все Оловецкаго;
 Они якоря метали все булатные,
 Что того ли булата Сибирскаго ¹⁾;
15. Приставали къ круту—красну бережку;
 Они лѣсенки метали все дубовыя,
 Выходили на желты пески—сыпучіе,
 Начинали рыть подкопы глубокіе,
 Накатили бочки съ лютымъ зеліемъ,
20. Съ лютымъ зеліемъ—съ чернымъ порохомъ;
 Становили свѣчи воску яраго ²⁾;
 Зажигали тѣ подкопы глубокіе:
 Отъ того ли красной берегъ взбрвало,
 Развалило стѣну бѣлу—каменну,
25. Потрясло всю крѣпость Шведскую,
 Устрашило храбрыхъ непріятелей.

(Пѣснники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе, между прочимъ гг. *Костомар.* съ *Мордоч.*—Есть еще приемы старыя, но и прибавки новѣйшія книжныя, напр. послѣдній стихъ, по переводу котораго г. *Костомар.* съ *Мордоч.* основательно замѣтилъ, что въ измѣнѣ „варианта послѣднихъ двухъ строкъ нѣтъ“).

* *

То же. Убить полковникѣ.

1.

Что подѣ славнымъ было городомъ подѣ Шлюшеномъ,
 Ахъ не люта змѣя, братцы, извивалася:
 Возвилася тутъ пулечка свинцовая;
 Она падала не на воду, не на землю:

¹⁾ Попытки подняться къ приѣмамъ древнихъ богатырскихъ Былинъ.—
²⁾ Ср. выше осаду Азова и еще выше—Казани, вып. 6-й.

5. Она падала во армию Россійскую,
Молодаго Полковника на бѣлую грудь;
 Она взрыла—разметала грудь всю бѣлую,
 Она вынула румянецъ изъ бѣла лица.

Что возговоритъ Полковникъ *таковы слова:*

10. «Ахъ вы здѣсь ли, гранодеры моего полку!
 «Не попомните вы, други, моей грубости,
 «Вы возьмите мое тѣло на свои руки,
 «Отнесите мое тѣло во бѣлой шатеръ,
 «Вы обмойте мое тѣло горючей слезой,
 15. «Положите мое тѣло въ гробовы доски,
 «И *предайте* мое тѣло мать-сырой-землѣ.
 «Отпишите потомъ, братцы, въ домъ мой грамотку,
 «*Чтобы знали, что я умеръ за отечество.*»

(Пѣсня эта начинается съ пѣсенника И. П. *Дмитріева* 1796 года и, судя по выраженіямъ, изъ коихъ наиболѣе чуждыя народу отиѣчены у насъ курсивомъ, переправлена съ подлинника,—но какого, доселѣ не знаемъ. По нѣкоторымъ чертамъ, отличившимъ народнымъ оборотамъ и по самой мѣстности, сюда всего ближе стоятъ пѣсни о *Рычковѣ*, которыя и помѣщаются въ слѣдъ за сими, хотя конечно по своимъ образцамъ принадлежать иной, во всякомъ случаѣ ближайшей, эпохѣ).

*

Рычковъ на морѣ Варяжскомъ.

1.

(Губ. Сибирской).

По морю—морю Верейскому ¹⁾,
 Плывуть—выплываютъ тридцать кораблей:
 Одна—тѣ корабличекъ на передъ бѣжить,
 На томъ на корабличкѣ Рычковъ атаманъ.

¹⁾ Такъ въ Былинахъ постоянно зовется море Варяжское, Балтійское, и почти исключительно со временъ Петра, когда перешло въ ту сторону поприще дѣйствій и устремилось вниманіе.

5. Что возговорилъ молодецъ атаманъ Рычковъ:
 «Гребите вы, молодцы, не робѣйте,
 «Своихъ бѣлыхъ ручушекъ не жалѣйте,
 «Трехъ-гранныхъ веселичекъ не сушите!»
 Подъ бережкомъ-бережкомъ подъ крутъ имъ.
10. Стояла тутъ силушка западная,
 Западная силушка—воровская.
 Что возговорилъ молодецъ Рычковъ атаманъ:
 «Охъ вы гой еси молодцы, Донски казаки,
 «Донскіе, Гребенскіе, всѣ Яицкіе!
15. «Заряжайте, молодцы, въ три заряда,
 «Первый зарядичекъ чистымъ серебромъ,
 «А другое—тѣ зарядичекъ крупнымъ жемчугомъ,
 «А третіе—тѣ зарядичекъ свинцомъ—порохомъ,—
 «Палите вы въ силушку западную!»
20. Не люта змѣя въ полѣ зашипѣла,
 Просвистѣла пулечка свинцовая,
 Убила у ярыжныхъ ¹⁾ атамана,
 Его въ молодецкую во бѣлу грудь,
 Въ его ретивое злое сердце.

(Отъ Лыкова).

*

2.

(Оттуда же).

По морю-морю по Верейскому
 Плыли-выплывали тридцать кораблей:
 На первомъ караблѣ Рычковъ атаманъ.

---

¹⁾ Подначальныхъ, рабочихъ слугъ на службѣ (совсѣмъ не то, что позднѣе—безпутный, мотъ и плутъ).

- По кораблику Рычковъ атаманъ похаживаетъ,
 5. Онъ своимъ бурлаченкамъ приказываетъ:
 «Гребите вы, молодцы, не робѣйте,
 «Своихъ бѣлыхъ ручушекъ не жалѣйте!
 «Гонятся за молодцемъ три погони:
 «Первая погоня все солдаты,
 10. «Вторая погоня все гусары,
 «Третья-то погоня Донски козаки,
 «Донски, Гребенскіе, Запорожскіе ¹⁾»

- Не успѣлъ добрый молодець слово молвити,
 Вѣстовая пушечка выпаливала,
 15. Свинцовая пулечка просвистывала;
 Никого на корабликъ не убивала,
 Вышибала на корабль карабельну доску,
 Ушибала доскою Есаула,
 Ушибала Есаула не до смерти.
 20. Возговорить молодець:
 «Берите вы молодца за бѣлы руки,
 «За бѣлы руки, за рѣзвы ноги,
 «Кидайте вы молодца въ сине море ²⁾»
 Возговорить молодець своимъ громкимъ голосомъ:
 25. «Заряжайте въ молодца три заряда:
 «Первый зарядецъ чисто серебро,
 «Другой-то зарядецъ чистымъ золотомъ,
 «А третій зарядецъ чистымъ жемчугомъ,
 «Придайте мнѣ, молодцу, вы скорую смерть!»

(Отъ него же).

*

¹⁾ Гдѣ козаки „Донскіе,“ тамъ по привычному выраженію обыкновенно являются, по требованію самого склада въ стихѣ, „Гребенскіе, Запорожскіе, Яцкскіе“ и т. п.—²⁾ Здѣсь уже пѣсня начинаетъ отличать есаула и молодца отъ самого атамана Рычкова.

(Г. Новгородской, Валдайскаго уѣзда, дер. Сосница).

Охъ по морю—моряшкѣ, по морю по Верейскому,
Шлыми—восплывали тридцать кораблѣвъ:
Нашъ первый корабличекъ на передъ бѣжи',
На передъ бѣжи', какъ соколъ лети'.

5. Въ эвтомъ во корабличкѣ Рычковъ генераль,
Рычковъ генераль рѣчь говориль съ намъ:
«Гребите, ребяташки, не робѣйте,
«Своихъ бѣлыхъ ручушекъ не жалѣйте,
«Поѣдмте, ребяташки, ко всей страсти—ужасти,
10. «Ко всей страсти—ужасти, къ бережочку,
«Ко желтому ко сыпучему ко песочку!»

- Туть стояла силушка западная,
Выпала пушечка ломовая ¹⁾,
Никого въ корабличкѣ не ушибло,
15. Толька вышибло одну верхнюю доску ²⁾.
Все наши солдатушки испужались,
По мелкимъ шлюпочкамъ разбѣжались,
Опослѣ страсти—ужасти на корабличекъ собирались;
Опослѣ того Рычкова генераль
20. *Бладаренье отдавалъ*
И по рюмькѣ водки наливалъ.

(Записане П. В. Курѣвскимъ въ Новгородѣ отъ трубача Савелья, 1834 года,
6 Сентября).

*

Слѣдующій образецъ переноситъ событіе съ Варяжскаго моря, также Сняго (см. предъидущіе выпуски), на Синео море Хвалынское, Каспійское:

¹⁾ См. выше.—²⁾ Эта черта дала возможность спасти отъ смерти Рычкова, подобно какъ другіе образцы отдѣлили его отъ убитаго ссаула. Потому же въ концѣ прибавлены несообразные стихи, отпечатанные у насъ курсивомъ.

4.

- По морю, по морю, морю синему,
 По синему морю по Хвальнскому,
 Плыли-выплывали тридцать кораблей:
 Какъ одинъ корабличекъ по передь бѣжить,
 5. По передь бѣжить, какъ соколъ летить;
 На томъ на корабличкѣ Рыжковъ атаманъ.

- Какъ возговорить Рыжковъ громкимъ голосомъ:
 «Вы гребите, ребятушки, удалѣе!
 «За нами, ребятушки, три погони,—
 10. «Первая погоня всё солдаты,
 «Вторая погоня всё гусары,
 «А третья погоня Донски козаки,
 «Донски, Гребенскіе, Запорожскіе.»

(Изъ рукописи кн. Церетелова, запис. П. А. Полевымъ).

*

Наконецъ, переходя въ Безъимянную, пѣсня вмѣстѣ съ тѣмъ приближается тѣснѣе и съ передѣлкой (или лучше подлинникомъ) Дмитріева, но утверждаетъ событіе именно за *Донцомъ*:

5.

(Земля Войска Донскаго).

На зорѣ-то было на зорюшкѣ,
 На зорѣ-то было на утренней,
 На восходѣ было солнца краснаго ¹⁾,
 Не буйные вѣтры подымалися,

¹⁾ Вотъ какими образами пользуется пѣсня, замѣняя время и мѣсто Плюс-сельбурга или моря Верейскаго.--Ср. подобное начало Петровскихъ пѣсень выше.

5. Не синее море всколыхалось,
 Не фузеюшка ¹⁾ въ полѣ прогрянула,
 Не лютая змѣя въ полѣ просвиснула,
 Просвиснула пулечка свинчатая:
 Она падала, пулька, не на землю,
 10. Не на землю, пуля, и не на воду,
 Она падала, пуля, въ козачій кругъ,
 На урочную-то ²⁾ на головушку,
 Что да на перваго есаулушку;
 Попадала пулечка промежь бровей,
 15. Что промежь бровей, промежь ясныхъ очей.

Упалъ молодецъ коню на черну гриву:

- «Охъ вы братцы мои, товарищи!
 «Поднимите меня на воронѣ коня,
 «Повезите меня во бѣлъ шатерь,
 20. «Положите меня на вбечку.
 «Кому изъ васъ судить Богъ на Тихій Донъ ³⁾,
 «Поклонитесь всему Дону Тихому,
 «Отцу-матери, молодой женѣ,—
 «Пущай она въ тоску не убивается,
 25. «Въ свое-то платьѣ убирается,—
 «Не покидайте родителей ⁴⁾ моихъ!»

(Ср. Сборникъ г. Савельева, 1866).

* * *

Къ снѣгъ же отдѣламъ примыкаетъ, какъ прибавка, слѣдующая пѣсня по своему началу:

---

¹⁾ Извѣстное военное ружье. Здѣсь, кажется, не произошло изъ *ило*, *илъ*,—„Иль фузеюшка въ полѣ прогрянула,“ и этимъ кончается одно сравненіе, за которымъ слѣдуетъ уже другое—змѣя и пуля.—²⁾ Обреченную рокомъ.—³⁾ Воротиться.—⁴⁾ Отца-мать, но скорѣе всѣхъ вообще „родныхъ (какъ и доселѣ употребляется это слово).“

**Донцы на морѣ Верейскомъ,
передъ самимъ королемъ Шведскимъ.**

1.

По морю—морю по Верейскому,
По тому морю—по морю *Турецкому* ¹⁾,
Плывутъ—выплываютъ три кораблика:
Одинъ корабль на передъ плыветъ,

5. Какъ соколъ летить;
У него носъ корма по звѣриному ²⁾,
Водяные ³⁾ бока по змѣиному.

- Въ томъ корабль раскрашенъ чердакъ,
Въ томъ чердакъ столики стоятъ, *черны дубовые* ⁴⁾,
10. На столахъ разостланы скатерти бѣлы-браныя,
На скатертяхъ стоятъ яства сахарныя
И пойлицы медовыя,
За столомъ сидитъ Шведскій король,
А предъ нимъ стоятъ два невольничка,
15. Со Тиха Дона два полковничка.
*Одинъ держитъ царское знамечко позлаченое,
А второй держитъ золотой подносъ,
На подносъ стоятъ двѣ рюмочки серебряныя,
Въ рюмочкахъ пойлицы медовыя.*
20. «Ты ужь гой еси, Шведской королю
«Изволь принять, изволь выкушать!
«Да не намъ бы предъ тобою—*то* стоять
«И не намъ бы тебѣ подносить ⁵⁾!»»

¹⁾ Народная пѣсня этого не смѣшала бы; Сахаровъ или не зналъ различія, или, какъ это бываетъ у него не рѣдко, наивной неглупостью хотѣлъ доказать подлинность пѣсни. Выдающіяся странности отмѣчены у насъ курсивомъ.—

²⁾ Взаты на прокатъ образы изъ старшихъ Былинъ.—³⁾ Вмѣсто „сведены,“ отъ „сводить:“ вотъ до чего доходило „исправленіе!“—⁴⁾ У народа „бѣлы дубовые“ или „бѣлодубовы:“ но сочинителю помѣшали послѣдующія бѣлы скатерти и онъ „избѣгъ“ повторенія.—⁵⁾ Къ какой стати эта грубость, невзвѣстно.

Да возговорилъ Шведскій король:

25. «Мнѣ пить-ѣсть не хочется,
 «Гульба-прохлада на умъ не идетъ.
 «*Ночьсь вечеръ* ¹⁾ мало спалось
 «И во снѣ много видѣлось,
 «Привидился мнѣ *некорыстный* сонъ:
 30. «Во снѣ привидѣлась мнѣ крутая гора,
 «На той на горѣ часть-ракетовъ кустъ *стоитъ*,
 «На томъ кустѣ тепло гнѣздышко,
 «Тепло гнѣздышко соколиное.»

Да возговорить *душечка* Шведской король:

35. «Ужь вы гой еси, мои невольнички,
 «Со Тиха Дона полковнички!
 «Кто сонъ мой отгадаетъ,
 «Того я выпущу *на волюшку*.»
 Да возговорили *раздушечки* два полковничка,
 40. Со Тиха Дона два невольничка:
 ««Устойшь ли въ своемъ словѣ королевскомъ?
 ««Выпустишь ли насъ невольничковъ *на волюшку*?
 ««Ужь мы сонъ твой отгадаемъ:
 ««Крута гора—наша *Россіюшка*,
 45. ««А *кустикъ* ракетовъ—наша каменна Москва,
 ««А гнѣздышко соколиное—*Россійская арміюшка*.»»

(эта, больше чѣмъ сомнительная, пѣсня, приведенная *Сахаровымъ*, явно составлена изъ двухъ—плаванія Донцовъ по Вереискому морю и выше помѣщеннаго сна, видѣнаго передъ войной, Шведской, отчасти съ прибавкою Былины о Краснощочковѣ. Не говоря уже о негнѣсти выраженій,—самый складъ нигуда не годится, какъ во всѣхъ сочиненіяхъ Сахарова. Мы не выбрасываемъ потому лишь, что найдется, можетъ быть, подлинникъ старшій или болѣе порядочный).

* * *

Съ этимъ отдѣломъ связаны два послѣдующихъ, о плаваніи государя по Невѣ и морю Варяжскому:

¹⁾ Противорѣчіе въ двухъ словахъ.

XV.

Царь на пути въ Шлюссельбургу. Козаки не
узнали его.

1.

Какъ по крутому по красному
бережку,
Какъ по желтому—сыпучему
песочку,
Туть ходилъ—гулялъ батюшко
православный царь.
Онъ садился, государь—царь,
на лежокъ стружокъ,

5. Размахнули—разгребнули
въ верхъ Невы рѣки,
Что ко славному ко городу
ко Шлюшину.

Какъ на встрѣчу государю
Донскіе козаки,
Что Донскіе, Гребенскіе,
Запорожскіе.
Что козаки государя
не опознали:

10. Имъ подумалось—король
земли Шведскія ¹⁾.
Заряжали свои ружья
огнёвья,
Приготовились стрѣлять
по своему царю.

---

¹⁾ Доказательство раннего, тогдашняго сложенія пѣсни: на Невѣ и взморѣ
можно еще было встрѣтить Шведскаго короля.

- Какъ не золотая трубушка
вострубила,
Что промолвилъ ли нашъ батюшко
православный царь.
15. Козаки голось услышали,
Что кидались—бросались
на легокъ стружокъ,
Приклонили свои буйны головы:
«Ты прости, прости, нашъ батюшко,
православный царь!
«Еще мы тебя, государь—царь,
не опознали,
20. «Намъ подумалось—король
земли Шведскія.»»
Что взговорить нашъ батюшко
православный царь:
«Вамъ спасибо ли, робята,
козаки Донскій,
«Что Донскіе, Гребенскіе,
Запорожскіе!
«Съ осторожностью ¹⁾ вы по рѣкѣ—Невѣ
гуляете,
25. «Своего царя вы
защищаете.»

(Исходники Чулковскій и Новиковскій, за ними Костомар. съ Мордовц. и другіе).

*

---

¹⁾ Переходъ уже къ языку письменному.

(Г. Саратовской, у. Петровскаго, село Даниловка).

- Да никто-то про то не знает ни вѣдаетъ,
 Куда нашъ царь православный снаряжается ¹⁾:
 Соряжается-собирается на Неву рѣку.
 Корабельное достроеньце переглядывать:
8. Полюбился-показался царю легкой корабль,
 Со любимыми полками Преображенскими ²⁾,
 Съ генералами съ Московскими.
 И гребнули они—плеснули ³⁾ по Невѣ рѣкѣ,
 До амбаровъ до государевыхъ.
10. Не признали козаки самого царя,
 Заряжали пушечки ломовыя ⁴⁾,
 И ломовыя-боёвыя.
 И воскликнулъ батюшка православный царь:
 «Вы гой еси, люди знамые,
15. «Вы, де, знамые, братцы, знакомые!
 «Поднимайте-ка знамёны государевы!»
 Донскіе козаки испужалися,
 На колѣнки становилися:
 ««Ой ты гой еси, нашъ батюшка,
20. ««Нашъ батюшка, православный царь!
 ««Мы, де, не признали самого царя,
 ««Заряжали пушечки ломовыя
 ««И ломовыя, и боёвыя.»»

(Записано, на его роднѣ, Ст. П. Шевыревымъ).

*

Изъ этой-то Былины передѣлалъ Н. Н. Дмитріевъ, съ большимъ впрочемъ умѣньемъ и съ замѣчательнымъ, подобно какъ выше, чутьемъ къ складу стиха:

¹⁾ Начало, сходное со сборами на Шведскую войну вообще: см. выше.—
²⁾ Т. е. садился на корабль.—³⁾ Вѣроятно: „И гребнули—восплеснули,“ или въ этомъ родѣ.—⁴⁾ См. выше.

3.

По желтымъ пескамъ сыпучимъ,
 на крутомъ берегу,
 Ходилъ-гулялъ православный
 царь нашъ батюшка;
 Онъ съ боярами садился
 на легокъ стружокъ:
 Размахнули-разребнули
 вверхъ Невы рѣки.

5. Противъ крѣпкія защиты ¹⁾,
 противъ Шлюшена,

Туть на встрѣчу государю
 Донски козаки.

Имъ помнѣлось, что король то
 земли Шведскія:

Заряжали свои ружья,
 ружья меткія,

Приготовились стрѣляти
 по своему царѣ.

10. Не трубушка золотая
 вострубила имъ,
 Голосъ батюшки раздався
 и дошелъ до нихъ ²⁾.

Закидались-заметались
 на легокъ стружокъ,

Преклонили всѣ козаки
 буйны головы:

---

¹⁾ Крѣпости, твердыни.—²⁾ Это уже изъ числа неологизмовъ.

«Ты прости насъ, милосердый
православный царь!

15. «Мы готовились стрѣляти
въ царя ²⁾ Шведскаго.»»

«Похваляю васъ, ребята,
Донски козаки,

«Что гуляли осторожно
по Невѣ рѣкѣ,

«Что къ защитѣ вы готовы
своею царя ²⁾.»»

Такъ возговорилъ къ козакамъ
православный царь.

(Пѣсенникъ П. И. Дмитриева 1796 г.).

* * *

Съ этой поѣздкой связана другая, и она-то, своими новыми образами, объясняетъ, почему творчество допустило козаковъ не узнать Петра (ср. въ концѣ „Замѣтку“):

XVI.

Поѣздка царя въ Стокгольмъ и обратно.

1.

Ахъ по морю—морю Синему,
По синему морю по Хвалынскому ¹⁾,
Что плывутъ тутъ—выплываютъ тридцать кораблей:
Что одинъ изъ нихъ корабль, братцы, напередъ бѣжитъ,

¹⁾ Это смѣшеніе Варяжскаго моря съ Хвалынскимъ-Каспійскимъ, замѣченное и выше, по перенесеніи самого поприща дѣйствій съ Юго-Востока на Северо-Западъ, утвердилось въ творествѣ тѣмъ легче, что Балтійское-Варяжское, подобно Хвалынскому, по преимуществу море *Синее*.—*Черное* у Славянъ и у Русскихъ—одно; *Синее*—Хвалынское и Адриатическое, потомъ вторично—на Северо-Западѣ; *Вълое*—Мраморное и Средиземное, потомъ вторично опять на Сѣверѣ, по мѣрѣ шаговъ творчества въ ту сторону (см. о томъ Замѣтки прежнихъ выпусковъ).

5. Впереди бѣжить корабль, какъ соколъ летитъ;
Хорошо-болно корабликъ изукрашенъ былъ:
Парусы на корабль были тафтяные,
А тетивочки у корабля Шемаханскаго шелку,
А подзоры ¹⁾ у кораблика рытова бархату ²⁾.
10. На рулю сидѣлъ нашъ батюшка православный царь.

- Что не золотая трубушка вострубила,
Да что взговоритъ нашъ батюшка православный царь:
«Ахъ вы гой еси, матросы, люди легкіе ³⁾!»
«Вы мечитесь на мачты корабельныя,
15. «Вы смотрите во трубочки подзорныя:
«Что далеко ли до Стекольнава ⁴⁾?»»

(Пѣсеньки Чулковскій и Новиковскій, за ними прочіе).

*

2.

(Губ. Вологодской).

По морюшку-морюшку Верейскому,
по Верейскому,
Много кораблей плыло, плыло-выплывало.
Выплывало же тридцать три корабличка,
три корабличка:
Одинъ корабль напередъ идетъ,

¹⁾ Свѣсы, навѣсы (кайма, опушка) — подернуты бархатомъ. — ²⁾ Все это начало то же, что въ предыдущемъ отдѣлѣ. — ³⁾ Это прекрасное выраженіе, утлый обломокъ старины, исправлено однако и упрощено Сажаровымъ, послѣ гг. Костомаровымъ и Мордовц.: „матросы легкіе.“ — ⁴⁾ Стокгольма, въ известной, давней Русской передѣлкѣ („обрусѣніе“ въ ту сторону двинулось уже давно).

5. Корабль какъ соколъ летить,
       какъ соколъ летить;
 Парусы натянуты, корабль изукрашенъ весь,
       изукрашенъ весь,
 Бока просмолёныя, вёсла дорожённыя ¹⁾.
 Что во этомъ во корабликѣ
 Сидитъ благовёрный царь,
       [Алекса́ндро Па́вловичъ] ²⁾,
10. Со своей слугой со вёрною, слугой безотмѣнною,
       безотмѣнною:
 «Посмотри, Ильюшенька ³⁾, въ трубочку подозорную,
       въ трубу золочёную,—
 «Много ли версть отъѣхали?....»

(Записано Ф. Студятскимъ, ср. сборникъ 1841 г. СПб.).

*

Слѣдующій за симъ любопытный образецъ взложенъ гг. *Бостомаровымъ и Мордовцевой* на основаніи приведеннаго у насъ перваго и при этомъ замѣчено, что въ бышемъ у нихъ *вариантѣ* „вступленія нѣтъ, прочее почти то же, исключая нѣкоторыхъ словъ и безъ окончательныхъ двухъ строкъ, равно царь не зовется по имени.“ Другими словами, къ подлиннику Чулковскому и Новиковскому прибавлены: вступленіе, перемена нѣкоторыхъ словъ, окончательныя двѣ строки, равно какъ царь названъ по имени. Такимъ способомъ произошла пѣсня, „собранныя въ Саратовской губерніи.“

3.

(Собрано въ Саратовской губерніи).

Не пыль въ полѣ запылилася ⁴⁾,
 Не туманъ съ моря подымается:

¹⁾ Дорогами, узорами, травчатая, расписныя; рѣзныя.—²⁾ Перемена въ устахъ позднѣйшаго пѣвца.—³⁾ Вѣроятно имя извѣстнаго царскаго кучера.—⁴⁾ При изображеніи морскаго дѣла, въ виду моря и кораблей, народъ никакъ не запылился бы сравненіемъ взатымъ съ поля и пыльной дороги.—Подобныя выраженія, какъ всегда, отмѣчаются у насъ курсивомъ.

- Подымалися съ моря гуси-лебеди,
Гуси-лебеди, утки сѣрыя;
5. Гуси-лебеди летять со гусятами,
Сѣры *утишки* плывуть со утятами;
Гуси-лебеди съ моря подымалися,
Всё ейнѣ море всколыхалося:
Бѣла рыбаца вся на низъ ушла,
10. Вся на низъ ушла, въ *тихи заводи*,
Въ *тихи заводи*, въ *омута глубокиѣ* ¹⁾,
Въ *омута глубокиѣ*, во *мѣста удобныя* ²⁾.
- А и по морю-то морю синему,
По синему морю по Хвалынскому ³⁾,
15. Тутъ плывуть-то всплывають *ровно* тридцать кораблей:
Какъ одинъ-то корабликъ напередъ бѣжить,
Напередъ бѣжить корабликъ, что соколъ летить.
Хорошо-болно корабликъ изукрашенъ былъ:
На корабликъ-то парусы всё тафтяные,
20. Тетивочки у кораблика *всѣ шелковыя*,
А пѣдзоры у кораблика рытаго бархата.
Какъ на этомъ на корабликъ православный царь сидить,
Со своими онъ со славными генералами,
Со своими храбрыми офицерами.
25. Какъ возговоритъ нашъ батюшка православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ:

¹⁾ Тихія заводи совсѣмъ не то, что омота глубокиѣ: „на низъ“ нельзя ходить „въ тихія заводи“ и бѣлая рыбаца туда не ходитъ; летаютъ на заводи гуси-лебеди-утицы, но онѣ не опускаются въ омота глубокиѣ; здѣсь смѣшаны краски отъ двухъ разныхъ картинъ.—²⁾ Это прекрасное вступленіе занято изъ нѣсколькихъ пѣсней, по нѣскольку выражений изъ каждой: такъ составлялъ Храмовицкій народныя хоры къ Екатерининскимъ драмамъ.—³⁾ Собиратели замѣчаютъ, что „вмѣсто *по Хвалынскому* однажды пѣли *по Балтійскому*“ пѣвецъ очевидно занимался Русскою исторіей; другіе, какъ мы видѣли выше, даже дважды и трижды. поютъ *по Верейскому*.

- «Ой вы гой еси, *матросы мои лекие* ¹⁾!
 «Вы мечитесь на мачты корабельныя,
 «Вы *глядите-ка* во трубочки подзорныя:
 30. «Далеко ли до *города* до *Стекольнава*?...
 «*Мы въ Стекольнавъ городочекъ къ вечеру* *придемъ*,
 «*Мы Стекольнавъ городочекъ по утру* *возьмемъ* ²⁾!»

(Пѣсни, собранныя въ Саратовской губ. гг. *Костомаровымъ* и *Мордовцевой*, ср. „Лѣтоп. Р. Литер. и др.“ т. IV).

*

Все это лишь начало пѣсни, которая является цѣлкомъ въ слѣдующемъ образцѣ:

4.

(Починки, губ. Нижегородской).

- Какъ никто-то про то не знаетъ не вѣдаетъ,
 Что куда-то нашъ государь-царь собирается ³⁾;
 Чистымъ серебромъ кораблики изнаполнилъ,
 Краснымъ золотомъ суденышки изукрасилъ.
 5. Онъ беретъ-то съ собой силушки очень мало,
 Что однихъ только Преображенскихъ гренадеровъ.
 Какъ приказъ-то даетъ нашъ батюшка царь Бѣлый:
 «Ой вы слушайте, офицерушки и солдаты!
 «Не зовите вы меня ни царемъ своимъ, ни государемъ,
 10. «А зовите вы меня заморскимъ купчиной ⁴⁾.»

¹⁾ Объ этомъ искаженіи см. выше.—²⁾ Собиратели объясняютъ касательно сихъ двухъ стиховъ, что „нѣкоторые прибавляютъ еще 2 строки:“ эти „нѣкоторые“ занимались эпохой Разина и монографіей Самозванцевъ, ибо стихи оттуда, ср. у насъ вып. 7-й п 6-й.—³⁾ Обыкновенное начало пѣсенъ про войну Шведскую: ср. выше.—⁴⁾ Отсюда, вѣроятно, въ подобномъ положеніи при взятіи Азова—Иванъ *Заморянинъ*.

- Ужь и грянуль ¹⁾ государь-царь по морю гуляти.
 Какъ носило-то царя по морю недѣлю,
 Что носило царя Бѣлаго другую:
 Принесло-то его ко Стекольному государству,
 15. Что къ тому ли Шведскому королевству.

- Не купчинушка по городу гуляетъ,
 Что никто-то купчину не узнасть;
 Узнавалъ только его гетманъ земли Шведской,
 Поскорѣхонько онъ къ королевнушкѣ ²⁾ метался:
 20. —Ахъ ты гой еси, наша матушка королева ²⁾!
 —Не купчинушка по городу гуляетъ,
 —Что гуляетъ-то по городу царь Бѣлый!—

- Какъ на красное крылечко королева выходила,
 Она семѣ земель царей портреты выносила:
 25. По портрету царя Бѣлаго узнавала;
 Закричала королева громкимъ голосомъ:
 —«Ой вы гой еси, мои Шведскіе генералы!
 —«Запирайте вы ворѣтки покрѣпче,
 —«Вы ловите царя Бѣлаго скорѣ!»—
 30. Ужь и тутъ-то нашъ батюшка не пугался,
 Обо всѣхъ онъ Шведскихъ замыслахъ догадался,
 Ко крестьянину онъ на дворъ скоро бросался:
 «Ты бери-ко, бери, крестьянинъ, денегъ вдоволь,
 «Ты вези меня на край синя моря ³⁾!»

35. Скоро вывезъ его крестьянинъ на край синя моря,
 А скорѣй того въ корабликъ государь-царь сѣдился,

---

¹⁾ Пустился: *gradior*, гряду; техническое выраженіе объ ударахъ веслами: *грянуть*—одинакая форма съ *гребнуть*; кромѣ того при выправахъ обычно на суднѣ „грянуть“ пѣсно.—²⁾ Въ народномъ языкѣ часто смѣшивается *королева* и *королева*: ср. вып. 5-й и примѣчанія къ Рыбникову.—³⁾ Это обращеніе ко крестьянину съ приказаніемъ везти и спасти сходится съ преданіемъ, которое помѣщено нами во II-мъ т. собранія Рыбниковаго; ср. ниже „Сказку“ и „Замѣтку.“

Закричалъ онъ своимъ матросамъ и солдатамъ:
«Ой вы гряньте-ко, ребятушки, дружище,
«Вы гребите и плывите поскорѣ!»

40. Какъ и первая погоня царя Бѣлаго догоняетъ,
А другая—то погонюшка настигаетъ ¹⁾;
Какъ возговорить погоня къ царю-государю:
«Ты возми-ко, возми, царь Бѣлый, насъ съ собою;
«А не возьмешь ты насъ, батюшка, съ собою,
45. «Ужь не быть-то намъ, горькимъ, живыми на свѣтѣ!»»

И тутъ же вся погоня въ сине море побросалась,
А нашъ царь-государь во святую Русь возвратился.

(Рукописный сборникъ, доставленный намъ С. М. Любецкимъ; замѣчательная эта пѣсня записана 1791 года, августа 15: весьма рано, когда еще были живы люди Петровскаго времени и въ одну эпоху съ первыми нашими печатными Пѣсенниками.—Она же была доставлена въ Археологическое Общество, оттуда покойнымъ П. Ст. Савельевымъ Г. Пышну, а имъ напечатана въ Отеч. Зап. 1858, № 1, съ замѣткой: „Она пѣлась въ гор. Починкахъ, Нижегород. губ., въ 1791 г. и списана г. Максютинымъ со словъ его родственниковъ.“—Творческіе образы о передѣванъ неизмѣнно повторяются отъ Скопина, при взятіи Астрахани и Азова, ср. вып. 7-й и здѣсь выше; о чертахъ историческитъ см. ниже въ „Сказкѣ“ и въ „Замѣткѣ;“ Шведскую королеву ср. ниже въ *Кольяванн*).

*

Слѣдующій образецъ представляетъ собою конецъ Былины—возвратъ, какъ первые образцы—начало:

5.

(Село Павлово, губ. Нижегородской).

А у насъ было на синѣмъ морѣ,
На синѣмъ морѣ на Балтійскимъ ²⁾,

¹⁾ Здѣсь находимъ поясненіе вставленнымъ выше спутаннымъ стихамъ „о погонѣ“ за Рычковымъ.—²⁾ Рѣдкое употребленіе слова у народа (вмѣсто Верейскаго — Варяжскаго) объясняется позднею и испорченною редакціей пѣсни, какъ ниже *пасажирушки*.

- Выплывалъ—выбѣгалъ Муравей—корабль ¹⁾:
 Хорошо корабль изукрашенной,
 5. Мелкимъ жемчугомъ изукрашенной,
 На корабликѣ всё снасточки шелковыя,
 На немъ мазурушки ²⁾ всё полковнички,
 А пассажирушки всё енералушки.
 На носу сидитъ православной царь,
 10. Православной царь Петръ Алексѣевичь;
 На кормѣ сидитъ молодой Нѣмецъ.
 Онъ бѣжитъ, корабль, изъ иной земли,
 Изъ иной земли, земли Шведскія,
 Во нашу мать во Россейшку.

(Запис. свщ. Фаворскій; ср. Изв. А. Н. т. I).

* * *

XVII.

Осада Выборга.

1.

Ахъ ты ноченька ³⁾, ты ноченька осенняя,
 Надоѣла ты мнѣ, молодцу,—наскучила,
 Стоючи, братцы, на караулѣ государевомъ,
 Что подѣ славнымъ ли подѣ городомъ подѣ Выборгомъ,

¹⁾ Могло произойти изъ „муравлений (эпитетъ обычный),“ — распятой и рѣзной.—²⁾ Мелкіе торговцы (аевни) и чернорабочіе на суднѣ, то же что выше „арыжные“, и также получало послѣ дуриной смыслъ.—Назывались такъ и „воры-разбойники“, помельче, на судахъ, откуда всего ближе было слову перейти къ смыслу плута, мошенника.—Еще старше это ходящія Мазуры изъ Мазовши, по Западной Руси: подобнымъ образомъ *Ярыги* по Русскому словопроизводству и осмысленію сродны съ названіемъ *Варяговъ*.—*Аевни* и *Мазуры* больше сухопутные, *Ярыги*—водяные.—Въ Московской, государственной, Руси *арыжки*—мелкіе писцы, также плуты, по мелкимъ дѣламъ и посылкамъ при тяжбахъ, на площади.—Нынче *мазурики* — арыга, ёрникъ.—³⁾ У гг. *Костомар.* и *Мордоч.* нѣсколько измѣнено: „Ахъ ты ночь ли.“

5. Что подъ той ли подъ стѣною бѣлокаменной,
Что подъ высокой подъ башней подъ проѣждею!

Не звѣринушка изъ башенки възрыкнула,
Что възрыкнула тутъ пушечка боевая,
Боевая—полковая, Шведская.

10. Никого она въ полку, братцы, не ранила,
Что убила ли Полковника, какъ пить дала.

Какъ растужутся—расплачутся солдатушки:
«Ахъ ¹⁾ ты свѣтъ нашъ батюшка Полковничекъ!
«Что кому насъ сиротъ будетъ поить—кормить,
15. «Кому насъ солдатъ содержать будетъ?»»
Ахъ что взговорятъ маіоры съ подполковникомъ:
—И вы глупые солдаты, неразумные!
—Какъ поить будетъ—кормить православный царь,
—Содержать будемъ мы маіоры съ подполковникомъ.—

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе и гг. Костомаровъ съ Мордочевой).

Ср. выше смерть Полковника подъ Шлюссельбургомъ.

* * *

XVIII.

Сборы подъ Полтаву. Графъ Борисъ Петровичъ
Шереметевъ.

1.

Еще что у насъ въ Москвѣ, братцы, за кручина?
На канунѣ было Свѣтлаго ²⁾ Воскресенья,
Заунывно въ царь—колоколь звонили.
Съѣзжались князья и всѣ бояре

¹⁾ Кост. „Охъ.“—²⁾ У Кост. не много измѣнено: „Свѣтла.“

5. Во Успенской во соборъ Богу молиться:
Молились они Господу со слезами.

Что одинъ изъ нихъ бояринъ не молился,—

Генераль Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

По частѣшинку ¹⁾ вонъ изъ церкви выступаетъ,

10. Ко бѣлой-каменной оградѣ припадаетъ,
Горючьми слезами обливался,
Миткалиннымъ ²⁾ онъ платочкомъ утирался:

«Ужь тошно мнѣ, боярину, тошненько,

«Никогда-то мнѣ таково тошно не бывало!

15. «Что болитъ-болитъ у барина ³⁾ головка,

«Щемить-щемить ретивое сердечко:

«Что сказана боярину царска служба,

«Указанъ путь—широкая дорожка

«Подъ славной подъ городъ подъ Полтаву:

20. «Какъ быть-то мнѣ боярину убиту

«Подъ славнымъ подъ городомъ подъ Полтавою

«На чистомъ на полѣ Лебединомъ ⁴⁾!»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними перепечатавали другіе, и Сахаровъ, и г. Костомар. съ Мордовц.).

*

2.

(Село Павлово, губ. Нижегородской).

На царскій праздникъ, на Великъ-день ⁵⁾,

На Свѣтло Христова Воскресенѣ,

Заунывно во царь-колоколь заблаговѣстили.

Всѣ князи-бояря приуныли,

¹⁾ „Почастѣхоньку.“—²⁾ Также счелъ нужнымъ кое-что поправить и Сахаровъ: „миткалевымъ.“—³⁾ Кост. и Сахар. „у боярина.“—⁴⁾ Подъ городомъ Лебединомъ, гдѣ былъ сборъ войска и съѣздъ начальниковъ: см. ниже. —

⁵⁾ Древнее, общеславянское имя Свѣтлаго Воскресеня.

5. Собиралися въ Успенскій соборъ Богу молиться:
 Всѣ князи-бояре Богу молились,
 Заздравно ¹⁾ молебны служили.

Одинъ изъ нихъ бояринъ Богу молился,—
 Заздравна молебна не служить:

10. Частехонько изъ собору вонъ выходить,
 Къ бѣлокаменной оградѣ припадать,
 Бѣль-горючъ камень слезами заливать,—
 Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.
 Возговорить бояринъ: «Господа бояря!
 15. «Нѣшта ²⁾ мнѣ больно-тошно,
 «Грустнѣмъ-то мнѣ, боярину, грустнѣнко:
 «Сказана мнѣ, боярину, служба царска,
 «Указана мнѣ, боярину, въ поле дорожка,—
 «Подъ славный городъ подъ Полтаву,
 20. «Бхать мнѣ, боярину, на поединокъ ³⁾!»

(Записано свѣд. Фаворскимъ; ср. Изв. А. Н. т. I.—Въ родовомъ книгѣ Шереметевыхъ сохранилось особенно много пѣсней про Бориса Петровича и все Петровское время, ср. выше).

Ср. выше грусть Шереметева передъ первымъ походомъ и общія опасенія при вѣсѣхъ сборахъ на Шведскую войну.

* *

Слѣдующая Былина, переходя къ самой Полтавѣ, начинается еще издалека, перечисляетъ предшествующія событія (см. выше, отдѣлъ XI) и началомъ своимъ тѣсно связывается съ Былинами о первомъ походѣ Шереметева, первыхъ дѣлахъ войны Шведской:

Полтавское дѣло.

1.

(Шенкурскъ, губ. Архангельской).

Въ тысяча семьсотъ первомъ годѣ,
 Во мѣсяцѣ было во Юль ¹⁾,
 Стояли солдаты на границѣ.
 А ни вѣстки, ни грамотки съ Руси нѣту.

¹⁾ Заздравны.—²⁾ Что-то.—³⁾ Не дуэль, а вообще ратоборство.—⁴⁾ Ср. выше начало Былинъ о первыхъ дѣлахъ со Шведами.

5. Въ три годочка перепала скоро вѣстка:
 Что отцовъ и матерей въ живѣ нѣту,
 Молодыя жены за мужъ вышли,
 Малы дѣточки ходять-сиротають.
 ««Еще ли намъ, ребятушки, не тошно?»»
10. Какъ подь славнымъ городомъ подь Полтавой,
 Тутъ стояль-постояль король Шведскій.
 Къ королю кавалеры приходили,
 На рѣчахъ кавалеры доносили:
 —«Ахъ ты батюшка, король земли Шведской!»
15. —«Колько подь городомъ ни стояти,
 —«Намъ Полтавы города не взяти:
 —«Во Полтавѣ есть Московская пѣхота,
 —«Самъ царь-государь поспѣшаетъ,
 —«Онъ со конницей, со драгунами,
20. —«Съ регулярной силой, со пѣхотой ¹⁾»—

- Онъ походъ держитъ въ землю Шведску,
 Походъ держитъ подь праву руку,—
 Подь ту ли подь Красну Мызу.
 Не дошелъ Красной Мызы становился,
25. Всѣхъ солдатъ своихъ испострѣилъ,
 Пушки-мортирушки изоставилъ.
 «Ахъ вы гой еси, мои генералы,
 «Храбрые мои кавалеры!
 «На службѣ кавалеры не бывали,
30. «Пушечнаго грома не слыхали?»
 ««Мы еще донесемъ тебѣ челобитье:
 ««Что изъ славнаго города изъ Обска ²⁾,
 ««Подымается царевъ Большой Бояринъ
 ««Князь Борисъ Петровичъ Шереметевъ,
35. ««Походъ держитъ во Шведскую землю ³⁾»»

¹⁾ Отсѣлъ слова лицъ переходять въ разговоръ самой Былны, какъ встрѣчались тому примѣры выше.—²⁾ Изъ Пскова.—³⁾ Опять Русскіе, въ отвѣтъ го-

- Не дошедъ Красной Мызы становился,
 Напередъ казаковъ разсылаеть.
 Напередъ казаки разъѣзжаютъ,
 Наѣзжаютъ на Шведскіе караулы:
40. Шведскіе караулы съ поля сбили,
 Много Шведовъ въ полѣ прирубили,
 Увезли въ полонъ большаго Маіора.
 Шереметевъ взялъ Маіорушка въ допросы:
 —Ты скажи-ко, Маіоръ, Божью правду,
45. —По крестному Божьему цалованью:
 —Гдѣ стоитъ генералъ вашъ?
 —Гдѣ стоитъ благодѣръ ¹⁾ вашъ?
 —Гдѣ стоитъ самъ король вашъ?
 —Много ли у васъ силы у генерала?
50. —Много ли у васъ силы у благодѣра?
 —Много ли силы съ самимъ королемъ?—
 —«У генерала у насъ силы тридцать тысячь,
 —«У благодѣра силы сорокъ тысячь,
 —«А съ самимъ королемъ смѣты нѣту.»—
55. —Врешь, Маіоръ, врешь-плутуешь:
 —Я этова не боюся,
 —Въ Обскъ назадъ не вернуся.—
 Приказалъ въ барабаны скоро бити,
 Скорѣй того въ походъ выступати
60. Ко этой рѣкѣ ко Можжѣ,
 Чтобъ король не догадался,
 За Можжу рѣку не перебрался.
 А король догадался,
 За Можжу рѣку перебрался.
65. Шереметевъ за нимъ погонѣлся:
 Состигалъ короля середь поля,
 Подъ славнымъ городомъ подъ Полтавой ²⁾.

сударю, начали было рассказывать про походъ Шереметева, предшествовавшій Полтавѣ: но Былина снова перерываетъ и беретъ рассказъ на себя. Слѣдуетъ повтореніе извѣстнаго обстоятельства про Шереметева и Маіора.—¹⁾ Бригадиръ.—²⁾ Только лишь послѣ этого начинается собственно Полтавское дѣло.

- Подымалась Полтавска баталья.
 Запалить Шведская сила
70. Изъ большаго снаряда—изъ пушки;
 Запалить Московская сила
 Изъ мелкаго ружья—изъ мушкета.
 Не крупень чесноккъ разсыпался:
 Смѣшалася Шведская сила.
75. Распахана Шведская пашня,
 Распахана солдатской бѣлой грудью;
 Орана Шведская пашня
 Солдатскими ногами;
 Боронѣна Шведская пашня
80. Солдатскими руками;
 Посѣяна новая пашня
 Солдатскими головами;
 Поливана новая пашня
 Горячей солдатской кровью ¹⁾.

(Записано Н. Борисовымъ въ Декабрѣ 1845 года).

* *

Слѣдующій образецъ представляетъ уже книжную работу, Западно-русскую, хотя и съ народнымъ складомъ (ср. „Замѣтку“):

Полтава, Король Шведскій и Мазепа.

1.

Кто не слыхивалъ у насъ таковыя славы?
 Подымался Король Шведской даже до Полтавы.
 Призываетъ онъ Мазепу къ себѣ на подпору:
 Какъ бы вырыть подъ ²⁾ царемъ на погибель нору;

---

¹⁾ Опять приемы Слова о Полку Игоревѣ, подобно начальнымъ пѣснямъ о войнѣ Шведской.—²⁾ *Дмитр.* „надъ.“

5. Веселятся и ликуютъ, чають—побѣдили,
И не справившись съ удачей все распорядили.
Король Шведскій говоритъ: «Какъ я буду паномъ,
«То устрою я Мазепу Короннымъ Гетманомъ.»
А Мазепа возносился выше ¹⁾ своей мѣры,
10. Былъ ²⁾ предатель государевъ, былъ ²⁾ предатель вѣры.
Но что вышло изъ ихъ чванства? Не попали и въ отчиз-
ну ³⁾,
Потерявши ⁴⁾ цѣло войско утекли въ Нѣмчизну.

Вивать Бѣлый царь и воинъ, разумомъ богатый!
Вивать храбры генералы! Вивать и солдаты!

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними Дмитріева, Глазунова П. Ш. 1819 г.
и другіе.—Въ свое время самая распространенная пѣсня).

* *

Плата Запорожцамъ за Полтаву.

1.

(Губ. Саратовскій).

Похвалились славны Запорожцы
Платавъ-городъ взяти.

Эхъ-хе ⁵⁾!

---

¹⁾ *Дмитр. и Глаз.* „паче.“ — ²⁾ Тамъ же: „бывъ.“ — ³⁾ *Дмитр.* „Но что жъ вышло? Не попали и въ свою Турчизну.“ — ⁴⁾ *Дмитр. и Глаз.* „А утративъ;“ *Дмитр.* „свое“ вмѣсто „цѣло.“ — ⁵⁾ Въ этой передѣлкѣ на Великорусскій ладъ только и есть новаго, искусно вымышленнаго, что припѣвъ.

По утру они рано вставали,
Добрыхъ коней своихъ сѣдлали.

5. А къ вечеру славны Запорожцы
Всѣ въ полонъ попали.
Славны, славны вы Запорожцы,
А гдѣ ваши метки ружья?
««Наши ружья заряжены,
10. ««А мы въ острогъ посажены.»»
Славны, славны вы Запорожцы,
А гдѣ ваши добрые кони?
««Наши кони на пригонѣ,
««А мы, казаченьки, во неволѣ.»»
15. Славны, славны вы Запорожцы,
А гдѣ ваши острия копья?
««Наши копья отобрали,
««Во Дунай-рѣку побросали.»»

(Только лишь у *Костомар.* и *Мордоч.*; нѣтъ никакого склада, не довольно и смыслу; до открытія другаго подлинника, пѣсня сомнительнаго происхожденія и пока есть ничто иное, какъ плохая передѣлка знаменитой Малорусской „Галки,“ которая относится не къ Полтавѣ, а къ гибели Запорожской Сѣчи въ 1775. См. ниже на своемъ мѣстѣ).

* * *

Эти двѣ пѣсни служатъ переходомъ къ остальнымъ Малорусскимъ Думамъ и подобнаго рода произведеніямъ, связаннымъ съ Полтавой, кои помѣщаются въ слѣдъ за симъ для сравненія. Ближайшая къ „Ларатовской“ такова:

XIX.

Малорусскія ¹⁾.

1.

Поплатились Запорожцы за Полтаву.
Гордѣенко.—Царь Восточный и Голицынъ.

Запорожцы небожата!
Пшениця не жата:
Ой пійдите, оглядите,
Пшеницю зажните!
5. «Ой, хочь пійдемъ оглядати,
«Не будемо жати!»»
Хвалилися Запорожцы
Полтавы достати ²⁾:

1.

Бѣдняжки вы Запорожцы!
Пшениця не жата:
Ой, пойдите, огляните,
Пшеницу зажните!
5. „Хоть пойдѣмъ мы и оглянемъ,
„Ой, не будемъ жати.““
Хвалилися Запорожцы,
Добудемъ Полтаву:

¹⁾ Шриѳтъ не предназначался для пѣсень Малорусскихъ и потому въ немъ недостаетъ потребныхъ знаковъ для указанія всѣхъ оттѣнковъ произношенія по Малорусскому нарѣчію.—²⁾ Вотъ откуда взято начало для предыдущаго образца (а продолженіе его изъ пѣсни позднѣйшей).—Разумѣется неудачная осада Полтавы, веденная Запорожцами въ 1709 году въ пособіе Шведу и Мазепѣ, за что поплатились они временнымъ разореніемъ Сѣчи.

- Ще Полтавы не достали,
 10. А вже Шведъ издася;
 На бидную головоньку
 Кошовый ¹⁾ зостався.
 Ой умерла въ кошового
 Старенькая мати:
 15. Тай нікому кошовому
 Порадоньки дати ²⁾.
 Восточный царь на Украини
 Не дімае виры;
 Посылае Голицына ³⁾,
 20. Щобъ не було змины:

- Еще не взяли Полтавы,
 10. А Шведъ уже сдася;
 На бѣду своей головкѣ
 Кошевой остался.
 Умерла у кошеваго
 Мать его старушка:
 15. Никого нѣтъ, кто бы подалъ
 Совѣтъ кошовому.
 Восточный царь Украинѣ
 Вѣры уж не емлетъ;
 Посылаетъ Голицына,
 20. Чтсбъ не быть змиѣнѣ:

¹⁾ Кошевой атаманъ Запорожскій Гордіенко, сотоварищъ Мазепы, вѣрный ему и послѣ Полтавы, спутникъ его въ Бендеры, скоро потомъ погибшій въ одной изъ отчаянныхъ битвъ. — ²⁾ У Срезневскаго переводъ не вѣренъ: „и некому кошеваго *утѣшить*.“ — ³⁾ „Столь же неправильно, говоритъ Срезневскій, изображено отношеніе Петра I и Голицына къ Украинѣ; наконецъ за чѣмъ визать Полтавскую битву и Гордіенко съ Голицынымъ? Какою дорогою могъ итти Голицынъ и какимъ слѣдомъ Петръ I за нимъ!“ Это совершенная ошибка: здѣсь разумѣется не фельдмаршалъ Михайло Михайловичъ и не сынъ его Дмитрій, а сомненникъ послѣдняго, Дмитрій Михайловичъ старшій, который именно выражалъ недоверіе государя къ Украинѣ и Мазепѣ, слѣдилъ за

«Ой иди жъ ты, Голицыну,
 «Иди жъ ты горою.
 «А я пійду зъ Москалями .
 «У слидъ за тобою.»

(Максимовичъ 1834, потомъ Срезневскій въ „Запорожской старинѣ“ 1834—38 и другіе; начало пѣсни ср. съ образцемъ предыдущимъ; вопреки мнѣнію Срезневскаго—совершенно народна. Складъ опредѣлившійся и краткій представляетъ переходъ отъ Думы къ Былевой Пѣснѣ, подобно какъ у насъ отъ Былинъ и Побывальщинъ къ Старинамъ).

* *

Это одинъ изъ эпизодовъ „Полтавскаго“ круга въ Малорусскомъ творчествѣ, помѣщавшійся вѣроятно, въ цѣлой связи, *началомъ* своимъ—въ концѣ какой либо длинной и обстоятельной Думы, каковы на примѣръ слѣдующія, *концемъ же*—въ началѣ ихъ.

2.

а)

Замыслы Мазепы, Искра, Кочубей, Палій.

Ой, ты гадаешь, Мазепо,
 Ты гадаешь измѣнати:
 Хочешь царя одступати ¹⁾,
 Въ пень Москву рубати;

„Ой вид-ко ты, Голицынъ,
 „Иди ты горою,
 „А я пойду съ Москвичами
 „Слѣдомъ за тобою.“
 * *

2.

а)

Ой, гадаешь ты, Мазепа,
 Ты гадаешь измѣнати:
 Хочешь царя отступиться,
 Москву рубить въ корень;

Мазепою, сдерживалъ въ повиновеніи Кіевъ, велъ переговоры о сдачѣ Батурна и т. д. За нимъ—то и Меншиковымъ именно и двинулся Петръ къ Полтавѣ.—Вся пѣсня изъ двухъ отрывковъ: послѣдній есть вступленіе къ Полтавскому дѣлу, первый же — о Гордіенкѣ—эпизодъ, въ сторону и къ концу дѣла Полтавскаго.—Критика, воспитанная *на рукописяхъ*, не примѣнима къ *творчеству народному*.—¹⁾ Читая „одступати (то же самое),“ Срезневскій полагалъ это—обступать и переводить „напасть на царя.“

5. Та не тилько що царя одступати,
 Въ пень Москву рубати:
 Ще й самъ хочешъ на столици
 Царемъ царствовати.

- Ой, у городи у Полтави
 10. Мазепа гуляе;
 Сидить зъ Искрою, зъ Кочубіемъ ¹⁾,
 Все плаче й рыдае ²⁾:
 «Та велю жъ я королю Шведському
 «Та Москаля бити!»
 15. «Гей, велю жъ я Запорожцямъ
 «Москву въ пень рубити!»

- Тай уже жъ песь проклятый Мазепа
 У поли наметомъ ставъ:
 Зеленымъ виномъ та медомъ
 20. Солодкимъ почтувавъ.

5. Не царя лишъ отступитъся,
 Москву рубить въ корень:
 Хочешъ самъ ты на престолъ
 Царемъ царевати.
 Ой въ городъ во Полтавѣ
 10. Мазепа гуляеть;
 Сидить съ Искрой, съ Кочубеемъ,
 Все плачетъ-рыдаеть:
 „Да велю королю Шведовъ,
 „Велю Москаля бити!»
 15. „Эй, велю-ко Запорожцамъ,
 „Москву рубить въ корень!»
 Вотъ Мазепа, песь проклятый,
 Въ полъ сталь шатрами:
 Потчиваль виномъ зеленымъ,
 20. Сладкими медами.

¹⁾ Знаменитыя лица, жертва своей ранней догадки и приверженности къ Петру. Дѣло происходило въ Бердичевѣ, 1704 года. — ²⁾ Тонкій намекъ на обычное его притворство, страхъ, ссылки на болѣзнь и т. п.

Ой що взмовить гетьманъ Мазепа

Палію Семену:

«Ой ты, Палію Семене ¹⁾,

«Чи не зрадишь ты мене?»

25. —Якъ же я маю, гетьмане Мазепо,

—Тебе изражати,

—Коли ты будешь, Мазепо,

—Добре починати?—

«Я думаю, Палію Семене,

30. «Москву въ пень рубати,

«А самъ хочу на столици

«Царемъ царствовати?»

—Впередъ будешь, гетьмане Мазепо,

—У стовба ²⁾ стояти,

35. —Ани жъ будешь на столици

—Царемъ царствовати.—

Взговорить Мазепа гетманъ

Палію Семену:

„А что ты, Палій Семень,

„Меня ты не выдашь?“

25. —Какъ же мнѣ, Мазепа гетманъ,

—Тебя выдавати,

—Коли будешь ты, Мазепа,

—Добромъ починати?—

„Я думаю, Палій Семень,

30. „Москву рубить въ корень,

„А самъ хочу на престолѣ

„Царемъ царевати?“

—Прежде гетману Мазепѣ

—У столба стояти,

35. —Чѣмъ придется на престолѣ

—Царемъ царевати.—

¹⁾ Известный, чисто-народный герой: образъ его очерченъ самыми прихотливыми красками—богатыря, чародѣя, пѣвца и т. п. См. ниже.—²⁾ У позорнаго столба преступниковъ.

Ой не знавъ, не знавъ проклятый Мазепа,
 Якъ Палія зазвати;
 Ой ставъ же, ставъ проклятый Мазепа
 40. На бенкетъ ¹⁾ запрошати:
 «Ой приѣдь, приѣдь, Палію Семене,
 «Да на бенкетъ до мене!»

Ой скоро ²⁾ Паліенко Семень
 Зъ своимъ війскомъ приѣжае,
 45. Ой такъ скоро ²⁾ проклятый Мазепа
 Чашу меду высылае:
 «Ой, прошу тебе, Палію Семене,
 «По чаши вина пити?»
 —Брешешь, брешешь, проклятый Мазепо:
 50. —Хочешь мене згубити!—

Ой не зналъ проклять Мазепа,
 Какъ зазвать Палія;
 Ой сталъ же проклять Мазепа
 40. На пиръ зазывать:
 „Семевъ Палій, приѣжай-ка
 „Ко мнѣ на пирушку!“

Ой скоро же Палій Семень
 Съ своимъ войскомъ приѣзжаетъ,
 45. Проклятой Мазепа тотчасъ
 Чашу меду высылаетъ:
 „Пожалуй-ка, Семень Палій,
 „Выпей вина чару?“
 —Брешешь, проклятой Мазепа:
 50. —Згубить меня хочешь!—

¹⁾ Банкетъ: пирושка. — ²⁾ Какъ скоро, то; или, по нашему, „Скоро—скорѣй того.“

А той Максимъ Искра сидить,
Про Мазепу добро знае,
Палиеви Семенови

Отъ такъ привичае:

55. — «Ой и годи, Семене Палию,
— «Въ Мазеды вина пити:
— «Ой, хоче Мазепа проклятый
— «Тебе зъ карабина вбити!» —

- Ой и пье Семень, ой и пье Палий,
60. Та головоньку клонить:
А Мазепинъ чура ¹⁾ ёму
Кайданы ²⁾ готовить.
Ой и пье Семень, ой и пье Палий,
Изъ нигъ извалился:

А сидеть тотъ Максимъ Искра,
Онъ Мазепу на сквозь знаетъ,
Онъ Семену онъ Палию

Приговариваетъ:

55. — „Эй, Семень Палий, постой-ка
— „Пить вино Мазеды:
— „Тебя хочеть онъ проклятый
— „Изъ ружья убити!“ —

- Ой пьетъ Семень, ой пьетъ Палий,
60. Головушку клонить:
А ему Мазепинъ чура
Оковы готовить.
Ой пьетъ Семень, ой пьетъ Палий,
Съ ногъ онъ повалился:

---

¹⁾ Прислужникъ, оруженосецъ, вѣстникъ, на посылкахъ и въ подѣлкахъ, провожатый: въ качествѣ древнѣйшаго *Тура*, то же что Гермесъ;—см. о томъ „Замѣтку“ нашу при 4-мъ выпускѣ.—²⁾ Оковы.

65. Барзо тому гетьманъ Мазепа
 Стоя звеселився ¹⁾.
 Ой и крикнувъ панъ гетьманъ Мазепа
 На свои гайдуки:
 «Гей, озьмить Палія Семена
70. «За крипкеньки руки ²⁾!»
 Отъ и крикнувъ панъ гетьманъ Мазепа
 На свои лейтары ³⁾:
 «Гей, озьмить Палія Семена
 «Закуйте въ кайданы!»
75. Отъ и крикнувъ панъ гетьманъ Мазепа
 Та на свои мысливци ⁴⁾:
 «Гей, озьмить Палія Семена
 «Та засадить въ стрільниці ⁵⁾!»

65. Сильно тому панъ Мазепа
 Стоя взвеселился.
 Он и крикнулъ же панъ гетманъ
 На свои гайдуки:
 „Гей, возьмите вы Палія
70. „За крѣпеньки руки!“
 Он и крикнулъ панъ Мазепа
 На свои рейтары:
 „Гей, возьмите вы Палія,
 „Закуйте въ оковы!“
75. Вотъ и крикнулъ же панъ гетманъ
 Да на своихъ ловчихъ:
 „Гей вы, взять Палій-Семена,
 „Засадить въ стрѣльницю!“

¹⁾ У Срезневскаго: „Задвѣсився.“ Но чему же было двѣяться?—²⁾ Максимовичъ: „Да у тисныи руки,“ во крѣпкия руки.—³⁾ Рейтары, всадники; вариантъ „Янчары,“ янычары.—⁴⁾ Ловчіе, охотники; у Максим. „на свою визилицю,“ своему возницѣ.—⁵⁾ Въ башнѣ.—Это, по представленіямъ творчества, первое, мѣстное заключеніе Палія. — Максим. „Да вкиньте въ темницю.“

- Не давъ Палію гетьманъ Мазепа
 80. Ни пити, ни исти,
 Доки не выславъ, проклятый,
 На столицю ¹⁾ листы.
 [А якъ же выславъ гетьманъ Мазепа
 Листы на столицю,
 85. Веливъ закинуть Палія
 У темну темницю ²⁾.]
 «Отъ-то жъ тоби, промовляе, царю,
 «Есть Палій изминникъ:
 «Винъ тебе хоче вже одступати,
 90. «Въ пень Москву рубати,
 «А самъ хоче та на столици
 «Царемъ царствовати ³⁾.»
 Озоветься ⁴⁾ Палій Семень
 Сидячи въ темници ⁵⁾:

-
- Не далъ Палію Мазепа
 80. Ни пити, ни исти,
 Пока не послалъ, проклятый,
 Грамотъ на столицу.
 [А какъ послалъ онъ, Мазепа,
 Грамоты въ столицу,
 85. Велилъ закинуть Палія
 Въ темную темницу.]
 „Вотъ, тебѣ, царь,—говоритъ онъ,—
 „Палій есть изминникъ:
 „Хочетъ тебя отступиться,
 90. „Москву рубить въ корень,
 „А самъ хочетъ на престолѣ
 „Царемъ царевати.“
 Отзовется Палій Семень,
 Сидючи въ темницѣ:

---

¹⁾ Первоначально это значить *престола*, столъ сидѣнья властителя, а оттуда в самое названіе *столицы*.—²⁾ Эти 4 стиха, у Срезневскаго, лишніе и разбавлены.—³⁾ Варіантъ у Срезневскаго не важный.—⁴⁾ Вар. „Тоди озоветься.“ Максим. „Обязвется.“—⁵⁾ „Зъ темной темницѣ.“

95. —Бреше, бреше гетьманъ Мазепа
           —Въ царя на столици!
 —Отъ же жъ тоби, да праведный царю,
           —Самъ гетьманъ изминникъ:
 —Винъ тебе хоче уже одступати,
 100.   —Въ пень Москву рубати ¹⁾,
 —А самъ хоче та на столици
           —Царемъ царствовати ²⁾!—
       Ой що взмовлять мосцивыи ³⁾ паны
       До праведна царя:
 105. «Выпускай ты, да праведный царю,
       «Палія зъ темници,
       «А то будутъ бусурманы Шведы
       «На твой столици!»»

(Кв. Церетелевъ 1819, Максимовичъ 1834 съ поправками по списку Ходаковского; потомъ съ перемѣнами (чаще нарушающими складъ) Срезневскій 1834—38; какъ и выше, замѣтна естественная близость склада къ пѣснямъ Московскимъ того времени, о чемъ см. „Замѣтку“).

*

-
95. —Брешеть, брешеть панъ Мазепа
           —У царя въ столицѣ!
 —А вотъ тебѣ, царь праведный,
           —Самъ гетманъ измѣнникъ:
 —Хочеть тебя отступиться,
 100.   —Москву рубить въ корень,
 —А самъ хочеть на престолѣ
           —Царемъ царевати!—
       Ой что взговорять вельможи
       Царю правосудну:
 105. „Выпускай, царь правосудный,
       „Палія съ темницы,
       „А то бусурманамъ Шведамъ
       „Быть въ твоей столицѣ!“»

*

¹⁾ Вар.: „Ой, царю, каже, Мазепа зминникъ, Хоче Москву рубати.“—²⁾ Слѣдующій за симъ, необходимый конецъ находится у Церетелева и выброшенъ Срезневскимъ: онъ доказываетъ, что въ этой Думѣ представлялось только одно, мѣстное заключеніе Палія, ибо въ слѣдъ за тѣмъ непосредственно онъ на свободѣ и подл Полтавой, о чемъ и сказывается далѣе.—³⁾ Вельможные.

б)

Палій на свободѣ, битва подъ Полтавой.

Король утекаетъ за одно съ Мазепой ¹⁾.

Та ще хмилю ²⁾ та ще зелененькій
На тычину не извився ³⁾:

А вже Палій пидь Полтавою
Изъ Шведомъ побився.

5. Та ще хмилю та ще зелененькій
Головокъ не схиливъ:

А вже Палій пидь Полтавою
Тай Шведивъ побивъ ⁴⁾.

б)

Еще хмѣль еще зеленый
Тычинкой не взвился:

А Палій ужь подъ Полтавой
Со Шведомъ сразился.

5. Еще хмѣль еще зеленый
Головокъ не клонить:

А Палій ужь подъ Полтавой
Шведовъ бьетъ и гонить.

¹⁾ Пѣсня эта у Церетелева и Максимовича, какъ и слѣдуетъ, непосредственно соединяется съ предыдущею.—²⁾ Такъ у Церетелева, сообразно съ древнѣйшимъ складомъ; у Срезневскаго повтореніа: „Та ще хмилю, хмилю.“—³⁾ Максим. и Срезн. „не звився.“—Еще до осени, среди лѣта: по Московскимъ пѣснямъ „Середь было краснаго лѣта.“ Палій высвободился 1708 года: по пѣснямъ весною, великимъ постомъ прибылъ въ Москву (какого года, разумѣется, не говорится), а на вешняго Николу прибылъ подъ Полтаву (1709).—⁴⁾ Слѣдующее за симъ только у Срезневскаго: это лишнее повтореніе, когда пѣвецъ разохотился сравненіями.

- [Та ще хмилю та ще зелененькій
 10. Козаківъ не згубивъ:
 А вже Палій зъ пидъ Полтавы
 Тай Шведивъ отбивъ.]
 Ой кликне—покликне да королю Шведській ¹⁾,
 На гармати ²⁾ стоя:
 15. «Утикаймо скорійшъ, гетьмане Мазепо ³⁾,
 «Зъ Полтавського поля!»
 Тоди вони утикали
 Уси зъ пидъ Полтавы:
 «Бо-дай вони не диждали
 20. «Биться зъ козаками ⁴⁾!»

(Кн. Церетелевъ 1819, Максимовичъ 1834, за ними Срезневскій 1834—38, съ поправками по спискамъ).

*

- [Еще хмѣль еще зеленый
 10. Козаковъ не губить:
 А Палій изъ подъ Полтавы
 Шведовъ прочь бьетъ-рубить.]
 Ой кликнетъ-воскликнетъ
 Король земли Шведской,
 15. Стоючи на пушкѣ:
 „Побѣжимъ скорѣй, Мазепа,
 „Съ Полтавскаго поля!“
 Тогда они утекали
 Всѣ изъ подъ Полтавы:
 20. „„Дай Богъ, впередъ не дожидаться
 „„Битвы съ козаками!““

*

¹⁾ У Срезн. „Тоди крикне, крикне ясный король Шведській.“—²⁾ Армата, армада—сперва вообще „орудіе,“ потомъ пушка.—³⁾ Срезн. „Утикаймо, Мазепо.“—
⁴⁾ Этимъ кончается у Церетелева, и явно, что это действительно конецъ: слова бѣгущихъ, въ 3-мъ лицѣ.—Ср. въ нашихъ Былинахъ слова бѣгущихъ Татаръ: „Не дай Богъ намъ бывать ко Киеву, Не дай Богъ намъ видать Русскихъ людей“ и проч. У Срезн. продолжается далѣе, но слабо и растянuto.

в)

Погоня за Шведами до Бендеръ. Палій съ Гречкой¹⁾.

- Отъ-то Шведы²⁾ утикали
 Зъ Полтавського поля:
 Эхаменулась³⁾, звеселилась
 Козацькая доля.
5. Отъ-то вони хутко⁴⁾ утикали
 Та не шляхомъ⁵⁾, стежкой:
 Була вѣйску порада
 Тай Палію зъ Гречкой...
 Тоди швидко⁶⁾, швидко Шведы утикали,
 10. Дорожку визнавали,
 Тай ще тую дороженьку
 До Бендеръ держали...

И т. п. Не вносятся самъ ничего особаго, ни историческаго, ни замѣчательнаго творчества.

(Срезн. въ „Запор. Стар.“ 1834—38).

* *

Въ томъ же почти порядкѣ, хотя и съ нѣкоторыми особыми чертами, налагаетъ дѣло слѣдующая, самая лучшая и цѣльная Дума:

в)

- Вотъ какъ Шведы утекали
 Съ Полтавскаго поля:
 Проснулась, повеселѣла
 Козацкая доля.
5. Вотъ какъ быстро утекали,
 Не дорогой, тропкой:
 Была войску въ томъ отрада
 И Палію съ Гречкой...
 Скоро, скоро утекали,
 10. Путь себѣ пытали,
 Еще ту ли путь-дорожку
 Къ Бендерамъ держали...

* *

¹⁾ Какъ сказано, это непосредственно соединится съ предыдущимъ.—²⁾ Такъ въ строфахъ ниже: для соединенія съ предыдущимъ у Срезн. „Отъ-то вони тоди шибко.“ — ³⁾ Очнулась, проснулась. — ⁴⁾ Охоче, старательно. — ⁵⁾ Schlag, торная, большая бойная дорога.—⁶⁾ Geschwind.

3.

**Съѣздъ Русскихъ. Свобода Цалію и походъ его съ
Шереметевымъ подъ Полтаву. Король и Мазепа, ихъ
бѣгство.**

Шведського року, несчастливого лита,
Не одна-то^о душа христіянська
Безневинно ¹⁾ пійшла зъ сѣго свѣта.

- То тоди-то у городи у Лебедини ²⁾
5. Цари й князи великимъ вси ³⁾ дивомъ дивовали,
Единъ до единого словами промовляли:
«Про що то, панове ⁴⁾, у землі христіянській
«Не стало порядку ставати?»»
—«Про то, панове ⁴⁾, що стали

3.

Въ ту ль годину Шведску, въ безсчастное лѣто,
Не одна-то душа христіянска
Отошла безвинно съ сего свѣта.

- Во тѣ пору, во городѣ во Лебединѣ,
5. Цари и князи великимъ дивомъ дивовались,
Такими словами другъ ко другу говорили:
„За что-й-то, господа, въ землѣ христіанской
„Не стало порядку становиться?“
—„За то, господа, что стали

¹⁾ Двойное отрицаніе (какъ при сравненіяхъ въ языкѣ народномъ, см. выше).—²⁾ Объ этомъ-то въ Московскихъ пѣсняхъ говоритъ Шереметевъ, предчувствуя себѣ бѣду „на полѣ Лебединомъ,“ см. выше. Здѣсь была въ 1708 г. главная квартира Русскихъ войскъ.—³⁾ *См?*—⁴⁾ У Срезн. странная прибавка—„молодци.“

10. — «Проклятыи бусурманы
 — «Християнъ братами называти.» —
     ««Хто жъ тее зачинавъ?»»
 — «Начинавъ тее проклятый Мазепа,
 — «Якъ Искру и Кочубея
15. — «Безневинно самъ зъ сѣго свита зогнавъ,
 — «Семена Палия на Сибирь завдавъ.» —
     То цари и князи
 Единъ до единого словами промовляли,*
 Да ¹⁾ Семѣна Палия зъ Сибиру
20.   На Москву высылали ²⁾.
     Скоро ³⁾ то ставъ Семень Палий
 Великимъ постомъ, весняною погодою,
 До Бѣлого царя ⁴⁾ на столицю прибувати,
     То свить праведный государь

10. — „Проклятыя бусурманы
 — „Християнъ братьями называти.“ —
     „А кто жъ это зачалъ?“
 — „Начиналъ то проклятой Мазепа,
 — „Когда Искру съ Кочубеемъ
15. — „Безвинно спроводилъ съ сего свѣта,
 — „Семена жъ Палия въ Сибирь предалъ.“ —
     Такъ цари и князи
 Такими словами другъ ко другу говорили,
 Да Семена Палия съ Сибири
20.   Въ Москву высылали.
     Скоро Семень Палий прибываетъ,
 Въ Постъ Великій, весенней погодою,
 Ко Бѣлому царю на столицю,
 А свѣтъ правосудный государь-царь,

¹⁾ Или *та*: удивительно, за чѣмъ Срезневскій предлагалъ исправленіе *що*, — не было бы смыслу. — ²⁾ *Выслали*? — Это, по народному творчеству, второе заключеніе Палия — въ Сибири; послѣ заключенія у Мазепы, онъ былъ сосланъ въ Енисейскъ 1804 г. и возвращенъ 1708, ср. выше. — ³⁾ Какъ скоро, когда. — ⁴⁾ И въ Малорусской поэзіи, какъ въ Московскихъ пѣснахъ, это прозваніе усвоено по преимуществу Петру I-му.

25. Велику (винъ) радость мае,
Що до себе великого лыцаря
Семена Палія у гости сподивае.

- То Мазепа тоди якъ почувъ,
30. Що ёго, проклятого Мазепу,
Лихо доганяе,
До короля (винъ) Шведського
Таки ричи промовляе:
«Королю Шведській, добродію,
35. «Найяснійшій ¹⁾ мій пане!
«Чи будемъ мы бильше
«Города Полтавы доставати,
«Чи будемъ зъ-пидъ города ²⁾
«Зъ-пидъ Полтавы уतिकати?

25. Великую радость онъ имѣеть,
Что великаго рыцаря въ гости,
Семена Палія принимаетъ.

- А Мазепа тогда, какъ почувъ,
Что его, проклятаго Мазепу,
30. Бѣда нагоняеть,
Онъ тогда королю Шведовъ
Говорить такіа рѣчи:
„Благодѣтель, король Шведскій,
„Пресвѣтлѣйшій господинъ мой!
35. „Добывать ли намъ еще Полтаву,
„Или будетъ лучше изъ-подъ града,
„Изъ-подъ той Полтавы утекати?

¹⁾ *Найяснійшій?* Издатели весьма правы, приводятъ въ обычный порядокъ народную рѣчь *на письмѣ*: но въ устахъ, именно при пѣніи, по требованію склада, конечно были и есть отбѣны (какъ всегда на Великой Руси. См. объ основномъ складѣ въ 7-мъ выпускѣ).—²⁾ „Изъ-пидъ“ или „зъ-пидъ града?“ Если дѣлается подобный отрѣзокъ въ 7 или въ 5, вѣрно стихъ былъ подлинно и первоначально въ 8 или 6 слоговъ.

40. «Бо не дурно Москва стала
 «Нась кругомъ оступати;
 «Бо въ Семена Палія ¹⁾
 «Хочъ и не великое вѣско охотнее ²⁾,
 «Тилько одна сотня,
45. «А буде нашу тысячу
 «Гнати й рубати,
 «Буде намъ, великимъ паномъ,
 «Великій страхъ завдавати ³⁾!»
 То король Шведській тее зачувае,
50. Словами (винъ) промовляе:
 —Мазепо, безумна главо!
 —Чи въ мене вѣско не збройне,
 —Чи у мене ⁴⁾ вѣско не панцырне?

40. „Вѣдь не съ дуру Москва стала
 „Нась кругомъ съ тобою обступати;
 „У Семена вѣдь Палія
 „Пусть и не велико охочее войско.
 „Только одна сотня,
45. „А будетъ тысячу нашу
 „Гнати и рубати,
 „Будетъ намъ, панамъ великимъ,
 „Великій страхъ задавати!“
 То заслышитъ король Шведскій,
50. Такими словами говорятъ онъ:
 —Голова безумная, Мазепа!
 —У меня ль войско не въ брѣнѣ,
 —У меня ли не въ панцыряхъ войско?

¹⁾ То же о семь стихѣ. — ²⁾ *Охотнее?* Указываетъ слѣдующая рѣма. —
³⁾ Совершенно подобнымъ образомъ, по Московскимъ пѣснямъ, королю „на
 рѣчахъ кавалеры доносили.“ Ср. выше.—⁴⁾ Вотъ еще доказательство: у Мак-
 симовича въ подобныхъ случаяхъ *у* полугласное, что переходитъ въ *э*; такъ
 и печатаетъ обычно Срезневскій *э*: но здѣсь, по складу, не усумнился же
 принять *у*.

- Та я ще ¹⁾ тую Москву
 55. —Могу сикти и рубати,
       —Ще не зарикаюсь ²⁾
       —У Билого царя
 —На столици побувати!—
- Скоро ставъ Палій Семень,
 60. На святого отца Миколая,
 Изъ Шереметомъ Борисомъ Петровичомъ,
 Пидъ Полтаву прибувати,—
       То ставъ король Шведскій
 Изъ Мазепю тайно втикати,
 65. На царськихъ людей вдаряти.
 Много царськихъ людей побивали ³⁾.

- Еще я ли Москву эту
 55. —Могу съчь я и рубати,
       —Еще я не зарѣкаюсь
       —У Бѣлаго царя побувати,
       —На его—царя—столицѣ!—
- На святаго отца Миколая,
 60. Подъ ту подъ Полтаву,
 Скоро сталъ ли Палій прибувати,
 Съ нимъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ,—
 Тутъ (скорѣй того) король Шведскій
 Сталъ съ Мазепой тайно утекати,
 65. На людей на царскихъ ударяти.
 Много царскихъ людей побивали.

¹⁾ „Тай ще?“—²⁾ Обратно предыдущему, у Срезневск. „Ще не зарикаюся (7),“ а Максимовичъ, по чутью склада, печатаетъ „ще не зарикаюсь.“—³⁾ Напрасно полагалъ Срезневскій, что слѣдующее за сими „должно разумѣть не о Батуринѣ, лежащемъ на Сеймѣ, а о Переволочнѣ.“ Тотчасъ послѣ обличенія Мазепы, 3 Ноября 1708 г. Меншиковъ взявъ его резиденцію Батуринъ, опустошилъ въ тѣхъ самыхъ чертахъ, какъ говоритъ пѣсня, побиты жители, даже женщины и младенцы, разорено, взято или попалено все имущество гетмана и жителей, оставшееся здѣсь. Этого не могъ забыть народъ и тотчасъ же поставилъ это въ упрекъ Мазепѣ: въ слѣдующей за сими Думѣ тѣмъ же порядкомъ переходять къ Батурину, чтобы еще разъ прокласть Ма-

- А въ городи у Батурини
 Мужикивъ та жинокъ
 У пень сикли да рубали,
 70. Церкви палили,
 Святсти та иконы
 Пидъ ноги топтали,
 Плиты справляли ¹⁾);
 На той бикъ Днипра утикали.
75. То Семень Палій
 Пидъ Полтаву прибуває:
 Сиче и рубаеть,
 На вси стороны якъ полоу митае.

- А въ Батуринѣ во градѣ,
 Мужиковъ да жонокъ
 Въ корень сѣкли и рубали,
 70. А церкви палили,
 Святыни-иконы
 Подъ ноги топтали
 [А плиты сплавляли];
 На тотъ бокъ Днѣпра всѣ утекали.
75. Такъ-то Семень Палій
 Подъ Полтаву прибываеть:
 Сѣчетъ онъ и рубить,
 Какъ плеву на всѣ стороны разметаеть.

зепу. Связь такова: Враги бѣжали передъ лицомъ Палія и козаковъ, но царскихъ—Московскихъ—людей они продолжали еще бить и много побили; да и тѣ, съ Меншиковымъ, не пощадили Батурина и, въ разореньѣ его, ты же, Мазепа, виновень. Послѣ этого эпизода, пѣсня возвращается къ бѣгущимъ и прибавляетъ, что теперь сцена перенесена была за Днѣпръ.—¹⁾ Срезневскій „плоты наводили“ и за тѣмъ уходили. Но Максимовичъ, вопреки правиламъ своего правописанія, пишетъ здѣсь не о со значкомъ, а просто *плиты*. Потому мы соединяемъ это съ предыдущимъ и полагаемъ: самыя плиты, металлическія, переплавляли (*сплавляли*) или передѣлывали (справляли),—такъ точно и поступали тогда съ плитами помостовъ и гробовъ, окладами, ризами.

- До Днипра (винъ) добуває,
 80. На той бикъ Днипра поглядає,
 Що король Шведській изъ Мазепю
 На тимъ боци Днипра похожає,—
 То винъ-то мечемъ махає,
 Словами (винъ) промовляє:
 85. «—Помоли ты, Мазепо, за мене Бога,
 «—Що я тебе не догнавъ:
 «—Альбо бѣ посикъ, альбо порубавъ ¹⁾,
 «—Альбо живьемъ на вичну каторгу завдавъ ²⁾!» —

*

- Земле, земле христiянсько!
 90. Егда ты була смутками
 И печальми наполнена,

-
- До Днѣпра онъ достигаєть,
 80. На тотъ бокъ Днѣпра поглядываєть,
 Какъ съ Мазепю тамъ король Шведскiй
 По ту сторону похаживаєть,—
 Тутъ мечемъ Палий помахваєть,
 Словами онъ приговариваєть:
 85. „—Ну, моли ты, Мазепа, Богу,
 „—За мене, что не догналъ я:
 „—Либо я тебя посѣкъ бы,
 „—Не посѣкъ бы,—зарубилъ бы,
 „—А не то тебя живьемъ бы
 90. „—Въ вѣчну каторгу пустилъ бы!—“

*

- Земля, земля христiянска!
 Какъ была ты засмуцона,
 Изнаполнена печальми,

---

¹⁾ „Не посѣкъ, не порубилъ.“ переводить Срезневскiй (1).—²⁾ Слѣдующее за сямъ—внѣ событiя, заключенiе Думы, заключительный припѣвъ пѣвца.

Не знала (ты), де родина
Объ родини промышляе ¹⁾.

Дай Богъ честь и хвалу

95. Свить-праведному государю,
Да й Семену Палію,
Превеликому пану,

Що не давъ Шведу

Христіянъ на поталу ²⁾!

100. Ой дай, Боже, усимъ христіянамъ

Многія лита,

Да счастливого прожитія

У симъ свити!

(Срезнев. 1834—38, „со словъ бандуриста;“ Максимовичъ 1849; чисто-народное произведение, и потому-то, какъ показано, сходится съ Быльями Московскими).

* *

За симиъ слова, третій разъ, повторяется почти то же, съ вѣсколыми лишъ ными чертами и выраженіями:

Ты не знала, какъ родные

95. Объ родныхъ и промышляютъ.

Дай Богъ честь и славу

Свить-праведну государю,

Еще ль Семену Палію,

Превелику господину,

100. Да что не далъ Шведу

Христіянъ въ добычу!

Подай, Боже, и всѣмъ христіянамъ

Многія лѣта,

Да счастливо имъ прожити

105. На семь свѣтъ!

* *

¹⁾ Ср. Слово о Полку Игоревѣ и заключеніе Быльнъ Сербскихъ, съ намекомъ на Славянскую рознь: „Тешко свуда своеме без своего.“ Всюду тяжело своему без своего (роднаго)!—²⁾ Полонъ; ср. древнее *таль*—заложникъ, военноплѣнный.

4.

а)

**Мазепа. Судьба Искры и Кочубея. Разоренъ Ва-
туринъ.**

Мазепо гетьмане,
Израдливый пане!
Злее починаешь,
Зъ Шведомъ накладаешь

5. И на царя восточного
Руки пидіймаешь:
Пиднявъ еси орду,
Изробивъ тревогу ¹⁾.

10. А при тій измини
Бувъ Кочубій(да)-Искра:
-

4.

а)

Ты гетманъ Мазепа,
Панъ ты вѣроломный!
Злое зачинаешь,
Сходишься со Шведомъ,

5. На царя восточнаго ты
Руки подымаешь:
Поднялъ силу многу,
Учинилъ тревогу.

10. А при той измѣнѣ
Былъ Кочубей съ Искрой:
-

¹⁾ Два стиха дурны, новы, для рѣзмы.—*Орда*—не Турецкая, а скопъ войска, ополченіе,

- Пишли жъ вони зъ-пидъ Полтавы
 Да до царя знишка ¹⁾;
 А царь виры не динявъ,
 До Мазепы одиславъ.
 15. Скоро жъ ²⁾ ихъ Мазепа взривъ,—
 Барзо звеселився:
 А Кочубій изъ Искрою ³⁾
 Слезами облився.
 Уси паны, сенаторы,
 20. Уси бенкетъ мали ⁴⁾:

- Пошли они съ-подъ Полтавы
 Къ царю потихоньку.
 А царь вѣры имъ не взялъ,
 Ихъ къ Мазепѣ отославъ.
 15. Скоро урѣлъ ихъ Мазепа,—
 Сильно звеселился:
 А Кочубей съ Искрой
 Слезами облився.
 Всѣ господа, сенаторы,
 20. Всѣ пиръ пировали:

¹⁾ Ср. наше *нишка*, молчи, притихни. — ²⁾ Какъ скоро. — ³⁾ Такъ у Максимовича, по чувству склада, въ 8 слоговъ; Срезн. „зъ.“—И здѣсь, какъ выше, всѣ стихи въ 7 предполагають подлинникъ въ 8 или 6 слоговъ. Ходъ сего склада таковъ: отъ основнаго 8-ми до господствующаго 10-ти, потомъ до 12-ти; 12, не столь любимое, раскалывается по поламъ, 6+6; движеніе продолжается дальше и даетъ 13, т. е. 8+5 (а 5 половинна 10-ти),—складъ любимый; но еще далѣе, 8+6, то есть съ отломкомъ половинны 12-ти (а 12 само не любимое), рождается 14, и отсюда-то половина—въ 7 слоговъ: это уже уродливость, искаженіе склада. Плохо и 15, 8+7. Складъ на этомъ пути возстановляется лишь тогда, когда доходить до 16-ти, то есть снова основное 8+8 (ср. замѣтки въ вып. 7).—⁴⁾ Банкетъ.—Кажется, должно разумѣть сѣздъ Русскихъ, поминутый выше, при которомъ, говорить пѣсня, вспомнили и судьбу Кочубей съ Искрой, и ссылку Палия: здѣсь, напротивъ, пѣсня хотѣла упрекнуть пирующихъ и выставить вѣрность одного Апостола.

- Кочубія жъ изъ Искрою ¹⁾
 Барзо забували.
 Тильки ты ихъ не забудь,
 Миргородській пане ²⁾,
 25. Що Кочубій изъ Искрою
 За Украину стали ³⁾!

- У Києви на Подоли
 • Порубаны груши:
 Погубивъ же песь Мазепа
 30. Невинныя души.
 Ой выгоривъ весь Батуринь,
 Зосталася хата ¹⁾:

-
- Кочубея жъ они съ Искрою
 Скоро забывали.
 Только ты ихъ не забудь,
 Властель Миргородскій,
 25. Не забудь, что они съ Искрою
 За Украину встали.

- Во Києвъ на Подоль
 Порублены груши:
 Погубилъ же песь Мазепа
 30. Невинныя души.
 Ой выгорѣлъ весь Батуринь,
 Осталась лишь хата:

---

¹⁾ Также народно, но гораздо слабѣе и новѣе предыдущаго; если Дума равняется нашей Былинѣ или, скорѣе, Побывальщинѣ (съ полуразрушеннымъ складомъ), то это совершенно то же, что у насъ „бабья Старина“, Былевая Пѣсня въ вѣдѣніи женщинъ, женская по складу и употребленію; совершенно тотъ же ходъ—отъ 8 къ 12, отъ 12 по поламъ къ 6-ти слогамъ; ср. напр. Стихъ, „Восплакался Адамъ, Передъ раемъ стоя“, „Кал. Перех.“ вып. 6, а здѣсь выпускъ 7-й.—²⁾ Вѣроятно *Данило Апостолъ*, отставшій отъ Мазепы и бывшій послѣ гетманомъ.—³⁾ Народъ не могъ забыть и простить Мазепѣ, по его винѣ, разоренія Батурина: онъ къ этому переходитъ совершенно также, какъ въ предыдущей Думѣ, и зачинаетъ, какъ эпизодъ, особымъ сравненіемъ.—⁴⁾ На мѣстѣ разоренія оставалось нѣсколько хатъ до самого возобновленія въ 1750 г., при Разумовскомъ.

Да вже-жъ твоя, псе ¹⁾ Мазепо,
 И душа проклята.
 35. Бувъ у тебе, псе Мазепо,
 Одинъ хлопецъ Немець ²⁾:
 Пишло жъ твое, псе Мазепо,
 Усе добро ни-ве-ць ³⁾!

(Максимовичъ 1834, оттуда Срезневскій 1834—38).

*

б)

Мазепа подь Полтавой со Шведами. Царь Московскій и побѣда. Бѣгство къ Вендерамъ и смерть Мазепы ⁴⁾.

Ой трапилось ⁵⁾ проклятому Мазепи
 Та коржики ⁶⁾ исти:

За то твоя, песь Мазепа,
 И душа проклята.
 35. Былъ у тебя, песь Мазепа,
 Одинъ слуга Нѣмецъ:
 Все добро твое, Мазепа,
 Пошло все ни во что!

*

б)

Удавалось проклятому Мазепѣ
 И лепешки ѣсти:

¹⁾ У Срезн. „твоя-го,“ хотя и замѣчено, что перепечатано изъ Максимовича.—
²⁾ Начальникъ Сердюковъ, гвардіи Мазепы, *Кеннигсенъ*: пѣсня воспользовалась сѣмъ для рѣшмы, но съ разсчитаннымъ вмѣстѣ упрекомъ.—³⁾ Ни-во-что (ни-въ-че).—
⁴⁾ Относится къ предыдущему какъ продолженіе, подобно 2-му и 3-му образцамъ. И складъ сходенъ: второй стихъ въ 6, первый попадаетъ въ 8; только первый чаще растянуть, и преимущественно по желанію налечь на имя *проклятаго Мазепы*.—⁵⁾ Наше *трапилось*: treffen.—⁶⁾ Печеныя лепешки. И ему удавалось пощировать, поважничать, „поѣсть писаныхъ пряниковъ.“

А то ще й потрапилось проклятому Мазепи
Пидь Полтавой систи.

5. Та не довго католики
Пидь Полтавой станомъ стояли:
Казавъ царь Московскій,—Ура, хлопци!—
То якъ пухъ розимчали.

10. А де ты, вражій сыну, Мазепа проклятый,
Теперя ¹⁾ усився?
А де ты зъ сердюками-вовчатами,
Вовче, вгораздився?
Кажуть люди, у городи у Бендери
Чого-сь смутно стало:
15. Чи то того, що Йвана Мазепу
Лихо доконало?
Ой то того, що Йвана Мазепу
Лихо доконало ²⁾;

Удавалось я то ему, Мазепѣ,
Подь Полтавой сѣсти.

5. Да католики не долго
Подь Полтавой станомъ постояли:
„Ура, хлопцы!“ сказалъ царь Московскій,—
Такъ въ пухъ разметали.

10. А гдѣ жь, вражій сынъ Мазепа,
Теперя усѣлся?
Куда жь угораздило тя, волка,
Съ волчатами-сердюками?
Люди скажутъ, въ городѣ Бендерахъ
Что-то смутно стало:
15. Ужь не то ли, что Мазепу
Лихо доконало?
Точно правда, что Мазепу
Лихо доконало;

¹⁾ „Теперя?“—²⁾ Связь такова. „Куда-то, Мазепа, ты дѣвался? Сказываютъ, какое-то горе, смута въ Бендерахъ: такъ не тамъ ли ты, не тебя ли тамъ постигла бѣда и смерть, не по тебѣ ли горе? Именно такъ, правда: отъ того

Ой то того, що Мазепина слава
 20. Марно ¹⁾ пропала.
 Ой то того, що Мазепина слава
 Марно пропала,
 Якъ ёго тило бусурманське у Бендери
 Земля при(ни)мала.

(Со словъ бандуриста, изъ трехъ списковъ, у Срезн. въ „Запор. Стар.“ 1834—38; народно, но слѣшкомъ потерѣлъ складъ, отъ помннутыхъ причинъ).

* * *

Послѣ этихъ трехъ, частями разрушенныхъ, но внутреннюю связь цѣльных и полныхъ Былевыхъ Пѣсней, слѣдуютъ уже тѣ, гдѣ передается *отдѣльно и особенно* судьба *Палія*. Первая однако изъ нихъ, и лучшая, художественно округляетъ одинъ, строго опредѣленный моментъ,—заключеніе Палія въ Сибири: это такой же эпизодъ, какъ напр. о Батуринѣ, но только развитой, подобно какъ развитъ эпизодъ о Гордіенкѣ и Запорожцахъ; вѣроятно, какъ эпизодъ, пѣсня входила *въ составъ цѣльной Былины*, до насъ не дошедшей, на томъ мѣстѣ, гдѣ творчество касалось ссылки Палія, какъ это видно по предыдущимъ образцамъ. Можетъ быть даже она входила въ среду предыдущихъ (когда еще цѣла была связь ихъ первоначального состава), на примѣръ послѣ 2 а) и передъ б).

Точно правда, его слава
 20. За даромъ пропала.
 Точно правда, его слава
 За даромъ пропала,
 Какъ его въ Бендерахъ тѣло бусурманско
 Земля принимала.

* * *

тамъ смута, тамъ пропала слава Мазепы, тамъ смерть его постигла.—Погребеньъ близъ Бендеръ, въ Варницѣ.—¹⁾ Суетно, всуе, за даромъ, по напрасну (ср. *мар-сво*).

5.

а)

Палій въ Сибири.

- Высоко солнце ¹⁾ зходить,
 Низенько ложиться:
 Ой де-сь-то панъ Палій Семень
 Тепера журиться?
5. Высоко солнце зходить,
 Низенько заходить:
 Ой де-сь-то панъ Палій Семень
 По Сибиру бродить?
10. «Ой чуро ²⁾ мій, чуро,
 «Мій вирный Стоусю!

5.

а)

- Высоко солнце восходитъ,
 Низенько ложится:
 Ой гдѣ-то панъ Палій Семень
 Тепера горюеть?
5. Высоко солнце восходитъ,
 Низенько заходить:
 Ой гдѣ-то панъ Палій Семень
 По Сибири бродить?
10. „Ой чура мой, чура,
 „Мой вѣрный Стоусю!

¹⁾ По складу м. б. „сонечко?“—Замѣтно примѣненіе образа: высоко под-
 нявшійся Палій глубоко упалъ бѣдою.—²⁾ См. выше: служба.

- «Ой ходимо у каплицю ¹⁾):
 «Богу помолюся.
 «Ой Богови помолюся,
 «Святимъ поклонюся:
 15. «Зледащивъ, понурый ²⁾,
 «Старенькимъ здаюся.
 «Старенькимъ здаюся,
 «Молитися мушу ³⁾):
 «Хай милуе ⁴⁾ Милостивый
 20. «Мою гришну душу ⁵⁾!»
 Ой ⁶⁾ натягнувъ ёму чура
 Да сирую свиту,
 Да давъ ёму да у руку
 Иловую виту ⁷⁾).

- „Пойдемъ-ка мы во храмъ Божій:
 „Богу помолюся.
 „Ой Богу я помолюся,
 „Святимъ поклонюся:
 15. „Захудаль, понурый,
 „Старикомъ кажуся.
 „Старикомъ кажуся,
 „Молитися пришлось:
 „Да милуетъ Милосердый
 20. „Мою грѣшну душу!“

Натянулъ же ему чура
 Да сѣрую свитку
 И далъ ему въ его руку
 Еловую клюшку.

¹⁾ Часовню; здѣсь вообще храмъ.—²⁾ Такъ у Максимовича, вездѣ чуткаго къ народному складу; у Срезн. вставлено „я“ въ 7 слоговъ; *ледащій*—пlochенькій, худой, сродно съ *лѣдъ* (Land), пустопорожнее, заброшенное мѣсто, не воздѣланная земля; ledig.—³⁾ Müssen.—⁴⁾ Опять у Максимовича; Срезн. „помилуе,“ вопреки складу.—⁵⁾ Это рѣчь Палія.—⁶⁾ Опять у Срезн. вѣтъ.—⁷⁾ Вѣтку, сукъ: здѣсь—клюку, разоху, посохъ.

25. Пійшовъ панъ Палій Семень
 Богови молятся:
 Не то Богови молятся,
 А не то журиться ¹⁾.
 Прійшовъ ²⁾ панъ Палій до дому,
 30. Дай сивъ на помити;
 На бандурци выгравае:
 «Лихо жити въ свити!
 «Той ³⁾, душу заклавши ⁴⁾,
 «Свиту, бачъ, гаптуе ⁵⁾,
 35. «А той по Сибиру
 «Мовъ въ лузи дубуе ⁶⁾!»

(Максимовичъ 1834; Срезневскій 1834—38, „со словъ бандуриста, съ поправками по тремъ другимъ спискамъ.“ Особенно замѣтно, что сложено современно самой быль).

* *

25. Пошолъ тутъ панъ Палій Семень,
 Богу онъ молятся:
 Не то—Богу онъ молятся,
 Не то—горевати.
 Пришолъ же панъ Палій домой,
 30. Сѣлъ онъ на крылечкѣ;
 Играеть онъ на бандурѣ
 [Самъ выигрываетъ]:
 „Лихо жить на свѣтѣ!
 „Одинъ, предавъ душу,
 35. „Смотришь—свиту красить,
 „А другой въ Сибири
 „Какъ въ золѣ золится!“

* *

¹⁾ Богъ вѣсть—молиться ли, а Богъ вѣсть—погоревать, поплакать. Срезневскій переводитъ: „Не такъ Богу молятся, какъ горевать.“ Напротивъ, то и другое: колебаніе, необычайно ярко и художественно выраженное (ср. у насъ пѣсни жены Грознаго, Ксенія и Лопухиной).—²⁾ Срезн. „А якъ прійшовъ (вотъ къ чему привела поправка по спискамъ).“—³⁾ Срезн. „Що той.“—⁴⁾ Сгубивъ, зломъ, ради міра; заложивши ее свѣту.—⁵⁾ Вышиваетъ шитьемъ—серебрянымъ и т. п.: шитые кафтаны, съ галунами, по нашему—шитый мундиръ.—⁶⁾ Можно бы думать, что послѣдніе 4 стиха,—заключеніе позднѣйшаго пѣвца

Это изъ разряда пѣсней «Невольницкихъ» у Малоруссовъ, у насъ «Темничныхъ:» какъ въ Малороссіи (Кулишъ, «Записки о Южн. Руси,» т. I, 1856), такъ и у насъ, по всеѣмъ даннымъ, сочинялись эти пѣсни *самими* заключенными. Прямо можно сказать, что это «*Пѣсня Палія.*» Переходъ отъ 1-го лица къ разсказу въ 3-мъ самый обычный (ср. примѣры у насъ выше): особенно этотъ приѣмъ возобладалъ, конечно, когда пѣсня была вставлена въ Думу, въ Былину, въ связь цѣльнаго и длиннаго разсказа; тогда же противу перваго склада кое-что добавлялось: и отъ лица сложившаго, перваго пѣвшаго, и отъ лица пѣвца новаго, поющаго Былину.

За тѣмъ слѣдуютъ о Паліѣ еще два разряда пѣсней и сказаній: въ однихъ, б) втораго разряда, Палій обставленъ фантастическими представленіями народными (помѣщено у Кулиша, въ 1-мъ т. «Запис. о Ю. Р.»). Онъ вѣщій, чародѣй. Онъ предсказалъ Петру, что

и противоположеніе горюющаго Палія ликующему Мазетѣ. Но вѣроятнѣе продолженіе думы самого Палія, чѣмъ же именно лихо жить, гдѣ на себя намекаетъ въ 3-мъ лицѣ.—Срезневскій переводитъ: „какъ дубъ въ перелѣскѣ одинъ одинокъ (однешенекъ?).“ Точно, *лугъ* значитъ лѣсъ (собственно роща, съ просвѣтомъ, *lucus*, какъ *gai*—съ прокрикомъ и проходомъ, *salvus*); труднѣе вести *дубовати* отъ *дуба*—жить дубомъ; но еще невозможнѣе объяснить тогда *мова*—словно: „Одинъ по Сибири какъ въ лѣсу живетъ дубомъ!“ Такъ можно объяснить развѣ тому, кто помнитъ нашего Мерзлякова: „Высокій дубъ, развѣсистый, Одинъ у всѣхъ въ глазахъ, Одинъ, одинъ, бѣднечка, Какъ рекрутъ на часахъ.“ Напротивъ, по нашему, *лугъ* здѣсь значитъ, какъ и у Поляковъ, и Бѣлой Руси, *золу* и *щолокѣ* (изъ пережженнаго *луга*, лѣсу, Нѣм. *Lauge*, *ausgelaugte Asche*), а *дубовати* то же, что в наше *дубьтѣ*, *дубиться* (также отъ *дуба*, дубильной кислоты),—коржавѣть, крѣпнуть, жестѣть, заскорузнуть въ ѣдкой жидкости (древній у Нестора „квасъ уснѣивый“, усманный, въ которомъ мочили кожи). Образъ и *зола*, и *щолокѣ*, и дубленія сходятся: о кожѣ, переносно о тѣлѣ и вообще о человѣкѣ, который жестѣеть, золится, перегараетъ въ щолокѣ,—во злѣ и бѣдахъ (*зла* и *зола* одного корня), какъ говоритъ Болгарская пословица, „Терпи, душа, чернѣй, кожа („трай, душѣ, чернѣй, кожѣ“). Образъ народный, простой, обиходный и вмѣстѣ выразительный. Одинъ въ Сибири золится золой, терпитъ въ щолокѣ, жестѣеть (какъ дѣлаютъ и съ платьемъ, *свитою*, очищая ее), а другой свиту шьетъ себѣ серебромъ и украшаетъ; душа одного терпитъ, страдаетъ, а другой ликуеть, вовсе забывъ о душѣ своей, предавши ее міру.

крестникъ Петровъ Мазепа подниметь на него руки,—заключенъ за то, тридцать лѣтъ томится, еле живъ, наконецъ выпущенъ — когда сбылось пророчество, объѣхалъ Мазепино войско, тамъ одурѣли и другъ друга перекололи, наконецъ прокололъ Мазепу (какъ дракона), сжегъ и пепель развѣялъ. За Мазепу Петръ крѣпко разгнѣвался на Украину, велѣлъ было всѣхъ рубить, да послѣ помиловалъ.— Передается еще, въ другой легендѣ, которая сохраняетъ всѣ моменты приведенныхъ выше пѣсней: Царь восточный звалъ Мазепу «батюшкой;» дождавшись, что хочетъ Мазепа со Шведомъ на Царя, пошли съ вѣстью Искра и Бочубей,—Царь не взялъ вѣры. Между тѣмъ правда выявилась: эпизодъ о Батуричѣ, какъ Мазепа всталилъ пушки на самую церковь и палилъ оттуда въ Царское войско. Царь кличетъ охотниковъ ратоборцевъ: старый Запорожець идетъ сказать ему про Палия; «а первый императоръ такой былъ строгій, что солги—голову сниметь.»—Нѣтъ Палия, говоритъ Царь: погибъ.— «Нѣтъ, Царь, живъ, только въ Сибири.» Просятъ его спасти царство: Палий прежде выслушиваетъ службу Божию. Потомъ выбираетъ, не выберетъ коня: едва наполь своего, на немъ воду возили. «Палий воевалъ не волшебствомъ, а ангельскимъ чиномъ:» невидимой связъ Царя въ Мазепино войско, далъ послушать рѣчи Мазепы, Шведа и Турка; потомъ собралъ войско: Мазепа наученъ былъ чародѣйству отъ Палия, *да не всему*; Палий указалъ, какъ палить. За побѣду просить одного дара: «Не разорай гетманщины (тенденціозно).»—Хорошо, сказалъ Царь, для тебя дарую.—Здѣсь, повторяемъ, сохранены всѣ моменты Думы, какъ Были, но вокругъ нихъ раскинулся безпредѣльный міръ южной фантазіи.—Совсѣмъ обратно въ третьемъ разрядѣ, в): весьма прозаически, хотя и въ пѣснѣ, изображенъ Палий *по просту*, какъ представлялся онъ не въ народномъ творческомъ образѣ, а жилъ въ дѣйствительности, съ точки зрѣнія житейскихъ отношеній. Пѣсня напечатана въ «Запор. стар.» 1838, со списка: Срезневскій цѣликомъ ее заподозрилъ. «Ошибокъ противъ народности нельзя же приписать писцу, а этихъ ошибокъ такъ много, что всю пѣсню можно считать ошибкой.» Правда, двѣ-три ошибки, два-три книжныхъ выраженія; разоренъ и складъ,—

совершенно какъ наши Старины бабы, съ переходомъ въ скороговорку. Тѣмъ не менѣе поразительная простота взгляда, въ ней слѣды взгляда историческаго и безпристрастнаго, порой и меткіе очерки творческіе. Приведемъ въ сокращеніи и переводѣ:

Охочія ватаги

Козаками богаты:

А между ними пушій

Семень Палій,

Полковникъ онъ Хвастовскій ¹⁾.

Что Турокъ, что Полякъ,

Татаринъ, иль Москаль,

Ихъ одинако нашъ Палій одолѣваетъ,

Имѣнье отнимаетъ,

Головушки ихъ рубить.

Живетъ себѣ въ довольствѣ,

Какъ гетманъ самъ:

Своя ему ватага,

Самъ подати собираетъ

И старшаго не знаетъ.

Семень Палій—козагъ прямой:

Хмельницкаго онъ батькой называетъ,

Гетманщинѣ удачъ желаетъ,

Отъ всѣхъ враговъ ее обороняетъ.

Его Поляки не взяюбили,

Известъ его Поляки положили:

А онъ того не знаетъ, не гадаетъ,

Въ Ляховщину вступаетъ,

Костёлы, сѣла выжигаетъ.

Летала птица въ полѣ,

Да въ клѣточку попалась:

¹⁾ Въ Хвастовѣ.

Палій все Ляховъ воеваъ,
 Батоликъ рублиъ,
 Да и въ неволю къ нимъ поналъ.
 Ой, птица сидить въ клѣткѣ,
 Палій нашъ въ Танобуркѣ ¹⁾:
 И вороги раденьки,
 И козаки смутненьки,
 Вдовы же сироты бѣдненьки.
 Ой вылетѣла птица съ клѣтки,
 Палій изъ Танобурха:
 И вороги смутненьки,
 И козаки раденьки,
 Вдовы—сироты веселеньки.

За тѣмъ эпизодъ о борьбѣ по ту сторону Днѣпра, «тогочныхъ» гетмановъ съ Поляками.

Палія же тамъ нѣту:
 Сидить Палій нашъ дома.
 Бозацка бѣдна доля
 И пропадетъ ихъ, можетъ, воля!

Но Поляки побѣждены.

По эту сторону Днѣпра
 Гетманствуетъ Мазепа:
 Украйну въ свои руни забираетъ,
 Никому власти онъ не допускаетъ,
 Никого въ свѣтѣ онъ не уважаетъ.
 «Тогочны» полковники
 Въ его же волѣ:
 Самусь ему ужъ сдалъ свои клейноты ²⁾,
 А самъ остался лишь «Полковникъ Богуславскій»,

¹⁾ Въ Динабургѣ, въ крѣпости: третье мѣсто заключенія Палія.—²⁾ Регалии гетманскаго достоинства.

Да онъ и не козагъ,—покойникъ,
 И воевать, и гарцовать онъ не охотникъ.
 Вотъ нашъ Семенъ Палій
 Козагъ прямой:
 И старшаго не знаетъ,
 Свою ватагу онъ имѣетъ,
 Пьетъ да гуляетъ.
 «Вотъ уже мнѣ Палій
 «Бѣльмо въ очахъ:
 «Меня онъ докаряетъ!»
 Такъ говоритъ Мазепа
 И извести его желаетъ.
 Фортуна ты, Фортуна ¹⁾,
 За чѣмъ ему ты послужила!
 Въ Сибири нашъ Палій,
 Козагъ прямой,
 Полковникъ онъ Хвастовскій.
 Бѣда ему, бѣднягъ!
 Ой, нужно шубу: да гдѣ взять?
 А знатные Сибирскіе морозы:
 Кому далось ихъ знать,
 Тому ихъ не забыть ²⁾!

Вернули нашего Палія:
 Да только лишь позднеенько.
 Москаль со Шведомъ уже бьется,
 Онъ бьется подъ Полтавой,
 Надъ Ворсклою онъ бьется.
 Ой, Ворскла, рѣчка невеличка!

---

¹⁾ Не диво въ Малорусской рѣчи, подъ вліяніемъ книжнымъ: ср. ниже много примѣровъ.—²⁾ Замѣтно, что „излагатель“ чуть ли самъ этого не извѣдаетъ; отчасти, какъ будто, склонялся и къ католикамъ, по крайности человекъ квяжнѣй, „цивилизованный“ и даже немного „тенденціозный.“ Тѣмъ не менше народныя черты сильно проглядываютъ.

Издавна она славна,
 Что не водою, а войною:
 Полежь тамъ Шведь своею головою ¹⁾.

Ой кто да гдѣ, ой кто да гдѣ,—
 Палій на Украинѣ:
 Живеть да поживаетъ,
 Бывальщину онъ вспоминаеть,
 Мазепу проглинаеть ²⁾!

Строй струнъ не высокъ и новъ: а замѣчательнъ.

Палія нѣтъ въ нашемъ Былевомъ творествѣ: ему, во многихъ положеніяхъ, отвѣчаетъ «Донской козаць (см. выше);» лично же, козацкимъ героемъ, всего больше Краснощоконъ, который однако переходитъ въ слѣдующую эпоху (см. вып. 9-й).

* *

Бъ Полтавскому дѣлу относятся Малорусскія пословицы: «Добувся якъ Шведь пидъ Пялтавою,»—досталъ той же доли, какъ Шведь подъ Полтавой; «не пивъ Полтавской воды,»—не пилъ воды Полтавской, не вкусилъ горя. Говорятъ, будто къ Искрѣ же и Кочубею примѣняютъ Малоруссы пословицу, хотя она есть и у насъ, и у другихъ Славянъ: «Знявши голову, по волосьямъ не плачуть,»—снявши голову по волосамъ не плачуть.

*

Бъ «Полтавскому кругу» Малорусскаго пѣснотворчества относятся, какъ видно изъ предыдущаго, а) цѣльныя Думы, тѣ же, что наши Былины и Побывальщины; б) разложившіяся изъ нихъ Старинны, съ разрушеннымъ и болѣе новымъ складомъ, отрывками или частями; в) пословицы; г) при нихъ, чисто-народныхъ, нѣкоторыя съ прикрасою и книжною обработкой; наконецъ д) чисто-книжныя произведенія, и эти послѣднія помѣстятся у насъ для сравненія ниже.

* * *

¹⁾ Это самое народное и лучшее мѣсто въ Старинѣ: оно сходится съ образами Московскихъ Былинъ, а гдѣ въ семь случаевъ возвращаются къ Слову о Полку Игоревѣ, см. выше. — ²⁾ Опять народно: Палій вѣчень, типъ козака, и самъ помнить „бывальщины,“ и бывальщина не перестаетъ вспоминать объ немъ.

XX.

ОПЯТЬ ВОЙНА.

1.

(Изъ Пермской и Новгородской губ.).

- Выкатается свѣтъ нашъ батюшка, первый императоръ,
 Онъ на золотой-то на каретѣ:
 Подъ нимъ лошади ровныя,
 На самоѣ на немъ платье черно,
 5. Платье черное, да все кручинно.
 Докатается онъ да до сенату,
 Докатается ко крылечку ко ¹⁾ прекрасному,
 Изъ каретушки да выльзаетъ,
 Во присутствіе да самъ заходитъ.
 10. Сенаторы всѣ да испугались,
 Изъ рукъ перья у нихъ повалились,
 Изъ очей слезы да покатились.
 Осередь онъ полу становился,
 Господу Богу да помолился,
 15. На ременчатый стулъ онъ садился.
 Онъ беретъ въ руки да листъ бумаги,
 Листъ бумаги онъ да не плохія,
 Не плохую онъ бумагу,—гербовую,
 Во правую ²⁾ перо да лебедино,
 20. Начинаетъ писать да доношеніе,
 Отсылаетъ доношеніе въ ину землю:
 Желаетъ онъ себѣ бою да драки.

(Записано Ст. П. Кораблевымъ; повторено у Якушкина 1865, какъ сообщенное А. А. Григорьевымъ).

* * *

¹⁾ Якушк. „по.“—²⁾ Руку.

XXI.

Походъ Шереметева подъ Ригу.

Какъ во славной было матушкѣ каменной Москвѣ,
 Что на той ли было, братцы, Красной площади,
 Хорошо-добрѣ солдаты во строю стоятъ:
 Они огненные ружья предъ собой держуть.

5. Что Москвою шли солдаты потихохоньку,
 Кремль-городомъ прошли, братцы, поплавнѣхоньку,
 Во Соборъ пришли солдаты—Богу молиться ¹⁾,
 Ко святымъ мощамъ солдатушки приложились,
 Государю-царю солдатушки поклонилися:
10. «И ты здравствуй—многолѣтствуй, православный царь!
 «Благослови ты намъ, солдатушкамъ, въ походъ ити,
 «Что подъ славной ли подъ городъ подъ Ригу.»»
 Ужь какъ взговорить нашъ батюшко, православной царь:
 «Вы подите, мои дѣтушки, потихохоньку,
13. «Вы уѣздами подите посмирнѣхоньку,
 «А подъ Ригу пришедши, становитесь,
 «Вы меня ли, мои дѣти, дожидаетесь,
 «А фельдмаршала во всемъ вы слушайте.»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе).

* *

Государь ѣдетъ по морю. Рига взята.

1.

(Саратовъ).

Какъ по морю-морю Синему,
 По синю морю по Хвалынскому ²⁾,
 Цыбли-восплывали три военныхъ корабля:

¹⁾ Ошибка вм. „молитися.“ — ²⁾ См. выше близкое родство представлений о Синемъ морѣ Хвалынскомъ (Каспійскомъ) и Синемъ же Варяжскомъ, Верейскомъ.—*Кост.* исправлено: „по Балтійскому.“

- На первомъ ¹⁾ корабликъ императоръ—царь сидить,
 5. На другомъ корабликъ князя—бояре сидятъ,
 На третьемъ корабликъ все солдаты сидятъ ²⁾,
 Сидѣли солдаты полку Семеновскаго,
 Той ли первой роты бомбандирскія.

- Парусы они роняли ³⁾ бѣлы—полотняные,
 10. Того ли полотенца все Голандскаго;
 Якори они бросали булатные,
 Того ли булату все Сибирскаго;
 Мосты они намостили все дубовые;
 Подкопы они копали все глубокие,
 15. Глубокие подкопы на двѣнадцать верстъ;
 Бочки закатали со лютымъ зельемъ,
 Со лютымъ зельемъ—съ чернымъ порохомъ;
 Свѣчи ⁴⁾ зажигали воску яраго.

- Свѣчки догорали,—бочки рѣзорвало,
 20. Взрывало ту ⁵⁾ стѣну бѣлокаменную.
 Вотъ и стали государя—царя поздравляти:
 «Ужъ ты здравствуй ⁶⁾, государь—царь, съ крѣпкимъ го-
 родомъ,
 «Съ крѣпкимъ городомъ со Ригою!»»

(Записано А. Н. Паскаловымъ; въ Сборникѣ гг. *Костомар.* и *Мордв.* исправлено).

Ср. выше поѣздку по морю Вереискому, взятіе Казани (вып. 6), Азова и Шляссель-бурга.

* * *

¹⁾ *Кост.* „На первомъ (успашено, какъ у Сахарова).“—²⁾ *Кост.* „все солдатушки (чтобы избѣгнуть казавшагося лишнимъ повторенія „сидятъ“).“—³⁾ Опускали.—⁴⁾ *Кост.* „свѣчки,“ ибо такъ ниже.—⁵⁾ У *Кост.* избѣгнуто (ибо не говорено, какую?).—⁶⁾ „Здравствуй“ и значить—„Поздравляемъ тебя.“ Желая это „поправить,“ *Кост.* и *Морд.* добавляют:

„Ужъ ты здравствуй, государь нашъ, православный царь,
 „Поздравляемъ тебя съ крѣпкимъ (вопреки складу) городомъ,
 „Съ крѣпкимъ (!) городомъ со Ригою!““

XXII.

Колывань-Ревель.

1.

(Губ. Рязанской).

Какъ во славномъ-то во городъ было въ Колывани,
 Что по нѣнѣшнему названью славный городъ Ревель ¹⁾,
 Тамъ стояли палатушки бѣлы-каменные.

- Что во тѣхъ-то ли во палатушкахъ Шведская королевна ²⁾;
 5. Передъ нею-то, нашей матушкой, стоятъ генералы,
 Позади-то генералушковъ да всѣ ³⁾ офицеры.

- Что стоявши туто, всѣ начальнички сами слезно плачутъ:
 «Охъ ты гой еси, наша матушка, Шведска королевна!
 «Но и ⁴⁾ что же, ты, своему братцу писемъ ты не пишешь?
 10. «Что прислалъ бы, прислалъ вамъ братецъ-то войска
 сорокъ тысячъ!»»

- Не успѣла-то наша матушка словечка промолвить,
 Не яснѣ-то соколъ по поднебесью—соколикъ—летаетъ,
 Какъ Россійскій-то царь по своей армейкѣ вотъ онъ
 разъѣзжаетъ,
 Своихъ-то солдатушковъ въ нашъ ⁵⁾ городъ впускаетъ,
 15. Наши ⁵⁾ строгіе-то каралушки онъ всѣ пошмѣняетъ.

(Изъ сборн. П. В. Кар.).

Ср. выше Шведскую королеву, отдѣлъ XVI и „Замѣтку.“

*
*
*

¹⁾ Какъ и выше, признакъ современнаго сложенія пѣсней, тотчасъ за событіемъ.—²⁾ Ср. ее выше.—³⁾ Все?—⁴⁾ Рѣдкое употребленіе: обыкновеннѣе на оборотъ „ино.“—⁵⁾ Все это *наше*—обычный приемъ Русской рѣчи о томъ дѣлѣ, событіи и лицѣ, о которомъ идетъ разговоръ.

2.

Какъ во славномъ было городѣ Колыванѣ,
 Что стояли тутъ бѣлокаменны палаты;
 Что въ тѣхъ ли бѣлокаменныхъ палатахъ,
 Какъ стояли тутъ столы дубовые;

5. За столомъ сидитъ Шведская королева ¹⁾,
 Передъ ней стояли Шведскіе генералы.

Что возговорятъ Шведскіе генералы:

«Ахъ ты гой еси, Шведская королева!

«Ты за чѣмъ къ королю брату не нищемъ,

10. «Чтобъ прислалъ онъ силу на подмогу,
 «Что за силою прислалъ бы провіанту?»»

Что возговорить тутъ Шведская королева:

—Ахъ вы гой еси, мои Шведскіе генералы!

—Ужь я и такъ къ королю брату писала,

15. —И нарочныхъ курьеровъ посылала,
 —Чтобъ прислалъ онъ мнѣ силы на подмогу,
 —Онъ за силою прислалъ бы провіанту.—

Не успѣла королева слова молвить ²⁾,

Ужь какъ Бѣлый царь къ городу подступаетъ,

20. И онъ шанцы-батареи отбиваетъ,
 Въ бѣлокаменну стѣну стрѣляетъ,
 А въ городъ армию свою впускаетъ,
 И онъ Шведскіе караулы всѣ снимаетъ,
 Онъ Россійскіе караулы разставляетъ.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе, Сахаровъ и Кост. съ Морд-
 довц. „въ Саратовской губерніи“).

* * *

Къ сей же самой, *Петровской*, эпохѣ относятся (между прочимъ по самому строю и складу) или, лучше, отъ нея оторвались отрывками слѣдующія пѣсци, уже Безымян-
 нымъ или Молодецкія, которыя однако слѣдуетъ, какъ дополненіе, постоянно сравнивать
 съ предшущими Историческими:

¹⁾ Ср. выше „королеву.“—²⁾ Этотъ стихъ пропущенъ у *Кост. и Морд.*

XXIII.

**Походы въ земли Шведскія и Турецкія, возвратъ
и уроцы.**

1.

(Тульской губ.).

- Какъ во городъ во Вереюшкѣ ¹⁾,
 Во селѣ было Корочаровѣ,
 Всѣ квартирушки поразписаны,
 Всѣ солдатушки поразставлены,
 5. Какъ солдатушки полку Тульского,
 Роты первыя, гренадерскія ²⁾.

- Вдругъ несчастьице въ полку учинилося ³⁾:
 Какъ со вечеру приказъ отданъ былъ,
 Со полуночи ружья чистили,
 10. Ко бѣлу свѣту во строю стоятъ,
 Во строю стоятъ, по ружью держатъ ⁴⁾.
 Капитанъ стоитъ передъ ротою,
 А маіоръ стоитъ середі полку,
 Самъ полковничекъ подъ знамѣнами.
 15. Капитанъ кричитъ: «На плечо ружье!»
 А маіоръ кричитъ: «Во походъ пошолъ!»
 Самъ полковничекъ: «Во илы земли ⁵⁾,
 Земли Шведскія и Турецкія!»

---

¹⁾ Хотя въ ту пору точно бывали отсюда дымскія и походы, но можно также думать, что здѣсь связь съ „моремъ Вереискимъ“, которымъ начинаются подобныя же пѣсни, ср. выше.—²⁾ Ср. выше, и съ этой эпохи таковыя примѣры почти всѣхъ пѣсней „солдатскихъ.“—³⁾ „Несчастьице“, какъ показаны примѣры выше, есть ничто иное здѣсь, какъ „походъ“, выступъ на службу.—⁴⁾ Ср. подобныя образы въ походѣ подъ Азовъ и къ разнымъ дѣламъ Шведскимъ.—⁵⁾ То есть „пошолъ во походъ“, но здѣсь переходить уже въ „разсказъ о походѣ.“

- Изъ за горъ было—горъ высокинъ,
 20. Изъ за лѣсу—лѣсу темнаго,
 Не бѣла зоря занималася,
 Не краснó солнце выкаталося,
 Выходила тутъ наша армія,
 Наша армія государева,
 25. Государя царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго Петра Перваго.

(Запис. госпожею Улыбышевой).

*

2.

- Какъ во городѣ во Вереюшкѣ,
 Во селѣ было во Купелюшкѣ,
 Всѣ квартирушки порасписаны,
 Въ нихъ солдатушки поразставлены,
 5. Всѣ солдатушки полку Тульского,
 Полку Тульского, мушкатерскаго.
 Какъ охочи были солдатушки
 По ночамъ гулять съ краснымъ дѣвушкамъ ¹⁾,
 Съ краснымъ дѣвушкамъ со Вереискими,
 10. Со молодками деревенскими.

- Вдругъ нещастыице учинилося:
 Приказъ съ вечера въ полку отданъ былъ,
 Приказъ отданъ былъ, походъ сказанъ всѣмъ.
 Во полночь они ружья чистили,
 15. Со бѣлымъ свѣтомъ во строю стоятъ,
 Во строю стоятъ, по ружью держатъ,
 На четыре ряда разчитаны.
 Капитанъ стоялъ передъ ротою,

---

¹⁾ Отгѣнокъ народной рѣчи (областной) и признакъ, что пѣсня записана изъ усть, подобно другимъ въ этомъ хорошемъ пѣсенникѣ.

- А маіоръ сидѣлъ на добромъ конѣ,
 20. На добромъ конѣ посреди полку.
 Капитанъ сказалъ: «На плеча ружья!»
 А маіоръ вскричалъ: «По ремнямъ спущай,
 «По ремнямъ спущай, во походъ ступай!»
 Всѣ солдаты тутъ призадумались,
 25. Призадумавшись слово молвили:
 ««Ахъ вы братцы, други-пріатели!
 ««Легко было съ дѣвкамъ свыкаться
 ««Тяжело теперь разлучатися!»»

- Изъ за лѣсу ли, лѣсу темнаго,
 30. Изъ за горъ ли, да горъ высокихъ,
 Не ясно солнце выкаталося,
 Не грозная туча поднималася,
 Выходила тутъ Руска армія,
 Руска армія императорска,
 35. Изъ того ли села изъ Купелюшки,
 На сраженіе непріятелей,
 Непріятелей царя Бѣлаго ¹⁾.

- А одинъ тутъ былъ молодой солдатъ,
 Молодой солдатъ, полковой сержантъ,
 40. Во рукахъ онъ несъ знамя царское,
 Знамя царское, Всероссійское ²⁾.
 Онъ не пьянъ идетъ, а шатается,
 На всѣ стороны покланяется,
 Съ отцомъ-матерью онъ прощается,
 45. Съ родомъ-племенемъ разстается,
 Самъ слезами онъ обливается.

¹⁾ Два стиха присочиненныхъ, ибо пѣсня явно сблалась, вмѣсто: Руска армія императорска, Императора царя Бѣлаго, съ обыкновенною прибавкою—Царя Бѣлаго Петра Перваго.—За симъ „несчастыице“ похода уже олицетворено въ особѣ полковаго сержанта, является и прибавка, и цѣлый отдѣлъ, который изъ одной пѣсни творитъ двѣ особыхъ половинны.—²⁾ Позднѣйшая, ненародная вставка.

- Съ молодой женой. не прощается ¹⁾:
 Что отъ ней пошолъ во неволюшку,
 Во неволюшку—службу царскую,
 50. Во всегдашнюю во заботушку.

(Пѣсенникъ Шноровскій, СПб. 1791 г.,—одного года съ пѣсней, записанною въ Починкахъ, см. выше; послѣ того, съ малыми отъѣнами, пѣсенники другіе).

*

Кажется, лучший подлинникъ, сравнительно съ двумя предыдущими образцами, нужно видѣть въ слѣдующемъ:

3.

- Во селѣ-селѣ во Верейскомъ,
 Тутъ расписанныя квартирушки,
 Разоставленные солдатушки,
 Что солдатушки полку Преображенскаго,
 5. Полку Преображенскаго, роты первыя.
 Что любили-то солдатушки
 Во селѣ гулять съ красными дѣвками,
 Съ красными дѣвками съ Верейскими,
 Съ молодками деревенскими.
10. Ишь ²⁾ со вечера приказъ отданъ былъ,
 Со полуночи ружья чистили,
 Ко бѣлу свѣту во строю стоять,
 Во строю стоять, во походъ итти.
 Капитанъ стоитъ передъ ротою,
 15. Маіоръ стоитъ посреди цолку,
 Младъ полковничекъ на конѣ ѣздитъ,
 На конѣ ѣздитъ по всей арміи.
 Капитанъ скричалъ: «На плечо ружья!»
 Маіоръ скричалъ: «Во ремни ружья!»

¹⁾ Еще новая черта, но вмѣстѣ отвѣтная приведеннымъ выше пѣснямъ „историческимъ“ жена. „Несчастыице“ общее утробилось: на лицѣ сержанта; на женѣ; на службѣ по ея винѣ. —²⁾ Ишь? Ино: вотъ однажды.

20. Младъ полковничекъ: «Во походъ пошли!»
 Во походъ пошли ¹⁾, ружья сбрыкали,
 Ружья сбрыкали, дѣвки сплакали ²⁾:
 «Вы прощайте, наши любезные!»

Изъ-за горь-то горь изъ за высокиихъ ³⁾,

25. Изъ-за лѣсу-то лѣсу тѣмнаго,
 Не бѣла заря знаменуется ⁴⁾,
 Не красно солнце выкаталося,
 Выходила тутъ сила-армія,
 Сила армія царя Бѣлаго,
 30. Царя Бѣлаго Петра Перваго.
 Напередъ несутъ знамя царское,
 А подъ значкомъ молодой сержантъ,
 Молодой сержантъ, генеральскій сынъ.

Онъ не пьянъ идетъ—шатается,

35. На всѣ стороны покланяется,
 Съ отцомъ съ матерью онъ прощается.
 Съ молодой женой не прощается,—
 Отъ неѣ спозналъ чужу сторону:
 «На чужой-то мнѣ сторонушкѣ»
 40. «Положить будетъ головушку,
 «Не видать-то мнѣ отца и мать,
 «Не видать-то весь и родъ-племя!»

(Записано А. Хр. Востоковымъ, неизвѣстно гдѣ, доставлено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ).

* *

¹⁾ Здѣсь слова полковника сливаются съ разсказомъ.—²⁾ Ср. выше то же самое выраженіе въ описаніи походовъ Шереметевскихъ.—³⁾ Д. б. „высокиихъ.“—⁴⁾ Знамена = числа, мѣра (какъ въ нотныхъ древнихъ знакахъ), и такимъ образомъ повторяется древнее выраженіе Богатырскихъ Былинъ: „не красное солнце числовалося,“—сравненіе Владиміра, см. выш. 3 и 7.

4.

(Самарскій край).

- Не бѣла зоря занималася,
 Не красное солнце закаталося:
 Выходила—выступала сила войская ¹⁾,
 Сила войская царя Бѣлаго,
 5. Государя Петра Перваго.
 Напередъ идуть съ ²⁾ знаменами,
 Позади идуть съ барабанами:
 Въ барабаны—то пробили по весѣлому,
 Намъ указы прочитали по печальному ³⁾.
10. Во второмъ полку уронъ сдѣлался,
 Уронъ сдѣлался,—генераль померъ ⁴⁾.
 Самого—то генерала на рукахъ несутъ,
 Генеральнаго коня въ поводѣ ведутъ,
 Молодую генеральшу шестерней везутъ,
 15. Молодая—то генеральша слезно плачетъ ⁵⁾.

(Ср. Сборникъ г. Варенцова, 1882 г.).

*

¹⁾ Выраженіе еще древнее, откуда древнее „войска“ въ женскомъ родѣ и склоненіе слова какъ имени прилагательнаго (войска, войской; войскаго, войскому; войско, войска, войску).—²⁾ Должно быть: „со.“—³⁾ Такимъ способомъ, сравнительно съ предыдущими образцами, сохранены только слабыя черты 1-го отдѣла пѣсни и взять исходной точкой отдѣлъ 2-й, съ самого его начала.—⁴⁾ Несчастье и уронъ олицетворились еще дальше: это уже смерть, и пѣсня отсюда совпадаетъ съ прежними пѣснями о смерти „Полковничка.“—⁵⁾ Вотъ и жена, и уже не вина несчастья—службы, а сама несетъ на себѣ уронъ и терпитъ горе.—Такъ-то идетъ постепенное развитіе (собственно ослабленіе и разбавка) творчества по пѣснямъ Безымяннымъ и такъ-то, на оборотъ, изъ остатковъ ихъ отъ прошлаго всегда можно было слагать болѣе новыя пѣсни „историческія“, примѣняя древній, обезличившій и безымянный, отрывокъ къ свѣжему событію историческому.

Б.

(Губ. Владимирской).

- Выходила—выступала сила войская,
Сила войская—гусары ¹⁾ царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго гусары—Петра Перваго.
Напередъ идутъ гусары со знаменами,
5. Позади идутъ гусары—барабаны бьютъ:
Барабанный бой пробѣли по печальному,
Славно пѣсенки запѣли по весѣлому ²⁾.

- Какъ у насъ ли во ширинкѣ уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался, гусары, генералъ помѣръ.
10. Генеральскаго конѣчка въ поводѣ ведутъ,
Генеральскаго сыночка на рукахъ несутъ ³⁾,
Генеральское сѣдельцо на возу везутъ.
Самого генерала шестерней везутъ:
«Вы везите меня, гусары, черезъ три поля,
15. «Черезъ три поля, гусары, за четвертое ⁴⁾!»

(Изъ сборника П. В. Кир.).

* * *

Такова же судьба и многихъ другихъ Безъимянныхъ пѣсней, то есть и онѣ, въ старшихъ подлинникахъ, обыкновенно соприкасаются съ историческими чертами. На примѣръ, вотъ образцы весьма распространенной, совершенно уже Безъимянной и даже лирической („Женской,” „Семейной,” „Бесѣдной”) пѣсни (см. ее гораздо ниже въ своемъ мѣстѣ), въ двухъ ея видахъ или, лучше, въ перетасовкѣ:

¹⁾ Въ испорченныхъ образцахъ отсюда сдѣланы „Соловейскіе гусары,”—камень преткновенія для нѣмыхъ издателей, кои видѣли здѣсь гусаровъ „Соловейскихъ” и даже „Савойскихъ.”—²⁾ Здѣсь эта черта утратила смыслъ и заключаетъ противорѣчіе.—³⁾ Вотъ уже далѣе и *сыночекъ*, въ пополненіе „несчастыца” и благодаря рѣимъ „конечка.”—⁴⁾ Умершій генералъ даже говорить; ср. выше завѣщаніе умирающаго полковника и атамана.

6.

(Губ. тульской).

Говорилъ-то мнѣ милъ-сердечный другъ,
Говорилъ-то, крѣпко приказывалъ,
Честью-лестью уговаривалъ:
«Посмирнѣ живи, моя лебедушка ¹⁾!»

5. Я приказу его мало слушалась,
Со инымъ дружкой повадилась ²⁾;
Поважимши разбранилася,
Разбранимши слезно всплакала,
Во слезахъ я слово молвила:
10. —Ты взойди, взойди на мой на дворъ,
—На мой на дворъ, во высокъ терѣмъ,
—Погляди-т-ко ты въ окошечко:
—На моемъ ли на дворѣ туманъ-туманъ,
—На синѣмъ морѣ непогодушка.—
15. Есть у дѣвушки зазнобушка:
Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
Дѣтинушка дворянскій сынъ,
*Зазнобимши самъ въ походъ пошолъ,
Въ чужи земли—земли Шведскія ³⁾.*

(Г-жа Улмышева).

*

А вотъ перестановка частей пѣсни и обратная повѣтка—не дѣвушка, а самого дворянскаго сына:

---

¹⁾ Идя въ походъ, какъ разъяснила пѣсня на концѣ, такъ „дворянскій сынъ“ наказывалъ.—²⁾ Отсюда уже неудержимо, шагъ за шагомъ, Безъимянная пѣсня катится какъ по склону въ своихъ отступленіяхъ и развѣтвленіяхъ.—³⁾ Здѣсь только разъясняется подлинное происхожденіе пѣсни.

7.

- У насъ на дворѣ туманъ-туманъ,
 На синѣмъ-то морѣ погодушка ¹⁾:
 Есть у дѣвушки заботушка,
 Въ ретивомъ-то сердцѣ зазнобушка.
5. Зазнобилъ сердце дворянскій сынъ,
Зазнобивши самъ въ походы пошолъ,
Во походы пошолъ, въ чужую сторону,
Въ чужую сторону, въ края Шведскія.

- Провожу-то я друга милаго
10. До самаго до Питера,
 А отъ Питера до Кіева ²⁾,
 Назадъ пойду—я въ садъ зайду,
 Нащиплю я хмѣлю яраго,
 Наварю я пива пьянаго,
15. Позову къ себѣ милыхъ гостей;
 Я по батюшку посла пошлю,
 Я за матушкой вѣрну ³⁾ слугу.
 За милымъ дружкомъ сама схожу.
 Назову гостей, подпою я всѣхъ,
20. Напою я—стану спрашивать:
 «Ты скажи-т-ко ⁴⁾, мой любезный другъ,
 «Однѣ ль (меня) ты сушишь-крушишь?»
 Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:»

¹⁾ Образъ природы для сравненія съ заботой и зазнобой.—²⁾ Такъ первое направленіе къ Швеціи переходитъ на позднѣйшій Питеръ, за тѣмъ возвращается къ старшему Кіеву и даже возвращаетъ самого любезнаго для переговоровъ.—³⁾ Старинное согласованіе, примѣнительно къ женской формѣ имени „слуги“, подобно какъ въ духовныхъ Стихахъ „Судья наша праведная.“—⁴⁾ Участіе звука *т*, приличное во 2-мъ лицѣ повелительнаго (*ты*), привилось и къ повелительному множественнаго, какъ выше замѣчено, а отсюда случилось съ неокончательнымъ („вонзять, озымить“).

- Я сушу—крушу ровно восемь вась,
 25. —Я девятую—сестру крестную,
 —Я десятую—милу кумушку.—
 Отошедши прочь, я заплакала.

(Запис. А. Хр. Востоковымъ, доставлено намъ кн. Н. А. Цоретелевымъ).

* *

Также точно, и еще легче было сделаться дѣйствительному несчастному и урону среди самого похода, „среди поля чистаго.“ Множество Безъимянныхъ пѣсень сего рода: одна изъ главныхъ—съ началомъ „Ахъ ты поле, поле чистое.“ Тутъ гибнетъ Безъимянный Молодецъ, козакъ, солдатъ и т. п., идя на службу или со службы, вспоминая виною того дѣвицу, жену, или прощаясь съ ними и т. д. Позднѣ Петровской поры отсюда образовано нѣсколько „историческихъ“ пѣсень съ тѣмъ же началомъ, нѣкоторые же образцы восходятъ чертами къ помянутой старшей эпохѣ:

8.

(Москва).

- Во чистѣмъ полѣ* ¹⁾,
 Ужь ты поле мое, поле чистое,
 Ты раздолье мое, ты широкое!
 Ничего, поле, не порѣдило,
 5. Порѣдило поле часть—ракитовъ кустъ.
 Какъ подъ тѣмъ кустомъ лежитъ
 Тѣло бѣлое молодецкое:
 Тамъ лежитъ солдатъ, полковой сержантъ ²⁾.
 Онъ убитъ лежитъ—весь израненый,
 10. Въ головахъ у него знамя царское,
 На грудяхъ у него руки бѣлыя ³⁾,
 На рукахъ у него кольца ясныя;
 Во бѣлыхъ рукахъ сабля острая,
 Во ногахъ у него добрый конь его.

¹⁾ Безсмыслица.—²⁾ Нашъ знакомецъ, вышедшій походомъ изъ Вереюшки.—

³⁾ Эти подробности плохи, въ другихъ образцахъ несравненно лучше: нами взяты предлежащій только ради одной исторической черты.

15. «Ужь ты конь, ты, мой конь, конь—товарищ мой ¹⁾!
 «Ты поди жь, ты, мой конь, на мою сторону,
 «Къ отцу къ матери, къ роду—племени,
 [«Къ роду—племени,] къ молодой женѣ,
 «Нъ царю Бѣлому, Петру Первому ²⁾».
20. «Ты скажи мнѣ ³⁾, конь....
 «Погубила меня сабля острая ⁴⁾»»

«Ужь ты конь, ты, мой конь, ты скажи жь, ты, мнѣ
 конь:

- «Гдѣ ты былъ—побывалъ на своей сторонѣ?»
 —Въ ⁵⁾ царя Бѣлаго, Петра Перваго.—
25. «Ужь ты конь мой, конь, что ты ѣлъ тамъ—пилъ?»
 —Ужь я ѣлъ по лугамъ шелковую траву,
 —Ужь я пилъ—попивалъ сладку водочку ⁶⁾.—

(Запис. А. А. Григорьевымъ; ср. Сборникъ Якушкина, 1865; ср. варианты лучше у *Костомар. съ Мордовц.* и многие другіе).

Другія, сего же разряда, Безъимяныя пѣсни имѣютъ начало: „Ахъ вы горы, горы кру-
 тил;“ ср. ниже „Ахъ далече-далече, во чистомъ полѣ.“

* *

Наконецъ, въ третьихъ, то же самое естественно повторилось еще по возвратѣ изъ похода; пѣсни слѣдующаго начала и рода также весьма развиты въ кругу Безъимяныхъ, а нѣкоторыя еще дышатъ началами своего происхожденія изъ эпохи Петровской:

¹⁾ Этотъ разговоръ, обыкновеннѣе „завѣщаніе,“ ср. выше со словами уми-
 рающихъ или заключенныхъ героевъ, и отсюда же завѣщаніе „умершаго“
 генерала.—²⁾ Такъ неволью сказала первая эпоха, изъ которой заняла пѣс-
 ня свое определенное начало.—³⁾ Ошибка: имъ; ему.—⁴⁾ И довольно, въ дру-
 гихъ и конецъ: но пѣсня, разыгравшись, захотѣла дальше описать и возвратъ
 коня, довольно смѣшной.—⁵⁾ У.—⁶⁾ Безъ смысла и вкуса; перенесено отъ
 возврата съ пиру; въ другихъ это говорятъ воронъ, слетѣвшій съ трупа уби-
 таго и повѣствующій соколу.

9.

(Губ. Тульской, у. Черянского).

- На зорѣ на зорюшкѣ,
 На прекрасной Ямской площади
 Собирался козацкій кругъ.
 Во кругу стоитъ виноходный конь,
 5. Осѣдланый и занузанный;
 На коню сидитъ офицерскій сынъ,
 Офицерскій сынъ,—капитанскій чинъ ¹⁾;
 Онъ не такъ-то убить ²⁾,—а больно ранень,
 Не такъ плачетъ—какъ рѣка льется ³⁾;
 10. Шелковѣмъ платкомъ утирается
 На всѣ стороны поклоняется:
 «Не съ одной ли ⁴⁾ сторонушки со мной?
 «Скажите поклонъ моему батюшкѣ,
 «Государынѣ моей матушкѣ;
 15. «Пропаль-погибъ добрый молодецъ
 «На чужой-дальней сторонушкѣ,—
 «Какъ погнали насъ въ землю Шведскую,
 «Изъ Шведской во Турецкую ⁵⁾».

(Изъ сборника П. В. Кир.).

*

¹⁾ Мы здѣсь, хоть и въ козацкѣмъ кругу, узнаемъ знакомаго намъ „дворянскаго сына,“ полковаго сержанта.—²⁾ Не то, чтобы онъ былъ совсѣмъ убить (пѣсня даетъ возможность „завѣщанію“).—³⁾ Особый видъ знакомаго намъ отрицательнаго сравненія: онъ не то, что плачетъ,—какъ рѣка льется. Отсюда-то возможна обратная перестановка: не рѣка льется,—молодецъ плачетъ. И наконецъ, когда уравнились стороны: молодецъ плачетъ—какъ рѣка льется. Первые два способа сравненія у Славянъ старше: образъ, снятый съ природы внѣшней, не-человѣческой, перетягивается.—⁴⁾ Пропущено: „вы.“—⁵⁾ Можно думать, что здѣсь слѣдовалъ разговоръ о частномъ случаѣ, случившемся молодца среди похода отъ моря Верейскаго къ Пруту.—Въ другихъ, слѣдующихъ образцахъ, объ земли уже слиты.

10.

(Губ. Сямбирской, с. Головино).

- На зорѣ-то было—на зорюшкѣ,
 Во Москвѣ-то было во городѣ,
 На Щепной-то было на площади,
 Собирался въ кругъ козацкій полкъ.
5. Во кругу стоитъ виноходный конь,
 Виноходный конь подкованный,
 Конь подкованный, осѣдланый.
 На конѣ сидитъ добрый молодець,
 Добрый молодець-козакъ ¹⁾ плакался,
10. Онъ не такъ плачетъ, что рѣка льется,
 Шелковѣмъ платкомъ утирается,
 На всѣ стороны поклоняется,
 Со полками устрѣвается ²⁾:
 «Да вы здравствуйте!
15. «Не съ одной ли вы сторонушки?
 «Вы скажите-ка поклонъ батюшкѣ,
 «Челобитьице родной матушкѣ:
 «Что погибъ-пропалъ добрый молодець,
 «Что подъ силою подъ Шведскою,
 20. «Что подъ армію ³⁾ подъ Турецкою!»

(Отъ Язкова).

* * *

Подобнымъ образомъ, есть пѣсни, и Былевыя, которыя гораздо старше Петровской эпохи своимъ происхожденіемъ, или же, совпадая съ нею одновременнымъ началомъ, совершенно отходятъ отъ господствовавшаго въ ней характера, по своему особому, исключительному содержанию,—но которыя однако же „окрѣпили своимъ строемъ (фольклора-

¹⁾ Вотъ уже прямо козакъ: эти переходы отъ стрѣльцовъ къ козакамъ, отсюда къ представителямъ „новаго войска“ и опять козакамъ—мы уже знаемъ и встрѣчали.—²⁾ Встрѣчается и здоровається.—³⁾ Т. е. подъ арміей.

лись“ въ эпоху Петровскую и потому понесли на себѣ двѣ-три ея черты, вышнія, и гѣмъ не менѣ яркія. Такова, на примѣръ, помѣщенная у насъ въ 7-мъ выпускѣ (стр. 190, 191), о *Татарскомъ полонѣ*, гдѣ Русская полованка у Турокъ просится отпустить ее на волюшку.

Что на волюшку—на Бѣлую Русь,
На Бѣлую Русь, къ царю Бѣлому,
Къ царю Бѣлому, Петру Первому.

Мы еще встрѣтимъ подобныя и ниже.

Здѣсь же относятся тѣ, въ которыхъ, хотя безъ личнаго имени, но ярко выставленъ „Царь Вѣлый,“ ибо это имя по преимуществу въ народномъ творчествѣ усвоено Петру. См. ихъ в преждѣ, и ниже.

* * *

Какъ со времени Петра I-го близко связуется народное творчество Великой Руси, все еще пока Московской, съ народнымъ творчествомъ Руси Малой, хотя уже и не древней Киевской, такъ точно то и другое, или, иначе, общее Русское пѣснотворчество устное тѣсно сближается съ произведеніями творчества письменнаго, литературы личной (см. о томъ подробнѣе въ «Замѣткѣ»). Сближеніе это совершается, по преданію отъ старины, преимущественно подъ вліяніемъ «духовнымъ,» а потому и тогдашняго «духовенства,» въ области, которой усвоено народомъ имя «Стиховъ» — на Востокѣ, имя «Кантъ» и «Кантычекъ» на Западѣ (Сѣверо-и Юго-западѣ) Россіи. Уже въ эпоху Алексѣя Михайловича на Москвѣ раздается «Стихъ воинской» или «о Царствѣ Московскомъ (см. вступленіе къ 6-му выпуску «Калѣкъ Перехожихъ»),» а съ Запада, Западнымъ нарѣчіемъ «глаголетъ Полица къ благочестивѣйшему царю и великому князю Алексію Михайловичу,» или же «Россь Малая, обиждаема,» поетъ «о Велицѣй Россіи,» какъ «Россія паки совокупляется,» какъ «вѣрныхъ Богъ сохраняетъ, во едино ихъ сочетаетъ, есть бо въ нихъ царь православный, благій, кроткій и смиренный;» отсюда же поется «Пѣснь Господеви о покореніи иноплеменныхъ языкъ благочестивѣйшимъ Царемъ нашимъ Іоанну и Петру (см. на концѣ выпуска въ «Приложеніи»):» но особенно созрѣваютъ Канты въ Петровское время, когда съ Запада происходитъ вящая колонизація тамошнихъ Русскихъ «му-

жей науки и цивилизации,» когда возникает идея «національная» на мѣстѣ «народной,» когда «національная поэзія» воспѣваетъ даже не изъ дали, а въ средищѣ Московской Россіи, скоро и не Московской, скоро и не одними Западными, а также точно «формированными, Московскими и Петербургскими устами.—Произведенія возбуждаются славными историческими событіями и къ нимъ прилѣпляются; вотъ нѣсколько примѣровъ этихъ «Кантамъ,» родоначальникамъ и родоначальницамъ послѣдующихъ «Одъ» и «Стихотвореній,» по рукописямъ:

* *

XXIV.

Канты.

1.

а)

Слюсенбурхъ.

Орле, восплещѣ крѣлы, двоеглавный,
Возносяй скипетръ высоко державный,
Дающе знаменія веселія многа,
Яко побѣду пріять Россія отъ Бога!
Красуйся нынѣ, Роская порфиро,
Христіанская веселися, вѣро ¹⁾!
Да торжествуетъ царей Роскихъ діадима,
О Бозѣ Спасѣ своемъ суци возносима!

Возвѣсти словомъ, всѣмъ днесъ, трубою:
Покорилъ Богъ Слюсенбурхъ подъ нозѣ
Російскому, крѣпкою рукою,
Цареви Петру, въ благности мнозѣ.

Кто при Ладожскомъ езерѣ рыдаеть?
Левъ дикій Шведскій вопль свой возвышаеть:

¹⁾ Читай: „вино;“ сочинялъ Малоруссъ.

Сотре ему зубы Петръ, Сампсонъ мужественный;
 Отнятый Слюсенбурхъ-градъ, дивно утвержденный,
 Петромъ-каменемъ егда поразися,
 Звѣрь лютый Шведскій къ смерти приближися:
 Стъуетъ о погубленномъ Слюсенбурхъ-градѣ,
 Нѣтъ способствуя ему ко его отрадѣ.

Рыкай, льве Шведскій, свирѣпый аде,
 Сокрушенъ Російскимъ мечемъ сущій!
 Торжествуй днесъ, Слюсенбурхе граде,
 Подъ скипетромъ Російскимъ цвѣтущій!

Иже ¹⁾ въ Люторской сквернѣ пребываше,
 Другомъ Божіимъ чести не даяше,—
 Нынѣ всѣмъ примирился, святымъ и Христови,
 Іерусалимъ сущи, градъ Слюсенбурхъ новый.
 Гдѣ левъ ложе си лютый имѣяше,
 Зубы своими всегда скрежеташе:
 Тамо нынѣ Російскій орелъ вознѣздися
 И побѣдоносець надъ львомъ лютымъ явися.

Радуйся, Слюсенбурхъ-градъ, просвѣщенный
 Совершенной вѣры новымъ свѣтомъ!
 Хвалися, граде, нынѣ, храбрственный,
 О имени Божіи препѣтомъ!

Тѣмъ же воспойте, Російстіи лица,
 Благодарствіе Троицы Единицы!
 Воспойте нынѣ пѣсни, Російскія трубы,
 Яко сокруши царь Петръ льву Шведскому зубы.
 Слава Ти буди, о Творче свѣта,
 Да хвалятъ Тя чрезъ безмѣрная лѣта,
 Яко помоглъ еси царю въ брани,
 Царю сильну, Петру, на вся страны!

(По рукописи Ф. Н. Буслаева, XVIII вѣка, и другимъ нотнымъ).

*

¹⁾ Который, Шлюссельбургъ.

б)

Свите пространный, виждь и удивися,
 Великороской силъ присмотрися!
 Повѣждь вселеннѣй, яко мужественнѣ
 Орелъ Шведскаго льва уби явленнѣ.
 Твердый разби Слюсенбурхъ на части,
 Своей покори державнѣйшой власти;
 Его же всякъ звѣрь разбить не можаше,
 Орелъ Російскій вскорѣ растерзаше.
 Честь Богу, слава, яко здѣ толику
 Російску орлу дастъ ¹⁾ силу велику,
 Его же лютыи вси трепещутъ звѣри ²⁾,
 Сильна зряще, крѣпка во всемъ мѣрѣ.
 Такова крѣпость и такова сила
 Орла Російска, яко побѣдила
 Звѣря Шведскаго, иногда ³⁾ гордяща,
 Нынѣ же въ узахъ прегорцѣ стенияща.
 Ногти своими въ силѣ укрѣпленный,
 Орелъ Російскій тако оруженный,
 Яко сокруши Шведску зубы львови,
 Сотре супостату противныя брови.
 Благополучнѣ орелъ сей леташе
 И пернатыя крылы простираше,
 Страшилищъ Шведскихъ попра звѣрски виды,
 Возвратися въ домъ съ многими побѣды ⁴⁾.
 Сице ⁵⁾ Російскій орелъ державнѣйшій,
 Паче всѣхъ птенцовъ пернатыхъ сильнѣйшій:
 «Обычай мой той,—звѣри укрочати,
 «Се же гнѣздо цѣло соблюдати.»

---

¹⁾ Даде, далъ. — ²⁾ Читай „звери.“ — ³⁾ Нѣкогда. — ⁴⁾ „побѣды.“ — ⁵⁾ Такъ
 вѣщаетъ.

Тѣмъ ¹⁾ не хвалися, льве Шведскій, въ силѣ,
 Видивъ, что орелъ покрывый я крилъ ²⁾:
 Убо въ хитрости твоей не гордися,
 Російска орла, крѣпчайша, смирися!

(Оттуда же).

* *

2.

Нарва.

Свѣте Россійскій, славою вѣнчанный,
 Въ дѣлѣхъ рыцѣрскихъ суще преизбранный!

Въ сія часы

Издай гласы,

Воспой красно,

Велегласно:

Днесь, днесь, днесь,

Днесъ вѣвать, вѣвать!

Музы ³⁾ Парнасу, и вы ся спѣшите,

На триумфъ Роскій пѣснь хвалы сложите,

Яко Богомъ предпочтенный,

Царь Петръ, славы исполненный,

Днесъ ⁴⁾...

Льва Нѣмецка вся сила измѣнися,

О камень твердый—Петра сокрушися.

За се дѣло

Всякъ пой смѣло,

Безпрестанно,

Всеизбранно:

Днесъ...

¹⁾ Потому.—²⁾ Покрывъ ихъ, птенцовъ въ гнѣздѣ, крылами.—³⁾ Музы.—
⁴⁾ Повторяется какъ прежде.

Росія въ свѣтлый образъ премѣнися,
Держава царьска славы исполнися:

Храбрый воинъ

Той достоинъ.

О семъ внимай,

А се вѣщай:

. Днесь, днесь, днесь,

Рцы—вивать!

Шведскія страны всѣ вострепеташа,
Когда на себѣ царьскій громъ познаша:

Градовъ крѣпость

Роска смѣлость

Взять въ державу,

Вся на славу.

Днесь ¹⁾...

Бѣжить отъ свѣта врагъ въ нощныя страны,
Восточнымъ свѣтомъ трепещеть попранный:

Не возстанеть побѣжденный,

Гордостью вознесенный.

Днесь, днесь, днесь,

Днесь вивать!

Кто можетъ сіе отъ вѣка сказать,
Можетъ ли свѣтъ мракъ одолѣвати?

Шведъ—мракъ темный,

Царь—свѣтъ зѣмный.

Побѣждаетъ,

Всякъ вѣщаетъ:

Днесь, днесь, днесь

Царь вивать!

Крѣпкія стѣны Нарвы, аки Трои,
Суть сокрушенны отъ Роскои зброи ²⁾:

---

¹⁾ Повторяется предыдущій приѣвъ.—²⁾ Броня, оружія.

Стенеть нынѣ
 При кончинѣ;
 Шведъ проклятый
 Паде спятый ¹⁾.

Днесь, днесь, днесь,
 Днесь вивать!

Подаждь, Владыка, зѣ Своя десницы,
 Да расторгнутся вражія плѣнницы ²⁾!

Выну, вивать,
 Дажь цареви
 Побѣдити,
 Намъ воспѣти ³⁾:

Днесь, днесь, днесь
 Петръ вивать!

(Оттуда же; о Нарвѣ, въ печати, при книгѣ „Преславное торжество,“ М. 1704: „Знѣи убить; Язонъ руно свободивъ приемлетъ; Нарву плѣнницъ, Ингрію царь свободивъ вемлетъ;“ о плѣненіи Ижорской земли, для которой царь былъ Персеомъ, при „Торжественныхъ вратахъ,“ М. 1703, припечатаны стихи: „Стеняше Ижерская земля, звѣрю Свѣиску Въ снѣдъ повержена, даже, возставшу Россійску Персеушу, свободна нынѣ са являетъ“ и т. д.).

3.

**Переходъ Шведовъ въ Малую Русь, Полтава,
 Мазепа.**

а)

Днесь, орле Россійскій, простри свои крилѣ,
 Восприми воиновъ, мужественныхъ въ силѣ,
 Иже бо кровь свою за тя изліяша,
 Служащихъ льву Шведску всѣхъ смерти предаша.

Вивать, вивать, вивать,
 Этъ бене вивать ⁴⁾!

¹⁾ Отбитый; потоптанный.—²⁾ Оковы.—³⁾ „воспити.“—⁴⁾ Et bene vivat: вторгается послѣ каждой строфы.

Гласъ грома твоего нынѣ во вселеннѣй
 Устраши льва горда, что есть всѣмъ явленнѣ:
 Громогласнымъ шумомъ орла двоеглавна
 Шведская сотресе армія преславна.
 Рече бо звѣрь лютый: «Похищу Россію,
 «Рукою моею азъ разорю сію
 «И во градѣхъ ея азъ господствовати,
 «Яко же восхотѣхъ, буду обладати.»
 Но всуе, прегорде, тако ся хвалити:
 Россіи преславной зла не сотворити!
 Господь ей помощникъ: тебе не боится;
 Что ей общаешь, тебѣ пригодится.
 Убо нынѣ зрите: яже ся хваляху
 И внутрь Россіи зимовать хотяху,
 Се нынѣ придоша, хотя зимовати,—
 Вездѣ на болгаркахъ ¹⁾ будутъ работати!
 Здѣ бо ихъ не дармо на Руси кормити:
 И во градѣхъ нашихъ требѣ ²⁾ погостити!
 Они ся хваляху, грады разорити:
 Но мы ихъ заставимъ, чтобъ ихъ укрѣпити!
 Вы же, Россійстии воини преславни,
 Иже есте нынѣ всему міру явни!
 Слава ваша нынѣ вездѣ распростресе,
 Вами бо льва люта гордыня сотресе.
 Мы днесъ торжествуемъ: той стенеть рыдая,
 «Лютѣ мнѣ,» вопіеть, и смерти желая.
 Рцемъ вси релегласно, вопіемъ согласно:
 Нашъ монарха вивать, вивать,
 Этъ бене вивать!

(Оттуда же).

*

¹⁾ На фольваркахъ, на предмѣстьяхъ и городскихъ укрѣпленіяхъ. — ²⁾ Нужно имъ.

:

б)

Поемъ Господеви, славно прославѣся,
 Шведская бо гордость о Немъ низложися!
 Ты бо еси Богъ нашъ, гордыхъ низлагая,
 Смираннымъ же убо присно помогаая.
 Зрите супостата, Богомъ побѣжденна,
 За что? За гордыню въ конецъ разоренна!
 Бѣ бо той зѣло гордъ, а нынѣ падесея,
 Отъ кротости мечемъ лють уязвися.
 Богоматери бо той не почиташе
 И святыхъ Божиихъ ни во что вмѣняте ¹⁾,
 На церкви Божія бѣ той лють гонитель,
 Православна рода присно озлобитель.
 Но Богъ за премногу его смири гордость,
 Російскимъ же воемъ подаде нань бодрость.
 Ниспосла нань ²⁾ страхъ,—всеи вострепеташа,
 Отъ страха велія всеи ся възпаташа.
 Услышавъ въ себѣ страхъ, не возможе стати,
 Оставивъ же своихъ при нуждѣ бѣжати,
 Бѣжитъ на полудне, не въ ноцныя ³⁾ страны:
 Отъ орла Російска уже есть поправки ⁴⁾.
 Не вѣсть, камо бѣжитъ и камо спастися,
 Отъ воевъ Російскихъ камо укрытися.
 Чтò Тебѣ принесемъ, Спасе нашъ и Творче,
 Славный Воевода, врагъ нашихъ Поборче?
 Мы бо смиреннии на Тя уповахомъ,

---

¹⁾ Ср. выше описаніе Лютторской ереси Шведовъ.—²⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ „на ны:“ это согласовалось съ настроеніемъ Малоруссовъ, къ коимъ принадлежалъ сочинитель и переписчикъ.—³⁾ Не въ сѣверныя.—⁴⁾ Поправки.

:

Возстающихъ на ны о Тебѣ попрахомъ.
 О Тебѣ врагъ нашихъ будемъ побѣждать!
 «Вивать царь Петръ,» будемъ всегда восклицати,
 «Вивать, вивать, вивать, вивать, вивать, вивать!»

(Оттуда же).

*

в)

Орле Россійскій, пусти свои стрѣлы ¹⁾,
 Дабы льва Шведска утробу пронзили,
 Иже хотяше Россію пожрети ²⁾,
 А живущихъ въ ней всѣхъ предати смерти,
 Грады Російски своими зовяше,
 Побѣды на ся отнюдь не чаяше
 И вознесся во гордынѣ зѣло ³⁾,
 Яко бы ся то уже исполнило.
 Но Богъ отъ небесъ ниспосла побѣду ⁴⁾
 Царю Російску, якоже Давиду:
 Храбрыхъ воиновъ здравы соблюдаетъ,
 А Шведъ «увы мнѣ» нынѣ восклицаетъ;
 Той Голіаѳа побѣди славно,
 Нашъ же царь Петръ Шведа, а свои безъ вѣда.
 Той нынѣ стенеть, мы же веселимся,
 Молитвы ко Богу принести потщимся.
 За се будь Богу благодареніе,
 А въ будущемъ принесемъ прошеніе,
 Дабы намъ сего въ конецъ побѣдiti ⁵⁾
 И прочимъ отъ насъ всегда страхъ имѣти ⁶⁾.

---

¹⁾ „стрѣлы.“—²⁾ „пожрети.“—³⁾ „зѣло.“—⁴⁾ „побѣду.“—⁵⁾ Такія, и подобныя черты, всюду разсыпанныя и читателямъ конечно замѣтныя, убѣждаютъ несомнѣнно, что канты эти слагались современно, шагъ въ шагъ за событіями.—⁶⁾ „имѣти.“

Бѣжить, бѣжить: но не вѣсть, камо убѣжати,
Откуда бы си помощь воспріяти.

Нынѣ Шведъ стenetъ:

«Увы, ахъ,
«О, мнѣ страхъ,
«О, мнѣ вредъ,»
Вопіетъ,

«Яко мои вси падоша

«И погибоша!»

Мы же днесъ вопіемъ,

Радостно сице рцемъ:

Вивать Петръ,

Вивать царь,

Вивать царь Россійскій!

Вивать, вивать,

Вивать разоритель,

Вивать побѣдитель,

Побѣдитель Шведскій ¹⁾.

*

Днесъ льва гордыни конецъ приближійся,
Кротость же въ мѣрѣ вездѣ прославійся:
Держащи скипетръ орелъ двоглавный,
Царь нашъ Россійскій во бранехъ преславный.
Тебѣ, льву горду, время ся смирити,
Гордыню въ кротость время претворити:
Въ комъ еще чаешь, кого ожидаешь?
Вси въ рукахъ нашихъ: сего ли не знаешь?
Въ комъ ты надежду имѣлъ всегда прежде,
Тѣи падоша, мертви лежать вездѣ.

---

¹⁾ За сямъ припѣвы, тамъ и сямъ повторяющіеся послѣ главныхъ стиховъ.

Гдѣ твоя нынѣ славная армія,
 Твоя богатѣя гдѣ артилерія?
 Уже ты нынѣ не превозносишься,
 Храбрыми вой уже не гордишься:
 Иже бо многимъ они быша страшны,
 Нынѣ падоша, смерти суть причастны.
 Отрини гордость, восприми кротость:
 Орелъ Російскій явитъ ти милость.
 Падѣ, поклонися орлу двоглавному,
 Царю Російску, во всемъ мѣрѣ славному!

*

«Почто мя, тако грозна ¹⁾, увѣщаешь?
 «Или мя храбра война не знаешь?
 «Аще бо и есмь нынѣ разоренный,
 «Бѣжати въ Турску страну принужденный,
 «Аще и тако нынѣ сотворися,
 «Убо ты на мя не весма грозися!
 «Обаче еще азъ не унываю,
 «Во бранехъ еще быти себе чаю.
 «Тяжко мнѣ сіе, но мушу ²⁾ терпѣти:
 «Горду смиреніе тяжко есть имѣти.
 «Но бысть ³⁾ такъ нынѣ: въ скорби преставаю,
 «А что творити, истинно не знаю.
 «Хотѣхъ ты, орле, хотѣхъ побѣдити
 «И ногти своя хотѣхъ въ ты вонзити:
 «Но тѣмъ самъ есмь лють уязвленный.
 «Съ вой моими въ конецъ разоренный.
 «Увы мнѣ, увы, своихъ—си лишихся,
 «Царства моего зѣло удалихся,

¹⁾ „Тако грозно?“—²⁾ Я долженъ: müssen.—³⁾ „Быть?“

«И уже не вѣмъ, что нынѣ творити,
 «Како ся въ свою страну возвратити.
 «Молю тя, орле, подѣ крилѣ прими мя,
 «Паки со Шведы жити сотвори мя:
 «Уже миръ выну съ тобою имѣти ¹⁾
 «Хощу; ты будешь вьегда страшень слыти ²⁾!»

Царь нашъ страшень по всей земли:

Вся Европа сія внемли!

Мы льва нынѣ побѣдихомъ,

—Вивать царь Петръ,—возопихомъ.

—Вивать, вивать государь Петръ,

—Прославися Россійскій Петръ!

—Вивать, вивать, вивать, вивать,

—Этъ бене вивать!—

(Оттуда же).

Это цѣлая уже ораторія: трилогія близкая къ драмѣ, къ представленію.—Подобная же канта:

„Царю Россійскій, воше преславный,

„Въ Европѣ первый монархо преславный!...

„Хотѣхъ самого въ конецъ побѣдити.

„Хотѣхъ и грады твоя похитити.“... В. Г. А.

Конецъ:

„О миръ просите, главы приклоните,

„—Вивать Россійскій царь Петръ,—воскликните!“

*

¹⁾ „имити.“—²⁾ Это все возраженія отъ лица Карла и его просьба къ Петру.—За симъ припѣвъ.

г)

Орле палящи ¹⁾, Шведа стращащи!
 На льва безнога
 Ты двоеглавный, въ мирѣ преславный,
 Найде трезвога ²⁾.
 Орель бо летить, левъ его бѣжитъ,
 А есть безногий ³⁾;
 Сребро и злато отъ него взято,
 Стался убогий.
 Погубивъ воя ⁴⁾, ищетъ покоя,—
 Не обрѣтаеть;
 Жестосердый, немилосердый
 «Увы,» рыдаеть.
 Милости просить, руки подноситъ ⁵⁾:
 «Пощадите мя!
 «Уничижена и уязвлена
 «Помилуйте мя!
 «Гордость проклята и вся мнѣ земля та ⁶⁾
 «Есть сотворила:
 «Съ вои моими, зѣло храбрыми
 «Уничжила.
 «Мазепа дуракъ, зѣ деревни казакъ
 «Сюду мя призвавъ ⁷⁾:
 «Видя же гибель, свою погибель,
 «Отъ мене збѣжавъ.

¹⁾ Парящій?—²⁾ Ты наступилъ на него, на льва, бодрого, не соннаго.—³⁾ Известное обстоятельство, о Карлѣ.—⁴⁾ Воиновъ.—⁵⁾ Поднимаетъ.—⁶⁾ Тотъ бѣдствъ; лучше чтеніе: „злая мнѣ вся та,“ все то зло.—⁷⁾ Проникаеть народная живость, а вмѣстѣ и народная рѣчь.

«Въ Російской странѣ погибель есть мнѣ,
 «А все за гордость!
 «Воспріяхъ тщету, придохъ въ нищету,
 «Погубихъ бодрость.
 «Тако ми Христа 1)! Ни единъ оста,
 «И есмь въ печали.
 «Отъ воевъ моихъ суть въ рукахъ твоихъ
 «Вси генералы 2).»

Ты убо, орле, между чловѣки
 Будеши славенъ нынѣ и во вѣки,
 Будеши всегда враговъ побѣждати,
 Мы же ти будемъ—вивать—восклицати,
 Вивать, вивать,
 Этъ бене вивать!

(Оттуда же).

*

д)

Орле Россійскій! Торжествуй со нами,
 Яко днесь врагъ твой лежитъ подъ ногами;
 Оставивши вой, бѣжитъ—и нѣсть, камо 3),
 Зряще по странамъ сѣмо и овамо,
 Бѣжитъ въ дубравы, бѣжитъ въ лѣсы темны,
 Просить, да дадутъ помощь звѣри зѣмны;
 Выще 4) стрѣлы летятъ запаленны,
 Да левъ со волкомъ будутъ пораженны.
 Волкъ же безумный, проклятый Мазепа
 Бѣжитъ отъ страха, ищущи вертепа:

1) Клянусь Христомъ!—2) За сими припѣвы.—3) И некуда.—4) По верху, надъ головами.

Бо ¹⁾ нѣсть вертепъ злу, нѣсть вертепъ проилгату,
Нѣсть днесь покровъ діавольску брату ²⁾.

«Увы, увы,» рече, «Ахъ, ахъ, ахъ,» Мазепа ³⁾, «Ахъ, горе!»

Шведъ же, Шведъ же стонеть:—О, о, о, приими мя, море!

—Яко мои вси крѣпцыи падоша,

—Ко смерти подъ мечъ Россійскій придоша!—

Мы же вопіемъ,	велегласно рцемъ:
Радуйся, Петре,	Російскій скиптре,
Главо вѣнчанна,	Богомъ избранна,
Льва побѣдитель,	нашъ свободитель,
Радуйся, царю	и государю,
	Радуйся, радуйся, радуйся!

Мы же вопіемъ,	велегласно рцемъ,
Яко льва ярость,	намъ днесь есть радость,
Той, вознесшійся,	падъ сокрушійся,
Лежить попоранный	и поруганный,
Радуйся, царю	и государю,
	Радуйся, радуйся, радуйся!

Вивать, вивать Россійскій орле двоеглавный,
Царь Петръ днесь вивать, вивать побѣдитель славный,
Вивать, вивать, блистая на западъ съ востока,
Орошень—вивать, вивать—съ небеси потока,
Вивать, вивать осіянь свѣтомъ Бога,
Въ побѣдѣ вивать, вивать на лѣта премнога!

(Оттуда же).

*

е)

«Изми мя, Боже,
«Изми мя, Боже,»—вопіеть Росія,—
«Отъ ядовита и лукава змія,

¹⁾ Народное.—²⁾ За сѣмъ припѣвы.—³⁾ То есть: „рече Мазепа.“

«Егоже издаша ¹⁾ адскіе заклепы,—
 «Бывшаго вожда, Ивашка Мазепы ²⁾!
     «Ахъ, тяжку горестъ,
     «Ахъ, тяжку горестъ терплю, мати бѣдна ³⁾:
         «Утробу мою,
     «Утробу мою снѣдаетъ ехидна ⁴⁾!»
         «Кто ми дастъ слезы,
 «Кто ми дастъ слезы, якоже Рахили,
 «Восплачу горько въ моемъ смутномъ дѣлѣ ⁵⁾?
 «Се второй Иродъ, смертна исполнь яда,
 «Мазепа лютый уби моя чада.
         «Уподобихся,
 «Уподобихся, Россія, Давиду,
 «Иже отъ сына терпяше обиду:
 «Авесаломъ сынъ бысть неблагодарный,
 «Подобень ему Мазепа коварный.
         «И азъ возлюбихъ,
 «И азъ возлюбихъ яко мати сына:
 «Откуда убо такова измѣна ⁶⁾?
 «Къ нему бысть моя матерняя любви:
 «Той же изостри на мя лють зубы.
         «И азъ сотворихъ,
 «И азъ сотворихъ съ вельможи сидѣти ⁷⁾:
 «Той же смертныя сплете на мя сѣти;
 «Язъ яко чадо носихъ во утробѣ:
 «Той же мя хочеть видѣти во гробѣ.
         «И азъ напоихъ,
 «И азъ напоихъ отъ камене ⁸⁾ меда:
 «Той же, пагубна исполненный вреда,

¹⁾ Въ рукоп. Вулс. поправлено: „ждаша.“—²⁾ За симъ припѣвъ, повторе-
 мый послѣ каждаго четверостишія.—³⁾ „бидна.“—⁴⁾ Конецъ припѣву.—⁵⁾ „ди-
 ли.“—⁶⁾ „измѣна.“—⁷⁾ Я дала ему сидѣти, я посадила его съ вельможами.—
⁸⁾ Какъ вездѣ въ подобныхъ кантахъ, подъ „камнемъ“ обыкновенно разу-
 мѣется сомненный Петръ.

«Толику на мя отрыгнулъ есть злобу,
 «Лютѣ снѣдати матерню утробу.

«И азъ, любяща,

«И азъ, любяща мати выше мѣры,
 «Чаяхъ отъ него сыновскія вѣры:
 «Той же бысть на мя бритва изоцрэнна,
 «Отъ неяже есмь лютѣ уязвленна.

«Како прельстихся,

«Како прельстихся и не познахъ лѣса,
 «Ангела видомъ, прелестію бѣса ¹⁾?
 «Мнѣхъ, яко агнецъ: но волкъ ядовитый,
 «Овчею лестно кожею покрытый.

«Сладокъ языкомъ,

«Сладокъ языкомъ, но прегорькій дѣлы,
 «Утаи на мя пагубныя стрѣлы;
 «Сахаръ во устахъ и сладкія слѣва,
 «Въ сердцы желчь, въ рукахъ погибель готова.

«О лицемѣре,

«О лицемѣре, о сатанинѣ сыне,
 «Терніемъ острымъ красящійся крине!
 «Како простерти дерзнулъ еси длани,
 «Лютыми матеръ уязвляя раны?

«Аще бы ми врагъ

«Аще бы ми врагъ поносилъ сугубо,
 «Претерпѣла быхъ козни его любо:
 «Но, отъ своего чада прелюбима,
 «О, коль матери язва нестерпима!

«Что моя вина,

«Что моя вина, что творишь ти худо?
 «Чего ради гониши мя, Іудо?
 «За моя хлѣбы, за моя трепезы (sic)
 «Горькія въ жажду даеши ми слезы.

¹⁾ „биса.“

«Горе прокляту,
 «Горе прокляту тебѣ лицемѣру!
 «Како смѣлъ еси измѣнити вѣру,
 «Юже предѣ крестомъ и евангеліемъ
 «Утвердилъ еси твоимъ лобзаніемъ?
     «Горе ти, горе,
 «Горе ти, горе злобы исполненну!
 «Подобенъ еси гробу повапленну,
 «Иже очесамъ является красенъ,
 «Внутрь же ядовитымъ червіемъ ужасенъ.
     «Горе ти, горе,
 «Горе ти, горе второму Кайну,
 «Горе ти, горе погибельну сыну!
 «Пролилъ еси звѣрски кровь премногу,
 «Яже немолчна гласить на тя къ Богу.
     «Божія храмы,
 «Божія храмы быша днесъ вертены
 «Отъ Свейскаго льва и волка Мазепы.
 «Другъ твой левъ, ты волкъ: то ярость сугуба,
 «А людямъ бѣднымъ послѣдня пагуба.
     «И что речеши,
 «И что речеши на страшномъ судищи,
 «Лишенный неба и райскія пищи?
 «Въ крови невинной осквернивши руцѣ,
 «Повиненъ еси нестерпимой мѣцѣ.
     «Инымъ речеть Богъ,
 «Инымъ речеть Богъ:—Благій рабе, вѣрный!
 «—Понеже благъ бысть ¹⁾ и нелицемѣрный,
 «—Вниди въ радость, въ рай Господа и Бога:
 «—За твою вѣру се тебѣ мзда многа!—
     «Тебѣ же горе,
 «Тебѣ же горе, преступниче вѣры:

---

¹⁾ Ты былъ (аористъ).

«Воспримеши часть злую съ лицемъры;
 «Извѣстенъ буди, яко тебе, вора,
 «Адъ ожидаетъ и погибель скоро.
     «Боже мой, къ Тебѣ,
 «Боже мой, къ Тебѣ молитву пролюю,
 «Услыши горцѣ стеньящу Россію:
 «Ты насъ Самъ суди, и мать, и сына,
 «Виждь, чія правда, виждь, чія измѣна ¹⁾!
     «Суди ми ²⁾, Боже,
 «Суди ми, Боже, обидящія мя,
 «Посрами гордость востающихъ на мя,
 «Прими мечъ и щитъ, буди помощь моя,
 «Возсіай ми свѣтъ мира и покоя ³⁾!
     «Мене, Россію,
     «Мене, Россію, возвесели бѣдну ⁴⁾,
     «А ядовиту,
     «А ядовиту попери ехидну ⁵⁾»»

(Оттуда же).

*

ж)

«Мазепѣ измѣннику Заднѣпрянскому и Украинскому ⁶⁾»»

Егда приближатся послѣдняя лѣта,
 Въ градѣ брани стануть,

¹⁾ „измѣна.“—²⁾ „Ми“ лишнее.—³⁾ За сими припѣвъ.—⁴⁾ „бѣдну.“—⁵⁾ Подъ симъ именемъ, и въ другихъ кантахъ, разумѣется Мазепа.—⁶⁾ Очевидно это не стихъ Канты, а ея заглавіе.—Само произведеніе, явно, не Пѣсня и уже подавно не Дума Былевая, а книжная Канта (кантычка и псалма), въ родѣ предыдущихъ. Особый способъ писать Канты—подъ ногами, такъ что стихъ дѣлится на разнообразныя размѣры, то длинныя, то короткія, въ прихотливыхъ строкахъ, и притомъ растягивается на нѣсколько страницъ,—все это очень затрудняетъ собою и правильное чтеніе, и переписку, и печатаніе

Тогда другъ отъ друга будутъ
Устрашени и побѣгнуть
Въ найтвердшу яскиню ¹⁾.

Мазепина слава,
Безумная глава,
Що съ ты учинила?
Царя оставляешь,
Ко Шведомъ збѣгаешь,
Войско засмутивъ,
Церкви измѣнивъ есь,
Бога образивъ ²⁾ есь,
Тамъ ³⁾ ты насъ лякаешь ⁴⁾.
Учини благое,
Аще не страждешь ⁵⁾,
Цареви склонися;
Не пощади главы,
За измѣну славы,
Плачь, не стыдися.

Батуринъ славетный
Се днесъ заставъ шпетный ⁶⁾,
А чрезъ его зраду ⁷⁾
Души погубивъ еси,
И градъ разоривъ есь,
Самъ пидешь ко аду ⁸⁾.

а кромѣ того подлежащій образецъ, попавши въ народное употребленіе изъ тетрадки, извращенъ противу письменнаго подлинника, лучшаго же мы подъ руками не имѣемъ, и потому остаются неправильно раздѣленные стихи, стертая рѣзъ, безсмысленныя выраженія, кои невозможно и бесполезно было бы разъяснять.—¹⁾ Пещеру, вертепъ (убѣжище).—Все это—начало весьма распространеннаго духовнаго Стиха (Псалмы).—²⁾ Оскорблять.—³⁾ Тѣмъ?—⁴⁾ Устрашаешь.—⁵⁾ Явная порча.—⁶⁾ Противный; безобразный.—⁷⁾ Измѣну.—⁸⁾ Этотъ эпизодъ о Батуринѣ, съ сожалѣніемъ о судьбѣ его и обвиненіемъ за то Мазепы, совершенно отвѣчаетъ народному творчеству: ср. выше.

Максимъ умный, славный
И измѣнникъ явный,
И бестія его ¹⁾).

Ой, Россіе преславна,
Сіяешь издавна,
Шведа не лякайся ²⁾!

Измѣнниковъ своихъ
Начальникъ Мазепа
Узяти можется (!).

Мазепа врагъ мыслить
Вкраину згубити:
Чемъ ся такъ не стало?

Бо Мазепѣ крушови
И врагу Шведови
Онъ плахты готуе (!).

Ци битися маешь,
Що тутъ Шведа привѣвъ
Сѣверъ разорити?

Не выйдешь отсюду,
Избіемъ тя, Юду,
И Шведа загубишь.

Государь свѣтлѣйшій,
У войску сильнѣйшій
И въ панствѣ своимъ можный ³⁾.

Царю Россійскому
На многія лѣта,
На вѣки вѣчныхъ,
Безконечныхъ!

(„Галиція народныя пѣсни“ въ „Чтен. Общ. Ист. и Ар.“).

Канта эта, къ несчастію обезображена, замѣчательна тѣмъ, что по нѣкоторымъ выраженіямъ имѣетъ отношеніе къ народнымъ Малорусскимъ пѣснямъ, выше приведеннымъ.

* *

¹⁾ Искаженіе превосходитъ всякую мѣру.—²⁾ Не страшись.—³⁾ И въ государствѣ своемъ могущественный.

Любопытно сличить при этомъ такія же точно стихотворенія, тогда же, въ слѣдъ за событіями, печатанныя; какъ на примѣръ въ 1709 году, въ Кіевѣ, при Панегирикѣ Θεοωана Прокоповича Петру Первому ¹⁾:

з)

... Летить Свей, летить купно змѣнникъ ²⁾ неистовій.
 Камо духомъ бѣсовскимъ бѣжиши носимій,
 Студе вѣка нашего, вреде нестерпимій?
 На отца отечества мещеши мечь дерзкій,
 О, племя ехиднино, о изверже мерзкій,
 Забывъ любовь отчую и презрѣвъ самаго
 Твердый законъ естества. Обаче се благо:
 Якъ скорій есть на казнь, косній сій на дѣло.
 Бѣжите ³⁾: скорой мести требъ, скорой зѣло.
 Но и здѣ непостоянъ злій змѣнникъ явился,
 Змѣнникъ царю и Марсу: егда бо открыся
 Поле бою страшнаго,—не токмо входити
 Во ратній огонь, но ниже издалече зрѣти ⁴⁾

¹⁾ Произведеніе это, Епиграмъ, Epigramm (Стихъ на побѣду) въ печати извѣстно собственно на языкѣ Польскомъ, и—кажется на немъ же сочинено, по крайности складнѣе; на Русскомъ это скорѣе передѣлка, и она напечатана у г. Пекарскаго съ рукописи; за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, нельзя также съ г. Пекарскимъ утверждать, что это непременно сочиненіе Прокоповича: подобные Канты приписывались часто и ему, и Яворскому, и Дмитрію Ростовскому, между тѣмъ какъ ихъ встрѣчаемъ и раньше—по рукописямъ, и гораздо шире по употребленію; ученые чаще брали ихъ себѣ и прилагали.—Во всякомъ случаѣ произведеніе замѣчательное; вотъ тотъ же отрывокъ по Польски:

...Leci Szwed surowy,
 Leci zdrajca przeklęty. A gdzie piorunowy
 Impet ciebie wnosi—o, nam na wstyd wieczny
 Urodzony odrodku!—Smiesz wyjąć bezpieczny
 Miecz na Ousa Oycyzny, na własnego pana! И т. д.

²⁾ У г. Пекарскаго ошибочно „змѣнной.“—³⁾ У г. Пекарскаго ошибкою: „Бѣжише.“—⁴⁾ „зрѣти.“

Не дерзнулъ; но сугубъ студъ пріялъ вмѣсто раны:
 Непостоянъ во вѣрѣ, трепетенъ во брани.
 Зрѣмъ ¹⁾ же, что и Свей дерзкій силою своею
 Успѣ храброй Россіи, борясь съ нею:
 Блесну огнемъ все поле; многія воскорѣ
 Излетѣша молнія; не таковъ во морѣ
 Шумъ слышится, егда вѣтръ на вѣтръ ударяетъ,
 Ниже тако громъ зъ темнихъ облаковъ рикаетъ,—
 Яко гремятъ арматы ²⁾, и гласомъ, и страхомъ;
 И уже день помрачи дымъ, смѣшенъ со прахомъ.
 Страшное блистаніе! Страшный и великій
 Градь падаетъ желѣзный. Обаче толикій
 Страхъ не можетъ Россіи силъ храбрыхъ сотерти.
 Но егда ты ³⁾, о царю, о войне сильный,
 Узрѣ ⁴⁾ посредѣ огня,—объялъ ю) страхъ зѣльный ⁵⁾:
 Вострепета и крайней убоюся страсти,
 Дабы въ единомъ лицу всѣмъ не пришло пасти.

Описаніе битвы явно заимъ изъ народныхъ Бывшихъ: ср. выше.

Еще замѣчательнѣе заключеніе:

О семь преславномъ дѣлѣ, въ пѣснехъ неслыханномъ,
 Пѣти будетъ весельникъ по морю пространномъ,
 Пѣти будетъ на холмѣ путникъ утружденный,
 И проповѣсть иногда, лѣты изнуренный,
 Старецъ внукомъ: и, яко своимъ очима
 Видя ⁶⁾ то, внуцы старца нарекутъ блажима.

(Ср. г. Пекарскаго, „Наука и литер. въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, т. II, 1862).

А немного раньше, 1705, въ гербу Мазепы отъ лица ученой коллегіи Черниговской:

*

¹⁾ „Зрѣмъ,“ посмотримъ.—²⁾ Пушки.—³⁾ У г. Пекарскаго „тамъ.“—⁴⁾ Узрѣла—⁵⁾ Россія; Россію.—⁶⁾ „зильный.“—⁶⁾ У г. Пекарскаго ошибочно „видѣ.

и)

Ясне-вельможный мѣсяце, пане Іоанне,
 Предостойный гетмане, Богомъ дарованне!
 Крестъ, денница, луна есть твое знаменіе ¹⁾,
 Извѣстно прибѣжище, всѣмъ защищеніе.
 Первѣй ²⁾ воспріялъ еси имя кавалерства:
 Въ родъ и родъ слава всего будещи рицерства.
 Юноши, дѣвы, старцы, обще съ юнотами,
 Желаемъ, да пріймешь здѣ всего добра тмами.
 Успѣвай и державствуй въ премногія лѣта:
 За труды насладишься небеснаго свѣта.
 Звѣзда отъ Іакова свѣтло возсіяла:
 Въ крестъ Мазеповъ ³⁾ мѣстце себѣ воспріяла.
 Звѣзда отъ Іакова—Христа знаменуеъ:
 Христось пребываетъ въ васъ, триумфи готуеъ;
 Добрая аки луна пребываетъ ⁴⁾ во вѣки:
 Удостойтъ васъ жити съ евангельскими ⁵⁾ лики.

(„Зерцало отъ писанія,“ Черниговъ; ср. у г. Пекарскаго въ поминутной книгѣ; гербъ—крестъ, съ луною, на которой звѣзда).

Извѣстна также Дума, сочиненіе которой приписывается самому Мазепѣ: „Всѣ покою щире прагнуть (всѣ искренно желаютъ спокойствія), А не въ одинъ гужъ всѣ тягнутъ,“ о несогласіяхъ, раздиравшихъ Украину, которая изображена несчастной матерью такъ же точно, какъ послѣ воспользовались симъ образомъ въ обвиненіе самого Мазепы.

* *

4.

Рига.

Рига Стекхолми ⁶⁾ совѣтъ предлагаетъ,
 На льва надежду не повелѣваетъ

¹⁾ Гербъ.—²⁾ Первѣй, первый?—³⁾ Мазеповъ?—⁴⁾ Пребываютъ? Или: „доброта?“—⁵⁾ Если это вѣрно прочтено у г. Пекарскаго, то конечно это ошибка вмѣсто „съ ангельскими.“—⁶⁾ Стокгольму.

Имѣти (гордость нынѣ упразднися,
 Отъ кротости днесъ падши сокрушися):
 «Что ты, Стекхолми, нынѣ помышляешь,
 «Что всуе на льва еще уповаешь?
 «Далече отъ ты зѣло удалися,
 «Въ Турскихъ предѣлахъ жизнь его явися ¹⁾.
 «Не азъ ли, Рига, бѣхъ въ Европѣ славна?
 «И моя крѣпость всѣмъ бысть зѣло явна:
 «Но такъ отъ мене нынѣ есть отъята,
 «Азъ же и сама орломъ воспріята.
 «Днесъ левъ рыдаетъ, погубивши грады,
 «Себѣ не можетъ получить отрады:
 «Аще онъ себѣ помощи не можетъ,
 «То тебѣ кую помощь дати можетъ?
 «Убо, Стекхолми, зри, что нынѣ Рига:
 «Будеши и ты такова жъ верига
 «Скоро носити и подъ орломъ слыти,
 «Чесого весма не можешь избыти.
 «Язъ ты, Стекхолма, нынѣ увѣщаю,
 «Азъ ти во притчу себе предлагаю:
 «Аще во своей гордыни пребудеши,—
 «Какова днесъ азъ, такова ты будеши.
 «Не рцы, молю тя:—Орла не боюся!—
 «Его храбрости зѣло азъ дивлюся.
 «Аще, Стекхолма, хочешь здрава быти,
 «Скоро потщися о мирѣ молити.
 «Аще бо орелъ простретъ свои крѣпъ,
 «Тогда Стекхолма возстенеть:—Увы мнѣ!—
 «Нынѣ не весма еще простираетъ,
 «Твоихъ предѣлъ, благо ти, не достигаетъ.
 «Благъ ти азъ совѣтъ нынѣ предлагаю:

---

¹⁾ Когда тамъ былъ Карлъ: признакъ современнаго той эпохѣ сложенія Канты.

«Орла о мирѣ молитъ совѣщаю.
 «Ты же потщися сіе сотворити,
 «Скоро предвари о мирѣ просити.
 «Аще достигнетъ твоего предѣла,
 «Тамо рекутъ вси:—Гдѣ ся наша дѣла
 «—Гордость, на нюже мы вси уповахомъ,
 «—Отъ льва помощи всуе ожидахомъ?!—
 «Убо, прочее, не превозносися,
 «Аще хочещи, о мирѣ молися.
 «Дастъ намъ Богъ помощь, нанъже уповаемъ,
 «Нашу надежду всю нанъ возлагаемъ,
 «Церкви восточныя въ себѣ поставимъ,
 «Богоматере въ нихъ имя прославимъ,
 «Дабы и въ тебѣ Богъ, въ Троицѣ славимый,
 «Отъ насъ во вѣки былъ превозносимый.»

(Помянутая рукопись Ф. И. Буслаева и другія).

* *

Ничѣмъ такъ ярко не выставляется красота и особенность произведеній народныхъ, какъ ихъ сравненіемъ съ подобными произведеніями книжными.

Банты Петровской эпохи, къ сожалѣнію, доселѣ большею частію не напечатаны и даже не собраны (кроме нашего собранія); сверхъ приведенныхъ имѣются еще: 1) въ честь Меншикова, «Веселися днесь Россійская страна («Именитый князь царскія палаты, Римскій Александръ въ воинствубогатый, Сего трепещутъ Шведски полки многи...»);» при «Ляврей», изд. въ С.П.Б. 1714 г. Кременецкимъ, студентомъ Моск. Академіи и потомъ жившимъ въ домѣ Меншикова, припечатаны стихи «Вся земныхъ роды подвигнемъ трубою;» — 2) въ честь кн. Дмитрія Михайловича Голицына, при «Алфавитѣ духовномъ», Кіевъ, 1713, напечатано на гербѣ Голицыныхъ: «Въ дѣлахъ государскихъ есть явна князей справа (дѣятельность) Голицыныхъ и въ вѣрныхъ нуждахъ всякихъ слава;» — 3) О побѣдѣ Полтавской, при Си-

мансарѣ, въ коемъ развита составленная на торжество служба, неч. въ Черниговѣ 1710: «По отпѣтіи канона, Стани посредѣ амвона, Синжасарь сей велегласно Чти прилежно и опасно, Похвальное извѣстіе, Подѣ Полтавою бытіе» и т. д.;—4) привѣтъ Петру съ сыномъ: «Радостно воскликнемъ, Въ царьску радость викинемъ («Радуйся, нашъ царю, Дивный государю, съ сыномъ благочестнымъ;» «Ты царь величайшій И сынъ твой дражайшій;» между прочимъ и о побѣдахъ надъ Шведами);» одинъ изъ списковъ, отличный впрочемъ отъ нашего, напечатанъ *П. В. Шейномъ* въ «Чтеніяхъ» 1862, кн. 4;—5) то же со внукомъ Петромъ и восхваленіе сему послѣднему: «Веселися, Россія, со отрокомъ преславнымъ, Веселися и со внукомъ, орломъ двоеглавнымъ («Кто ты не блажить, таковаго младенца умна, И кто ты не восхвалить, князя Петра разумна? Нынѣ приидите, млада дѣтище восхвалимъ, Нынѣ приидите, въ радость князя Петра похвалимъ»);» —6) вообще привѣты царю, особенно о побѣдахъ надъ Шведами: а) «Съ радостію ти нынѣ приносимъ аплазвы (applausus);» б) «Воспоемъ пѣснь нову Господеви Богу;» в) «Радуйся, Роско̄ земле, ликуй, веселися, На камени толикомъ (Петрѣ) яко утвердися;» г) «Желати, вповати (уповати) На лукъ Бога силы;» д) «Торжествуй, Марце, Богомъ ополченный: Се супостать лежитъ побѣжденный;» е) «Орле небесный, гвѣздо си покрывый;» ж) «Нова радость въ Россіи нынѣ явися: Шведскій левъ отъ Россійска орла падеся;» —7) моленіе о мирѣ: «Царю Россійскій, войне преславный;» —8) моленіе къ Екатеринѣ, дабы ходатайствовала о мирѣ: «Блажати ты людіе, земная наша мати, Просимъ тебе, дабы намъ милости подати («Просимъ, у императора за миръ пребуди;» «Чтимъ ты за твою честную породу; Нынѣ про милость изыде слава велика; Брасотѣ ея никто подобенъ, толика; Она персона краше всѣхъ сіяеть»);» —9) на вѣзды государя, особенно миръ со Шведами и вѣнчаніе: а) «Воспойте, людіе, органами гласы;» — «Ехидну прокляту со львомъ растерзано;» б) О, коль дивна дѣла Твоя, Царю нашъ и Боже,» — «И врага побѣдитъ съ тобою се азъ желаю;» в) «Радостно блажимъ, Царю, Тя, и Боже,» — «съ тобою, Петре, радостенъ явлюся (припѣвъ: «Хвалимъ орла двоеглавна, Поемъ кавалера

дивна»);» г) «Радуйся, Россіе, радости сказую,» — «Моихъ враговъ покорить поможе;» д) «Преславнымъ гласомъ блажимъ тя, Россія,» — «Россійска орла въ мирѣ пригѣваемъ;» е) «Радуйся, Петре импера- торъ славный, Радуйся, Роскій орель двоеглавный (пригѣвъ: «Миръ, миръ, вивать, вивать, Радуйся, Роско земле, Ликуй и веселися, Шведъ умирися, Вивать, вивать гостю чрезвычайну, Вивать, вивать, въ Сіонѣ воскликнемъ»...);» ж) «Триумфуй, Россія, воине преславный, Егда есть вѣнчанный орле двоеглавный;» з) «Преславна Россійска земле, веселися! Царьская держава, скипетромъ хвалися (пригѣвъ: «Поємъ Господеви, славно прославися, Шведская бо гордость о немъ низ- ложися»);» — и) «Днесь ся въ Россіи распростирай слава, Егда ца- реви дадеся держава;» і) «Радуйся нынѣ, Россіе преславно, Егда дадеся торжество ти славно.» — Болѣе замѣчательно к):

Кто идетъ съ войскомъ, лаврами вѣнчанный,
Съ знаменми побѣдъ гость къ намъ чрезвычайный?
Свѣтлымъ оружемъ предивно украшенъ:

Однакъ не страшень.

Марсово лице: но весьма не ратно,
Все ослабленно, всѣмъ благопріятно,
Яко Фебъ, егда по дождѣ сіяеть,

Любимъ бываетъ,

На что посмотреть, отнюдь не плачетъ,
Но премѣнно ¹⁾ отъ радости скачетъ....

Ты ли таковыхъ чудесь содѣтелю ²⁾,

Ужасе міра и устрашителю,
Отчества отче и усладителю,

Защитителю,

Усмиреннаго міра правителю,
Петре, великій въ мірѣ властителю,
Великихъ большій, Роскій автократоръ,
Императоръ!

¹⁾ Поперемѣнно. — ²⁾ „содителю.“

Ты, во истинну, познаемъ ты ясно:
 Бто бо когда такъ явился намъ красно,
 Бто таковую приносятъ намъ сладость,
 Вѣчную радость?

Покрываютъ ты вѣтви зеленыя,
 Но открываютъ благодѣянiя:
 Яко же солнце—лучи покрываетъ
 И открываетъ.....

Повелѣвая землямъ побѣжденнымъ
 И учрежденнымъ,
 Градомъ, езерамъ, народомъ подбитымъ,
 Островамъ многимъ, синусамъ разлитымъ,
 И Балтицкому, чтобъ не изливало,
 Въ брегахъ бы стало.

Нынѣ же грядеть съ миромъ возвратився,
 Борыстей бремянемъ весь отяготився,
 Все оружіе съ себе ¹⁾ отлагаетъ
 И отдыхаетъ.

Что бо Варяжско море ни имѣло,—
 На его плечахъ возлегло все цѣло....
 На морѣ путь—что птицамъ на воздусѣ—
 Безбѣденъ людемъ, яко же на сусѣ;
 Радостна Цересь раломъ нивы пашеть,
 Вся земля пляшетъ;
 Счастьность въ поляхъ гуляетъ весела,
 Златый дождь свыше орошаетъ села,
 Возстаеть жатва, любя поселяномъ,
 Люба крестьяномъ... и т. д.

То же самое въ печати, съ малыми отмѣнами, въ «Пѣсни при-
 вѣтственной» изд. въ М. 1724, съ Латинскимъ текстомъ, на примѣръ:

¹⁾ У г. Пекарскаго, въ помнѣномъ изданiи, ошибочно „къ себѣ.“

Urbibus, terris, sinibus recuruis,
 Insulis necnon lacubus fretisque,
 Balticum frenans mare, ne insolescat
 Littora versus....
 Nam quid Arctoum mare possidebat,
 Integrum fessis gerit in lacertis....

10) Подобнымъ образомъ въ печати, къ преемнику Мазепы Скоропадскому, на гербъ, тотчасъ за Полтавскою побѣдой, при толкованіи «Молитвы Отче нашъ,» Черниговъ 1709: «Отъ Бога данный гетманъ Три стрѣлы имѣеть Иоаннъ Скоропадскій («Царю Петру вся сила Шведска покоренна»);» а также при «Молитвословцѣ» 1714, Черниговъ: «Иоанаанъ съ Давидомъ Любовъ нелестнымъ съ видомъ Трехъ стрѣлами завѣща(ша) («Иоаннъ Иличъ, вождь вѣрный, Бога любитель безмѣрный»);»—11) на возвращеніе изъ Персидскаго похода и о Дербентѣ, у насъ по рукописямъ, въ печати же «Пѣснь» отъ лица Московской Академіи 1722 года: «Торжественная паки вамъ отрада Спѣшно приходитъ, Россійская чада («Не тако Дарій сильный мнится быти, Благополучнымъ идѣже крѣпिति Зданіемъ началъ Дербеню (въ печати «Дербену») велику, Въ силѣ толкну») ¹⁾».—И т. п.

Всѣ эти Канты происходятъ изъ эпохи Петровской, даже съ точностью годовъ, въ слѣдъ за событіями; но многія изъ нихъ послѣ передѣланы и примѣнены преимущественно къ *Елисаветѣ*; въ семь послѣднемъ видѣ онѣ болѣе извѣстны и печатались даже въ сборникахъ, напр. Добрынина 1799 г.

* * *

---

¹⁾ Въ печати у г. Пекарскаго: „султанъ Узбраенъ стрѣлою,“ у насъ „устроень (*узброенъ*—въ зброѣ, съ оружіемъ стрѣлы);“ тамъ же послѣ словъ „Сыномъ Россійскимъ“ пропущено „вѣсти(дѣль героичныхъ нелестны).“

XXV.

Ладожскій каналъ.

1.

Ахъ далече-далече, въ чистомъ полѣ,
 Расплачется травушка зеленая;
 Унимаешь ее мати земля сырая:

- «Не плачь, не плачь, трава-мурава,—
 5. «Не одной тебѣ въ чистомъ полѣ тошненько,
 «И мнѣ еще того тошнѣ ¹⁾».

- «Какъ ѣхалъ государь-царь изъ подъ Риги,
 «Велѣлъ меня, землюшку, копати,
 «И рвы, и колодези вырывать,
 10. «Ключевую воду испускати ²⁾».

- Кручиненъ доброй молодець, кручиненъ,
 Печаленъ онъ, отецкой сынъ, печаленъ,
 Не отъ радости доброй молодець пострится:
 «Съ великія печали я посхимлюсь,
 15. «Житье-бытье отдамъ я во монастырь,
 «Остатками себѣ келейку поставлю.
 «Во кельи просѣку я три окошка:
 «Я первое окошко—къ Божьей церкви,
 «А другое окошко—во монастырь,
 20. «А третіе окошко—въ чисто поле.
 «Къ Божьей церкви посмотрю ли я,—помолюся;
 «Въ монастырь посмотрю ли я,—спасуся;
 «Въ чисто поле посмотрю я,—заплачу ³⁾:
 «Ахъ свѣтъ ты, моя родимая сторонка!»

---

¹⁾ По приему, который мы уже знаемъ, рѣчь 1-го лица переходитъ къ раз-
 сказу въ 3-мъ.—²⁾ Отселѣ переходъ еще рѣшительнѣй, но пѣсни, къ сожа-
 лѣнію, утративъ историческія черты, связалась съ другими Безъимянными.—
³⁾ Ср. выше пѣсню Евдокіи.

25. «Мнѣ ужь на тебѣ не быватьи,
 «Отца и матери мнѣ не видати,
 «О молодой женѣ и дѣткахъ не слыхати,
 «Весь родъ-племя я позабуду.»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе).

Переходъ отъ частнаго событія, Ладожскаго канала, къ выраженію горя вообще — зависѣлъ отъ того преимущественно, что и начало пѣсни, и конецъ ея о чужой сторонѣ связуются тѣсно съ другими, близкими, разрядомъ „Безъимянныхъ,“ совершенно съ тѣми же началомъ, „Ахъ далече-далече, во истомъ полѣ,“ а сіи послѣднія, въ свою очередь, примыкаютъ къ тѣмъ, кои помянуты выше, „Ахъ ты поле-поле“ или „Ахъ вы горы-горы.“ Все же виѣсть опять сродны со Стрѣлецкими, о гибели Молодца и Козава, ср. еще выше.

*

2.

- По утру-то было ранѣмъ-рано,
 На зарѣ-то было на утренней,
 На восходѣ краснаго солнышка ¹⁾,
 Что не гуси, братцы, и не лебеди
5. Со лузей-озѣръ подымалися:
 Подымалися добрые мѡлодцы,
 Добрые мѡлодцы, люди вольные,
 Все бурлаки понизѡвые
 На каналушку на Ладожскую,
10. На работу государеву.
 Провожаютъ ихъ, добрыхъ мѡлодцевъ,
 Отцы-матери, молоды жены,
 И со малыми со дѣтками.

(Изъ пѣсней, отпечатанныхъ при Живши В. Кавна. 1788, М.).

*

¹⁾ Ср. выше пѣсни съ такимъ же началомъ.

3.

- По утру-то было ранѣмъ-рано,
 На зарѣ-то было на утренней,
 При восходѣ-ста ¹⁾ красна солнышка,
 Что не гуси-ста и не лебеди
5. Подымались со лузей-озеръ:
 Подымались добры мѡлодцы,
 Добры мѡлодцы, люди вольные,
 Всѣ бурлаки-ста понизѡвые
 На канавушку что на Ладожску,
10. На работу-ста государеву.
 Провожаютъ ихъ, добрыхъ мѡлодцевъ,
 Отцы-матери, молоды жоны,
 Молоды жоны да и съ дѣтками,
 Онѣ съ дѣтками съ малолѣтными,
15. Провожаютъ, приговариваютъ:
 «Вы удалые-добры мѡлодцы,
 «Вы бурлаченьки понизѡвые!
 «Поработайте царю Бѣлому,
 «Государю-ста что Московскому:
20. «Наградить васъ царь и пожалуетъ ¹⁾!»

(„Русское Націон. Писмоуваніе,“ 1809; образецъ подправленный книжно).

*

Слѣдующій образецъ, переводъ людей вольныхъ на корабль, связался тѣмъ съ другими, кои у насъ ниже, о Гагаринѣ и Меншиковѣ, но обезображенъ до крайности, едва едва намекал на событіе:

---

¹⁾ Такія-то прибавки считали необходимыми для народнаго „колорита.“

4.

Завела дѣвка шинокъ
 Супротивъ своихъ воротъ,
 Сама вышла на лужокъ,
 Заиграла во рожокъ,

5. Подала дружку слушокъ
 Черезъ зелененькій садокъ,
 Черезъ темненькій лѣсокъ,
 Ко Ванюшкѣ на лужокъ ¹⁾.

- У насъ по морю-морю
 10. Два кораблика плывутъ.
 Какъ на этихъ корабляхъ
 По пятисотъ молодцовъ,
 Государевыхъ гребцовъ:
 Они косятъ и гребутъ,
 15. Во стога сѣнцо кладутъ ²⁾,
 Браву пѣсенку поютъ,
 Разговоры говорятъ,
 Все хозяина брянятъ:
 «Ты р. с. хозяинъ,
 20. «Разканалья с. с.,
 «Здѣсь конавушки порылъ.»»

(Ср. Якушкина 1865 г.).

Въ Малорусскомъ народномъ творчествѣ есть пѣсня, ближайше отвѣчающая саму Огдѣлу, но нѣсколько позже по событію—о работахъ „на лѣнѣ“, а потому см. ее въ слѣдующемъ выпускѣ.

* * *

¹⁾ Это начало отъ другой пѣсни.—²⁾ Изъ другой, хороводной пѣсни, по поводу „молодцовъ“ „я найму себѣ косцовъ“ и проч.

Дѣятельность Петра 1-го и время его, въ первый разъ для Русской исторіи, общимъ своимъ возбужденіемъ и содержаніемъ успѣли, до известной степени, сблизить *народное* творчество съ *личнымъ*, *устное* съ *письменнымъ*: послѣ долговременнаго обособленія, сближеніе это совершилось *внутри* самого творчества и, по закону явленій сего рода, предсказало съ тѣхъ поръ перевѣсъ искусству личному, письменному и книжному. — Также точно во *внѣшнихъ* предѣлахъ творчества, впервые послѣ отдаленнаго единства Кіевского, произошло новое сочетаніе творчества народнаго *Московского*, или *Великорусскаго*, съ *Малорусскимъ*; Думы или Былины Украинцевъ съ того времени понизили предѣ единствомъ *Общерусскимъ*, и козачество, долге питавшее ихъ, оставило отъ себя въ наслѣдство народной фантазіи черты уже не былевья, а лирическія (женскія), не для новой производительности, а только для воспоминанія. — Наконецъ, въ третьихъ, кругъ общенія расширился еще болѣе: съ незапамятныхъ временъ оторванное, только съ эпохи Петровской снова народное творчество *Обще-русское* соединяется съ общимъ *Славянскимъ*, въ лицѣ *Сербовъ*, то есть именно тѣхъ Славянъ, у которыхъ всего больше сохранилась Славянская сила творчества Былеваго; и здѣсь же опять данъ былъ сигналъ для его ослабленія, ибо съ XVIII вѣка замѣтно подорвана творческая производительность у самихъ Сербовъ. Но, пока еще паденія не случилось, мы здѣсь совершенно къ мѣсту обязаны привести нѣсколько примѣровъ сближенія, изъ Былинъ или «Юнацкихъ пѣсней» Сербскихъ, воспѣвающихъ дѣянія Петра и его сподвижниковъ.

XXVI.

1.

(Черная Гора).

Бад Русія с Турцимъ ратоваше,	Какъ Россія ратовала съ Туркѣмъ,
Петар први императоръ Руски	Петръ же первый императоръ Русскій
Оправно посланика свога,	Своего посланика* отправилъ,
Михаила Милорадовитя —	Михаила Милорадовича —

Од старине из Херцеговине,— Родомъ онъ былъ изъ Герцего-
 вины,—
 Да понесе Црной Гори книге, Чтобъ отнесъ онъ Черной Горѣ
 письма,
 Петровиѣ Данилу Владици Петровичу Данилѣ Владыкѣ ¹⁾
 И главаромъ од Горице Црне. И главамъ старѣйшимъ ²⁾ Черно-
 горскимъ.
 У книзи ихъ мило поздравляше Въ грамотѣ любезно поздравлялъ
 ихъ
 И овако нима говораше: И такія рѣчи говорилъ имъ:
 «Ево има доба неколико, «Есть уже довольно тому время,
 «Да воюемъ и да боя биемъ «Какъ воюю и бьюся я боешъ
 «С еретикомъ од Швецие крадемъ, «Со еретикомъ королемиъ Швед-
 скимъ,
 «За обрану краля Полячкога, «Въ оборону короля Поляковъ ³⁾.
 «Кога бранихъ од краля Швеци-
 кога.
 «А онъ мени ⁴⁾ учини неверу «Но король Поляковъ измѣнилъ
 мнѣ,
 «И приступи душманину своеме. «Своему врагу онъ передался.
 «Пакъ я ѣште имамъ издайника, «Я еще предателя имѣю,
 «Као Срби Бранковича Вука, «Какъ и Србы Бранковича Вука ⁵⁾,
 «Издайника жога подложника, «Предателя изъ моихъ подданныхъ,
 «Проклетога Мазепу Ивана, «Проклятого Мазепу Ивана,
 «Воеводу од Русие Мале. «Воеводу изъ Малой Россіи.
 «Ни то мени досадило ние, «Это мнѣ однако не въ досаду
 «Ни войнике мое утрудило,— «И моихъ то войскъ не утрудило,—
 «Ми смо Шведе сретно раштерали, «Шведовъ мы счастливо разогнами,

¹⁾ Митрополиту Данилѣ Нѣгошу, знаменитому тогдашнему правителю Черной Горы: духовная власть смѣнила здѣсь общихъ краемъ Сербскихъ и мѣстныхъ Князей.—²⁾ Капитанамъ, головамъ округовъ.—³⁾ За этимъ стихъ лишній для Русскаго перевода: „Боронилъ его отъ краля Шведовъ.“—⁴⁾ Въ текстѣ перваго издателя „мене.“ — ⁵⁾ Зятя князю Лазарю, измѣнившаго въ Косовскомъ боѣ.

- «Под Полтавом страшно победили,   «Подъ Полтавой страшно побѣди-
ли,
«Юш Мазепу ¹⁾ жива ухватили   «Мазепу живаго ухватили
«И Полячок' повратили краля,   «И вернули короля Поляковъ,
«Да се кае, што е учинио: «Пусть покается, что учинилъ онъ:
«Него ми е Турчин заратно   «Но со мною заратовалъ Турокъ
«И сву силу на ме обратио,   «И на мя всю силу обратилъ онъ,
«Да освети краля од Швецие.   «Да отмститъ мнѣ за короля Шве-
довъ.
«Веть ми каже верна слуга моя,   «А мнѣ молвить мой служитель
вѣрный,
«Вѣрни Саво Владиславлевию—   «Савва Владиславлевиъ мой вѣр-
ный—
«Од Попова из Херцеговине,—   «Изъ Попова, изъ Герцеговины,—
«Да ви славни Црногорци вольни,   «Что вы, славны Черногорцы,
вольны,
«С Турци мира нигда не имате   «Мира съ Туркомъ нивогда вамъ
нѣту
«И да мене помоти можете.   «И что мнѣ вы можете быть въ
помочь.
«Пак ев' ишлем посланика мога: «Своего посланника я шлю вамъ:
«Я се уздам у Бога Вышняго   «Я надѣюсь на Вышняго Бога
«И у мышцу народа Србскога,   «И на мышцу Србскога народа,
«Особито храбра Црногорца,   «Особливо храбрыхъ Черногор-
цевъ,
«Да те мени бити у помоти,   «Что вы точно будете мнѣ въ
помочь,
«Да христьянски народ избавимо   «Да избавимъ мы народъ христь-
янскій
«И Славенско име прославимо,   «И прославимъ Славянское имя,
«Да сломино ярма Агарянска,   «Да мы слошимъ ярмо Агарянско,

¹⁾ Въ текстѣ „Мазепа.“

«Благоверя уздигнемо храме,
 «Омнемо нанешене сраме
 «Од Турчина, сваком душманина,
 «Тло не лижепрах негових стопах.
 «Ви сте с Русма и едного рода,
 «Едне вере, едного езика:
 «Веть сроднии бит' неймамо куда,
 «Кад к'о Руси есте и юнаци.
 «Но скочите кано витезови,
 «Понягните како соколови,
 «Подягните окруже християне,
 «Све юнаке на старе наликє,
 «Пак на Турску землю навалите,
 «Разорайте, штогодєр стигнете,
 «Осваляйте, што више можете,
 «У Стамбола да се састанемо,
 «У Стамбола, оли у Едрену!
 «Наша войска веть е ударила,
 «С Турцим' бие с', нигда не престає.»

Тай послания на Цетине доде,
 Владика га жельно дочекао,

«Православные воздвигнемъ храмы,
 «Омоемъ мы нанесѣнны срамы
 «Отъ Турка, — онъ каждому враждебень,
 «Кто не лижетъ праха стопъ Турецкихъ.
 «Вы съ Русскими единаго рода,
 «Одной вѣры, одного языка:
 «Сроднѣи того нельзя больше быть намъ,
 «Тѣ же Русскіе и молодцы вы.
 «Въ разъ, какъ витязи ¹⁾, вы поднимитесь,
 «Какъ соколы вослягните клякомъ,
 «Возставте вы христіанъ окружныхъ,
 «Всѣхъ юнаковъ, старинъ подобныхъ,
 «На Турску землю навалите,
 «Разорайте, что ни попадется,
 «Осволяйте, сколько можно больше,
 «Да сойдемся вмѣстѣ во Стамбулъ,
 «Во Стамбулъ либо во Едренъ ²⁾!
 «Уже наше ударило войско,
 «Бьется съ Турками, и непрестанно.»

Тотъ посланникъ пришолъ на Цетине ³⁾,
 Владыка желанно его принялъ,

¹⁾ Такъ у Сербовъ называются собственно богатырскіе кони.—²⁾ Адрианополь.—³⁾ Главный городъ Черной Горы.

Црногорце на збор окупио,

Он е нима рјеч говорио:

—Ево, братѣ, кнѣга од Русіе,

—Ево кнѣга, ево и посланик

—Од славнаго цара рѣштынскаго!

—Кнѣга пише и посланик каже,

—Да е Турчин цару заратио.

—Но сад, братѣ, ако Бога знате,

—Сви будемо справни и готови,

—Да рѣштынском цару поможемо

—И да наше крви не жалимо,

—А за наше царство правоверно

—И за нашу веру само-славну!—

Црногорци кад то разумеше,

Сви кликнуше, а единогласно:

««Фала да е Богу Великоме,

««Те смо кнѣге ове виднели

««Од нашега цара Славинскога,

««Славинскога но и рѣштынскаго!

««Ср нѣсмѣ нѣгда помышляли,

Во соборъ онъ собралъ Черногор-
цевъ,

Такову рѣчь онъ говорилъ имъ:

—Вотъ вамъ, братья, грамота съ
Россіи,

—Вотъ вамъ грамота и вотъ по-
слашникъ,

—Отъ славнаго царя христіанска!

—Пишетъ грамота, посланикъ
молвитъ,

—Что, де, Турокъ на царя рать
поднялъ.

—Нынѣ, братья, памятуя Бога,

—Будемъ всё исправни и готови,

—Да поможемъ царю христіанску

—И да нашей крви не жалѣемъ,

—За наше ли царство правосла-
вно,

—За нашу ли вѣру одновѣрну¹⁾!—

Черногорцы, разумѣвши дѣло,

Всѣ кликнули голосомъ единымъ:

««Слава Богу, Великому Богу,—

««Довелось намъ грамоту увидѣть

««Отъ нашего царя отъ Славян-
ска,

««Славянскаго, да еще христьян-
ска!

««Никогда-то мы не помышляли,

¹⁾ Собственно, по тексту, за царство правоверное и вѣру однославную: разумѣется общее съ Русскими царство одной вѣры и общей вѣра—единая славная, право-славная.

- «Те да тежо ми кад доживети,
«Да познамо цара православна;
«Н' ако негде да е у свиету,
«Де он за нас ни чути не може.
«А кад чуо и за наске знаде,—
«Ево наше сабле при поясу,
«Ево наше пушке у рукама!
«Сад и вазда справи и готови,
«Сви еданак ерца веселога,
«На ови час удрити Турцима,
«И што брже, то е нама драже,
«Што ли преде, то е нама сла-
де!»»
- «Что дожить поры той приведется,
«Бажъ узнаемъ царя православ-
на 1);
«Коли есть онъ гдѣ-то тамъ на
свѣтѣ,
«Думали, — ему объ насъ не
слышно.
«А коль слышалъ и объ насъ
онъ знаетъ,—
«Вотъ нашъ поясъ, за поясомъ
сабли,
«Вотъ же руки, вотъ же наши
ружья!
«Въ разъ и въ вѣкъ исправны
и готовы,
«За едино всё веселымъ серд-
цемъ,
«Тотчасъ же ударити на Турокъ,
«И что ближе, то намъ и дороже,
«Что ли прежде, то намъ еще
слаще!»»

Владика е ово саслушао,
И Владика, и посланик сретни,
Цара книге преписати даше,
Пак преписе Владика оправля
Уза свое книге на све стране,

У сву Босну и Херцеговину,
У сва Брда и у Зету плодну,

Владыка же выслушалъ все это,
И Владыка, и посолъ счастливый,
Царску грамоту переписать велѣли,
Списки эти, съ письмами своими,
Владыка справляетъ на всё стра-
ны,
На всю Босну и Герцеговину,
На всё Берда 2) и во плодону
Зету,

1) Степени: царя не только Славянскаго (надъ Славянами), но и хресті-
анскаго, притомъ не католическаго и не магометанскаго, а православнаго. —

2) Болѣе возвышенная часть страны.

Да христяни подигну оруже,
 Да се с Црном Гором саедине;
 Иза тога призива главаре,
 А главари войску подигнули,
 Опалише села и вароше,
 Око бела Оногошта града,
 Око Спужа, око Подгорице
 И около града Жаблячкога:
 Затворише у градове Турге,
 А христяне себе присвоише.

Да ти беше виднети, побре,

Бако с' она войска умлажава!

Бако трче Брдјани юнаци,
 Херцеговци и млади Зетјани,
 Под барјаке цара Русинскога,
 Да се здруже с войском Црно-
 горском!

Не би река', драги побратиме,
 Да се иде с Турцим' боя бити,—
 Но на игру, хладно випо пити
 И веселе песме запевати!

Но веселе ово не трајало,
 Н' ако само месец и по дана:

Него се е брзо обратило
 На Србальску жалост и несретју.
 Ср бо худи гласи допадоше,—

Да христяне поднимуть оружье,
 Да соединятся съ Горой Черной;
 Послѣ того старшихъ призываетъ,
 Старѣйшины подняли все войско;
 Попалили города и сѣла,
 Вокругъ Оногѣста, бѣла-града,
 Вкругъ Жабляка, Подгорицы, Спу-
 жа:
 Заперли въ твердыняхъ градскихъ
 Турокъ,

А крестьянъ ¹⁾ въ союзъ себѣ за-
 брали.
 Эхъ, братъ, посмотрѣть бы тебѣ
 было,

Какъ ростеть и множитъя то вой-
 ско!

Какъ спѣсать и Бердяне юнаки,
 Герцеговцы, молоды Зетјане,
 Подъ знамена царскія Россіи,
 Въ одну купу съ войскомъ Черно-
 горскимъ!

Не сказалъ бы, дорогой пріятель,
 Что идѣтся это въ бой Турецкій,—
 Но на игры, пить вино прохладно
 И весѣлы пѣсни запѣвати!

Да не долго длилося веселье,
 Всего счетомъ мѣсяць съ полови-
 ной:

Скоро оно, скоро обернулось
 На Сербское горе и бездолье.
 Ибо злыя вѣсти приходили,—

¹⁾ Въ текстѣ „христяне“ но это именно то же понятіе, что въ имени нашихъ „крестьянъ“—жители полей внѣ города, по деревнямъ.

Да се Петре с Турцим' умирио,— Петръ Россійскій помирился съ
Туркомъ —

Не по воли, него по неволи, Не по волѣ онъ, а по неволѣ,
Што га беху Турци опколели Его Турки кругомъ окружили
Близу Прута студене ривке, Близу Прута близь рѣки студеной,
Тер му помоть доти не могаше, Въ нему помощь не могла добрать-
ся,

Ни остало, што е войсци нужно. Ни прочее все, что войску нужно.
Ове гласе када разумеше Въсти эти какъ только узнали
И Владика, и сви Спасолюбци, И Владика, и всѣ Спасолюбцы ¹⁾,
Уплакасе мало и велико, Восплакалъ тутъ и старый, и мал-
ый,

Свак жаляше рштитянского цара. Всякъ жалѣлъ тутъ царя кресті-
апска ²⁾.

Михаило поде у Русию, Милорадовичъ пошелъ въ Россію
А остави у рат Черногорце. И оставилъ въ рати Черногорцевъ.

Бако тадер, тако и досадер: Бакъ тогда, ведется тожъ доселѣ:
Вино пию, с Турцима се бию, Пьютъ вино, да съ Турками вою-
ють.

И бранитес', док еднога има, До послѣдняго ихъ будетъ оборона
Од свагога, толи од Турчина, Противъ всякого, а паче Турка,
А своего двойног' душманина, Противъ ихняго врага двойнаго,
Душманина вере и слободе. Врага ихней вѣры и свободы.
Ние сенка слога Црногорска: Не тѣнь одна союзъ Черногорскій:
Нейма тога, троб их уярмио, Еще нѣтъ того, кто бъ объярмилъ
ихъ,

Тол' их отле некудъ призаймо! А подавно ихъ исторгъ о тсюда!

(Изъ „Исторіи Черной Горы“ С. Милутиновича, Вѣлградъ, 1835: въкоторыя выраженія отъиваются книжностью и потому неточно самое правописание словъ.—Подобныхъ пѣсенъ можно довольно встрѣтить еще у Чубра Чойковича, Будимъ 1833, изд. Миловука; въ собственномъ изд. Чойковича, Лейпцигъ 1837; и др.).

* * *

¹⁾ Ревнителі Спасовой вѣры и спасенія отчизны.—²⁾ Замѣчательная деликатность въ оправданіи Петра и жалость о немъ, не о себѣ, когда Черногорцы были оставлены лицомъ къ лицу со страшною силою метительныхъ Турокъ.

XXVII.

Петръ Первыйъ кончается.

1.

(Губ. Сибирской, село Станичное).

- Во славномъ городѣ во Сан-питерѣ
 Стояли палаты бѣлокаменные,
 Во тѣхъ во палатахъ бѣлокаменныхъ
 Состроена тутъ кроватушка тесовая,
 5. На кроватушкѣ изголовьице точёное,
 Точёное, позолоченое,
 На изголовьицѣ подушечки шелковыя,
 Шелковыя и парчѣвыя,
 На подушкахъ одѣяло соболиное
 10. Того соболя Сибирскаго,
 Подъ одѣялечкомъ лежитъ удалый-добрый молодецъ,
 Удалъ-добрый молодецъ, нашъ православный царь,
 Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
 Передъ нимъ стоятъ всѣ князья-бояре,
 15. Всѣ старшіе фельдмаршалы.
 Возговорятъ всѣ князья-бояре,
 Всѣ старшіе фельдмаршалы:
 «Тебѣ, видно, худо можется,
 «Худо можется, конецъ близится.
 20. «На кого ты свое царство приказываешь,
 «На кого ты свое государство откажываешь?
 «Кому у насъ будетъ сенать судить,
 «Кому у насъ владать каменною Москвой,
 «Каменною Москвой, всей Россією?»
 25. Какъ не золотая трубонька вострубила,
 Какъ не серебряная сиповочка возыграла,
 А возговорилъ нашъ батюшка православный царь,
 Православный царь Петръ Алексѣевичъ:

- Сенать судить вамъ, князьямъ—боярамъ,
 30. —Каменна Москва и Россія вся моеи государынь.—
 Услыхала государыня,
 Изъ палатъ идетъ,—сама вопить:
 «О ты гой еси, мой милъ—сердечный другъ,
 «Православный царь Петръ Алексѣвичъ!
 35. «На кого ты свое царство приказываешь,
 «На кого ты свое государство отказываешь?»
 Не золота трубонька вострубила,
 Не серебряная сиповочка возыграла,
 Анъ возговорить нашъ православный царь,
 40. Православный царь Петръ Алексѣвичъ:
 —Сенать судить князьямъ—боярамъ,
 —Всѣмъ старшимъ фельдмаршаламъ;
 —Каменная Москва тебѣ, моя государыня,
 —Каменная Москва и Россія вся.—

(Отъ Языкова).

*

2.

(Съ Урала).

- У насъ, братцы, было на святой Русь,
 На святой Русь, въ каменной Москвѣ,
 На тѣмъ на дворцѣ государевомъ,
 Стояли тутъ палаты бѣлокаменны,
 5. Бѣлокаменны палаты горновитыя ¹⁾;

¹⁾ Грановитыя. Производство слова двоятся: 1) отъ *грамъ*—гранёныя (по камню), каково отличие и по нынѣ въ Грановитой палатѣ Кремлевской; 2) отъ *громо* (видоизмѣненіе—*зерно*)—кругъ приближенныхъ, средоточіе придворныхъ, толпа свиты съ центромъ для государя (какъ у Западныхъ Славянъ); *грѣда*, *грѣдла* и *грѣдѣба*, извѣстныя по лѣтописямъ и древнимъ Былинамъ, примыкаютъ сюда же (*гродмо*), хотя и дальше.

- Во тѣхъ во палатахъ бѣлокаменныхъ
 Стояла тутъ кроватушка тесовая,
 Разостлана на ней перинушка пуховая,
 Поставлено взголовьице высокое,
 10. Положена подушечка парчевая,
 Раскинуто одѣяло соболиное.
 Лежитъ надежда православный царь,
 Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичъ.
 Не золотая трубынья вострубила,
 15. Не серебряна синовочка возыграла,
 Что возговоритъ надежда православный царь,
 Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичъ:
 —Охъ вы гой еси, князья со боярами,
 —Всѣ старшіе, любезные фельдмаршалы!
 20. —Вы пѣте—вы ѣдите готовое,
 —Цвѣтное платьѣ вы носите припасенное,—
 —Ничего вы не знаете—не вѣдаете:
 —Мнѣ же, царю, худо можется,
 —Худо можется мнѣ, царю, конецъ идѣть.—
 25. Не красное солнышко восходило,—
 Бѣлокаменна палата отворялася,
 Благовѣрная царица показалася,
 Ложилася царю на бѣлую грудь:
 «Охъ ты гой еси, надежда православный царь,
 30. «Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичъ!
 «Кому же ты Россіюшку приказывашь?»
 —Сан-Петербургъ приказанъ фельдмаршалу,
 —Каменная Москва приказана тебѣ, царица православная,
 —Царевичу приказана вся имперія.—

(Отъ В. Н. Далъ).

* *

Смерть государя.

1.

(Губ. Саратовской).

- Померъ, померъ нашъ батюшка, православный царь,
 Померъ онъ, переставился.
 На кого ты, батюшка, обузшки покинулъ:
 Какъ и первую обузшку—мать Россеюшку,
 5. Какъ другую-то обузшку—молодыхъ солдатъ,
 Какъ и третью-то обузшку—бѣлокаменны палаты?
 Какъ и эти палаты стоять растворены,
 Въ этихъ палатахъ золота гробница,
 У этой гробницы стоять попы-патриарки ¹⁾,
 10. Они служатъ и читаютъ—память отиввають.

(Запис. А. Н. Паскалову; ср. Изв. А. Н.).

*

2.

(Оттуда же).

- Какъ у насъ было, братцы, на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 У Ивана у Великаго; у собора у Успенскаго,
 Ударили въ большой колоколь,
 5. Раздается звонъ по матушкѣ по сырой землѣ:
 Померъ, померъ у насъ, братцы, Бѣлый царь,
 Бѣлый царь, Петръ Первый ²⁾.
 Возговорять его слуги вѣрные, генералушки,
 Генералушки, чиновны господа:
 10. «Состроимъ мы своему Царю Бѣлому гробницу кипари-
 сову,

---

¹⁾ Черта отъ старины.—²⁾ Алексѣевичъ?

«Увьёмъ мы ее, гробницу, плицомъ—бархатомъ,
 «Унесёмъ мы своего Царя Благо за Неву рѣку,
 «Поставимъ мы его гробницу во сыру землю,
 «Засыплемъ ее съ горъ желтымъ пескомъ.»»

(Костомар. в Мордовц., ср. „Утоп. Р. А. в Др.“).

* *

Плачь государыни.

1.

- Какъ ударили въ большой колоколъ
 Въ Соборъ да Петропавловскомъ,
 Что за правомъ—то за крыдосомъ,
 У гробницы государевой,
5. Государя Петра Перваго,
 Тутъ стояла честная вдова,
 Честная вдова государыня,
 Катерина Алексѣевна;
 Со слезами Богу молилась:
10. «Ужь ты встань, встань, благовѣрный царь,
 «Благовѣрный царь Петръ Алексѣевичъ!
 «Посмотри ты на свою армию
 «И на конную на всю гвардію:
 «Всѣ солдатушки во походъ идутъ,
 15. «Барабаннички въ барабаны бьютъ.»

(Запис. П. В. Кир.).

*

2.

(Съ Урала).

- По морю было Черному,
 По тому морю было по Турецкому,
 Возлѣ бережку, возлѣ краюшку,
 Возлѣ было камѣшенка зелѣнаго,
5. У прѣсади было лебединой ¹⁾,
 Тутъ бѣлая лебедушка жалко воскликнула,—
 Милосердна наша государыня слезно восплакнула,
 Припадала она къ матушкѣ ко сырой землѣ:
 «Разступися, мать сыра земля,
10. «Откройся, гробова доска,
 «Распахнися, бѣль-миткалѣнъ саванъ,
 «Возстанъ, нашъ батюшка, православный царь,
 «Всея Россіюшки самодержецъ, Петръ сынъ Алексѣевичъ!
 «Всѣ графы-генералы измѣну сдѣлали,
 15. «Царски знамена врагу приклонились,
 «Россійску армеюшку во полонъ взяли.»

(Отъ В. И. Дала).

* *

Плачь войова.

1.

(Губ. Саратовской).

Охъ ²⁾ ты ягодка самородинка,
 Распрекрасное мое деревцо!
 Ты когда взошла, когда выросла,
 Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?

¹⁾ Такъ старается творчество восполнить точное описаніе отдаленной и забытой мѣстности; по сравненію вопившей государыни съ лебедью, создается и пристань, куда присаживаются лебеди.—²⁾ Разморъч. Костомар. в Мордовц. „Ахъ.“

5. —Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
—Я зарей цвѣла, солнцемъ вырѣла.—
Охъ ты ягодка самородника,
Распрекрасное мое дерево!
Ты почто рано позаломана,
10. Во пучечки перевязана,
По дикой степь ¹⁾ поразбросана,
До того ли села Шереметева ²⁾,
До того ли дворца государева,
До того ли крыльца воскрашонаго ³⁾?
- У того ли дворца ⁴⁾ государева,
У крыльца было ⁴⁾ воскрашонаго,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ.
Призобилъ онъ рѣзвы ноженки по самы сапоженки ⁵⁾,
15. Бѣлы рученьки по самыя кѣстыньки ⁶⁾.
Стоючи—то онъ призадумался,
Призадумавшись слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ—что рѣка льется,
Ужъ и слѣзы льютъ ⁷⁾—что ручьи ⁸⁾ текутъ,
20. Воздыхаетъ онъ—словно лѣсъ шумить,
Возрыдаетъ онъ—ровно громъ гремитъ.
Возрыдаючи онъ возговоришь ⁹⁾:
«Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйныя ¹⁰⁾,
«Разнесите съ небесъ снѣжки ¹¹⁾ бѣлые,
25. «Растолкните, вѣтры, бѣль-горючъ камень,
«Расшатайте—ка мать сыру землю
«Вы на всѣ на четыре стороны ¹²⁾,
«Расколите, вѣтры, гробову доску,

¹⁾ Разморьч. „По дороженькѣ.“—²⁾ Связь сего съ эпохою Петра понятна изъ предшествующихъ пѣсень.—³⁾ Краснаго.—⁴⁾ Кост. и Морд. „У дворца то было;“ „У крыльца было.“—⁵⁾ „Что по самы по сапоженки.“—⁶⁾ „кѣстыньки.“—⁷⁾ Льетъ?—⁸⁾ Кост. и Морд. „ключи.“—⁹⁾ У нихъ же: „Жалобнѣхонько слово вымолвилъ.“—¹⁰⁾ „Вѣтры-вихори.“—¹¹⁾ „Съ полей,“ „Съ поля снѣги.“—¹²⁾ „сторонушки.“

- «Разверните вы золоту парчу,
 30. «Распахните вы бѣль-тошкой савань!
 «Ужь ты встань-проснись, православный царь ¹⁾,
 «Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
 «Подыми ты свою головушку,
 «Посмотри на свою силушку:
 35. «Твоя силушка во строю стоитъ,
 «Во строю стоитъ—не шелѡхнется,
 «По военному она обучается,
 «На войну она отлучается ²⁾»

(Запис. А. Н. Пасхаловою, развор. Кост. и Морд.).

* *

Такое начало со „Смородником“ принадлежит исключительно плачу по Петрѣ (ранѣе его смерти); прочія, съ „Мѣсяцемъ“, слѣдующія за нимъ, начинаются съ Ивана Васильевича и продолжаются позднѣе:

2.

(Губ. Калужской, у. Боровскаго, село Слобода).

- Ахъ ты батюшка, свѣтѣль мѣсяцъ!
 Что ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому и не по прежнему,
 Закрываешься тучей тѣмною?
5. Что у насъ было на святой Руси,
 Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
 Во соборѣ Петропавловскомъ,
 Что у праваго у крылоса,
 У гробницы государевой,
 10. Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.

¹⁾ „вашъ батюшка.“—²⁾ „Тебя она дожидается,“ или „Подъ Пруцкаго короля вѣтъ подмоги безъ тебя;“ Кост. и Морд. „На войну она снаряжается“

- Стоючи онъ призадумался,
 Призадумавшись онъ плакать сталъ,
 И онъ плачетъ—что рѣка льется,
 Возрыдаетъ—что ручьи текутъ,
15. Возрыдаючи онъ вымолвилъ:
 «Ахъ ты матушка, сыра земля,
 «Разступись ты на всѣ стороны,
 «Ты раскройся, гробова доска,
 «Развернися ты, золота парча,
20. «И ты встань—проснись, православный царь,
 «Посмотри, сударь, на свою гвардію,
 «Посмотри на всю армію:
 «Что всѣ полки во строю стоятъ,
 «И всѣ полковнички при своихъ полкахъ,
25. «Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
 «Всѣ маіорушки на добрыхъ коняхъ,
 «Капитаны передъ ротами,
 «Офицеры передъ взводами,
 «А прапорщики подъ знаменами,—
30. «Дожидають они полковничка,
 «Что полковничка Преображенскаго,
 «Капитана бомбардирскаго ¹⁾»

(Запис. П. В. Кар. отъ 70-ти лѣтней старухи Катерины Андреевны).

*

3.

(Съ Урала).

Охъ ты батюшка, свѣтелъ мѣсяць,
 Чтò ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому, не по прежнему?

¹⁾ Т. е. Петра 1-го.

- Какъ у насъ было на святой Русѣ,
 5. На святой Русѣ, въ каменной Москвѣ,
 Во соборѣ Петропавловскимъ,
 Какъ у праваго было крылосу,
 Молодой сержантъ на часахъ стоялъ.
 Онъ и плачетъ—какъ рѣка льётся,
 10. Возрыдаеть—какъ ключи шумять:
 «Ты воскресься, гробова доска,
 «Распахнися, золота парча,
 «Охъ ты встань—проснись, православный царь!
 «Твоя силушка во строю стоитъ,
 15. «Твой любимый полкъ въ походъ пошоль,
 «Въ походъ пошоль—подъ Азовъ городъ.»

Мы стояли подъ Азовомъ ровмо три годочка...

(Отъ В. И. Дала).

Не кончено. Начинался переходъ къ разсказу о взятіи Азова, подобно какъ при смерти Ивана о Казани, ср. выш. 6-й.

*

4.

- Ахъ ты батюшко, свѣтѣль мѣсяцъ!
 Чтò ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому и не по прежнему,
 Все ты причешься за облаки,
 5. Закрываешься тучей темною?

- Что у насъ было на святой Руси;
 Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
 Въ(во) соборѣ Петропавловскомъ,
 Что у праваго у крылоса,
 10. У гробницы государевой,
 Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.

- Стоючи онъ призадумался,
 Призадумавши(сь) онъ плакать сталъ,
 И онъ плачетъ—что рѣка льстя,
 15. Возрыдаетъ—что ручьи текутъ,
 Возрыдаючи онъ вымолвилъ:
 «Ахъ ты матушка, сыра земля,
 «Разступися ты на всѣ стороны ¹⁾,
 «Ты раскройся, гробова доска,
 20. «Развернися ты, золота царча,
 «И ты встань—проснись, православный царь!
 «Посмотри, сударь, на свою гвардію,
 «Посмотри на всю армію:
 «Уже всѣ полки во строю стоятъ,
 25. «Всѣ полковники при своихъ полкахъ,
 «Подполковники на своихъ мѣстахъ,
 «Всѣ маіоры на добрыхъ коняхъ,
 «Капитаны передъ ротами,
 «Офицеры передъ взводами,
 30. «А прапорщики подъ знаменами;—
 «Дожидаютъ они полковника,
 «Что полковника Преображенскаго,
 «Капитана бомбандирскаго.»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

*

Этотъ образецъ—самый близкій къ народному и господствующему; ср. у насъ № 3-й. Но въ тѣхъ же пѣсенникахъ помѣченъ другой, болѣе подправленный и дополненный рукою книжника (это указано у насъ курсивомъ):

¹⁾ Этотъ стихъ, съ нѣсколькими предыдущими, очевидно подправленъ, ибо не умѣя прочесть или раздѣлить склада въ рукописи: случай обыкновенный у Чулкова и Новикова, первый самъ признается въ томъ (предисловіе).

5.

- Ахъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяць!
 Чтѣ ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому и не по прежнему,
 Что со вечера не до полуночи,
 5. Со полуночи не до бѣла свѣту,
 Всѣ ты прячешься за облаки,
 Закрываешься ¹⁾ тучей темною?

- Что у насъ было на святой Руси,
 Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
 10. Во соборѣ Петропавловскомъ,
 Что у праваго у клироса,
 У гробницы государевой,
 У гробницы Петра Перваго,
 Петра Перваго Великаго,
 15. Молодой сержантъ Богу молится.
 Самъ онъ плачетъ—какъ рѣка льется,
 По кончинѣ вскорѣ государевой,
 Государя Петра Перваго ²⁾;
 Въ возрыданьѣ ³⁾ слово вымолвилъ:
 20. Разступись ты, мать сыра земля,
 Что на всѣ четыре ⁴⁾ стороны,
 Ты раскройся, гробова доска,
 Развернись, золота парча,
 И ты встань—пробудись, государь,
 25. Пробудись, батюшка православный царь!
 Погляди ты на свое войско милое,
 Что на милое и на храброе:

---

¹⁾ У Сахарова „для разнообразія:“ „Укрываешься.“—²⁾ Сахаровъ не умѣлъ отличить даже и этой поправки: такъ у него и напечатано.—³⁾ У Чулкова „Въ возрыданье:“ такъ оставилъ и Сахаровъ, — вотъ образецъ его свѣдѣній.—⁴⁾ У Сахарова „для разнообразія:“ „Что на всѣ ли на четыре.“

Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ обезсильли.

(Пѣс. Чулковскій и Новиковскій).

*

Образецъ, какъ и слѣдовало ожидать, всего болѣе понравился позднѣйшимъ писателямъ и Сахарову. Передѣлки Н. Н. Дмитриева шагнули еще далѣе:

6.

Ахъ ты батюшка, свѣтель мѣсяць!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не со вечера до полночи,
Не съ полночи до бѣла свѣта?
5. Все ты прячешься за облаки
И мелькаешь изъ за темныхъ тучъ.

Во соборъ Петропавловскомъ,
На рукѣ правой у крылоса,
У гробницы государевой,
10. У гробницы Петра Перваго,
Воздыхаетъ молодой сержантъ
И слезами обливается,
По кончинѣ государевой,
И рыдаючи возговорилъ:
15. «Разступися, мать сыра земля,
«Ты раскройся, гробова доска,
«Развернися, золота парча,
«Пробудися, встань, нашъ батюшка,
«Православный царь, Великій Петръ!
20. «Взглянь на войско свое милое,
«На усердное и храброе:
«Безъ тебя мы осиротѣли,
«Осиротѣвъ сокрушаемся.»

(Пѣсенникъ Н. Н. Дмитриева).

* *

Возвращается къ народнымъ:

(Губ. Саратовской).

- Ахъ ты батюшка, свѣтѣль мѣсяцъ!
 Чтò ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому, не по прежнему,
 Не во всю землю свято-Русскую,
 5. Чтò со вечера не до полночи,
 Со полуночи не до бѣла свѣта,
 Все ты прятешься за облаки,
 Закрываешься тучей тёмною?

- Какъ у насъ было на святой Руси,
 10. Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
 У дворца было государева,
 У крыльца было воскрашеннаго,
 Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.
 Стоючи—то онъ призадумался,
 15. Призадумавшись слезно плакать сталъ.
 И онъ плачетъ—какъ рѣка льется ¹⁾,
 Возрыдаетъ—ровно громъ гремитъ.
 Въ возрыданьи онъ слово вымолвить ²⁾:
 «Вы подуйте съ горь, вѣтры буйныя,
 20. «Разнесите вы снѣги ³⁾ бѣлыя,
 «Разступись ты, мать сыра земля,
 «Развались ⁴⁾ ты, бѣль-горючъ камень,
 «Расколись ты, гробова доска,
 «Развернись ты, злата парча,
 25. «Распахнись ты, бѣль-тонкой саванъ,
 «Ужъ ты встань-проснись, православный царь.

---

¹⁾ Кост. и Морд. прибавлены краски, какъ въ образцахъ выше.—²⁾ „Возрыдаючи онъ возговорилъ,“ ср. выше.—³⁾ „снѣжки.“—⁴⁾ Прибавлено вездѣ, для склада, ка.

- «Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
 «Посмотри, сударь, на свою гвардію,
 «Посмотри на всю армяюшку.—
30. «Хорошо твоя армяюшка обряжена:
 «Всѣ полковнички во своихъ полкахъ,
 «Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
 «Всѣ маіоры на добрыхъ коняхъ,
 «Капитаны передъ ротами,
35. «Офицеры передъ взводами.
 «А прапорщики подъ знаменами,—
 «Дожидаютъ они полковничка,
 «Что полковничка Преображенскаго,
 «Капитана бомбандирскаго.»

(Запис. А. Н. Пестелевою, ср. Изв. А. Н., потомъ Костомар. и Мордовц.).

* *

Слѣдующіе образцы теряютъ начало, но замѣчательны внутренними народными чертами:

8.

(Губ. Московской).

- Какъ у насъ было на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 Въ каменной Москвѣ, въ Кремль въ славномъ городѣ,
 У собора было у Успенскаго,
 5. У Ивана было у Великаго,
 Молодой солдатъ на часахъ стоитъ,
 На часахъ стоитъ, Богу молится,
 Богу молится, низко кланяется,
 Онъ и плачетъ—что рѣка льется,
 10. Съ возрыданьемъ—што волна бьется.
 Выходилъ—ли самъ Голицынъ князь,
 Закричалъ своимъ громкимъ голосомъ:

- Ужь ты ей ли, молодой солдатъ,
 —Молодой солдатъ, полковой сержантъ!
15. —Ты й о чемъ плачешь, о чемъ слёзы льешь?—
 «Ну и какъ же мнѣ не плакати,
 «Ну и какъ же мнѣ горькихъ слезъ не лить?
 «Что померкъ, померкъ нашъ свѣтъль швѣтъль,
 «Потемнѣло солнце красное,
20. «Потяжелѣла служба царская:
 «Что не стало въ насъ царя Бѣлаго,
 «Царя Бѣлаго, Петра Перваго!
 «Подымайтесь вы, буйныя вѣтры,
 «Разсыпьте же вы, желтыя пески,
25. «Ты откройся, гробова доска.
 «Развернися, золота парча.
 «Ты встань—проснись, ты нашъ батюшка,
 «Ты нашъ батюшка, православный царь,
 «Погляди—ка ты на всю армію,
30. «На всю армію, свою гвардію:
 «Какъ и всѣ полки во строю стоятьъ.»

(Запис. П. В. Кир.).

*

9.

(Тульск. губ. и Тульск. уѣзда).

- Какъ у насъ было на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 Въ Петропавловской славной крѣпости,
 Засажены были добры молодцы.
5. Все солдатюшки, все гвардейщички.
 За единое они думу думали:
 «Что не стало—то нашего батюшки,
 «Нашего батюшки, царя Бѣлаго;

«Царя Бѣлаго, Петра Перваго!

10. «Безъ него все царство помутилося.»»

У Ивана было у Великаго,
У собора было у Успенскаго,
Какъ ударили въ большой кѣлкъ,
Чтобы слышно было по всей Москвѣ,

15. По всей Москвѣ, по всей арміи,
По всей арміи, по всей гвардіи;
Какъ и взглянули на большой дворець:
Государыня ходитъ въ чорномъ платъницѣ.

(Запис. П. В. Кир. отъ солдата, въ Новгородѣ, 11 Сент. 1834 г.).

*

10.

(Губ. Моск., у. Звенигор., Воронки).

У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
У Ивана было у Великаго,
Стоялъ тутъ кипарисный гробъ,

5. Во гробу лежитъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
Онъ крѣпко спитъ—не пробъснется,
Въ головахъ у него стоитъ старѣй сержантъ,
Онъ и плачетъ—что рѣка льется,

10. Во слезахъ онъ слово вымолвить:
«Батюшка нашъ, православный царь,
«Православный царь, Петръ Алексѣевичъ!
«Что ты крѣпко спишь—не пробъснешься;
«Не пробъснешься, не пробудишься?

15. «Вся наша силушка побитая,
«Побитая, порастѣряна.»

(Запис. П. В. Кир. 1833 г.).

*

11.

(Тамъ же).

- Какъ у насъ было на святой Руси,
 Въ славномъ городѣ было во Москвѣ.
 У собора было у Успенскаго,
 Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
5. Во рукахъ ли онъ ружье держалъ,
 Богу молится, самъ слезо плачетъ,
 Онъ штыкомъ бьетъ объ мать сыру землю:
 «Разступись—раздѣлись, мать сыра земля,
 «Ты откройся—ка, золота парча!
10. «Православный Петръ Алексѣевичъ,
 «Погляди—т—ка ты на свою армію,
 «На свою армію, на свою гвардію: •
 «Наша армія во строю стоитъ,
 • «Во рукахъ ружья держатъ, сами слезно плачутъ:
15. —Аль, ребяташки, у васъ провянту ¹⁾ нѣтъ?—
 ««Провянту нѣтъ, сухарей не стаѣтъ.»»

(Запис. П. В. Кир. 19 Авг. 1832 г.).

* *

12.

- Какъ во городѣ во Питерѣ,
 Во столицѣ государевой,
 Что въ Соборѣ Петропавловскомъ,
 У гробницы Петра Перваго,
5. Молодой сержантъ на часахъ стоялъ,
 На часахъ стѣя призадумался

---

¹⁾ Провянту.

- И въ раздумьи горько плакать сталъ,
Въ горячѣхъ слезахъ слово вымолвилъ:
«Ты ударь въ набатъ, вромкой колоколъ,
10. «Простони круюмъ, мать сыра земля,
«Распахнись-ка ты, золотой покровъ,
«Ты откройся-ка, гробова доска,
«Изъ вробницы встань, Русской Бѣлой царь!
«Ты взгляни-ка, царь, радость ввардиъ,
15. «Какъ полки твои во строю стоять,
«Опустивъ на врудь свои головы!
«Что не царь нами теперь властвуетъ.
«И не Русской князь отдаетъ приказъ,
«А командуетъ, потышается,
20. «Злой тиранъ Биронъ изъ Нѣмечины.
«Встань-проснись, царь, наше солнышко,
«Хоть одно слово полкамъ вымолви,
«Прикажи весь соръ метлой вымести
«Изъ престольнаго вграда Питера,
25. «Поведи ты насъ въ Прусски области,
«Мы научимъ ихъ уму-разуму.»*

(Запис. г. Минаевымъ. Мелодраматическія черты, книжныя выраженія и искусственныя патриотическія тенденціи отличены у насъ курсивомъ. До открытія другаго подлинника, больше чѣмъ сомнительно).

* *

Въ слѣдующихъ народныхъ образцахъ потеряно самое имя и потому они привѣняются часто къ позднѣйшимъ государямъ и государынямъ:

13.

(Воронин).

Какъ у насъ было на святой Руси,
Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ,
У Ивана у Великаго,
Въ большой колоколъ зазвѣнили.

5. Молодой маіоръ пошолъ ко заутрени,
 Не дошедши собора Богу молится,
 Богу молится, въ землю кланяется:
 «Создай, Господи, тучу грозную,
 «Тучу грозную, непронóсную!
10. «Подымитесь, вѣтры буйные,
 «Разнесите съ горъ желты пески,
 «Своротите бѣль-горючь камень!
 «Встань-проснись, православный царь!
 «Безъ тебя царство помутилось,
15. «Всѣ солдатушки разбѣжались.
 «Отъ чего они разбѣжались?
 «Отъ того они разбѣжались:
 «Караулы стали крѣпкіе,
 «Перемѣны стали рѣдкія,
20. «А мундиры зелѣные,
 «А морозы студѣные,
 «А сапожки-то на босѹ ножку ¹⁾»

(Запис. П. В. Кир. 23 Іюля 1833 г.).

*

14.

(съ Урала).

- Охъ ты батюшка, свѣтѣль мѣсяцъ!
 Чтѣ ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому, не по прежнему,
 Всѣ ты прячешься за ѳблака,
 5. Покрываешься темной тучею?

Какъ у насъ было на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,

---

¹⁾ А сапожки—на босы ножки.

- У собора было у Успенскаго,
У праваго было кѣлроса ¹⁾,
10. У честной—хвальной у заутрени,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ,
На часахъ стоитъ, Богу молится,
Онъ и плачетъ—какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ—какъ ключи шумятъ:
15. «Ты возмой, возмой, туча грозная,
«Ты пролей, пролей, часть—силёнъ дождикъ,
«Возмочи ты мать сыру землю,
«Разступися, мать сыра земля,
«Ты раскройся, гробова доска,
20. «Распахнися, золота парча,
«Охъ ты встань—проснись, православный царь!
«Твоя армія во строю стоитъ,
«Твой любимый полкъ во походъ пошелъ,
«Во походъ пошелъ во ину землю.»

(Отъ В. Н. Дала).

15.

- Ахъ ты батюшка, свѣтѣлъ мѣсяць!
Что ты свѣтишь не по старому,
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта?
5. Во Московскомъ государствѣ,
Во Кремлѣ во славномъ городѣ,
Что во томъ было соборѣ во Успенскомъ,
Что у праваго у крѣлоса,
Молодой сержантъ Богу молится,
10. Самъ онъ плачетъ—какъ рѣка льется,
Въ возрыданіѣ слово вымолвилъ:
«Разступись ты, мать сыра земля,
«Ты раскройся, гробова доска,
«Развернися, золота парча,

¹⁾ Д. б. „крѣлоса“ по народному выговору.

15. «Пробудись ты, наш батюшко,
 «[Наш батюшко) православный царь!
 «Погляди на свое войско милое,
 «Что на милое и на храброе:
 «Безъ тебя мы осиротѣли,
 20. «А осиротѣвъ обезсилѣли.»

(Пѣсенникъ Шваровскій, 2-е изд. 1791 г.; ср. такіе же образцы съ именемъ выше).

* * *

Слѣдующій отдѣлъ не принадлежитъ собственно *общей* эпохѣ и дѣятельности Петра 1-го, напротивъ, выгораживая его, обращаетъ былъ творческую, согласно были исторической, къ *отдѣльнымъ* лицамъ того времени.

XXVIII.

Въ 7-мъ выпускѣ, при пѣснѣ о томъ, какъ убить Разнымъ *Прозоровскій*, кстати мы помѣстали 'другую, гдѣ убить (вообще) „Астраханскій *воевода (губернаторъ)*“, и третью, также точно сродную, гдѣ убить воевода Астраханскій *Репнинъ* (изъ Кирши). Но мы съ намѣреніемъ задержали еще одинъ образецъ. Въ „Михулинскомъ“ рукописномъ сборникѣ пѣсней (отысканъ г. Пекарскимъ, извлеченъ и отчасти объясненъ г. Пылинымъ „Отеч. Зап.“ 1858, № 1), съ такииъ же началомъ и въ той же самой мѣстности, какъ пѣсни помннутыя, встрѣчается Былова пѣсня о князѣ *Репнинъ Борисъ*. Имя это только вставлено; сама же она относится прямо къ Петровскимъ и идетъ въ настоящій отдѣлъ:

1.

- Какъ пониже было города Саратова,
 Что повыше было города Царицына ¹⁾,
 Протекала—пробѣгала мать Камышенка—рѣка,
 Мать Камышенка—рѣка, круты—красны берега,
 б. Круты—красны берега и зеленые луга.
 Какъ по той ли по матушкѣ Камышенкѣ—рѣкѣ,

¹⁾ Такъ слѣдуетъ, и по сравненію съ помннутыми однородными пѣснями; въ сборникѣ „пониже“ и „повыше“ перестановлено.

Вдоль плывутъ тутъ—выплываютъ три есаульные стружки ¹⁾.

- Ой на тѣхъ стружкахъ всё ль удалы молодцы:
 На нихъ смурые кафтаны кумачомъ подложены,
 10. На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
 Ой зеленъ сафьянъ—сапожки и съ зачосомъ чулки ²⁾.

- Они въ весельцы гребутъ, сами пѣсенки поютъ,
 Они хвалятъ—выхваляютъ [православнаго] царя,
 Православнаго царя и всея Россіи Петра,
 15. Ой кленутъ они—бранять князь—Бориса Репнина:
 «Заѣдаетъ воръ—собака наше жалованье,
 «Кормовое—годовое, наше денежное,
 «Не даетъ намъ воръ—собака вдоль по Волгѣ погулять,
 «Вдоль по Волгѣ погулять, «Вз—Дунаю ³⁾» воспѣвать.»»

* *

1-й отдѣлъ Былевой этой пѣсни относится къ убитому Астраханскому Воеводѣ, 2-й называется прямо Репнина *Бориса*. Князь Борисъ, въ 1627 г. стольникъ, въ 1640 бояринъ, былъ Воеводою въ Астрахани. Въ 1643 г. велѣно ему съ товарищемъ высылать высылки изъ Астрахани на Яикъ противу воровскихъ Донскихъ козаковъ, которые ходили съ Дону на Яикъ и обратно, на море (Каспійское) и на Волгу, и велѣно отпирать ратныхъ людей и „промышлять надъ ними всякими мѣрами.“ Вотъ чѣмъ князь навлекъ себѣ смерть (1670?), пѣсня же о немъ связалась съ Разинскими (а старше даже съ Карамышевыми) и, какъ выражение общаго неудовольствія, съ пѣснями о Мешниковѣ. Такимъ образомъ 2-я половина предлагающаго образца только *оста вляетъ имя* памятнаго Бориса Репнина, а наоборотъ пѣсня изъ Кириши объ убитомъ Астраханскомъ Воеводѣ именуется его *княземъ Данилою Александровичемъ*, то есть, явно, именемъ Мешникова, *Александромъ Данилычемъ*.

Какъ первая половина пѣсни утвердилась преимущественно на быліи XVII вѣка и составляетъ началомъ своимъ отличный признакъ тогдашняго творчества, такъ на оборотъ строй второй половины закрѣпленъ (фиксировался) въ вѣкѣ XVIII-мъ, именно на лицахъ князей Мешникова и Гагарина, поднавшихъ одинакому, соединенному творческому воззрѣнію, образу и выраженію:

*

¹⁾ Д. Б. „стружка.“—²⁾ Это начало одинаково съ пѣснями объ убитомъ Астраханскомъ воеводѣ, а еще старше, о Карамышевѣ (выш. 7). Но за сими уже начинается то, что собственно принадлежитъ Петровской эпохѣ.—³⁾ По складу (бо-

Князь Меншиковъ.

2.

- Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Протекала—пролегала мать Камышенка рѣка,
 Какъ съ собой ¹⁾ она вела круты—красны берега,
 5. Круты—красны берега и зеленые луга;
 Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку.
 Что по той ли быстринѣ ²⁾, по Камышенкѣ рѣкѣ,
 Какъ плывутъ тутъ—выплываютъ два снарядные ³⁾ стружка.
 Хорошо были стружечки изукрашены,
 10. Они копьями, знамены ²⁾ будто лѣсомъ поросли:
 На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
 Удалые молодцы, все Донскіе козаки,
 Да еще же Гребенскіе, Запорожскіе,
 На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
 15. Еще смурые кафтаны, кумачомъ подложенѣ,
 Астрахански кушаки полу—шолковые,
 Пестрединныя рубашки съ золотымъ галуномъ,

лѣе позднему) здѣсь слѣдуетъ „Вздунинаю.“—Выраженіе это, часто встрѣчающееся въ пѣсняхъ „по рѣкамъ“ и „по морю,“ въ первобытной формѣ звучитъ „Возь—Дунаю,“ т. е. вверхъ по Дунаю и имѣетъ при себѣ другую—„Вдоль Дунаю.“ Въ разныхъ отдѣльныхъ образцахъ форма эта, кстати и некстати, вставляется выраженіемъ: „Возь—Дунаю“ или „Вдоль Дунаю погуляю.“ Конечно это начало той, древнѣйшей, пѣсни, которую пѣли Русскіе, даже не отдѣлявшіеся еще рѣзко отъ прочихъ Славянъ, *плавая по Дунаю*, во время своей *При-Дунайской жизни*. Послѣ уцѣлѣла одна лишь формула, начало пѣсни, имя ея: *плавая по рѣкамъ и морямъ*, наши непремѣнно поютъ „Вздунаю, Воздунаю, Вѣдувнаю, Вздуиннай—най“ и считаютъ эту пѣсню, судя по словамъ самихъ пѣсней, гдѣ вставлено такое выраженіе, непремѣннымъ слутникомъ плаванія, пѣснюю лучшею, главною, признакомъ воли, раздолья, разгула, такъ что запретить, помѣшать ей,—значитъ лишитъ всякой свободы.

¹⁾ У Трутовскаго: „За собой.“—²⁾ У Праца: „быстринкой (быстренькой).“—
 Знаменамъ, творит.—³⁾ Трут. „снаряжные.“

Что зелёнь сафьянъ сапожки, кривые каблучки ¹⁾,
И съ зачосами чулочки ²⁾, да все ³⁾ гарусные.

20. Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ,
Они хвалятъ—величаютъ ⁴⁾ православнаго царя,
Православнаго царя, императора Петра,
А бранятъ они—клянутъ князя Менщикова ⁵⁾,
Что съ женою, и съ дѣтьми, и со внучатами:
25. «Заѣдаетъ воръ—собака наше жалованье,
«Кормовое, годовое, наше денежное,
«Да еще же не пушаетъ насъ по Волгѣ погулять,
«Внизъ по Волгѣ погулять,—«съ—Дуниною» воспѣвать.»»

(Пѣсенники Чулковскій, Новиковскій, Грутовскаго, Прача и поздѣе; потомъ съ поправкою у Курганова, Сахарова и другихъ „деликатныхъ“).

* *

Но, если пѣсня о Меншиковѣ заняла свое начало отъ Репнинской, Прозоровскаго, Астраханскихъ воеводъ; и вообще пѣсней Развнскихъ, то о Гагаринѣ творчество потерпело себя записъ нѣз старшихъ Былинъ о Карамышевѣ (ср. вып. 7-й):

Князь Гагаринъ.

1.

(Губ. Московской, с. Ильинское).

Какъ по рѣчкѣ по рѣчкѣ, тутъ пятьсотъ стружковъ плывутъ,

А на всякіемъ стружечкѣ по пятисотъ человекѣкъ,
Они ѣдутъ—въ вѣслы бьютъ, сами пѣсенки поютъ,
Разговоры говорятъ, князь—Гагарина бранятъ:

¹⁾ Трут. „Что сафьянные сапожки и кривые каблучки.“—²⁾ У Сахарова для разнообразія: „чулки.“—³⁾ Въ другихъ „все.“—⁴⁾ Трут. „выхваляютъ.“
⁵⁾ И. И. Дмитріевъ вовсе выбросилъ эту пѣсню; Кургановъ въ письмовникѣ вмѣсто „князя Менщикова“ поставилъ (вопреки складу) „злаго боярина;“ Сахаровъ, по извѣстному намъ обычаю, сочинилъ „воеводу;“ другіе послѣдовали тому же или кончили пѣсню стихомъ предыдущимъ.

5. «Заѣдаетъ князь Гагаринъ наше жалованье,
 «Небольшое, трудовое, малоденежное,
 «Со всякого человѣка по пятнадцати рублей.
 «Онъ на эти-то на денежки поставилъ себѣ домъ,
 «Онъ поставилъ себѣ домъ на Неглинной, на Тверской,
10. «На Неглинной, на Тверской, за мучнымъ большимъ ря-
 домъ,
 «За мучнымъ большимъ рядомъ, потолочекъ хрустальной,
 «А парадное крылечко бѣлокаменное,
 «Бѣлокаменное, стѣны мраморныя,
 «Стѣны мраморныя, пола-ть ¹⁾ лакомъ наведёнъ,
15. «Какъ на этомъ-то полочкѣ Москварѣцкая вода,
 «Москварѣцкая вода, по фонтану ведена,
 «По фонтану ведена, жива рыба пущена,
 «Жива рыба пущена, кроватушка смощена ²⁾.
 «Какъ на этой на кровати самъ Гагаринъ князь лежитъ,
20. «Самъ Гагаринъ князь лежитъ, таки рѣчи говоритъ:
 «—Ужь и дай Боже пожить, во Сибири послужить,
 «—Не такъ бы я палатунки соорилъ бы себѣ,—
 «—Я не лучше бы не хуже государева дворца,
 «—Только тѣмъ развѣ похуже,—золотаго орла нѣтъ.—
25. «Ужь за эту похвальбу государь его казнилъ.»»

(Запис. П. В. Кир. 14 Авг. 1832 г.—Пѣсня „протяжная“ или „тягольная“).

*

2.

(Съ Урала).

Какъ и по морю-мору синему,
 По синю морю по Верейскому ³⁾,
 Туту плыли-выплывали
 Ровно тридцать кораблей.

¹⁾ Т. е. „Поль-ть“, съ зараждавшимся членомъ *тв.*—²⁾ Объ этихъ подробностяхъ см. „Замѣтку.“—³⁾ См. выше и „Замѣтку.“

5. Какъ на всякомъ на кораблѣхъ
По пяти сотъ молодцовъ.
Они ѣдутъ и плывутъ,—
Сами пѣсенки поютъ,
Про того ли вора-князя про Гагарина:
10. «Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,
«Потовое, трудовое, наше денежное ¹⁾.
«—Ахъ вельѣ бы мнѣ Богъ
«—Въ Царѣ-градѣ побывать ²⁾,—
«—Я бы выстроилъ палатушки не этакия,
15. «—Я не хуже бы ни лучше государева дворца,
«—Только тѣмъ бы я похуже,—нѣтъ злачёнаго орла,
«—А полы-то, потолоки—всѣ хрустальнаго стекла,
«—Москварѣцкая вода по фонтану взведена,
«—По фонтану взведена, бѣла рыба пущена.—
20. «Бѣла рыбица играетъ,—князь Гагариновъ вздыхаетъ.»»

(Отъ В. Н. Дала).

*

3.

- Какъ по матушкѣ Москвѣ
Да пять сотъ стружковъ плывло,
Что на каждомъ на стружкѣ
По пяти сотъ человекъ,
5. Они ѣдутъ и гребутъ,
Сами пѣсенки поютъ,
Они пѣсенки поютъ,
Разговоры говорятъ,
Что про Гришку про Гришутку
10. Про Гагарина съ дѣтьми:

¹⁾ За симиъ слова Гагарина.—²⁾ Рисуя плывущее судно, пѣсня возвращается къ рѣчамъ Ильи Муромца на Соколѣ кораблѣ.

- «Заѣдаетъ воръ Гагаринъ
 «Наше жалованье,
 «Долговѣе, трудовѣе,
 «Малодѣнежное,
 15. ««Что на всякаго человѣка
 «По пятнадцати рублей.
 ««А на эти, воръ, на деньги
 «Онъ заводы заводилъ,
 «Палатушки становилъ,
 20. ««За большимъ мучнымъ рядомъ
 «Онъ построилъ себѣ домъ,
 ««Что на улицу окошечки,
 ««Хрустальный потолокъ,
 ««Москварѣцкая вода
 25. ««По фонтанамъ взведена,
 «Жива рыба пущена,
 «Кровать нова смощена.
 ««Какъ на той ли на кроваткѣ
 ««Самъ Гагаринъ князь лежитъ,
 30. ««Онъ лежитъ, лежитъ, лежитъ,
 ««На живую рыбу глядитъ,
 ««Таки рѣчи говорить:
 ««—Кабы Богъ мнѣ далъ пожить,
 ««—Во Сибири послужить,—
 35. ««—Я построилъ бы палатушки
 ««—Не этакія,
 ««—Право лучше, право чище
 ««—Государева дворца,
 ««—Развѣ тѣмъ только похуже,—
 40. ««—Золотаго нѣтъ герба.—»»

(Запис. Дм. А. Валуевымъ).

*

4.

(Губ. Орловской).

- Бѣжить рѣчка по песку
 Изъ Казани во Москву,
 Какъ по этой по рѣчонкѣ
 Выплывало полтора ста кораблей.
5. Какъ на всякомъ на корабличкѣ
 По пяти-ста человекъ,
 Они ѣдутъ и гребутъ,—
 Веселѣ пѣсни поютъ,
 Другіе рѣчи говорятъ,
10. Все Гагарина бранятъ:
 «Охъ Гагаринъ ты, Гагаринъ,
 «Расканалья господинъ!
 «Заѣдаешь-пропиваешь
 «Наше жалованье.
15. «Онъ на эти же на денежки,
 «Графъ ¹⁾, палаты себѣ склалъ,
 «Изъ чистаго стекóлушка—
 «Изъ хрустала потолоки.
 «По самому по конѣчку ²⁾
20. «Быстра рѣченька бѣжить,
 «Не сама она взошла,—
 ««Фонтанами взведена;
 «У этой же у рѣченьки
 «Кровать нова смощенá;
25. ««Какъ на этой на кровати
 ««Перинушка пуховá;
 ««Какъ на этой на перинушкѣ
 ««Подушечки парчевы;
 ««На этихъ подушечкахъ

¹⁾ Это уже примѣненіе къ лицу позднѣйшему, которое встрѣтимъ послѣ.—

²⁾ По верху; по матицѣ потолочной.

30. «Одѣялицо новинькое лежитъ;
«Какъ подѣ этимъ одѣяломъ,
«Князь Гагаринъ тутъ лежитъ,
«Бѣлу рыбицу глядитъ.»»

(Запис. П. М. Перельскимъ).

*

Безъ образцовъ предыдущихъ мы не поняли бы слѣдующаго, гдѣ очень рано скрыто имя князя:

5.

Ужь какъ въ низъ было по матушкѣ по Волгѣ рѣкѣ,
Какъ плывутъ тутъ—выплывають три снарядные стружка,
Ужь на тѣхъ ли на стружкахъ удаліе молодцы,
Удаліе молодцы, все Донскіе козаки:

5. На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
На нихъ штанишки кумашны въ ¹⁾ три строчки строчены,
Александрійски ²⁾ рубашки съ золотымъ галуномъ,
На нихъ бѣленьки чулочки, сафьянны сапожки.
Они сѣли да гребнули, сами пѣсенки запѣли,
10. Что про князя, и съ дѣтьми, и со внучатами:
«Заѣдаеть ³⁾ воръ—собака наше жалованье,
«Кормовое, годовое, третье денежное:
«Ужь на тѣ ли онъ на денежки палаты становить ⁴⁾,
«За мучнымъ большимъ рядами ⁵⁾, за Неглинною рѣкой,
15. «Что не хуже и не лучше государева дворца,
«Только тѣмъ они похуже, что верхи не золочены.
«Похвалялся этотъ князь во Казанѣ побывать,
«Во Казанѣ побывать,—верхи вызолотить.
«Ужь какъ тамъ, братцы, князёкъ и головку положилъ,
20. «Онъ головку положилъ, его громъ тамо ⁶⁾ убилъ.»»

(Цѣсен. Чулковскій, Новиковскій, за ними Сахаровъ и друг.).

* * *

* *

Конецъ пѣсней 8-го выпуска.

¹⁾ Во?—²⁾ Д. б. „Александрійскія.“—³⁾ Сахар. прибавилъ „онъ.“—⁴⁾ становилъ?—⁵⁾ Д. б. „рядомъ.“—⁶⁾ Сахар. „тамъ.“—Объ этой чертѣ см. „Замѣтку.“

ДОПОЛНЕНІЯ
КЪ ПРЕЖНИМЪ ВЫПУСКАМЪ
И
ПРИЛОЖЕНІЯ
КЪ VIII ВЫПУСКУ ПѢСНЕЙ,
СОБРАННЫХЪ П. В. КИРЪЕВСКИМЪ.

I.

Часть I.

Выпускъ I.

Илья Муромецъ на Соколѣ кораблѣ.

1.

Ахъ по морю-морю Синему,
Что по Синему по морю по Каспійскому,
Еще плаваетъ-гуляетъ Соколъ, братцы, корабль.
И овъ плавалъ и гулялъ ровно тридцать лѣтъ,
5. Что на якоряхъ Соколъ-корабль не ставвалъ,
У крутыхъ-красныхъ береговъ отнюдь не бывалъ;
Церквей и монастырей не видывалъ,
Колокольного звона не слыхивалъ.

Хорошо-добрѣ Соколъ-корабль украшенъ былъ:
10. Да что носъ и корма по звѣриному,
Киль его сдѣланъ по змѣиному,
А парусы на немъ какъ орлиное крыло.

Атаманъ былъ на немъ Свѣтогоръ ¹⁾ богатырь;
Подъатаманъ молодець Илья Муромецъ:

---

¹⁾ Свѣтогоръ.

15. На немъ шуба была во пятьсотъ рублѣвъ,
 На немъ шапочка во сотенку,
 А пуговики на шубѣ чиста зблота.
 По кораблику онъ, Муромецъ, похаживаетъ,
 И онъ тросточкой по пуговкамъ поваживается;
20. Его пуговики разгремѣлися,
 Всѣ товарищи подымалися ¹⁾.

Наступали они на Турецкой флотъ,
 Агаряне ихъ испужалися,
 Во синее море пометалися,

25. Всю жизнь свою тутъ кончили ²⁾,
 А богатство все оставили
 На добычу зрабрымъ воинамъ.

(Шѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

*

Это передѣлано И. И. Дмитриевымъ такъ:

2.

- Ахъ по морю-морю Синему,
 Что по Синему морю Каспійскому,
 Други, плаваесть-гуляесть Соколъ корабль.
 Онъ ужь плаваесть-гуляесть ровно тридцать лѣтъ,
5. А на якоряхъ Соколъ корабль не ставялъ,
 У крутыхъ зеленыхъ береговъ не бывываъ,
 Церквей и монастырей не видываъ,
 Колокольного звону не слыхиваъ.

- Хорошо-добрѣ Соколъ корабль украшенъ былъ:
10. Выгнуть носъ его съ кормою по звѣриному,

¹⁾ За симъ прибавка позднѣйшая. — ²⁾ А за симъ послѣдніе два стиха — явное сочиненіе книжника XVIII вѣка (вѣроятно первыхъ издателей).

А киль его сдѣланъ по змѣиному,
Въяль парусъ какъ орлиное крыло.

Атаманомъ былъ на немъ Свѣтогоръ ¹⁾ богатырь;
Есауломъ Илья Муромецъ:

15. На немъ шуба была во пятьсотъ рублёвъ,
На немъ шапочка во сотенку,
А пуговики на шубѣ чиста золота.
По кораблику Муромецъ похаживаетъ,
И онъ тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ:
20. Его пуговики разгремѣлися,
Всѣ товарищи подымалися.

- Наступили они на Турецкой флотъ,
Агаряне ихъ испугалися,
Въ Сине море покидалися,
25. *А богатство все оставили*
На добычу добрымъ молодцамъ.

(„Карманный пѣсенникъ“ 1796 года; отсюда-то перепечатавали почти всѣ последующіе пѣсенники и тотъ же образецъ приведенъ какъ *вариантъ* въ сборн. гг. Костомар. и Мордовц.).

*

3.

- Ужъ какъ по морю, по мѣрю, мѣрю Синему,
Съ Ду-ни-най, Дунай, морю Синему ²⁾,
По Синему было морю по Хвалынскому,
Туда ³⁾ плаваетъ Соколъ-корабль по тридцать лѣтъ.
5. И онъ тридцать лѣтъ на якорѣ не ставвалъ,
Ко крутому бережку не причаливался,
И онъ желтато песочку въ глаза не видалъ.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ пѣсенникахъ „Свѣтогоръ.“—²⁾ Припѣвъ, съ повторяющимся концомъ стиха, послѣ cadaго; смыслъ его объясненъ выше.—

³⁾ Тутъ, тутъ?

- Нападали на Соколъ—корабль разбойнички,
 Нападали злы Татары со Калмыками,
 10. И хотятъ они Соколъ—корабль разбить—разгромить,
 Илью Муромца хотѣли въ полонъ полонить.
 А на Муромцѣ кафтанъ—рудожолтый цвѣтъ,
 На кафтанѣ были пуговики злачѣныя,
 А на каждой—то пуговкѣ по лютому льву.
 15. Илья Муромецъ по кáраблю похаживаетъ,
 Своей тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ:
 Его пуговики разгорѣлися,
 Его злютые львы разревѣлися,—
 Ужь какъ злые—то Татары испугалися,
 20. Во Синѣ море Татары побросалися.

(Записано Н. А. Полевымъ, доставлено намъ вн. Н. А. Церетелевымъ; этотъ же образецъ былъ въ печати и онъ же приведенъ, какъ записанный „въ Саратовской губерніи,“ у гг. Костомар. и Мордовц.).

* *

Важность всего того, что касается Ильи Муромца, побудила насъ напечатать эти образцы отчасти въ первый разъ для дополненія, отчасти цѣликомъ для уясненія прежнихъ сносокъ, чтобы указать происхожденіе искаженныхъ разнорѣчій. Ср. у насъ вып. 1, стр. 22—23, 40—41, XXXIV; вып. 4, стр. VII, СШ, Указатель стр. 32; вып. 7, стр. 9 въ Приложеніяхъ; тамъ же стр. 146, 147, о Соколѣ и Орлѣ, или о Разинѣ на Соколѣ; вып. 4, стр. XXIII—XXVII, объ Алешѣ Поповичѣ на Соколѣ; Рыбник. ч. I, стр. 318 и далѣе, «Замѣтка» стр. III, о Соловьѣ на Соколѣ; Рыбник. II, стр. 317, 318, XXI—XXIII, о Настасѣ Микуличнѣ на Соколѣ; наконецъ выше, вып. 8, образы корабля, на которомъ вѣхалъ Петръ I.

Часть II.

Выпуски 5 и 7.

Какъ переходъ отъ князя Михайла къ Роману, «терявшему» жену, а отъ Княжескихъ Былинъ къ Безъимяннымъ Молодецкимъ пѣснямъ, представляется слѣдующій образецъ:

Добрый Молодецъ
теряетъ жену.

1.

Какъ спасибо тебѣ, муравленому кувшину,
Помози́бо ¹⁾ тебѣ, хрустальному стакану:
Напоилъ ты меня, молодца, до пьяна,
Ты размыкалъ мою тоску-кручину ²⁾!

5. Какъ у дѣтушекъ родна матушка умирала,
Она бѣдныхъ сиротъ покидала ³⁾.

—Охъ вы гой еси, милыя мои дѣтки!

—Вы не плачьте, не плачьте—не тужите:

—Я срублю—то вамъ горницу новѹю,

10. —Со свѣтлымъ со стеклянымъ со окошкомъ,

—Я поставлю вамъ печку муравѹю ⁴⁾,

—Я возьму—то возьму мачиху молодую.—

¹⁾ Замѣчательная форма, „Помози Богъ,“ то же, что „Спаси Богъ.“—²⁾ Это начало принадлежитъ собственно другимъ, весьма распространеннымъ пѣснямъ.—³⁾ За сими слова мужа-отца.—⁴⁾ Муравленую: собственно „травчатую,“ каковы у насъ, вмѣстѣ съ Греками, въ отдаленной древности были горшки, кувшины, то есть съ разводами и рисунками посредствомъ особаго способа обжиганья; по переходѣ на Сѣверъ это осталось за печными изразцами; когда же искусство въ промыслѣ затерялось, въ глиняныхъ работахъ „муравлений“ и „муравой“ долго означало—лучшій (горшокъ, кувшинъ), а наконецъ тотъ лучшій, который „съ поливой,“ обливной.

- Какъ отвѣтъ держать милыя его дѣтки:
 «Ты гори, гори, горница новая,
 15. «Ты умри, умри, мачиха молодая,
 «Ты живи, живи, матушка родная!»»

(Запис. А. Хр. Востоковымъ, сообщено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ; ср. въ вып. 5-мъ стр. 68—127, въ вып. 7 Прилож. стр. 18—36).

Выпускъ 6.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 и козаки Гребенскіе.

1.

- Не сизые орлы клохчуть,
 Не сѣрые гуси возголосятъ,
 Они пить и ѣсть хотятъ,—
 Гребенскіе наши козаки
 3. Предъ царемъ говорятъ,
 Предъ Грознымъ Царемъ
 Иваномъ Васильевичемъ:
 «Ахъ ты батюшка нашъ, надежа,
 «Православный государь!
 10. «Ты чѣмъ насъ порадуешь,
 «Чѣмъ пожалуешь?»»
 —Подарю васъ, козаченки,
 —Рѣкою вольною,—
 —Что не быстрымъ Терекомъ
 15. —Горыновичемъ,
 —Что отъ самаго Гребня
 —До Сіняго моря,
 —Что до Сіняго моря
 —До Каспійскаго.—

(Рукописный сборникъ, доставленный намъ С. М. Любецкимъ; желательно бы отыскать другой подлинникъ или равнорѣчія: это наша desiderata).

Выпускъ 7.

По известнымъ признакамъ мы отнесли пѣсню «о попѣ Емельѣ» къ Былевымъ пѣснямъ Смутаго Времени; это подтвердилось слѣдующимъ замѣчательнымъ образцомъ:

Смутное Время. Попѣ Емеля.

1.

Ѣхали обозы

Да пятеро саней:

Съ Дону, съ Дону, на Дунай ¹⁾!

Во первыихъ саняхъ

5. Разбойники сами;

Во вторыхъ саняхъ

Есаулы сами;

Во третьихъ во саняхъ

Атаманы сами;

10. Во четвертыхъ саняхъ

Да Гришка съ Маринкой.

Во пятыхъ во саняхъ

Одинъ попѣ Емелько,

Крестомъ благословляетъ ²⁾,

15. А самъ восклицаетъ:

«Ступайте вы, дѣти,

«Во чужія клѣти!

«Если Богъ поможетъ,

«Попа не забудьте,

20. «Если чортъ обрушить,

«Попа не клепайте.»

(Оттуда же.—Ср. вып. 7, стр. 19—21, 119—121).

* * *

¹⁾ Измѣнено изъ поманутаго „Съ Ду-ни-най, Дунай,“ а старше „въ Дунай“ или „возъ Дунай.“—Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.—²⁾ Д. б. „благославляетъ.“

Вотъ еще къ стр. 127—133 выпуска 7-го образецъ пѣсни,
какъ

Убить Карамышевъ.

1.

- Ужь какъ внизь-то было по матушкѣ Камышь-рѣкѣ,
Сопротивъ того было устья Самары рѣкѣ ¹⁾,
Что плыветь тутъ—выплываетъ легкая лодочка.
Что во лодочкѣ сидитъ съ Москвы посланникъ царевъ,
5. Коромышевъ князь Семень да сынъ Константиновичъ.
Онъ во правой ²⁾ рукѣ держитъ государевъ указъ,
Онъ во правой рукѣ держитъ саблю вострую.

- Что по крутому по красну по бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
10. Собирались козаки, братцы, во единой кругъ,
Они думали думу крѣпкую за единую,
И палили они въ лоточку во легкую,
Потопили-подмочили государевъ указъ.

(Сборникъ „Минутинскій“, отысканный г. Пекарскимъ, въ статьѣ г. Пыпина „Отеч.
Зап.“ 1858, № 1).

* * *

Съ этимъ же убійствомъ связаны Былины, какъ выше помянуто, о Репнинѣ, потомъ объ Астраханскихъ воеводахъ со временъ Разина до Петровскаго Гагарина и Казанскаго Голицына (ср. вып. 7, стр. 148—152, и выше вып. 8). Подлинникъ, раньше другихъ явившійся въ нашей печати, таковъ:

---

¹⁾ Согласно со стихомъ предъидущимъ.—²⁾ Д. б. „во лѣвой.“

Убить Астраханскій Воевода.

1.

Что повыше было города Царицына,
 Что пониже было города Саратова,
 Протекала—пролегалла мать Камышенка рѣка:
 За собой она вела круты—красны берега,

5. Круты—красны берега и зелёные луга;
 Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку.

- Что по той ли было матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
 Какъ плывуть тутъ—вышльвають есаульные стружки,
 На стружкахъ сидятъ гребцы—всѣ бурлаки молодцы,
 10. Все бурлаки молодцы, все За-волгеки ¹⁾ удалцы.
 Хорошо, братцы, молодцы переряжены сидятъ:
 На нихъ шапочки собольи, верьхи бархатные,
 Однорядочны кафтаны, всѣ камкой подложены,
 Канаватные ²⁾ бешметы въ одну нитку строчены,
 15. Всѣ тафтѣныя рубашки, галуномъ обложены,
 На нихъ штаники суконны по старинну кроены,
 Что желтой сафьянъ сапожки всѣ (и)—шпильцомъ каблуч-
 ки ³⁾;
 Они всѣлами гребуть—сами пѣсенки поютъ.

- Становилися стружечки среди Волги къ островку:
 20. Они ждали—поджидали губернатора къ себѣ,
 Губернатора къ себѣ, Астраханскаго еще ⁴⁾.
 Ахъ что взговорятъ молодцы (и) бурлаки удалцы:
 «Еще что то на водѣ у насъ бѣлѣется?»
 Забѣлѣлися тутъ флаги губернаторскіе:
 25. Кого ждали—поджидали, того лядъ ⁵⁾ и несеть.

¹⁾ Заволжскіе: выговаривается „Заволскіе.“—²⁾ См. объясненіе въ вып. 7.—
³⁾ Вострые, заострённые, отточенные: этотъ каблукъ идетъ у насъ еще съ бо-
 гатыря Чурилы.—⁴⁾ Стихъ не хорошъ отъ того, что выпало историческое имя.—
⁵⁾ См. вып. 7.

Астраханской губернаторъ догадается ¹⁾:

—Ахъ вы гой еси, бурлаки, люди вольные!

—Вы берите золотой казны, что ²⁾ надобно,

—Вы берите цвѣтно платье губернаторское,

30. —Вы берите всѣ диковинки заморскія,

—Вы берите ли вещицы Астраханскія!—

Ахъ что взгóворятъ молодцы, люди вольные:

««Намъ не дóрога твоя ли золотá казна,

««Намъ не дóрого цвѣтно платье губернаторское,

35. ««Намъ не дóроги диковинки заморскія,

««Намъ не дороги вещицы Астраханскія,—

««Дорогá намъ буйная твоя головушка!»»

Какъ срубили съ губернатора ³⁾ буйну гóлову,

Они бросили головку въ Волгу матушку рѣку

40. И что ⁴⁾ сами молодцы насмѣялися ему:

««Ты добрѣ ли ⁵⁾, губернаторъ ⁶⁾, къ намъ строгой былъ,

««Ахъ ты бялъ ли насъ—губилъ, много въ ссылку по-
сылалъ,

««Ахъ ты жонь нашихъ—дѣтей на ворóтахъ разстрѣлялъ!»»

(Пѣсеп. Чулковскій и Новиковскій, потомъ при Жизни В. Каина въ числѣ его пѣсней и далѣе у другихъ; подлинникъ цѣлыѣе, чѣмъ приведенный у насъ въ 7-мъ выпускѣ изъ Кашина).

* *

Первоначальныя невзгоды Разина со стороны Астраханскихъ воеводъ, затруднительныя стоянки и даже зимовки на островахъ, возбуждившя рѣшимость проникнуть въ Астрахань и овладѣть ею, указаны нами по нѣсколькимъ Былевымъ пѣснямъ въ 7 мъ выпускѣ, стр. 140—143 и выше 32, 33; сюда примыкають еще двѣ слѣдующихъ, изъ которыхъ вторая замѣчательна кромѣ того дословнымъ сходствомъ выраженій съ отрывками у Кириши Данилова:

¹⁾ Догадался и сказалъ.—²⁾ Сколько.—³⁾ Самый складъ стиха требуетъ старшаго—„съ воеводы.“—⁴⁾ Ншто, ещѣ.—⁵⁾ Ты ужь больно, черезъ чурь.—⁶⁾ Слышится старшее—„воеводушка.“

Стоянка Разина.

1.

- Что прошились робятушки, промотались,
 Во косточки и въ карты проигрался:
 На что-то мы, робята, понадѣялись?
 Понадѣялись робятушки на Синё море,
 5. Что на Синее на море на Хвалынское!

- Соберѣйтесь же, робята, во единый кругъ,
 И мы срядимте, робята, легку лодочку,
 Еще лёгкую ли лодочку—семисаженну,
 Какъ мы грянемте ¹⁾, робята, вдоль Синя моря,
 10. Вдоль Синя моря вдоль Хвалынскаго,
 Мы пристанемте, робята, къ круту бережку,
 Какъ взойдемте жь ²⁾ мы, братцы, на круту гору,
 Поглядимте мы, робята, на Синё море:
 Каково-то наше море становилося?
 15. Что ни чѣмъ наше Хвалынское не ворóхнется:
 Замерзало наше сѹдно въ воровскихъ островахъ.

Потянула тутъ погода со святой Русі,
 Какъ взломало ³⁾ наше море изъ конца въ конецъ,
 Выплывасть наше сѹдно изъ ⁴⁾ воровскихъ острововъ.

20. И мы взяли это сѹдно да поѣхали,
 Что разѣхавшись робята роззаводились ⁵⁾.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

*

¹⁾ Выраженіе объяснено выше.—²⁾ Должно быть „же.“—³⁾ Безлично. —
⁴⁾ Д. б. „зъ, съ.“—⁵⁾ Раззавелись, снова завелись и обзавелись добычей.

2.

- Какъ изъ славнаго царства ¹⁾ Астраханскаго,
 Что не грозная тутъ ²⁾ туча подымалася:
 Подымалась—снаряжалась ³⁾ грозна высылка,
 Что развѣздъ она держитъ до Кругла острова ⁴⁾,
 5. До славнаго пристанища молодецкаго,
 До соборища бурлацкаго, до притону ли козацкаго.

- Козаки тамъ сидя ⁵⁾ догадалися,
 Что во легкія во лодки пометалися ⁶⁾,
 Одного ли добра мѳлодца покинули,
 10. Что не лучшаго ль изъ мѳлодцевъ ясаула ⁷⁾.

- Добрый мѳлодецъ по острову похаживаетъ,
 И онъ добрую свою фузею ⁸⁾ за плечамъ ⁹⁾ носитъ,
 И онъ острою своею саблей подпирается ¹⁰⁾,
 Самъ горючими слезами обливается ¹¹⁾.
 15. Онъ вскричалъ ли—возопилъ ли громкимъ голосомъ ¹²⁾:
 «Государи мои, братцы ¹³⁾ товарищи!
 «Не покиньте добраго мѳлодца при бѣдности ¹⁴⁾:
 «Ужь какъ въ нѣкоторо время пригожусь, братцы, вамъ ¹⁵⁾,

¹⁾ Въ изданіи Жизни В. Каина 1793 разнорѣчія: „изъ царства.“—²⁾ „туть“ опущено.—³⁾ „сбиралась.“—

⁴⁾ „Что ко славному ко Круглому ко острову.“ Слѣдующихъ двухъ стиховъ нѣтъ.—⁵⁾ „Молодцы на островѣ.“—

⁶⁾ Что въ косныя легкія лодочки металися.—

⁷⁾ Одного тутъ покидали добра мѳлодца,
 Что ни лучшаго войскѳго есаулушку.—

⁸⁾ См. выше.—⁹⁾ Народная форма.—

¹⁰⁾ Какъ вошолъ тотъ добрый мѳлодецъ по острову,
 За плечомъ несетъ ружье онъ Турецкое
 И онъ вострой саблей подпирается.—

¹¹⁾ „заливается.“

¹²⁾ Что возговоритъ удалый-добрый мѳлодецъ.—

¹³⁾ „братцы вы.“—¹⁴⁾ При бѣдѣ; въ разнорѣчія:
 Не покиньте добра мѳлодца на островѣ.

¹⁵⁾ Что какъ въ нѣкое время пригожусь я вамъ.

- «Замѣню я вашу смерть животомъ моимъ ¹⁾,
20. «Животомъ моимъ и грудью бѣлою!»

Какъ товарищи отъ молодца уѣхали:
Поймали ²⁾ молодца на островѣ.

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій; впрочемъ, кромѣ Карши, повторяются тѣ же выраженія, какъ увидимъ, послѣ и при Краснощочковѣ).

* *

Также точно пополняется новымъ образцомъ Былевая пѣсня выпуска 7-го, стр. 34—40, 144—146:

Сынъ Разина. Попытки проникнуть въ Астрахань.

1.

- Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани,
Проявился тутъ дѣтинушка—незнамой человекъ:
Горло—щепетко ³⁾ по городу погуливаетъ,
Чорну шляпу съ позументомъ на правомъ ухѣ надѣлъ,
5. Чорный бархатный кафтанчикъ на распашечку несётъ,
А шелковъый кушачокъ по землицѣ волочётъ.

- Какъ увидѣлъ Воевода изъ косящета окна,
Закричалъ онъ—завошилъ зычнымъ голосомъ своимъ:
«Гой вы слуги—молодцы, вы ребяташки мои,
10. «Вы возьмите—приведите удалого молодца!»

¹⁾ „своимъ.“—²⁾ Поймали.—Въ пѣсняхъ Карши кончается стихами:

А не животомъ своимъ—грудью бѣлою,
А не грудью-то бѣлою—буйной головшкой.

У Карши Данилова:

У похмѣльнаго добраго молодца буйна голова (по складу: „у похмѣльна добра молодца головка“) болитъ.

А вы милы мои братцы, товарищи-друзья!

Вы купите винца, опохмѣльте молодца,

Хотя горько да жидко, давай еще,—

Замѣните мою смерть животомъ своимъ:

Еще нѣ въ кое время пригожусь я вамъ всѣмъ.

³⁾ См. 7-й выпускъ.

- Какъ ведутъ-то молодца—крыльцо зыбается ¹⁾,
 А муравлены балясы ²⁾ разсыпаются.
 И ужь началъ Воевода его спрашивать:
 «Ты скажи, скажи, дѣтинушко, удалый молодецъ,—
 15. «Изъ Казани ты, молодчикъ, или съ Астрахани,
 «Иль большого городочка—каменной-славной Москвы?»
 —Не съ Казани я молодчикъ и не съ Астрахани,
 —Не съ большого городочка—каменной-славной Москвы:
 —Я со Камы со рѣки—Стеньки Разина сынъ!—
 20. Закричалъ тутъ Воевода зычнымъ голосомъ своимъ:
 «Поведите молодца въ бѣлокаменну тюрьму!»
 —Береги ты, Воевода, буйну голову свою:
 —Ужъ какъ завтра къ тебѣ батюшка мой подѣ городъ
 придетъ,
 —Ужъ какъ завтра къ тебѣ будетъ онъ стрѣлы стрѣлять,
 25. —На стрѣлахъ-то къ тебѣ будетъ онъ письма писать ³⁾.—

(Записано Н. А. Полевымъ, доставлено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ).

* *

Не скрывая ни въ какомъ случаѣ, напротивъ постоянно оговариваясь, что всѣ такого рода Былины, если только онѣ прямо *не называютъ* Разина и яркихъ признаковъ его времени, относятся весьма часто къ обширной области Козачества съ Ермака до Краснощокова и отчасти даже до Пугачева, мы считаемъ не лишнимъ прибавить къ 148—154 страницамъ 7-го выпуска, по нѣкоторымъ чертамъ, пѣсню, которая *могла* употребляться *при Разинѣ*, а теперь можетъ называться—

¹⁾ Дрожитъ, колеблется.—²⁾ Перила, но бокамъ для рукъ рѣзные „травчатые“ столбики.—³⁾ Образъ этотъ нерѣдко повторяется съ Былинь Богатырскихъ, Новгородскихъ (о Буслаевѣ) и Старшихъ Стиховъ (о Федорѣ Тиронѣ).

Пѣсня Разинская.

1.

- Еще что же вы, братцы, призадумались,
 Призадумались, ребяташки, закручинились,
 Что повѣсили свои буйныя головы,
 Что потушили ясны очи во сырѹ землю?
5. Еще ходимъ мы, братцы, не первый годъ,
 И мы пьемъ—ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
 Цвѣтно платье носимъ припасеное.
 Еще лихъ на насъ супостатъ злодѣй,
 Супостатъ злодѣй—генераль ¹⁾ лихой:
10. Высылаетъ изъ Казани часты высылки,
 Высылаетъ всё—то высылки солдатскія ²⁾,
 Они ловятъ насъ—хватаютъ добрыхъ молодцевъ,
 Называютъ насъ ворами (и) разбойниками.
 И мы, братцы, вѣдь не воры не разбойники:
15. [Мы] Люди добрые, ребята все повольскіе ³⁾,
 Еще ходимъ мы по Волгѣ не первый годъ,
 Воровства и грабительства довольно есть.

(Пѣсенники Чулковскій и Номинковскій, за ними при жизни В. Капна, другіе пѣсенники
 и Сахаровъ).

* *

Нѣкоторыя черты и выраженія приведенной сейчасъ пѣсни
 оживаютъ въ «собственной» Пѣсни Разинцевъ, которая помѣ-
 щена нами въ 7-мъ выпускѣ отрывкомъ со словъ покойнаго
 М. А. Стаховича (стр. 154, 155), а теперь вторично проверѣ-
 рена и пополнена изъ устъ самого Н. Е. Ляковского, перво-
 начально напѣвшаго ее Стаховичу въ Берлинѣ:

¹⁾ Сахаровъ, возстановляя черты эпохи, поставилъ своего любимаго „вое-
 воду.“—²⁾ У Сахарова потому же „стрѣлціи.“—³⁾ Поволжскіе; см. выше.

Пѣсня Разинцевъ ¹⁾.

1.

(Губ. Тамбовской, у. Борисоглебск.).

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою,
надъ высокою ²⁾;

Надъ горою да надъ высокою,
Надъ долиною надъ широкою,
надъ широкою!

5. Ты освѣти насъ, красное солнушко:
Мы не воры и не разбойнички,
не разбойнички,
Атамановы мы помошнички,
Стеньки Разина мы работнички,
мы работнички ³⁾.

Шли два плотничка—два ли растопорничка ⁴⁾:

¹⁾ Стаховичъ почему-то неправильно называлъ ее „бурлачкою.“—²⁾ Способъ раздѣленія словъ при пѣніи указанъ нами въ 7-мъ выпускѣ.—³⁾ И такъ далѣе, по этому способу дѣленія и размѣщенія стиховъ.—⁴⁾ Стихъ разстанутъ (напѣвъ это дозволяетъ), древнѣе конечно—

Шли два плотничка-растопорничка.

Первоначально же, согласно съ нашимъ взглядомъ на основы народнаго стихосложенія, высказаннымъ отчасти въ 7-мъ выпускѣ, а подробнѣе развитымъ въ Чтеніи на Московскомъ Археологическомъ съѣздѣ 1869 года,—стихи были еще короче. Здѣсь господствуетъ 10 слоговъ, размѣръ „господствующій;“ размѣръ же „основной“ въ 8, на примѣръ:

Ты взойди, солнце красное,
Надъ горою высокою,
Надъ долиной широкою!
Освѣти добрыхъ молодецвъ:
Мы не воры-разбойнички,—
Атаману помошнички, и т. д.

Это доселѣ отзывается въ напѣвѣ, ибо онъ *переламывается* за два слога до конца, то есть на *восьми* слогахъ. Разинцы, слагая свою пѣсню, какъ дѣлаетъ весь народъ, взяли ее конечно не съ вѣтру, а изъ старшихъ основныхъ образцовъ творчества. — *Растопорничка* — съ топорами: *тол-оръ* отъ корня *тол-, тел-ать*, рубить, тесать, и это сохранилось въ словѣ *рас-тол-ыр-ивать*, растѣсывать топоромъ; *плотники*—что сплачиваютъ, *топорники*—растесываютъ, двѣ стороны плотничьей работы.

10. Они ¹⁾ строили церковь славную,
 Церковь славную, седмигладную;
 Какъ на той церкви крестъ серебряный,
 Крестъ серебряный, позолоченый:
 На крестѣ сидитъ мелкая ²⁾ пташечка,
 15. Мелкая ²⁾ пташечка кенареечка,—
 Высоко сидитъ, далеко глядитъ.

- Ужъ какъ до моря-мору Синему ³⁾,
 Тамъ и плаваютъ два кораблика,
 Два кораблика, третья лодочка:
 20. Хорошо ⁴⁾ лодка изукрашена,
 Пушками ⁵⁾, ружьями устанóвлена,
 Пистолетами изутыкана ⁶⁾,
 На кормѣ сидитъ есаулъ съ весломъ,
 У руля стоитъ атаманъ съ ружьемъ.

(Отъ Н. Е. Ласковского, съ дѣтства заучившаго пѣсню изъ устъ народа, въ роду пѣсней употребленія тамошней мѣстности, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ; у Стаховича въ I-II томахъ „Собранія,“ СПб. 1851, съ нотами).

* * *

Былины, примыкающія къ Руси Древней, которыя можно съ извѣстной точки зрѣнія назвать «несобственнымъ» именемъ *Татарскими* и которыя въ своемъ происхожденіи достаточно разъяснены нами на стр. 54—62, 166—213 выпуска 7-го, неожиданно пополнились двумя замѣчательными, весьма рѣдкими образцами. Соединяя ихъ со старшею Былиной, нами напечатанной, объ «Авдотѣ Рязаночкѣ», сопоставляя выдающіеся признаки ихъ—*Рязань, Оку, Литовскаго пана* въ сою-

¹⁾ Лучше: „Какъ мы;“ разумѣется постройка церкви въ Черкасскѣ.—²⁾ Д. б. „мелка.“—³⁾ Разумѣется Хвалынское, Каспійское.—⁴⁾ У Стаховича „Хороша.“—⁵⁾ Д. б. „Пушкамъ-ружьями,“ или „Пушками-ружьемъ.“—⁶⁾ Краски уже испорчены сравнительно съ древнѣйшими образцами подобныхъ Былинъ: см. выше.

зѣ съ *Татариномъ*, трехъ представителей на поприщѣ дѣйствія — *Литвина*, *Татарина* и Русскаго *Воеводу*, такія же три области равносильныя—*Татарскую*, *Литовскую* и *Московскую*, совпаденіе именъ *Руси* и *Москвы*, и т. п., убѣждаемся, что восходятъ эти пѣсни своимъ происхожденіемъ къ XIV вѣку, ко временамъ Олгерда и Ягеллы, Олега, Димитрія и Мамая; не дивимся потому, что имя *Мамая* является старшимъ и главнымъ въ нашихъ *Былинахъ*, какъ вставка для выраженія нашихъ отношеній къ *Восточникамъ*. Позднѣе уже того слѣдуютъ *Крымцы*, до *Годунова* и до пѣсни «изъ *Крыму* изъ *Нагаю*»; рядомъ появляются съ *Ермака* пѣсни *Сибирскія* — съ *Ураломъ*, *Дарьей*, *Байкаломъ* и т. п.; наконецъ *Турки*, переступающіе въ XVIII-й вѣкъ. Очень жаль, что не означена мѣстность, гдѣ записаны слѣдующія пѣсни; но имя записавшаго, А. Хр. Востокова, придаетъ имъ значительный авторитетъ подлинности, не говоря уже о народномъ-чисто складѣ, о древности и яркости всего ихъ творчества:

Татарскій полонь.

1.

Не спала млада—не дремала,

Ничего во снѣ не видала,

Только видѣла—сповидала ¹⁾:

Со восточную со сторонку ²⁾

б. Подымалася туча грѣзна,

Со громами—съ молоньями,

¹⁾ То есть—не во снѣ видѣла, а на яву.—²⁾ Согласованіе, известное въ языкѣ народного творчества и въ Древней Руси (употребленіе родительнаго вмѣсто винительнаго въ муж. родѣ перенесено, въ обратномъ положеніи, на родъ женскій; такъ „съ горсть, со щепотку“ и т. п. равняется родительному раздѣлительному, genit. distribut.).

- Со частыми со дождями,
 Со крупными со традами.
 Съ теремовъ верхі посломало,
 10. Съ молодцовъ шляпы посривало.
 Во Оку-рѣку побросало:
 А Ока-рѣка не примала.
 На кругъ бережокъ выбросала,
 Какъ на жолтинькой на песочикъ,
 15. На муравую на травку ¹⁾,
 На лазоревы на цвѣточки,
 На бумажные на листочки ²⁾.

- А на дугу на томъ стоялъ патрикъ,
 Во шатрѣ-то былъ постланъ коврикъ,
 20. На коврѣ сидитъ Татаринъ,
 Передъ нимъ стоитъ красная дѣвка.
 Она плачетъ и возрыдаеть,
 Ко Окѣ-рѣкѣ причитаеть,
 А Татарина увѣщаеть:
 25. «Охъ ты гой еси, злой Татаринъ!
 «Отпусти меня въ Русску зѣмлю,
 «Къ отцу къ матери на свиданье,
 «Къ роду къ племени на плаканье ³⁾!»

(Записано А. Хр. Востоковымъ, сообщено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ).

* *

2.

За горою за высокою
 Плачетъ тутъ дѣвка,

1) То же, что позднѣе „травя-мурава:“ пестрая. — 2) Появленіе бумаги и листовъ ея побудило перенести образъ ея на листы растеній, тѣмъ больше, что сама она—растительная, а листы ея—писаные—то же, что трава пестрая, мурава. Это встрѣчается и въ другихъ пѣсняхъ.—3) По роду и племени, какъ по отшедшихъ, обыкновенно совершаются „Плачи.“

- Плачетъ тутъ красна,
Русская полонянка.
5. Тѣшили дѣвку,
Тѣшили красну,
Русскую полонянку.
Панъ ¹⁾ да Татаринъ,
Третьей Воевода ²⁾:
10. «Не плачь ты, дѣвка,
«Не плачь ты, красна,
«Русская полонянка!
«Сошьемъ тебѣ, дѣвкѣ.
«Шубку ³⁾ Татарску,
15. «(Шапку Литовску ⁴⁾,
«Сапогъ по Московски ⁵⁾.)»
— Не надо мнѣ, дѣвкѣ,
— Не надо мнѣ, красной,
— Шубка Татарска ⁶⁾,
20. — Шапка Литовска,
— Сапогъ по Московски:
— Надо мнѣ, дѣвкѣ,
— Надо мнѣ, красной,
— На Русь побывати,
25. — Съ батюшкой повидаться.—
«Вона ты ⁷⁾, дѣвка,
«Вона ты, красна,
«Батюшка въ гости ѣдетъ ⁸⁾!)»
— Ой вы, Татара,

¹⁾ Литовскій.—²⁾ Русскій.—³⁾ Въ старшемъ значеніи: *шубу*, женскую и небольшую—шубку; потомъ это вообще теплая юбка, и наконецъ всякая юбка (*jupe* одного корня съ *шуб-*, нѣм. *schuppe*). Потомъ уже, при последнемъ значеніи шубки, стали отличать отъ нея съ одной стороны женскую *шубу* (мѣховую), съ другой *шубейку* (также теплую).—⁴⁾ Со шитымъ верхомъ.—⁵⁾ Съ голенищами, въ охватъ (древнѣйшее это слово вѣроятно отъ „съ-па-ти (носов.),“ *с-лив-ать*; окончаніе какъ въ *лив-огъ*): въ отличіе отъ восточныхъ туфель или въ родѣ нашихъ калошъ.—⁶⁾ *Надо* съ именительнымъ, старинное согласованіе; при женскомъ же родѣ краткая форма *нада*, надобна, отъ *надъ*.—⁷⁾ *Смотри-ка ты*.—⁸⁾ Вѣроятно старше: „Батюшка ѣдетъ (по складу стиха).“

30. —Злы вы—поганы!
 —Не могу ставати,
 —Рукъ поднимати ¹⁾,
 —Съ батюшкой повидаться ²⁾.—

(Оттуда же).

Какъ переходъ къ Петру и XVIII, вѣду представляются по-
 минуты выше «Канты» или, что тоже, искусственные, книж-
 ные Стихи:

I.

О Велицѣй Россіи

и

о сопротивіи съ Ляхи

и

о градѣ Кіевѣ.

Слышите, людіе, и внушите,
 Господа Бога благодарите
 И пойте пѣснями, Славословяще Его:
 Елико творить чудесъ преславныхъ
 Въ царствіяхъ, земляхъ многодержавныхъ
 Силою крѣпости Своею премногою!
 Сильніи въ мірѣ вси Имъ храбрують,
 Царіе-князи мирно мирують,
 Его же бо и моря, Земля же и небо.

¹⁾ Измучена.—²⁾ По складу вѣроятно было прежде „Батюшку видати, Съ батюшкой свидаться“ и т. п.

Россія. древле сущи преславна,
Въ храбрыхъ воинѣхъ слыне ¹⁾ издавна

Славою многою Тезоименитою.

Отъ Рюрика, Князя Великаго,
И Игоря всенарочитаго

Донинѣ въ Украинѣ Россійской непремѣн-
нѣ

Плодъ прорастаетъ боголюбивый,
Въ вѣрѣ Его незыблемый,

Изящный, премоцный И всеблагопомощный.

Владимиръ вѣры есть насадитель,
Врагомъ окрестнымъ истребитель,

Богови угодилъ, Сугубыхъ врагъ по-
бѣдилъ.

По немъ Ярославъ въ Кіевѣ-градѣ
По отцѣ своемъ на столцѣ ²⁾ сѣде,

Свою сотвори И во славу расшири.

Посемъ въ Россіи грѣхъ умножися,

Гнѣвъ отъ Господа на ню изляся:

Отъ Скивовъ плѣненна И зѣло опустѣнна.

Оттолѣ Ляхи на ню возсташа,

Государство свое распространиша,

Кіевъ-градъ преогли И надъ нами возмогли;

И Русь на двое злѣ раздѣлиша,

Многое время въ ней възцариша

И, яко своими, Овластвовали всѣми³⁾.

Великая Русь, отъ низу ся взявши ⁴⁾,

Милость Господню паки приѣмши,

И крѣпость распростре, Даже до моря прост-
ре.

¹⁾ Слыветъ, славится.—²⁾ На престолѣ, какъ въ лѣтописяхъ.—³⁾ „всими.“—

⁴⁾ Взавшись, поднавшись.

**О гордыхъ и гнѣвливыхъ Ляхахъ,
Како гордостію хотѣли Россіею обладати
И Православіе въ ересь низложити.**

Кто хочеть, прииди и узри,
 Чтѣ въ мѣрѣ ся дѣветъ,
 Брани днесъ умножѣшася
 Братъ брата убиваетъ,
 Ненависть междусобная,
 Точитъ кровѣмъ токи,
 Юноши млады и дѣвы,
 Охъ, охъ, вездѣ се слышимъ,
 Нѣкогда страна славная
 Паде, паде мечемъ,
 Окрестъ вси врази ликують,
 Зря сію обнаженну
 Славнии вси и княжата
 По рукамъ связаны
 Подѣлье стонеть, рыдаеть,
 Чадъ своихъ заколенныхъ
 Тысящи и тмы падоша,
 Земля стала пуста,
 Гради бо вси суть сожжени,
 Горе, горе оставшимъ:

О гордость, то твое дѣло,
 Се ты Богъ смиряеть,

Очима своима воззри,
 Чтѣ въ насъ самихъ спѣветъ:
 И мечи изостришася;
 Кровь отца проливаетъ;
 Изреци неудобная,
 Падають отрѣки,
 Матери бывають вдовы.
 Приидите, сія внушимъ!
 И врагомъ всѣмъ ужасная
 Междусобнымъ сѣчемъ ¹⁾;
 Веселятся, торжествуютъ,
 И въ конецъ опустошенну.
 Ведутся яко отрочата
 Во Скиѣскія ²⁾ страны.
 Волынь плачетъ, въздыхаетъ
 И вездѣ избѣенныхъ.
 Врази ³⁾ во плѣнъ отведоша,
 Предъ тымъ сущи густа,
 Живущии внутрь сотрени.
 Блюдутъ ихъ къ бѣдамъ вя-
 щимъ!

Еже отечество не цѣло!
 Гордыхъ низлагаеть.

¹⁾ Муж. родъ: междусобною сѣчью.—²⁾ Турецкія: обычное имя у тогдашнихъ ученыхъ.—³⁾ „Въ разный.“

Господствомъ бо ся вознесосте,

Рѣсте бо: «Ихъ порубимъ
На Бога брань поднесосте,
Ересь умножисте,
На вѣру ополчистесь,
«Погубимъ православныхъ,

Но Богъ совѣтъ вашъ преврати
Ровъ бо ископасте,
Но вѣрныхъ Богъ сохраняетъ,
Не къ тому ихъ имѣйте ¹⁾,
О Ляхи горделивые,
Русь васъ не боится,
Есть бо въ нихъ ²⁾ царь православный,

Той ваши главы сотретъ
Помози, Господи, царю,
Враговъ низложити,
Его же Самъ избралъ еси,
Да вси Тя восхваляемъ

Въ смиренныхъ ¹⁾ луть на-
лякосте ²⁾,

И радостно вострубимъ!»
Въ хулахъ уста отверзосте,
Вѣрныхъ оскорбисте,
Клятвами утвердистесь:
Всегда намъ сопротив-
ныхъ ³⁾!»

И гордыхъ нынѣ укроти:
Сами въ оныя впадосте.
Въ едино ихъ сочетаетъ:
Едини погибайте!
Ярые и гнѣвливые!
Вѣрою щититесь:
Благій, кроткій и смирен-
ный ⁴⁾.

И вѣру вашу потретъ.
Великому государю,
Сильныхъ покорити!
Того рогъ славно вознеси,
И въ пѣсняхъ величаемъ!

(Оттуда же).

*

3.

**Глаголетъ Полца о бывшей храбрости, и плѣне-
ніи своимъ, и повореніи, во благочестивѣйшему
царю и великому князю Алексію Михайловичу.**

Въ жалости днесъ зѣло обомираю,
Слезы точащи, чадъ моихъ рыдаю,

¹⁾ „Къ смиреннымъ.“—²⁾ Напрягли вы лукъ.—³⁾ Все это говорится о верхнихъ слояхъ Малой Руси, взмѣнившихъ вѣрѣ, языку, народности, католикахъ и униатахъ.—⁴⁾ Теперь уже вамъ не имѣть простой народъ въ рукахъ.—⁵⁾ У нихъ, Русскихъ, въ Малой и Великой Руси.—⁶⁾ „Тышайшій“ Алексій,

Авъ, мати, лють опечалѣнная
 И всѣхъ радостей изовлечѣнная.
 Бѣхъ бо нѣкогда тако украшенна,
 Яко надъ страны славно вознесенна,
 Коше мое на вразѣхъ бывало
 И сердца сильныхъ въ бранехъ ужасало.
 Но нынѣ мечи и щиты державны
 Во мнѣ крѣпчайшихъ чадъ всѣхъ посмѣянны,
 Вои велики худыми бываютъ,
 Отъ Скиѣскихъ языкъ на земли падають.
 Сами бо въ себѣ мечь свой угрязиша
 И мене, мать свою, уязвиша.
 Юнощг прекрасныхъ и дѣвъ удобрѣнныхъ
 Полны всѣ страны нынѣ суть плѣненныхъ.
 Авъ плачу, Полща, плачу неутѣшно,
 Рыдаю во слезахъ со кровію смѣсно:
 Чада во мнѣ вси вкупѣ пребывали,
 Всюду страхъ лють, гдѣ ся обращали;
 Вънець мой златый, въ Полщѣ положенный,
 Въ тріехъ ми чадѣхъ славно уплетенный,—
 Ляхи, Русь, Литва,—то суть чада моя:
 Два возгордѣша ¹⁾, взяша мечи своя,
 Юнаго брата ²⁾ убить совѣщаша,
 А мене, мать, зѣло обругаша;
 Юный языковъ себѣ умоляетъ ³⁾
 И, гордыню ихъ низложь ⁴⁾, покаряеть.
 Авъ, мати, молихъ, ся ⁵⁾ паки згодити ⁶⁾:
 Но не хотѣша съ собою смирити.
 Смиряше юный: не хотяху ⁷⁾,
 Мене ⁸⁾, мать свою, зѣло умерщвляху.

¹⁾ Возгордились Ляхи и Литва.—²⁾ Малорусса.—³⁾ Малоруссъ склоняеть на свою сторону другіе народы.—⁴⁾ Низложивши гордыню другихъ братьевъ.—⁵⁾ „смиѣ.“—⁶⁾ Чтобы они примирялись.—⁷⁾ Другіе два брата.—⁸⁾ „Мя.“

Красоту мою лють увядѣша
 И до срачицы даже обнажиша;
 На брата съ щиты, съ мечи наступаютъ,
 Низложить его вскорѣ усиляютъ.
 Юный такожде на нихъ ополчися,
 Въ мужествѣ своемъ въ нихъ возведичися,
 Положи трупы—горь преввысочае
 И, нивложивъ ихъ, самъ паки смиряе.
 Много нань тыя ¹⁾, много наступаху:
 Въ рупцѣ его вси крѣпцы падаху;
 Градове, села въ конецъ раскопаша,
 Мужіе, жены Скиѣомъ вся предаша.
 Азь же, мати, зѣло возрыдала,
 Златые власы исторгала
 И молихъ ²⁾ сына моего малаго,
 Ужалитися отечества своего:
 Послѣша мене не единою ³⁾,
 Показа милость надъ родительною;
 Но паки тые братія возсташа
 И мене, мать свою, обругаша.
 Азь же ⁴⁾ повелѣхъ тому уступати,
 Благовѣрному царю ся покарати:
 Но паки самъ вскорѣ сіе сотвори
 И великому цареви ся покори.
 Сама же его ⁵⁾ рада ожидати
 И власти его хощу ся предати ⁶⁾:
 Гряди, о царю, чадъ мойхъ смиряя,
 Ни единою ⁷⁾ бо есть мнѣ ся покоряя ⁸⁾,
 Да паки мою наготу покрывешъ,
 Когда мойхъ чадъ ярость всю сокрывешъ!

(Оттуда же).

*

¹⁾ Старшіе братья.—²⁾ „Молимъ,“ молю.—³⁾ Не разъ онъ меня слушался.—
⁴⁾ не?—⁵⁾ царя.—⁶⁾ „дати.“—⁷⁾ Ни единое (чадо)?—⁸⁾ Ибо ни одинъ изъ нихъ,
 ни однажды, мнѣ не покоряется.

**Пѣснь Господевѣ о покореніи иноплеменныхъ языкъ
благочестивѣйшимъ царемъ нашимъ.**

Вси языци руками плещите,
Вси Іаковлю Богу воскликните
Гласомъ, гласомъ, гласомъ радованія,
Въ сыновство насъ къ Себѣ воззванія ¹⁾.
А вѣмъ ²⁾ яко Господь есть превышній,
Надъ цари всѣми земными страшнѣйшій.
Сей люди намъ гордыя подѣ ноги
Покори и языки царемъ многы.
Изра Велій своимъ веліимъ
Іоанну—Петру ³⁾ достояніемъ,
Лѣпотѣ—добротѣ Іаковлі,
Исполнивый уже, идѣже возлюби ⁴⁾.
Исполнивый—еще да исполнить,
Іоанна—Петра во всемъ умножить!
И вы съ нами вси сія изрецыте,
Ко Господу зъ сердца проглаголите
Гласомъ, гласомъ, и т. д.

(Оттуда же).

* * *

Это все—начало и переходъ, за которымъ слѣдуютъ уже приведенныя выше Канты о Петрѣ, а за тѣмъ слѣдующіе дополнить образцы народнаго творчества, помещенныя въ выпускѣ 8-мъ.

¹⁾ Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.—²⁾ Абовѣмъ, ибо, такъ какъ: въ формѣ первоначальной,—«ибо знаю, ибо извѣстно.»—³⁾ Іоанна, Петра?—⁴⁾ Обычная чепуха въ произведеніяхъ сего рода.

Часть III.

Выпускъ 8.

Добрыня Богатырскихъ Былинъ, именно когда онъ покидаетъ домъ свой и родную сторону, отправляется далеко въ отъздъ и горько жалуется на эту службу свою, послужилъ для творчества народнаго на долго типомъ или образцемъ лицъ и обстоятельствъ сего рода: это, мы видѣли, повторилось на Петрѣ, объ его дѣтствѣ, молодости и отъздѣ; это отозвалось даже на отъздѣ двухъ братьевъ изъ плѣна, «изъ Крыму изъ Нагаю,» хотя тутъ должна бы явиться радость свободы, но именно по причинѣ невзгодъ на дорогѣ и въ слѣдствіе постигшаго «безвременья,»—этой страшной, роковой силы, пугающей постоянно творческое воображеніе нашего народа (см. выпускъ 7-й, стр. 186, 187). Еще болѣе расцвѣлъ и разыгрался такой типъ въ нашихъ «Безвременныхъ Молодцахъ,» въ собственномъ смыслѣ ихъ, то есть потерявшихъ въ творествѣ историческое имя свое, а иногда вовсе и не имѣвшихъ его въ жизни, но по горькой участи какъ либо попавшихъ въ положеніе «безвременья.» Созданъ изъ этого, какъ извѣстно, цѣлый особый разрядъ Былинъ, который предстанетъ намъ въ своемъ мѣстѣ, въ числѣ пѣсней Безымянныхъ Молодецкихъ. А пока здѣсь кстати привести пѣсню, которая соединяетъ собою и Добрыню, и Петра, и бѣглецовъ изъ Нагаю, повторяя не только творческія черты, но даже дословно самыя выраженія, нарочно для того отмѣчаемая у насъ въ печати курсивомъ:

**Безвременный Молодецъ,
молодость его, пора и время,
выступъ въ чужіе люди и безвременье.**

1.

- Соколы ли въ чистомъ полѣ не птица,—
Да и тотъ ли по чисту полю гуляя ¹⁾
Болотную воду попиваетъ:
А я ли, Добрый Молодецъ, не удалый ²⁾?*
5. *Когда было Молодцу пора и время,
Отецъ и мать меня любили,
Сестры-братья и родъ-племя хвалили,
Друзей у Молодца было много:
А какъ нынѣ Добру Молодцу безвременье,*
10. *Отецъ и мать дѣтинушку не взлюбили,
Весь родъ-племя удаломо не узнали,
Друзья все и пріятели позабыли.
Ссылають Добра Молодца со подворья.
Пошолъ я, Добрый Молодецъ,—самъ заплакалъ,*
15. *Въ слезахъ пути-дороженьки не взвидѣлъ,
Въ возрыданьицѣ словечушка не молвидѣлъ.*

(Писания Чулковскій и Новаковскій, за тѣмъ при Жигали В. Кавна; поддѣлки и Сахаровъ не перепечатавали, не правилось).

* * *

¹⁾ Пропущено „пѣшь“, а потому, вмѣсто „гуляеть“, книжникомъ поставлено ненародное дѣепричастіе.—²⁾ Прибавьте для полноты, въ нынѣшнемъ нашемъ смыслѣ: да и на меня, какъ на сокола, пришло безвременье.

Сравненіе чедовѣка въ бѣдѣ съ „соколомъ въ мытѣхъ“, то есть собственно, по первоначальному смыслу, „въ передѣлкѣ“, въ мытарствѣ, начинается у насъ, даже въ самой письменности, весьма высоко,—со Святослава въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „А чи диво ся, братіе, стару помолодити, коли соколъ въ мытѣхъ

Выше у нас замѣчено, что, изъ всѣхъ плачей по государямъ, Петру 1-му собственно усвоена пѣсня съ граціознымъ началомъ о ранней гибели молодаго деревца—Смородины, и нельзя не прибавить, что къ нему же привилась Былина о гибели во Москвѣ рѣкѣ—Смородинѣ. — Подобное же начало,—

бываетъ, (а потомъ, поправившись) высоко птицъ взбиваетъ? В творчествѣ устнои эти образы и обороты видѣе перешли на Романа, Волынскаго Голицкаго, а послѣ Московскаго, тѣсно связанныхъ между собою (благодаря имени), и отсюда на Никиту Романовича. Въ постигшемъ безвременьѣ, какъ и Святославъ, горько жалуются они на старость, вспоминають утраченную молодость, но образъ сокола, мелькнувши предъ ихъ взорами, тотчасъ воскрешаетъ ихъ бодрость и, страхнувъ сѣдну какъ ильа, встряхнувши со сна молодца свои силы, бросаются они на коня, въ дѣло:

„Ахъ же молодость ты, моя молодость,

„Улетѣла отъ меня да во чисто поле,

„Во чисто поле улетѣла лѣснымъ соколомъ!

„Ахъ же старость моя, старость глубокая,

„Налетѣла ко мнѣ старость изъ чиста поля,

„Изъ чиста поля налетѣла чернымъ воробомъ,

„Садилась на плечика могучіе!“

Становился Микита на рѣзвы ноги,—

Палъ Микита о киринчель мостъ,

Обвернулся Микита добрымъ молодцемъ,—

Бралъ добра коня онъ богатырскаго,—

И садился Микита на добра коня,—

и—„повыѣхалъ битъся.“—Или же:

Говоритъ князь Романъ Дмитріевичъ:

„Ахъ ты молодость моя молодецкая!

„Какъ былъ я мастеръ въ молоду пору

„По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ воронкомъ,—

„По синимъ морямъ плавать сѣрою утешкою!

„Ахъ ты старость моя глубокая,

„Да не въ пору молодца старость состарила,—

„Сердце молодецкое соржавило,

„Русы кудри посѣдѣли...

„Ахъ же сила моя—войско сорокъ тысячей!

„Сѣдлите-узайте добрыхъ коней!

И пѣсня кончается:

«Земляничка ягодка, На полянкѣ выросла, Подъ кусточкомъ вырѣла,» отдано той пѣснѣ, гдѣ горожанка дѣвушка безвременно выдана въ непривычную ей деревню, въ несогласную семью, на явное горе. — Но есть въ нашемъ творествѣ еще третье такое же начало — «Ты рябинушка, ты дудрявая,» и

князь Романъ Дмитріевичъ

Старостью не старѣеть,
Голова его не сѣдѣеть.

Еще:

Старый Никита Романовичъ
Сталь во палатамъ похаживать,
Могучими плечами поворачивать:
„Молодость моя, молодость,
„Улетѣла моя молодость во чисто поле,
„Во чисто поле яснымъ соколомъ...
„Я слечу во чисто поле!“

Разъ даже, при слухахъ о послѣднемъ безвременнѣ, Былина изображаетъ Романа точь въ точь какъ фигуру сокола, когда онъ линяетъ и хохлится, уткнувъ голову между плечъ, и, оправившись, бросается потомъ на добычу:

А онъ кинулъ головушку между плече,
А утупилъ очи ясны въ калиновъ мостъ,...—
А хватилъ ножнице-кинжалнице,
А ударилъ онъ во дубовый остъ,—
И взымалъ онъ, князь Романъ Дмитріевичъ,
Силушки сорокъ тысячей,
И прѣхалъ ко-рой-рѣкѣ-ко Смородины.

(ср. 1—4 томы собр. Рыбникова). Потому же и Святославъ обращается къ Роману: „А ты, буй Романе!... Високо плаваешь на дѣло, въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяешь, хотя пищо въ буести, одолѣти.“ И кончается тѣмъ же рѣшеніемъ: „Вступита, господина, въ заветъ стремень за обиду сего времени!“ Таково-то „Великій Святославъ изрони злато слово, слезами смѣшено,“ и это золотое слово пронесется сквозъ все народное творчество, отзываясь каждый разъ, какъ только настаетъ пора смѣшать слово со слезами, во всякомъ безвременнѣ; когда же Романъ и Никита, по Былинамъ, обычно выѣзжаютъ въ слѣдъ за словомъ своимъ ко Смородину,—вотъ еще новый предлогъ перенести всѣ ихъ черты и выраженія на Безвременнаго Молодца, ибо онъ, мы знаемъ, терпитъ бѣду черезъ „Москву рѣку—Смородину.“

объ этомъ должны мы сказать подробнѣе. Не разъ уже изъ нашихъ многочисленныхъ указаній немногочисленные наши читатели могли убѣдиться, какъ не рѣдко изъ Былинъ, посредствующимъ путемъ Побывальщины и Старицы (женской), вообще изъ пѣсней Былевыхъ и Историческихъ, разламываются, снова слагаются мозаичными частями и возникаютъ пѣсни Безъимянныя, Молодецкія, утратившія Историческое или Былево имя, обстоятельство и поприще дѣйствія, напротивъ замѣняющія весь этотъ пробѣлъ, въ незамѣтныхъ взгляду неопытному шшивкахъ, разнообразіемъ красокъ жизни частной, личной или семейной, внутренней, *всѣмъ* равно знакомой, *всякому* доступной и возможной. Бываетъ совсѣмъ на оборотъ,—и этому также у насъ приводились примѣры: когда позднѣйшая историческая пѣсня слагается на основахъ пѣсни древнѣйшей—не исторической, или, правильнѣе, событіе внѣшней жизни мотивируется творчествомъ по складу явленій жизни внутренней, а говоря языкомъ давней Греціи, эпической приемъ вбираетъ въ себя соки и силы лиризма. Самыя старшія наши Богатырскія Былины и Былевыя Стихи суть ничто иное, какъ въ историческое время, или при выходѣ къ нему, воскресшіи эпосъ на развалинахъ пѣсни доисторической, которая потеряла жизнь вмѣстѣ со смертью жизни доисторической, за то уступила въ наслѣдство жизни новой свои краски, образы, черты и приемы. Но тамъ, чтобы усмотрѣть эту связь, потребно много свѣдѣній и опытности: гораздо виднѣе и осязательнѣе, когда позднѣйшая, говоримъ, историческая пѣсня создается изъ старшей не исторической, на примѣръ бытовой, семейной, обрядной и т. п. Особенно это совершается въ такъ называемыхъ «плачахъ» и въ пѣсняхъ отъ извѣстнаго «лица», изображающихъ судьбу его: какъ старое историческое имя не рѣдко здѣсь вытѣсняется новымъ и пѣсня о смерти Ивана Грознаго готова совсѣмъ для Петра, или же пѣсню сосланной жены Грознаго можетъ обозвать своимъ именемъ Лопухина, такъ, на оборотъ, любой образецъ старшаго творчества въ народѣ *каждому* *своей*,

и лицо, обставленное историческими признаками времени, встрѣтивъ какое либо сходство судьбы своей съ образами пѣсни старинной, примѣняетъ «образецъ» къ своему «образу,» окрашиваетъ собственными, ему лишь одному присными чертами и названіями, и—мы получаемъ пѣсню *историческую* изъ старшей *семейной, бытовой, обрядной*. Цѣлый народъ къ такому пріему теперь не прибѣгаетъ; у него хранится, по возможности неизмѣнно, Былевая пѣсня—такъ Былевая, Историческая—такъ Историческая: но и онъ изъ рукъ отдѣльнаго, тѣмъ болѣе крупнаго историческаго лица, беретъ не рѣдко пѣсню, къ лицу сему примѣненную, беретъ или распѣваетъ ее въ лицѣ третьемъ, не отличая въ ней и даже забывая за нею исконную, всеобщую, коренную, совсѣмъ другаго рода пѣсню (ученая и учебная классификація возможна намъ, не народу). Такъ, мы имѣли случай замѣтить, что могла же Ксенія развить свой «Плачь» на основѣ старшихъ образовъ Купальскаго обряда, воспѣвающаго гибель дѣвушки; Лопухина могла же знать общую пѣсню—«Возлѣ рѣчки я хожу млада,» чтобы примѣнить ее къ себѣ; Разинцы въ своей пѣснѣ формулировали очевидно старшую и общую поволжскую, разбойничью: то же самое случилось съ «Рябиношкой.» Не съ воздуха взята «Смородинка,» чтобы въ ней оплакать преждевременную кончину Петра, или, пожалуй, принеслась она съ того же воздуха, по коему носится *общая* народная пѣсня: ее *примѣнили къ Петру* изъ старшей, а въ старшей видимъ то же начало—сравненіе, ту же раннюю кончину,—но только *всякой* дѣвушки, оплаканной *всякимъ* молодецъ, тѣ же вѣтры буйные, чтобы раскрыть гробовую доску, тотъ же послѣдній поклонъ. Вотъ она, старшая:

Плачь на раннюю смерть.

1.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
 Ты когда взошла ¹⁾, когда выросла,
 Ты когда цвѣла, когда выцвѣла?
 «Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
 5. «Я зарей цвѣла, въ полдень выцвѣла ²⁾»

Подъ тобой ли подъ рябиною
 Что не макъ цвѣтеть, не огонь горить:
 Что горить сердце молодецкое
 По душѣ ли той красной дѣвицѣ.
 10. Красная ³⁾ дѣвица переставилась.

Ой вы вѣтры, вѣтры тёплые!
 Перестаньте дуть, васъ не надобно.
 Потяните вы, вѣтры буйные,
 Что со той стороны сѣверной!
 15. Вы развѣйте мать сыру землю,
 Вы раскройте гробову доску,
 Вы пустите меня проститься
 И въ послѣдній разъ поклониться.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

*

¹⁾ У Чулкова «вошла.—²⁾ Чтобы выдержать сравненіе съ ранней смертью, надо дополнить стихами, которые конечно существовали въ старшихъ образцахъ и заняты въ пѣсню о Петрѣ: „Распрекрасное мое деревцо, Ты ничто рано позадомана, Во пучечки перевязана, По дикой стѣлѣ поразбросана?“—
³⁾ Д. б. „Красна.“

Прибавьте сюда нѣсколько разъ печатанные у насъ «Плачи» и «Заплачки,» хотъ изъ сборника Рыбникова, и посмотрите, какъ выбраны отсюда черты для Плача о смерти Петра Великаго. Это переходы—не искусственныя передѣлки; то не поддѣлка, не порча,—въ этомъ и состоитъ жизнь искусства, поддержка его послѣдовательнаго развитія.—А чтобы вамъ было яснѣе, вотъ и другая сторона,—какимъ путемъ вкрадывается дѣйствительная порча и что такое книжная искусственность. И. И. Дмитріевъ, Гурьяновъ, Сахаровъ, далеко опередивши производительность г. О. Миллера, возлюбившаго Илью Муромца и, подобно ему, возлюбивши пѣсню, такъ ее воздѣлали, что потрудитесь узнать ее въ нижеслѣдующей размалѣвкѣ:

2.

- Ты рябинушка, ты кудрявая,
 Ты когда взошла, когда выросла?
 Ты рябинушка, ты кудрявая,
 Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
 5. «Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
 «Я весной цвѣла, лѣтомъ вызрѣла ¹⁾»

- Подъ тобою ли рябинушкой
 Что не макъ цвѣтеть, не трава растетъ ²⁾,
 Не трава растетъ, не огонь горить,
 10. Не огонь горить—ретиво сердце,
 Ретиво сердце молодецкое.
 Ахъ, горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ ³⁾,

¹⁾ Искусники не замѣтили, что тутъ нѣтъ ничего преждевременнаго, если весной цвѣла, а лѣтомъ вызрѣла.—²⁾ Въ старшемъ подлинникѣ—подъ сѣнью рябины какъ макъ цвѣтъ молодецъ, а въ немъ сердце какъ огонь горить: здѣсь напротивъ выходитъ, что ретивое сердце у молодца какъ трава растетъ. Очень метко и живописно.—³⁾ Послѣ этого, для изображенія тревогъ сердца, недостаетъ только выраженія—„яко громъ гремитъ,“ какъ описываются чины у мучителей въ нашихъ духовныхъ Стихахъ.

- По душѣ ль, душѣ ¹⁾, по лебедушкѣ,
 По лебедушкѣ, по голубушкѣ ²⁾,
 15. По голубушкѣ красной дѣвицѣ.
- Ты душа ль, душа, красна дѣвица!
 На зарѣ ль, зарѣ, зарѣ ³⁾ утренней,
 При восходѣ ли свѣтла солнышка,
 Не простившись съ отцомъ, съ матерью,
 20. Не выдавшись съ добрымъ молодцемъ ⁴⁾,
Жизнь оставила, скончалася ⁵⁾.

- Ой вы вѣтры, вѣтры теплые,
 Вѣтры теплые, вы осенние ⁶⁾!
 Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно ⁷⁾.
 25. Прилетайте вы, вѣтры буйные,
 Что со сѣверной со сторонушки!
 Вы развѣйте здѣсь мать сыру землю,
 И, развѣвши ⁸⁾ по чисту полю,
 По чисту полю по широкому,
 30. Вы раскройте мнѣ гробову доску,
 Ужь и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
 Распростатися съ моею милою,
 Съ моею милою, душой дѣвицей:
Окропивъ ее юрючой слезой,
 35. *Я вздохну, умру подлѣ ней тогда* ⁹⁾!

(Достигло окончательнаго изящества у Сахарова).

¹⁾ Горить сердце по душѣ.—²⁾ Изобрѣтатели не помнятъ, что она—рябина кудравая.—³⁾ Звучныя и неизбежныя повторенія.—⁴⁾ Умерла на зарѣ и при восходѣ солнца, за чѣмъ-то не простилась и даже не выдалась съ молодцемъ, который однако сидѣлъ при этой рябинѣ.—⁵⁾ Возможно это въ творчествѣ народномъ? — ⁶⁾ Осенніе вѣтры—теплые.—⁷⁾ Въ подлинникѣ: миновала весна, не пора уже теплымъ вѣтрамъ; у искусниковъ—дуите теплые осенніе вѣтры, гдѣ угодно, но здѣсь—не надобно, не дѣлайте разложенія трупу. Изящно. — ⁸⁾ Сообразили, что нужно прежде развѣять землю, потомъ уже открыть гробъ.—⁹⁾ Конечъ уже превосходить всякое вѣроятіе.

Послѣ всѣхъ этихъ примѣровъ и нашихъ изданій, не легко будетъ справиться съ накопившимися многочисленными томами нашихъ «учебныхъ руководителей,» хрестоматиковъ и всякихъ ревнителей «общественной пользы,» усердно выбиравшихъ изъ Сахарова образцы нашему бѣдному юношеству.

* * *

Выше приведенныя нами, по представленіямъ народнаго творчества, невзгоды, коимъ подвергался Петръ 1-й въ своемъ путешествіи по чужимъ краямъ, выражены *рѣкою Смородиной* и олицетворяющею ее *дѣвицею*, потомъ, въ особыхъ пѣсняхъ, опасности позднѣйшихъ поѣздокъ по морю, образъ той же губительницы — *дѣвицы, Шведской королевы*, которая ищетъ словить Петра, старанія о томъ ея приближенныхъ, но спасеніе государя—простымъ человѣкомъ, поѣздка съ нимъ домой и т. п.,—все это поддерживается въ народномъ творествѣ еще двумя, однородными, *сказками*:

Сказки о Петрѣ.

1.

704 года гулящій человѣкъ Никита Мининъ въ Преображенскомъ объявилъ,—дворцоваго повара Якова Чуркина жена при немъ говорила ¹⁾: «Какъ государь и его ближніе люди были за моремъ, и ходилъ онъ по Нѣмецкимъ землямъ, и былъ въ Стекольномъ,—а въ Нѣмецкой землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица. И та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду, и, снявъ съ сковороды, велѣла его бросить въ темницу.

¹⁾ Стало быть это преданіе, ходившее тогда въ народѣ: оно близко согласно съ напечатанною у насъ пѣсней.

«И какъ та дѣвица была имянинница, и въ то время князи ея и бояре стали ей говорить: «Пожалуй, государыня, ради такого своего дни, выпусти его, государя!» И она имъ сказала:—Подите, посмотрите; буде онъ валяется ¹⁾, и для вашего прошенія выпущу.—И князи и бояре, посмотри его, государя, ей сказали: «Томень ²⁾, государыня.» И она имъ сказала:—Коли томень, и вы его выньте.—И они, его вынявъ, отпустили.

«И онъ пришелъ къ нашимъ бояромъ ³⁾, и бояре перекрестились, сдѣлали бочку, и въ ней набили гвоздья, и въ тоѣ бочку хотѣли его положить. И про то увѣдалъ стрѣлецъ ⁴⁾ и прибѣжалъ къ государю къ постелѣ, и говорилъ:—Царь-государь, изволь встать и выйти! Ничего ты не знаешь, что надъ тобою чинитца ⁴⁾.—И онъ, государь, всталъ и вышелъ, и тотъ стрѣлецъ на постелю легъ, на его мѣсто: и бояре пришли, и того стрѣльца, съ постели схвата и положи въ тоѣ бочку, бросили въ море.»

(Сообщено С. М. Соловьевымъ въ „Чтенія“ 1862, кн. 4, вѣроятно изъ „дѣлъ“ Преображенскаго Приказа? Къ сожалѣнію, какъ въ „Исторіи Россіи“ не всегда по Примѣчаніямъ можно усмотрѣть въ ясности источникъ показаній, такъ и здѣсь вовсе не сказано, откуда выписано).

*

Въ слѣдующемъ образцѣ выдается собственно *луть съ крестьяниномъ* (спасающимъ) *домои*, а разговоръ по пути принадлежитъ къ другимъ отдѣламъ народнаго творчества

2.

(Шудожск. уѣздъ, Шальская волость).

Наѣхалъ царь Петръ въ лѣсу на мужика: мужикъ дрова сбѣгеть. И говорить ему царь: «Божья ти помочь крестьянство-

1) Если еще живъ.—2) Живъ, по истомленъ: обычный отвѣтъ въ нашихъ и Сербскихъ Былинахъ при такомъ случаѣ.—3) Это конечно опять бояре *тамошніе*, а наши явились уже какъ порча сказанія, какъ вставка, отражающая извѣстное злорадство противной Русской партіи; отъ того же вѣроятно явился и *стрѣлецъ* вмѣсто *крестьянина*.—4) Обычное въ Былинахъ: „Спишь ты—прохлаждаешься, никакой невзгоды“ или „падъ собой погибели не вѣдаешь,“ и т. п.

вати!»—Мни-ка надо Бога на́ помочь!—«А велико ли у тебя, старичокъ, семейство?»—А семейство у меня двѣ дочери да два сына.—«Не велико жь твое семейство. Куда же ты деньги кладешь?»—Кладу я деньги на три статьи: во первыхъ долгъ плачу, а въ другихъ въ долгъ даю, а въ третьихъ въ воду мечу.—Царь призадумался, что́ бь это значило, что старикъ и въ долгъ даетъ, и долгъ платитъ, и въ воду мечетъ? И говорить ему старикъ:—Въ долгъ даю, — двухъ сыновей кормлю; долгъ плачу,—старого отца и мать кормлю; а въ воду мечу, — двухъ дочерей кручу ¹⁾.—«Ну,—говоритъ ему царь,—умная ты голова, старичокъ. Будутъ со святой Руси бѣлые гуси, умѣйка щипать. А теперь сведи меня въ степи, я дороги не знаю.»—Почто я тебя поведу? Найдешь самъ дорогу: иди прямо, сверни вправо, тутъ поворачи влѣво, а тамъ опять вправо.—«Этой я грамоты, — говоритъ царь, — не знаю. Ты меня сведи.» — А миѣ, сударь, въ крестьянствѣ день дорого стоитъ. — «Дорого день стоитъ, да я тебѣ заплачу.» — А заплатишь, такъ поѣдемъ!—

Сѣли они на одноколку и поѣхали. Дорогой сталъ царь мужичка выспрашивать: «Далече ль, мужичокъ, бывалъ?» — Кое-куда бывалъ, сударь.—«А видалъ ли царя?»—Царя не видалъ, а набѣ ²⁾ посмотрѣть: согласился бы и помереть.—«Такъ смотри: въ степяхъ царь будетъ.» — А какъ я царя узнаю? — «Всѣ будутъ безъ шапокъ бѣгать: одинъ царь въ шапкѣ.» Какъ пріѣхали въ степь, увидѣли люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ бѣгаютъ. А мужикъ ширитъ глаза; двое стоятъ въ шапкахъ; и спрашиваетъ:—Кто же царь?—Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: «Видно, кто ни будь изъ насъ царь!»

(Отъ Шальскаго лодочника; ср. Рыбник. ч. II).

* * *

КОНЕЦЪ ПЪСНИ И ПРОЧИХЪ НАРОДНЫХЪ ПЪСЕНЬ И ПЪСЕНЬ И ПЪСЕНЬ И ПЪСЕНЬ
8-ГО ВЫПУСКА.

¹⁾ Наряжаю, къ замужеству.—²⁾ Надо бы.

II.

ЗАМѢТКА.

Въ 1869 году продолжалось печатаніемъ собраніе пѣсней Былевыхъ и Историческихъ, именно 8-й ихъ выпускъ. «Если появленіе его нѣсколько задержалось, виною того неожиданное богатство содержанія. Выпускъ весь посвященъ лицу и эпохѣ Петра I-го. Въ нашей литературѣ, въ дѣйствующихъ доселѣ руководствахъ Русской Словесности и Историческихъ Хрестоматіяхъ утвердилось господствующее мнѣніе, подкрѣплявшее себя разными соображеніями,—что Петръ Великій не оставилъ по себѣ никакого почти слѣда и отклика въ пѣснотворствѣ народномъ; точно, самый сборникъ П. В. Кирѣевского представлялъ тому лишь нѣсколько образцовъ: но, благодаря вкладамъ другихъ собирателей ¹⁾, редакція изданія удалось достигнуть до цифры *почти двухъ сотъ нумеровъ*, и всѣ они даютъ болѣе или менѣе живую картину — и высокаго лица, и обстоятельство его времени, притомъ, что особенно замѣчательно, въ выраженіяхъ искренняго сочувствія къ истинному смыслу великихъ событій той эпохи.—Дѣло потребовало усиленнаго труда и напряженныхъ разысканій: за то, надѣмся, оно восполнитъ значительный пробѣлъ въ нашей наукѣ и литературѣ,

---

¹⁾ См. объ нихъ ниже.

съ точки зрѣнія совершенно уже безпристрастной и неподдѣльной, однимъ словомъ народной ²⁾.)»

Пѣснотворчество народное слѣдуетъ шагъ въ шагъ почти за всѣми важнѣйшими дѣйствіями и событіями жизни великаго государя, отъ минуты рожденія его до послѣдняго дыханія: величавый образъ носится всюду, даже въ тѣхъ былевыхъ пѣсняхъ, которыя единственно лишь современны своимъ происхожденіемъ и касаются случаевъ какъ будто постороннихъ; и здѣсь, если не дѣйствуетъ онъ, то онъ присутствуетъ, какъ зеркало, передъ коимъ совершается дѣйствіе, какъ духъ и характеръ, вызовъ къ творчеству и средоточіе фантазіи.—Есть много образцовъ, гдѣ, по народному представленію, дѣла рѣшались даже менѣе личностью Петра, чѣмъ было въ дѣйствительности, гораздо болѣе героями другаго имени и образа: но и эти герои—люди *окружавшіе царя, его близкіе*. Это *Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Атаманъ Флоръ Минлевичъ, Доморукій, Голицынъ, Семень Палій*, и меньшіе — *Рычковъ, Ефремовъ*, даже безъимянные—Драгунъ, Донской Козакъ, темничный, Добрый Молодецъ, Крестьянинъ: имена, въ народѣ любимыя, образы, творчествомъ *взлелѣанныя*.—Враги, недоброжелатели Петру,—*враги народу* по смыслу его пѣсней: старшій *Голицынъ, Некрасовъ, Маньцкой, Шведскій король, Шведская королева—дѣвица, Маіоръ земли Шведской, Шлиппенбахъ, Мазепа, Азовскій паша, Турецкій султанъ*.—Приближенные, испытавшіе справедливое безучастіе или прямое отвращеніе народа, но столь же явно обличенные самимъ государемъ, *Меншиковъ и Гагаринъ* нарочито выдѣляются изъ общаго состава и связи былинъ: творчество намѣренно выгораживаетъ изъ вины ихъ непричастнаго Петра.—Тамъ, гдѣ въ спорномъ дѣлѣ колеблется сочувствіе народа, какбы не зная, на чью сторону склониться, — *Стрѣлецкій Атаманушка* и *Большій*

²⁾ Отчетъ Общества Л. Р. Словесности за 1869-й годъ, читанный въ годичномъ публичномъ засѣданіи 18-го Января 1870 года.

III

шой *Бояринь* сами, выразительными словами, рѣшаютъ участь свою, сами послушно подчиняютъ себя роковому приговору, въ виду несостоятельности прежнихъ условій, въ виду новыхъ требованій жизни; *Евдокія Ѳедоровна* не пѣняетъ, не жалуется, не ищетъ перерѣшенія судьбѣ своей, отвергаетъ возвратъ изъ кельи, молится за далекаго супруга и — «спасается.» — Есть особый приѣмъ пѣсней Петровскихъ, почти неизвѣстный дотолѣ прежнему нашему творчеству: оцѣнка этому приѣму должна быть въ самой области творческой, но нельзя также не видѣть въ немъ прямаго отношенія къ дѣйствительности внѣшней, къ исторіи положительной. Именно, казни Стрѣльцовъ сопровождаются великодушнымъ прощеніемъ пытаннаго Мблодца, во всемъ виновнаго, во всемъ сознавагося, во всемъ помилованнаго. Отверженное — ибо позднее — предложеніе жертвъ и услугъ стараго войска, укрошенная притязательность и сбита я надменность любимца Царевны — выводятъ за собою смѣлую борьбу и откровенное слово Драгуна, одобреннаго и пожалованнаго. Гроза на Донцовъ, стоны и жалобы Дона, отчаяніе бѣглецовъ, бросающихъ родину, — разрѣшаются любовнымъ образомъ властителя, терпѣливо слушающаго нареканія заключенныхъ, ожидающаго ихъ, протянуваго имъ, тому или другому, руку помощи и пощады. «Выкатается ли онъ въ золотой каретѣ,» жадно ли «желаетъ себѣ бою да драки,» — онъ же ходитъ-гуляетъ по просту между простымъ народомъ, «въ одной сорочкѣ безъ пояса, въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ.» Съ самыхъ первыхъ лѣтъ его, юноша, за похвалу и гордость гибнущій на чужой сторонѣ, въ переправахъ опасныхъ, сынъ, отшатнувшійся отца-матери, рода-племени, не слышитъ проклятій отчизны, имъ покинутой: ему во слѣдъ посылаются сожалѣнія, къ нему несутся вопли — «воротись, позабылъ ты два друга сердечные, два товарища надѣйные,» и, опутанный коварной сѣтью чужеземной королевы, царь вывозится на святую Русь спасающимъ крестьяниномъ. Одно изъ самыхъ тяжелыхъ дѣлъ и воспоминаній для народа чорнаго, «рытьѣ каналовъ»

IV

приходится однакоже въ срединѣ между отрадными событіями и очертаніями. При раздраженномъ Некрасовѣ — многія лѣта усердный Флоръ, изъ за ядовитаго Мазепы вырастаетъ въ цвѣтущихъ краскахъ удалой Краснощокъ, даже изъ за могилы возвѣщается непрерывная жизнь: когда гробовая доска прикрыла собой, казалось, всѣ Русскія надежды, и тогда зоветъ творческое слово — «Встань, погляди на Россію свою, ждетъ тебя войско, какъ живаго военачальника!» Такъ, въ семь же порядкѣ слѣдуютъ у насъ самыя Былины: но то не намѣренный подборъ для печати, — онъ отвѣчаетъ ходу событій, естественному току лѣтосчисления. Въ полномъ согласіи съ условіями творчества, но кромѣ нихъ и даже глубже ихъ, и первоначальнѣе, — здѣсь прямое отношеніе къ жизни дѣйствительной, здѣсь историческое самосознаніе народа. Не утаено зло, не молчатъ упреки, — громко говоритъ прощеніе; не беззавѣтная снисходительность прощенія, — явное оправданіе; не пристрастное оправданіе, — спокойное созерцаніе исторической правды; не холодная правда, — теплое сочувствіе; не бессознательное расположеніе чувства, — сознание истиннаго смысла и величія событій; — не одно настоящее, схваченное образомъ творчества въ данную минуту, — прозрѣніе будущаго, зрѣющихъ плодовъ исторіи; не одна Быль народнаго творчества, — сама Исторія въ народномъ сознаніи, представленіи, образѣ.

Не разъ говорили мы и всякой мыслящей изслѣдователь хорошо понимаетъ, что Быль народнаго творчества и Былина въ немъ по Были сложившаяся — совсѣмъ не то, что событіе дѣйствительности и внѣшняя, положительная Исторія, а тѣмъ менѣе исторія политическая, а еще менѣе историческая наука или наука исторіи. Исторія Петра остается *сама собою*, при всемъ народномъ Творествѣ объ немъ: наши историческія возрѣнія могутъ пребывать неприкосновенными, наши взгляды и сложившіяся убѣжденія не склоняются и не преломляются сложенной пѣсней; приговоръ нашъ, даже неблагоприятный, сохраняетъ право на всю свою силу; наше сочувствіе, несочув-

ствіе и безучастіе не условливаются заявленіемъ Былины; мы въ состояніи признать заблужденіе самого творческаго воззрѣнія. Но никому нѣтъ права—не признавать сего воззрѣнія, нѣтъ справедливости—отзыватья объ немъ невѣдѣніемъ, съ той минуты, какъ стало оно извѣстно, слышано и записано изъ устъ народа въ творческомъ словѣ, собрано и общедоступно въ печати.

Исторія, повѣствуемая въ народномъ Творествѣ, есть исторія внутренняя, исторія — внутри народнаго сознанія; Быль его—событіе жизни внутренней; Былина—повѣсть о семъ событіи, выносимая на свѣтъ Божій и облеченная словомъ творческимъ. Тѣмъ не менѣе творчество *Былевое*, кипящее силами народнаго сердца, питающееся переливами внутренней жизни, обращено лицомъ къ событію всякой, и самой внѣшней, *Исторіи*: ростъ исторіи внѣшней, положительной и даже политической, привлекаетъ къ себѣ внутреннее вниманіе изъ среды народа, возбуждаетъ образъ, вызываетъ творческое слово, воспринимается творчествомъ, отражается въ немъ; по мѣрѣ роста внѣшней дѣйствительности и положительной исторіи, она усваивается въ родство и сродняется при посредствѣ творчества; ея дѣло, ея событіе постепенно становится народу своимъ собственнымъ, кровнымъ.—При выходѣ на поприще исторіи внѣшней, народъ по ея событіямъ мотивируетъ разсказъ событіи своихъ внутреннихъ, или, что то же, временъ доисторическихъ; силы, нажитыя въ ту пору, когда слагался самъ народъ, приносятся въ краски новымъ образамъ начавшейся исторической дѣйствительности; Эпосъ входитъ первымъ словомъ въ Лѣтопись, первая лѣтопись повѣствуетъ по эпическимъ воззрѣніямъ; Былина сопровождаетъ Исторію, исторія находитъ въ ней творческій себѣ образъ народный. Тотъ же, всегда неизмѣнный, основной и коренной дѣятель всякой исторіи, равно и внутренней, и внѣшней положительной, народъ не скоро, но не менѣе рѣшительно, начинаетъ въ извѣстныя эпохи различать и эту внутреннюю, и эту внѣшнюю жизнь свою, признавать себя сре-

доточиёмъ той и другой, совмѣщать ихъ сознательно, усматривать и допускать по праву двойство ея существованія своего, жить той и другой стороною въ единомъ существѣ своемъ. Въ сей-то постепенности и послѣдовательности развитія вся тайна переходу народа въ націю, народности въ національность, — понятія, не всегда еще и не всѣми у насъ различаемыя, — жизни народной въ государственную, исторіи бытовой въ гражданскую, политическую. Здѣсь же разгадка тому: какъ эпосъ постепенно врѣзъ до исторической повѣсти, исторія дѣлается народною былью; какъ внутренній, эпическій элементъ преобразуется въ историческій, историческое, какъ будто въ свою пору чуждое и внѣшнее, претворяется въ собственность существа народнаго; какъ это тѣло, при всемъ видимомъ отличіи отъ души, со временемъ сознаётся единымъ существомъ съ нею, звукъ голоса является словомъ души, природа раскрывается въ свободѣ историческаго развитія, свободная исторія совершается по законамъ природы. Тутъ и съ начала не было борьбы и противоположности: были только степени, послѣдовательность предшествующаго и наступившаго; двойство отзывалось лишь сознавію на его первобытной ступени; единство творится имъ же въ завершенье поприща жизни народной. Не все предшествующее, то есть въ настоящемъ случаѣ внутреннее, доисторическое, природное, эпическое и еще шире — народное, есть непремѣнный законъ, исключительная роковая необходимость для всего послѣдующаго: тогда начало, не имѣющее другихъ правъ кромѣ начала, стѣснило бы свободу послѣдующаго, внѣшняго и положительнаго, историческаго, національнаго развитія; не все послѣдующее есть непремѣнный, единственно возможный отвѣтъ на задатки основныя: тогда узаконилось бы дѣйствіе историческихъ случайностей и обстоятельствъ, тогда — вмѣсто свободы — всякой произволъ посягалъ бы на естество и природу. Тѣмъ не менѣе, въ жизни есть періодъ, есть срокъ личному бытію извѣстнаго организма. Послѣ односторонняго

VII

развитія разныхъ сторонъ, наступаетъ своя пора и цѣльному существу, и завершенію бытія въ полнотѣ возможной, и даже неизбѣжному, обратному разложенію. Не всякой проживеть, какъ бы долженъ прожить, долгъ остается неоплаченнымъ на каждомъ и уносится съ нимъ въ могилу: но, такъ ли, не такъ ли, хорошо или худо, только извѣстные періоды и въ извѣстной степени проживаетъ до конца человѣкъ, семья его, общество, цѣлый народъ, нація, государство. Расцѣпка доблести ихъ и недостаткамъ, успѣху и ошибкамъ, достоинству и заблужденіямъ, добру и злу — завѣщается какъ задача для рѣшенія преемниковъ общей жизни, потомства. *Былевое* творчество, наше Русское, въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ и потому на глазахъ нашихъ, вынесло съ собою и въ себѣ всѣ силы, образы, преданія, приемы и готовый языкъ свой изъ эпохи слагавшагося народа, эпохи до-исторической, въ тѣсномъ и собственномъ смыслѣ народной. Съ первыхъ же шаговъ своего развитія, по ступенямъ послѣдовательнымъ, оно явилось и потому именовано *Кіевскимъ*, *Владиміровымъ*, *Богатырскимъ*, *Новгородскимъ*, *Блжескимъ*, *Суздальскимъ*, *Московскимъ*; въ Московскомъ оно предстало намъ какъ *Былево-Историческое*, съ историческимъ пошибомъ Былины, съ былевымъ характеромъ воспѣтой Исторіи: Былины Петровскія — по преимуществу *Историческія*, это вѣрнѣе даже не Былины въ смыслѣ прежнемъ, тѣсномъ и собственномъ, это *Историческія Пѣсни*. Движеніе жизни тѣмъ не кончилось: мы еще увидимъ послѣ Петра, какъ постепенно въ творествѣ стерлись и замерли черты самой исторіи, какъ исторія потеряла себѣ выраженіе въ творческомъ народномъ словѣ, какъ наступила пора однихъ лишь повтореній и воспоминаній, какъ изсякли силы для всякаго новаго созданія творческаго въ прежнемъ родѣ, Былево ли чисто, Историческомъ ли всецѣло. Мало и этого: *искаженныя Пѣсни Историческія* увидали рядомъ съ собою *ослабшія Пѣсни Былевыя*, — тѣ, кои потеряли всякое соотношеніе съ исторіей и восполнили историческую убыль сугубымъ оби-

VIII

ліемъ безотносительныхъ приемовъ эпическихъ, въ пѣсняхъ *Безъимянныхъ* и *Молодецкихъ*. И этимъ еще не завершилось: и онѣ, пѣсни Безъимянные, остались въ одной памяти для повторенія, съ силою воспроизведенія, но безъ мощи производительной, съ удѣломъ замереть въ пѣсняхъ такъ называемыхъ «лирическихъ» или «женскихъ,» въ той средѣ, въ той широкой области силъ и началъ внутреннихъ, изъ которой нѣкогда выросъ и въ которую возвращается организмъ, уже не для новой жизни, а чтобъ дожить здѣсь остатокъ бытія своего и передать новымъ будущимъ народамъ разложившіеся свои образы, расплывшіеся очертанія, какъ элементы и стихіи. Здѣсь ли, въ неотвратимомъ, постепенномъ умираніи, конецъ творчеству устному, *народному*? Да, оно будетъ отселѣ изучаться по памятникамъ, собраннымъ и записаннымъ для исторіи—какъ науки. Конецъ ли здѣсь всякому *творчеству*? Сохрани Богъ: начало и просторъ искусству личному, поэзіи письменной, художественному слову въ печати, чтобы, прошедши искусь воспитанія и опытъ образцовъ народныхъ, подняться также до самостоятельнаго творчества; и дай Богъ быть преемнику, въ его дѣлѣ, такимъ же творцомъ и столь же народнымъ вторично, какимъ успѣлъ себя явить народъ нашъ въ произведеніяхъ устныхъ первоначально. Нація, государство, а быть можетъ даже національное государство—на долго обезпечать еще пригодную среду для успѣховъ развитія сего рода въ грядущемъ ³⁾.

Мы не пойдемъ теперь далеко въ періоды позднѣйшіе: на то впереди есть у насъ еще много будущихъ «выпусковъ» съ наглядными образцами. Мы возвратимся и остановимся на завершительномъ періодѣ нашего творчества Былеваго, когда явилось оно *Пѣснями Историческими Петрова времени*.

---

³⁾ Подробности о сихъ вопросахъ изложены нами въ публичныхъ Читаніяхъ объ исторіи Русскаго народнаго творчества, 1869 года, которыя надѣемся скоро предложить въ печати, если начало ихъ не задержится еще долѣе обстоятельствами.

Это не исторія внѣшней дѣйствительности Петровской, какъ текла она сама въ себѣ и сама собою, не документы историческіе и акты Петровской эпохи, письменные или печатные съ самой минуты своего происхожденія, не тотъ матеріалъ для исторической науки, въ коемъ каждое показаніе отвѣчало бы внѣшнему событію, тѣмъ болѣе не плодъ историческаго личнаго сознанія или не историческая наука, въ родѣ безпристрастнаго изложенія Устряловскаго или увлеченнаго разсказа Соловьевскаго. Это исторія Петра, времени его, дѣятелей и дѣятельности эпохи, какъ протекла сія исторія *въ жизни народной*, отъзываясь въ этой послѣдней изъ сферъ политическихъ, общественныхъ, религіозныхъ и, короче, всѣхъ тѣхъ, кои различны отъ собственнаго существа и бытія народнаго, если не противоположны ему, то однако не совпадаютъ съ нимъ, не замѣняютъ его и имъ не замѣняются. Не все здѣсь дошло до народа, народъ не пережилъ всего того, что имѣло мѣсто внѣ его, въ дѣлахъ политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ изъ той эпохи. Это исторія *существа и бытія народнаго* въ данный Петровскій періодъ общей Русской жизни. Если здѣсь есть что либо политическаго, общественнаго, религіознаго, то лишь на столько, на сколько въ эту пору самъ народъ жиялъ политически, въ представителяхъ своихъ среди общества или въ области религіозной; и все это, обратно, нашло себѣ здѣсь мѣсто лишь по столько, по сколько было народно. Еще тѣнѣе: сюда не вошло вполнѣ даже всего того, что прожито было тогда самимъ народомъ во внѣшней его жизни и дѣйствительности: многое утекло съ потокомъ внѣшнихъ событій и въ числахъ времени, прошло и миновало оставляя слѣдъ въ самой внѣшней жизни, но не доходя до сознанія, не двигая мыслью и чувствомъ, не отверждаясь въ памяти, не творясь творческимъ образомъ, не оповѣщая себя творческимъ словомъ. Народъ не летопись, не актъ, не документъ, не черъ и печать: не записываетъ подъ рядъ; не удерживаетъ

Х

во внѣшнемъ памятникѣ сплошной полноты дѣйствительной; намѣренно не сочиняетъ, не пишетъ, не оставляетъ по себѣ исторію. Отпечатлѣлось здѣсь только то, что *дошло до народнаго сознанія*: въ немъ прожило, въ немъ отозвалось и удержалось, въ немъ оставило слѣдъ и изъ него воздвиглось особымъ памятникомъ, какъ памятью прожитаго и двигателемъ будущаго. Определенное явленіями жизни внѣшней, народное сознаніе сравнительно съ нею сосредоточеннѣе и такъ сказать гуще своими стихіями, экстрактнѣе, вторичнѣе: сколько частныхъ событій, случаевъ, жизней, лицъ, силъ, должно было пройти и миновать, чтобы изъ всего этого выработалось общее сознаніе народа, отпечатлѣвшее въ себѣ всю эпоху въ результатѣ, въ извлеченіи, въ выводѣ! Масса элементовъ, слагающихъ народную жизнь, не вошла цѣликомъ въ народное сознаніе: вспомнимъ, что сюда не вошла разнообразная жизнь личная и даже семейная, сюда не поступили событія, случаи, мысли, чувства, внутреннія движенія и взгляды безчисленныхъ лицъ, многихъ тысячъ семействъ. Личное и семейное вошло только то, что было народно и только своею народною стороною; и не только что было народно, но лишь то, что удостоилось народнаго сознанія. Лица и семейства прожили эпоху не безъ сознанія же; самаго живаго, самаго разнообразнаго: весь и цѣлый, самъ народъ взялъ въ свое общее сознаніе отсюда только то, что было общимъ для цѣлаго народа. Сколько самыхъ высокихъ, самыхъ вліятельныхъ лицъ миновало, чтобы оставить въ народномъ сознаніи окрѣпшій образъ Шереметева, Палии, Флора, еще пять-шесть, еще съ десятокъ такихъ,—и только; сколько народнаго должны были имѣть въ себѣ, больше другихъ, эти именно лица, чтобы занять мѣсто въ сознанной народомъ исторіи; сколько семействъ было—прожило жизнью, мыслью, чувствомъ и словомъ, чтобы опредѣлился предъ взглядомъ народа семейный вопросъ въ дѣлѣ Лопухиной или въ этомъ десяткѣ семействъ, то обрадованныхъ, то горюющихъ въ Петровской пѣснѣ по поводу Пет-

ХІ

ровскихъ событій; сколько, говоримъ, широты и разнообразія этого семейнаго матеріала потребно было, чтобы выжать у цѣлаго народа эти двѣ-три «семейныхъ» слезы, просвѣтлѣть двумя-тремя улыбками «семейной» отрады! Тысячи безыменныхъ слагателей, лицъ, кипѣвшихъ творческими силами, умерло, исчезло и забыто прежде, чѣмъ плодомъ ихъ дѣятельности и творчества явились десятки пѣсней, принятыхъ народомъ въ народное достояніе, признанныхъ присными и общими, запечатлѣнныхъ народною печатью, какъ собственность народа; личныя силы вошли элементами въ народное творчество только съ той стороны, съ которой онѣ были народны, и, теряя свой отпечатокъ личный, выражали собою уровень и характеръ общаго сознанія народнаго. Такъ, здѣсь явилась намъ *исторія народная, во сколько она сознана общимъ народнымъ сознаніемъ цѣлаго народа*. Но и этого мало, границы еще суживаются: не все, что было сознано симъ способомъ и на семъ пути, сдѣлалось удѣломъ *творчества*, поступило въ *творческій образъ* и воплощено въ немъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту эпоху сознаніе народное со всею силою, со всѣмъ увлеченіемъ, вниманіемъ и соучастіемъ жило, питалось и развивалось, на примѣръ, на такихъ событіяхъ, какъ расколъ старообрядства или рѣзкое устраненіе земства изъ участія въ общихъ дѣлахъ, когда отпращенія земскія замѣнены были коллегіями и разнороднымъ наборомъ чиновнической службы: и однако ничего подобнаго не нашло себѣ доли въ быломъ творествѣ народа. Измѣненія въ крестьянскихъ отношеніяхъ, потрясенія въ экономическомъ бытѣ, наплывъ иностранцевъ и тому подобныя явленія также точно не отозвались ни однимъ творческимъ словомъ, хотя весьма ясно сознавались и оставили по себѣ память, даже въ произведеніяхъ словесности,—только не устной творческой, а письменной. Далѣе, весьма многое, сознанное въ ту эпоху народомъ, жило и живетъ доселѣ не только въ памятникахъ письменности, но и въ устныхъ разсказахъ, преданіяхъ, утвердившихся обычаемъ выра-

ХП

женіяхъ, пословицахъ (на примѣръ—«не дорого Нарышкиныхъ богатство—дорога Наталья Кириловна»), даже въ цѣлыхъ сказкахъ: не поднялось все это лишь до творчества «пѣсни,» до поэтическаго слова «былины,» или, лучше, поднялось на эту степень весьма ограниченное количество матеріала, избранное, именно «изящное.» Наконецъ, даже изъ сложенныхъ въ ту пору пѣсней, обличающихъ явные признаки того времени въ своемъ происхожденіи, не все возвысилось до пѣсни «Исторической,» а изъ ея сокровищъ дошло къ намъ; то есть уцѣлѣло въ народѣ, или, иначе, сбереглось цѣльнымъ достояніемъ цѣлаго народа количество еще меньшее, выборъ еще тѣснѣйшій: прочее улетѣло съ минутой или годами, не имѣло въ себѣ долговѣчности, не оказало непрерывности, не заключало въ себѣ этихъ свойствъ истинно-творческаго произведенія. Столь замѣтныя во всемъ настоящемъ выпускѣ, усилія наши подобрать и связать осколки, самый успѣхъ этихъ усилій, вознаградившій насъ живою Петровскою картиной,—все это доказываетъ собою: во первыхъ обиліе творческихъ образцовъ, сопровождавшихъ жизнь эпохи и нерѣдко оставившихъ намъ одни лишь отрывки; во вторыхъ условія слабости или зародыши ранней смерти, во многихъ внутри лежавшія; и въ третьихъ строгій выборъ народа, сортировавшаго въ своемъ достояніи переходящее отъ существеннаго и вѣчнаго, мимолетное и обреченное гибели отъ достойнаго жизни и памяти. Въ концѣ концовъ, по всѣмъ признакамъ и по сличенію съ эпохами прежними, не сомнѣваемся еще и въ томъ, что въ періодъ Петровскій слагались многія произведенія вполне творческія, даже лучшія, чѣмъ нынѣ имѣемъ въ рукахъ, но не дошедшія къ намъ по тому лишь, что сфера ихъ—устная область—слишкомъ непрочно и расплывчива въ дѣлѣ «памятниковъ,» коихъ намѣренно не ставитъ себѣ живой народъ, пока не думаетъ онъ о смерти, прямѣе сказать—потому, что, благодаря извѣстнымъ случаямъ и нашему невниманію, пѣсня не записана во время и изъ устъ лучшаго пѣвца, не попала на нашу бумагу,

ХІІІ

а это еще потому, что лучшіе, образованнѣйшіе слои народа переставали уже пѣть, пѣсня сходила въ нисшія массы, но и здѣсь гложла въ безвѣстности, ибо не интересовала высшихъ. Это подлинное несчастье, которому уже не причиненъ самъ народъ, но несчастье однако тѣмъ въ особенности поучительное, что, стало быть, съ той поры искусство письменное и художество книжное, забравши всю силу и весь передній планъ, игнорировало, закрыло бытіемъ своимъ бытіе творчества народнаго, однимъ словомъ за-было, а между тѣмъ рѣзко отдѣлилось отъ народнаго и признакъ «народности» остался лишь за стихіями самыми *простыми*, на которыя обратно разлагается цѣлый сложившійся народъ при концѣ народнаго бытія своего. Это также немаловажное знаменіе, это характеристическая черта эпохи.—И такъ вотъ съ чѣмъ имѣемъ мы дѣло въ Историческихъ пѣсняхъ Петровскихъ и вотъ сколько для себя имѣемъ въ нихъ: слава Богу, что *не меньше*. Но, какъ скоро это имѣемъ, когда пѣсни сдѣлались передъ нами памятникомъ, когда записаны, собраны и лежатъ передъ нами въ печати, мы по счастью имѣемъ въ нихъ *больше*, чѣмъ бы казалось съ перваго взгляда, и въ этомъ сейчасъ убѣдимся: только мы пойдемъ другимъ, обратнымъ путемъ разсмотрѣнія и окинемъ взглядомъ предметъ нашъ уже не съ верху въ низъ, отъ положительной исторіи до уцѣлѣвшаго народнаго творчества, а съ низу въ верхъ—отъ пѣсней нашего простаго народа къ сложному, широкому и разнообразному ихъ матеріалу, къ воспѣтой въ нихъ исторической жизни и къ самой дѣйствительности Петровскаго времени.—Правда, въ настоящемъ случаѣ передъ нами свидѣтель—народъ простой: но тѣмъ проще, безъискусственнѣе, неподдѣльнѣе, надежнѣе и вѣрнѣе его показанія; послѣдствія невѣжества, незнанія или ошибки, какъ на примѣръ порчу именъ или *море Хвалынское* вмѣсто *Варяжскаго*, *Левенгаутъ* вмѣсто *Ласси*, и т. п., гораздо легче замѣтить, отдѣлать или поправить, чѣмъ многія вещи, проистекавшія со-всѣмъ изъ другаго источника, у Голикова, Штелина, Прокопо-

веча. Даже то, что въ этой области «не дошло» до насъ, несравненно возможнѣе дополнить или представить себѣ, нежели то, что было намѣренно «скрыто.» Что бы ни говорили, лишь за нисшими слоями удержалось у насъ названіе «народа» въ собственномъ смыслѣ: это народъ «уцѣлѣвшій» и мы въ правѣ, мы обязаны понимать его какъ народъ «цѣлый,» по крайности за неимѣніемъ другаго «болѣе цѣлаго.» Какъ ни мелки отрывки его пѣсней, какъ ни ослабѣло, можетъ статься, творчество въ сихъ образцахъ, никто не усумнится признать его творчествомъ «народнымъ:» между тѣмъ какъ не именуемъ же мы народнымъ творчествомъ произведенія Петровскихъ кантъ, Преображенскаго приказа, Кантемира или поэму Петръ Великій, даже Полтаву, какъ ни близко «возвращается» она путемъ своимъ къ народному творческому типу. Во всякомъ случаѣ, намъ представляется истинное «творчество:» гдѣ единый образъ часто замѣняетъ собою тысячи прозаическихъ реліцій, гдѣ силы народа свободно настроены и подняты къ свиданію, притомъ силы лучшія и высшія, гдѣ духъ крѣпнетъ и свѣтлѣетъ, гдѣ онъ имѣетъ въ виду одну только истину, красоту и благо, гнушается дразгами и случайностями обиходнаго житейскаго взгляда или личныхъ намѣренныхъ тенденцій, гдѣ устами движетъ не только предметное созерцаніе окружающаго міра, но съ тѣмъ вмѣстѣ высшее пѣснотворческое провидѣніе и прорицаніе. Къ созданію творческому привлекли здѣсь силы не одного узкаго или условнаго кругозора, обведеннаго тогдашнею эпохой, но столько же прожитаго прошедшаго, силы всего прежняго творчества Былеваго и даже болѣе ранніе зачатки его, какъ элементы, сосредоточенные на любимомъ произведеніи: безъ любви къ созданію не были бы вызваны эти элементы изъ глубя прошлаго, а мы видимъ въ пѣсняхъ Петровскихъ и краски Слова о Полку Игоревѣ, и черты Былинъ Богатырскихъ, и приемы самыхъ старшихъ пѣсней — Обрядныхъ, на примѣръ Плачей или Заплачекъ. Не на искаженіе же дѣйствительности или истины исторической совер-

XV

шенъ такой подъемъ творческаго духа: на оплодотвореніе и оживленіе, на вѣщую истину, красоту и правду. Средства и способы Былевые не уничтожаютъ, не ослабляютъ здѣсь Исторіи: Исторія дѣйствительности только преломляется здѣсь въ творческомъ Былевомъ міросозерцаніи, подобно какъ одинъ и тотъ же бѣлый лучъ живетъ одинаково и въ разложеніи своемъ, и въ переливахъ цвѣтовъ радужныхъ. При всей свободѣ творческой, мы тѣмъ не менѣе усматриваемъ здѣсь исторію, мы встречаемъ историческія имена, мѣстности, года и событія; намъ удобно дополнять здѣсь творческія картины свидѣтельствомъ соотвѣтственныхъ показаній исторіи положительной и письменной. И съ этой, говоримъ, внѣшней творчеству, стороны, мы видимъ въ немъ за Петровское время гораздо болѣе историческаго въ тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ за всѣ эпохи предшествовавшія, даже Московскія. Отсюда же, восходя выше и раньше, мы постепенно теряемъ болѣе чертъ Историческихъ, встречаемъ болѣе Эпическихъ, Былевыхъ; отсюда, съ опредѣленной точки зрѣнія, выучиваемся мы признавать извѣстныя степени исторической дѣйствительности въ самыхъ старшихъ произведеніяхъ нашего народнаго эпоса и, нисколько не смѣшивая, сопоставлять съ исторіей въ эпосъ—исторію дѣйствительной жизни. Только типическіе сочинители «происхожденія Русскихъ былинь» способны въ этомъ сопоставленіи или взаимномъ дополненіи видѣть посягательство Исторіи на Эпосъ, вмѣсто правильного различенія усматривать здѣсь помѣсь враждебныхъ несродныхъ областей, или же, на оборотъ, неспособны замѣтить въ Былевомъ творествѣ своего рода народную Исторію. Они не постигаютъ, что такого рода исторія въ прямомъ соотвѣтствіи съ исторіей всякой, сколько бы ни выступала сія послѣдняя до крайнихъ предѣловъ внѣшности; они не постигаютъ, что это также совершенная дѣйствительность: но, дѣло въ томъ,—это исторія творческая, дѣйствительность творческихъ образовъ, творческая исторія исторіи. Такъ, не только пластика и живопись образовъ народныхъ, не только творческое слово

и неразрывная съ нимъ народная музыка, это живое, еще не распавшееся сочетание силъ въ творческомъ мірѣ народа, но даже и тѣ, порознь раздѣлившіяся позднѣ искусства, ваяніе, живопись, изящная литература и музыка воспроизводятъ передъ нами своеобразную исторію народа никакъ не менѣ лѣтописи, историческаго изслѣдованія и учебника. Рядъ греческихъ статуй, послѣдованіе нѣмецкихъ музыкальныхъ созданій—съ избыткомъ можетъ если не замѣнить, то конечно восполнить Геродота, Фукидида и Ксенофонта или трудолюбивыхъ историковъ Германіи. Когда же эта творческая повѣсть, обращенная лицомъ своимъ къ историческимъ событіямъ, вторично ихъ «претворившая» въ своемъ лонѣ и взлелѣявшая въ высшемъ духовномъ образѣ, другими словами—эта повѣсть народнаго историческаго самосознанія, рассказавшая поэтически, какъ созналъ себя самъ народъ въ извѣстную историческую эпоху, когда она, говоримъ, нынѣ предлежитъ намъ уже въ письменности, какъ письменный и даже печатный памятникъ: ни сколько не бѣднѣе она, не слабѣе, не молчаливѣе, не уже и не сомнительнѣе любаго, какого угодно, историческаго документа, напротивъ во многомъ богаче, живѣе, краснорѣчивѣе, осязательнѣе, открытѣе, чище, искреннѣе, неподкупнѣе, вліятельнѣе, вождельнѣе. Всякой порядочный историкъ отнынѣ воспользуется симъ для исторіи Петра и Петровской эпохи: въ наукѣ восподнился громадный, значительно прежде ослаблявшій ее, пробѣлъ. А когда, наконецъ, въ этомъ новомъ, прямо изъ устъ народа столь свѣжемъ еще памятникѣ видимъ мы явную любовь народа къ Петру и искреннее къ нему сочувствіе, когда встрѣчаемъ воплощенное представленіе всего величія тогдашнихъ событій и сознаніе далеко проникающее впередъ, въ ожиданіи знаменательныхъ плодовъ отъ будущаго и съ терпѣніемъ передъ тугимъ ростомъ началъ новыхъ, крѣпкою рукою втиснутыхъ въ тогдашнюю почву Русской жизни: мы отнынѣ, что бы ни говорила о Петрѣ и какая бы ни говорила намъ исторія, сошлемся всегда на творчество

XVII

народное. Ясный историческій взгляд на эпоху не рѣдко подтвердимъ мы: да, то же самое и также точно говоритъ самъ народъ нашъ въ своихъ пѣсняхъ; самую обличительную тенденцію встрѣтимъ порою словами: однако же не такъ передается дѣло въ творческомъ образѣ самого народа. Историческую истину можно поздравить съ немаловажнымъ торжествомъ правды.

Не смотря на особыя отличія двухъ историческихъ эпохъ, въ самой личной жизни Петра, въ характерѣ его, положеніи и даже въ нѣкоторыхъ событіяхъ его времени давно замѣчено пронизательными, хотя и немноготомными, историками разительное сходство съ Иваномъ Грознымъ: отношенія къ супругамъ и къ сыну дополняютъ собою параллель. Творчествомъ народнымъ развито это сближеніе почти до единства образовъ, до повторенія приемовъ и красокъ, до тождества выраженій. Казни Грознаго какъ будто оживаютъ и уясняются казнями Стрѣльцовъ и Большаго Боярина; умолчанная въ пѣсняхъ судьба Петрова сына съ избыткомъ обрисована покушеніемъ Грознаго на собственное дитя свое; Флоръ со своими товарищами отвѣчаетъ Ермаку; борьба императора съ Драгуномъ напоминаетъ собою живо борьбу Кастрюка, и если Грозный любитъ, какъ «Русакъ тѣшится», то въ Петрѣ творчество ступило лишь далѣе, переводя эту потѣху на единоборство самого государя. Въ особенности же сопоставляетъ народъ того и другаго, выражая ясно свой сходный взглядъ на обоихъ, когда Моѳастырь Румянцевъ и Правежь повторяются тамъ и здѣсь; Плачь отверженной супруги до того роднится при обоихъ, что нужна большая опытность въ признакахъ творчества, дабы различить здѣсь эпохи, отстоящія на полтора ста лѣтъ; покореніе Азова передается тѣми же почти образами и словами, что покореніе Казани; Плачь по умершемъ царѣ, начатый въ Былинахъ съ Ивана, прошедши промежутокъ годовъ, со всею силою воскресаетъ при гробѣ Петра и лишь отсюда дѣлается первообразомъ для подобныхъ Плачей послѣдующихъ. Сопоставленіе это, разумѣется, нисколько не роняетъ Петра: оно

ХVIII

выясняетъ намъ образъ и дѣйствительное величіе Ивана. Для народа тотъ и другой стоятъ самыми знаменательными точками или, правильнѣе, образами во главѣ двухъ важнѣйшихъ періодовъ Московскаго, Былеваго-Историческаго творчества: первый собралъ и сосредоточилъ творчество вокругъ лица своего, впервые далъ жизнь, цвѣтность характера и полноту былинамъ Московскимъ; второй, по минованіи промежутка, завершилъ ихъ и въ заключительной полнотѣ пронесъ ихъ съ именемъ своимъ по всей Россіи до отдаленнѣйшихъ окраинъ. Только этими двумя образами возбуждено въ равной мѣрѣ творческое настроеніе народа, только на нихъ сосредоточилось до полноты и единства въ Московскомъ своемъ періодѣ, только къ нимъ отнеслось съ непрерывнымъ сочувствіемъ. Покойный П. В. Кирѣевскій замѣтилъ, что «въ пѣсняхъ о Іоаннѣ Грозномъ народъ сохранилъ воспоминаніе только о свѣтлой сторонѣ его характера. Онъ поетъ о славномъ завоеваніи Казани и Астрахани; о православномъ царѣ, которому преклоняются всѣ орды Татарскія; объ его любви къ Русскому народу и его радости, когда Русской удалецъ, на его свадебномъ пиру, поборолъ его гордаго шурина, Черкаскаго князя: но не помнитъ ни объ его опричникахъ, ни объ другихъ его темныхъ дѣлахъ. Такая память народа, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полное вниманіе историковъ ⁴⁾». Добродушный Ст. П. Шевыревъ еще дальше развилъ мысль сего рода, въ сторону уже исключительную, и нѣсколько разъ повторялъ, что въ этомъ видно исконное добродушіе нашего народа, его незапамятство, его забвеніе и прощеніе злу. Такая прагматическая настроенность въ дѣлѣ исторіи и толкованіе событій благодушною нравственностью—если гдѣ возможны, то никакъ не прилагаются къ дѣлу творчества. Творчество искренне, ненамѣренно, вѣрно воспроизведенному творчески образу и себѣ самому, какъ вѣрно зеркало, а потому свободно отъ всякихъ тенденцій, хотя бы лучшихъ .

---

⁴⁾ См. у насъ выпускъ 1.

XIX

и нравственнѣйшихъ. Творчество, отчасти уже видѣли мы, со-всѣмъ не думаетъ прощать: оно воспроизводитъ, по мѣрѣ своихъ силъ и интересовъ,—до послѣдней черты, не оставляя мѣста ничему скрытому и ни какихъ потаенныхъ закоулковъ, напротивъ усиленно стремясь проникнуть въ глубочайшіе тайники жизни; оно не живетъ воспоминаніемъ,—гдѣ воспомина-ніе, тамъ нѣтъ уже творческаго процесса; въ самомъ повто-реніи Былинъ, однажды сложенныхъ, народъ твердитъ живое, отрекаясь отъ всего мертваго, и съ точностью держится со-зданнаго прежде. Забвенію здѣсь подвергается только отжив-шее—въ самомъ творствѣ, или замѣненное *новыми* его при-емами, иногда лучшими, иногда искаженными: не общій пред-метъ, не внутренняя сущность, не главный образъ, не основ-ное воззрѣніе. Если теперь не слышно былинъ Петровскихъ съ характеромъ и тономъ *другимъ, инаковымъ*, то смѣло гово-римъ, что его не было и въ старь. По причинамъ, указаннымъ выше, могла не дойти къ намъ «цѣлая» Былина, могли утра-титься въ иной—смотря по пѣвцу—начало, середина, конецъ: но, если что слышимъ теперь, хотя бы въ уцѣлѣвшемъ отрыв-кѣ, то здѣсь ничего существеннаго, кромѣ развѣ мелочей и подробностей, не забыто. Да и не могло существовать такого снисходительнаго забвенія,—и вотъ тому самое яркое доказа-тельство, которое не должны мы опускать изъ зора ни на ми-нуту: Былины поются такъ, какъ онѣ сложены въ началѣ, съ забвеніемъ лишь того, чего вовсе въ нихъ не поется за утра-тою, а слагались онѣ—если когда либо, то въ Петровское время всего болѣе—за *одно* съ событіями исторіи, *тогда* въ слѣдъ за ними, безъ всякаго промежутка и, много-много, когда съ такимъ промежуткомъ, который лежитъ отъ событія внѣшняго до сознанія, отъ обиходной рѣчи до слова творческаго, отъ освѣщеннаго предмета до глаза, отъ впечатлѣнія предметнаго до образа въ воображеніи. Былины Петровскія научаютъ всю нашу интеллигенцію, что по тому же самому пути, только въ различной степени силы и съ разнообразіемъ приема, творче-

ство народное, во всемъ своемъ предъидущемъ развитіи, спѣшно и вѣрно отвѣчало окружавшей дѣйствительности, не медля творило изъ родниковъ одушевленія своего, вызванное массою предлежавшаго внѣшняго матеріала. Чѣмъ выше, чѣмъ дальше въ старину, до глубины доисторической, различіе въ этомъ дѣлѣ состояло не въ медленности, не въ косности, не въ глухотѣ къ событію, не въ искаженіи роднаго, не въ переемѣ чужаго,—а въ перевѣсѣ того или другаго элемента, о которыхъ говорили мы, Былеваго въ тѣсномъ смыслѣ, иначе Эпического, или же элемента тѣсно-Историческаго и внѣшне-Историческаго. При Петрѣ, убѣдились мы и сейчасъ еще болѣе убѣдимся, элементъ историческій въ семъ дѣлѣ окончательно восторжествовалъ, до той степени, что, правда, допустилъ еще длиться жизнь эпоса, но уже могъ подорвать ее, при малѣйшемъ неравновѣсіи, и дѣйствительно, мы знаемъ, позднѣе послѣ Петра подорвалъ ее. Потому же здѣсь, сравнительно съ прежними эпохами, всего ярче черты, доказывающія одновременное или по крайности спѣшное сложеніе Былины—вмѣстѣ съ внѣшнимъ явленіемъ событія Историческаго, съ дѣйствительною и даже лѣтописною Исторіей. Достаточно уже ясно изъ прежнихъ томовъ нашего изданія, какъ, въ теченіе многихъ столѣтій, Былевыя пѣсни, съ постепеннымъ переходомъ своимъ въ Историческія, сопровождаютъ всю (хотя и не во всемъ) Исторію нашу, — предметъ пѣснопѣнія, творческимъ своимъ изображеніемъ и отраженіемъ; за Петромъ же слѣдятъ онѣ уже шагъ за шагомъ; отъ того здѣсь встрѣчаемъ мы такія положительныя историческія событія, такія несомнѣнныя имена, мѣстности и черты, что развѣ только г. Стасовъ можетъ усмотрѣть, на примѣръ, Алтай и Борнео подъ Шлиссельбургомъ и Полтавой: но не объ этихъ историческихъ элементахъ теперь говоримъ мы. Далѣе, въ творчествѣ не рѣдкѣ видимъ подробности, доступныя лишь очевидцамъ, современникамъ, свидѣтелямъ и туземцамъ воспѣтой исторіи, на примѣръ о Кіевѣ съ его тогдашними улицами и древностями, о потѣшныхъ княже-

скихъ лугахъ, о Новгородѣ съ его старинными слободами, сотнями, приходами, мостами, о Московскихъ древнихъ урочищахъ, о Красной Мызѣ, Орѣшкѣ, Колывани, Выборгѣ, Вереѣ, Ладожскомъ каналѣ, или хоть о «потухшемъ мутномъ окѣ» Грознаго, о мелкихъ украшеніяхъ Гагаринскаго дома, и т. п.: опять только гг. Стасовы могутъ подозрѣвать здѣсь плутовство, лукаво скрывающее за собою подробности Киргизъ-кайсацкихъ орды; но опять не на этомъ мы здѣсь остановимся, — это понятно всякому здравому взгляду. Мы хотимъ здѣсь привести уже не то, что легко открывается *нашему взгляду*, а напротивъ тѣ свидѣтельства, которыми *сама пѣсня*, какъ бы перстомъ и указкой, *указываетъ намъ*, что она современна событію воспѣтому, что она говоритъ о *своемъ настоящемъ*, что даже *мыслимый пѣвецъ*, повторяя *тогдашнюю* былинну, становится *на ея точку зрѣнія*. Еще въ древнемъ нашемъ творчествѣ встрѣчаются нерѣдко такія выраженія, какъ на примѣръ при осадѣ Кіева отъ Татаръ, «А отъ пару было отъ коннаго А и мѣсяць — солнце померкнуло, А отъ духу Татарскаго *не можно крещенымъ намъ живымъ быть.*» Въ Новгородскихъ пѣсняхъ: «А и нѣтъ у насъ *таковъ пѣвца* Во славномъ *Новгородѣ* Сопротивъ Василья Буюлаева.» При Былинахъ Московскихъ послѣ Ивана, мы имѣли уже случай замѣтить, даже по письменнымъ документамъ явно не прошло года между событіемъ и пѣсней о событіи (рукопись Ричарда Джемса); или, на примѣръ, однѣ лишь ближайшіе современники могли пѣть о Феодорѣ и Борисѣ: «*Есть еще на Москвѣ* православный царь, *Побѣжалъ* еси, собака, Крымской царь;» о Самозванцѣ: «За что *на насъ* Господь Богъ прогнѣвался, *Сослалъ намъ*, Боже, прелестника, Уже ли онъ Разстрига на царство сълъ?» «*Было у насъ въ Миколу во пятницу*, — А Стрижка-ярышка у баню идѣть;» о пріѣздѣ Филарета: «А что *скажутъ* (говорять), въѣхалъ батюшна, Государь Филареть Микитичь;» о пожарѣ въ домѣ Шереметева: «Отчего наша каменна Москва загоралась (послѣ горѣла не разъ и отъ

другихъ причинъ);» о стоянкѣ подъ Рягою: «Что стоялъ Царь-Государь по три годы, Еще *бывшій* Алексѣй царь Михайловичь,» — разумѣется *недавно* бывший; о Разинѣ и Разинцахъ пѣсня ихъ объ самихъ себѣ, вообще пѣсни самихъ героевъ и героинь—Ксенія, Шереметева; Евдокіи и. т. д. Въ пѣсняхъ Петровскихъ еще болѣе такого рода признаковъ современнаго сложенія пѣсни, на каждомъ шагу: «*Бывало*, де, православный царь Любилъ стрѣльцовъ, много жаловалъ, *Нынче* государь на насъ *пронмывался* И хочетъ стрѣльцовъ казнить-вѣшати.» — «*Дотольва* зѣленъ садъ зѣленъ стоялъ, А *монче* зѣленъ садъ присохъ-приблѣкъ (о томъ же).» — «Бѣжить-то изъ Москвы скорый посоль, Держить во рукахъ грозный указъ, *чтобы* были мы *солдатушки* приубранные, — *Намъ* *заутра*, *солдатушкамъ*, въ *походъ* *итти*, Въ *походъ* *итти* подъ *Азовъ* *городъ*.» — *Ахъ* *служили* мы на *границѣ* *три* *годочка*, *Намъ* ни вѣсточки, ни *грамотки* съ *Дону* *нѣту*, — На *четвертомъ* *годочкѣ* *перепала* вѣсточка.» — «Вечоръ-то *мнѣ*, матушка, *малымъ*-мало спалося, Что *малымъ*-мало спалося, много *видѣлося*,» — и разгадка сна — «Бѣль-горючъ камень, — то *нашъ* *Кремль*-*городъ*, *Сизой* *орелъ*, — то *нашъ* *Батюшка* *православный* *царь*, *Побѣдитъ* *нашъ* *государь* *землю* *Шведскую*.» — «Какъ никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ, Что куда *нашъ* *государь*-*царь* *снаряжается*: *Снаряжается* *государь*-*царь* въ *землю* *Шведскую*, *Онъ*, *меня* *ли*, *добра* *молодца*, съ *собой* *береть*, *Ужъ* *какъ* *мнѣ* *ли*, *добра* *молодцу*, не *хотѣлося*.» — «Какъ куды же *нашъ* *православный* *царь* *собирается*? *Собирается* *православный* *царь* во *ины* *земли*, Во *ины* *земли* во *Шведскія*.» — «Какъ во *тысяча* во *семьсотъ* во *первомъ* *году*, Да и *шестаго* *мѣсяца* *Іюня*, Какъ *шестаго* *на* *десять* во *числахъ*, — Тамъ *шелъ*-*прошелъ* *царскій* *Большой* *Бояринъ*, *Кавалеръ* *Борисъ* *Петровичъ* *Шереметевъ* (до такихъ мелочей простирается точность вообще въ описаніи походовъ Шереметева).» — «Тутъ много мы *Шведовъ* *порубили*, А въ *трое* *того* въ *полонъ* *ихъ* *взяли*: *Тѣмъ* *прибыль* *государю* *учинили*.» — «Во *славномъ* *городѣ* въ *Орликъ*, *По* *нынѣшнему* *звѣ*

нію *Шлюшенбургъ*,—Идетъ тутъ царевъ Большой Боярнѣ.»—
 «Ты злодѣй-злѣдѣй, ретиво сердце, Ты бѣдѣ мнѣ, молодцу,
 предвѣщало, Предвѣщало ты, а не сказало, Что быть ли мнѣ,
 молодцу, въ рекрутахъ, *А въ солдатахъ быть мнѣ и въ походѣ*
Что подѣ славнымъ городомъ подѣ Орпшкомъ, По мыншнему
званію Шлиссельбургомъ.» — «Ахъ ты ноченька, ты ноченька
 осенняя, *Надоплать мнѣ, молодцу,—наскучила, Стоючи, брат-*
цы, на караулѣ юсударевомъ, Что подѣ славнымъ ли подѣ
городомъ подѣ Выбургомъ.» — «Въ тысяча семьсотъ первомъ
 годѣ, Во мѣсяцѣ было во Іюлѣ, Стояли солдаты на границѣ,
 А ни вѣстки, ни грамотки съ Руси нѣту, Въ три годочка перепадала
 скоро вѣстка (объ утратахъ),—*Еще ли намъ, ребятушки, не*
тошно?» — «Выходила тутъ наша армія, наша армія юсударева,
 Государя царя *Бѣлаю, Царя Бѣлаю Петра Перваго...* Въ
 барабаны-то пробали по веселому, *Намъ указы прочитали по*
печальному... Какъ у насъ ли во ширинкѣ уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался, цусары, генералъ помѣръ.» Наконецъ эти
 безпрестанныя строки въ началѣ пѣсней—«*Какъ у насъ было*
на святой Руси, На святой Руси, въ каменной Москвѣ,» «*У*
насъ было на Тихомъ Дону,» «*А у насъ было на синѣмъ морѣ,*
На синѣмъ морѣ на Балтійскимъ,» и т. п.,—всего этого
 не перечтешь. Очевидно, во всемъ этомъ, вполне современномъ,
 не могло быть мѣста ни *забвѣнію*, ни *прощенію*: сочувственно
 къ Ивану, а еще болѣе къ Петру, отнесся народъ въ ихъ соб-
 ственную эпоху, какъ современникъ, съ полнымъ сознаниемъ
 ледѣя ихъ творческіе образы, съ яснымъ прозрѣніемъ заглядывая
 внимательному потомству величавыя пѣсни какъ живыя ли-
 ца свидѣтелей. И если теперь поетъ народъ также, то, на обо-
 ротъ, значитъ,—и *теперь не забылъ* своего сочувствія, и те-
 перь живетъ *тою же* мыслию и *тѣмъ же* сознаниемъ.

Мы ниже рассмотримъ еще до мелочей эту *современность*
 Петровской пѣсни, типъ ея и складъ—*не мыслимый* до Петра,
не возможный въ созданіи послѣ него.

Теперь же намъ любопытно подмѣтить нѣкоторое *несоответ-*

ство между сопоставленными творческими образами Ивана и Петра: оно такъ непремѣнно и должно быть въ известной степени, по различію событій и обстоятельствъ, ушедшихъ далеко впередъ въ промежуткѣ полутора ста лѣтъ. Намъ еще любопытнѣе: какими приемами и оборотами выходитъ народъ изъ этого навязчиваго противорѣчія въ собственныхъ его творческихъ образахъ, какъ старается помирить ихъ единство или сходство, тогда какъ исторія дѣйствительности подсказываетъ рѣзкія отличія? Грозный казнилъ бояръ, высоко поставленныхъ лицъ и вообще имѣвшихъ несчастье быть приближенными: народу, въ смыслѣ цѣлой массы или хотя нисшихъ простыхъ слоевъ, онъ былъ хорошъ, легка была жизнь подъ его правленіемъ, и отъ того, между прочимъ, такое сочувствіе къ нему въ творествѣ. Совсѣмъ напротивъ, народъ, и особенно простой, а еще болѣе чернъ, должны были почувствовать при Петрѣ многія неизвѣстныя дотолѣ тяготы жизни: это не измѣнило однако ни сочувствія, ни правды творчества. Народъ въ пѣсняхъ Петровскихъ подвергаетъ карѣ лица отборныя, — *Большаго Боярина*, атамана стрѣлцакаго; самаго большаго — *князя Голицына*; самаго любимаго — *Меншикова*; самаго богатаго — *Газарина*: онъ явно уравниваетъ очертанія Петра съ установившимся образомъ Ивана. Иванъ свирѣпствовалъ *за измѣну*, и народъ нѣсколько разъ подтверждаетъ такую особенность, описывая, какъ *выводилъ онъ измѣннику*; но измѣна часто была только мнимая, и народъ опять не пропустилъ сей черты, напротивъ выставилъ ее ярко въ неожиданномъ спасеніи сына и восторженной радости отца: послѣ эпохи Смуть и еще болѣе при Петрѣ народъ имѣлъ случай убѣдиться, что гнѣздо измѣны не мечта и съ тѣхъ поръ, къ сожалѣнію даже съ излишкомъ, сваливаетъ доселѣ всѣ бѣды свои на какую-то измѣну, тамъ — гдѣ-то; Петръ уже не рисуется подозрительнымъ, не ищетъ по примѣру Ивана усиленно какихъ ни будь подкоповъ, а между тѣмъ и внутри, въ Стрѣлцкихъ бунтахъ, и въ Донскихъ тревогахъ, и въ дѣлахъ Шведскихъ, и подъ Полта-

вой, сами событія убѣждаютъ безпрестанно въ намѣренныхъ продѣлкахъ враждебной силы; такъ и здѣсь народъ уравниваетъ и оправдываетъ событіями воспѣтыя нѣкогда подозрѣнія Ивана. Что въ представленіяхъ народныхъ, передъ творческимъ взглядомъ, носилась дѣйствительно параллель между тѣмъ и другимъ властителемъ, что однимъ образомъ дополнялся другой,—видно уже изъ того, что не только черты, самыя имена и лица переносятъ народъ отъ одного къ другому. Кроме помянутыхъ примѣровъ, очень важно то, что въ былинахъ Грозный, жалуясь на измѣну и лукавыхъ заступниковъ зла, не щадившихъ однако лицо и семейство государя, съ негодованіемъ выводитъ—кого же?—Петровскаго *Гагарина*: «Грозный царь Иванъ Васильевичъ Всѣмъ князьямъ—боярамъ выговаривалъ: «По ворѣ по Гагаринѣ заступъ было, А по царскихъ родахъ и нѣтъ никого (Рыбник. ч. 1)!»—Что же однако, забылъ ли дѣйствительно народъ о своихъ тяготахъ и нуждахъ при Петрѣ? Ни мало не забылъ, напротивъ творчески это выразилъ. Не говоримъ здѣсь о «разореніяхъ» вымышленныхъ Сахаровымъ и разорившихъ подлинность его печатныхъ образцовъ; народъ влагаетъ Голицыну упрекъ противу Петра: «Ты за чѣмъ, государь—царь, черня-тъ разоряешь, Ты за чѣмъ большихъ господъ сподобляешь?» Но тутъ же рядомъ, въ пѣснѣ того же типа и происхожденія, народъ, проникнутый тактомъ историческаго самосознанія, такъ беспощадно характеризуетъ своего непрощенаго заступника: «Вотъ Москвою ѣхать князю,—ему было стыдно. Отъ чего же князю стыдно? Что первый измѣнщикъ.» Послѣ «рытья каналовъ» самая дѣйствительная и реальная тяжесть народу при Петрѣ состояла въ обязательной и частой казенной «службѣ», которой ото всѣхъ такъ настоятельно требовалъ Петръ, и о которой, при господствѣ земщины и выборныхъ началъ, не грезили еще при Грозномъ: и точно, почти на каждомъ шагу въ Петровскихъ пѣсняхъ выставлены—эта «Грозна служба государева, Что часты-дальны походушки,» «Голова ль моя послуживая,» «Бѣдныя головушки солдатскія,» «Еще ли намъ,

ребятушки, не тошно» и т. п. Но посмотрите опять, какимъ образомъ относится къ нему народъ: жалуется онъ на самую службу какъ на зло, видитъ въ ней обиду и неправду? Нисколько. Это прежде всего представляется какъ *личное и частное горе*, основанное на прежнихъ привычкахъ быта народного, быта семейнаго, религіознаго, общественнаго, пожалуй даже на привычкахъ былаго порядка службы, — не больше, а личное и частное, разумется, всегда легче принести въ жертву требованіямъ высшимъ. Герой, часто въ пѣсняхъ появляющийся подъ разными образами, и любимѣйшее лицо народное, сосредоточившее въ себѣ героизмъ эпохи, Шереметевъ — наивно, задушевно, искренно горюетъ, что ему «не хотѣлось бы изъ Москвы итти, хотѣлось бы при Москвѣ пожить, во дворцѣ служить, Московскимъ чудотворцамъ молитися, есть у нихъ дома зеленый садъ, тамъ батюшка съ матушкой, молодая жена, дѣтушки!» Сравните же при этомъ послѣдующія наши пѣсни «Рекрутскія», при наборахъ: тамъ, совсѣмъ на оборотъ, нѣтъ уже на первомъ планѣ этихъ сожалѣній, тамъ служба сама въ себѣ представляется роковой бѣдою и даже вломъ, при охлажденіи къ интересамъ государства или такъ называемому, непонятнаго народу, «національнаго единства». Послѣ пѣсеней Бессѣмянныхъ и Молодецкихъ мы еще будемъ имѣть случай, если Богъ дастъ, прослѣдить весь ходъ образовъ и представленийъ въ этихъ пѣсняхъ «о службѣ», съ отдаленнѣйшихъ временъ ея до послѣднихъ: и тамъ еще болѣе убѣдимся мы, какъ государственные и народные интересы, высоко поднятые въ поставленные Петромъ Великимъ, воззвались сознательнымъ высокимъ возбужденіемъ въ самихъ пѣсняхъ его поры, побуждая народъ при крупныхъ образахъ творчества допускать изъ виду реальные частности и мелочи, или же допускать ихъ только въ качествѣ частности и мелочи.

Мы видимъ такимъ образомъ, уже изъ нѣсколькихъ высказанныхъ замѣчаній, что творчество Петровскихъ пѣсеней связывается тѣсно съ предшествовавшимъ и въ особенности, блиско

примыкаетъ къ первому звѣну Былеваго творчества Московскаго, къ Быдинамъ Кюана, а черезъ него Уходить корнями своими въ глубь творчества еще старѣйшаго, отражая въ себѣ черты древнѣйшихъ Былинъ Богатырскихъ: подробности по происхожденію образовъ, приемы и самыя выраженія по возможности угаданы нами въ приближеніяхъ къ тексту и отчасти охватятся сами собою при разсмотрѣніи отдельныхъ образцовъ. Отъ связи съ предшествующимъ и предшествующаго съ Петровскими, общая взаимная связь всехъ Былинъ старшихъ съ Былевыми и позднѣйшими Историческими Пѣнями, только что у насъ отпечатанными, выражается во первыхъ, всего майяндѣе, *альшимъ* творчеству *историческимъ элементомъ*, о которомъ уже говоримъ мы: тѣмъ, что Былины сопровождаютъ и отражаютъ тенденціе всей нашей исторіи, положительной, действительной, документальной, письменной, отъ Владимира и Первыхъ историческихъ именъ, окружающихъ его, до смерти Петра. Вторая связь или связь другою рода усматривается съ той точки зрѣнія, какъ Былины относятся къ Исторіи: какъ Былево творчество, исходя изъ повѣсти о внутренней жизни слагающагося и сложившагося народа, обращается съ извѣстными приемами къ лицу событій вѣстныхъ; какъ Былевы пѣсни постепенно проникаются ходомъ исторіи, действительной, такъ на самомъ дѣлѣ сживаются эти двѣ стороны въ одно существо, пѣсни *Былевыя* становятся *Историческими*, Исторія же положительная и даже методическая отражается въ нихъ, находя себѣ существовавшее подолженіе и одежду творческую. Мы наблюдаемъ такую постепенность шагъ за шагомъ по памятникамъ, нами отпечатаннымъ, и, если въ образахъ апоса Владимірова должны были *отыскивать*, не вѣсьмъ замѣтныя черты историческія, заимствуя ихъ въ подолженіе, поясненіе и опору изъ источниковъ дѣписанія; если черты эти приняли совершенно *частный*, хотя и крупный еще, обликъ въ *исключительномъ мѣстномъ* творчествѣ Новгородскомъ, а при Князяхъ разсыпались предъ нами по удѣламъ и по мелочамъ сдѣланно *област-*

ныхъ, семейныхъ или личныхъ событій: то въ Московскихъ Былинахъ предстада намъ *Исторія во всѣхъ силахъ и правахъ своихъ*, въ цѣлости и единствѣ, въ документальности образовъ творчества, въ творческомъ изображеніи несомнѣнной внѣшней дѣйствительности; а наконецъ, при Петрѣ, намъ приходится уже не столько искать Исторію въ Пѣсни, сколько *Пѣсню въ сферахъ Исторіи*, творчество при лѣтописи, поэзію народную при книжной прозѣ. На сколько здѣсь, послѣ пройденныхъ эпохъ, измѣнилось само Былевое творчество по отношенію къ Исторіи, достаточно для того, чтобъ убѣдиться, сравнить любую Богатырскую Былину круга Владимірова съ пѣснями на примѣръ о походахъ Шереметева. Предметъ, достойный изученія, и нельзя не пожалѣть, что имъ доселѣ не займутся наши quasi-ученые и критики, вмѣсто праздныхъ разглагольствій о грубой Татарщинѣ или мизерномъ Миѣ въ нашей творческой, столь ясной и наглядной-образами, жизни. Проходя этотъ путь, то есть слѣдя за связью и преемствомъ Былинъ, мы вступаемъ уже отчасти въ *исторію самого творчества*, на сколько *былевые* приемы его и способы измѣняются, развиваются или движутся впередъ *внутри ихъ самихъ*, хотя и по стороннему иногда поводу: однимъ словомъ, не отыскиваемъ уже *Историческій элементъ въ Былинѣ*, а напротивъ, въ Былинахъ, несомнѣнно отражающихъ Исторію, наблюдаемъ послѣдовательность и развитіе самихъ *былевыхъ приемовъ, способовъ, образовъ и выраженій*. Этими шагами, говоримъ, переходимъ мы къ связи третьяго ряда—къ *Исторіи самого народнаго творчества*, въ немъ самомъ, въ собственной его области: зависимо или независимо отъ всякой *другой* исторіи, только во всякомъ случаѣ это *исторія своя, собственная и особая*. Какъ на первыхъ порахъ творчества Былеваго, вынесеннаго на свѣтъ Божій изъ глубины доисторической, созерцаемъ мы образы и слышимъ повѣсть внутренняго бытія народнаго, внутреннюю исторію того, какъ самъ народъ слагался, сложился и явился на поприще исторіи народомъ; какъ

XXIX

въ дальнѣйшемъ ходѣ по Былинамъ слѣдимъ Исторію дѣписательную, во взаимныхъ соотношеніяхъ внѣшней дѣйствительности и творчества, событія и былеваго слова: такъ, послѣ извѣстныхъ пройденныхъ стадій на поприщѣ развитія, *само* творчество даетъ намъ *свою собственную исторію*, гдѣ мы можемъ даже, на примѣръ, забыть историческія имена, мѣстности и событія, какъ внѣшнія, гдѣ историческая дѣйствительность принадлежитъ уже самой пѣснѣ, гдѣ событіе, исторически развившееся, есть сама Былина, гдѣ историческій фактъ есть — *созданіе, составъ, складъ, строй, размѣръ, видъ, стихъ, напѣвъ, образъ, слово, звукъ* Былины. Эту *внутреннюю исторію самую Былеваго и всякихъ родовъ, лишь бы народнаго устного, творчества*, — еще плохо отличаютъ у насъ отъ *Исторіи внѣ творчества* или отъ *историческихъ отношеній* его: всѣ несчастія сочинителей происхожденія Былинъ, беззавѣтныхъ любителей Ильи Муромца и вообще Петербургскихъ критиковъ происходятъ именно пока отсюда, изъ этого источника не-до-раз-умѣній и не-до-умѣній. Вся вина и все извиненіе ихъ неуспѣха состоитъ въ томъ, что они сами не слѣдятъ, не слышатъ, не собираютъ, не записываютъ въ народѣ, не издають въ связи его памятниконъ, а потому не держатся сихъ послѣднихъ какъ природы и вмѣстѣ исторической жизни, однимъ словомъ не идутъ обычнымъ путемъ плодотворныхъ естественныхъ наукъ и талантливой исторіи, напротивъ налетаютъ на устное творчество съ высока, съ кабинетнаго воздуха, съ облаковъ сигарнаго дыма или Петербургской атмосферы, съ исторической мысли, выработанной совсѣмъ инымъ путемъ, съ философскаго понятія о миеѣ, представляющаго результатъ, а отнюдь не начало, съ насиженныхъ — почти гемороидалныхъ — припадковъ литературной — письменной — критики, даже прямо съ фантастическихъ рыцарскихъ замковъ своего отвлеченнаго возрѣнія: то есть, строить зданіе науки съ крыши. Къ чему подобный пріемъ можетъ довести, — мы видѣли уже тому плоды въ печати: мы получили въ ученомъ ареопагѣ даже тако-

по одного британца, который, привыкнуши к языку, сумел разбирать
признаки рукописей, приписки, иныя буквы и бумагу или перга-
менты, шири нахлынувшимъ вдругъ потокомъ памятникъ ютнато-
го творчества, и при интересахъ, возбужденныхъ къ изданію
этихъ до сихъ поръ остававшихся неизменною стойкостью продолжаясь
здѣсь искать бумаги, буквы, приписки и чернильнаго сгущен-
наго знака, а заглавнымъ образомъ, что бы увидѣли даже печатно прого-
вариваясь, что въ эти былинны *сочиненія издаваемые или по*
крайности приобщены. Между тѣмъ каждый новый шагъ шагъ
въ изданіяхъ прибавляетъ собою новый періодъ, новую область
данныхъ, новую широкую почву для *истории самого творче-*
ства. Петровскія тѣсно заключаютъ собою историю города,
не менше какъ тысячу лѣтъ, и то крайности при нихъ уже
имѣемъ мы достаточно данныхъ, чтобы уловить организмы и раз-
витіе, и ходъ послѣдствительность, поступаніе, признаки, особен-
ности такой многообразной жизни. Что же привнеситъ къ *этому*
роду исторической связи Петровскія, какимъ звеномъ
приближаютъ къ предъидущему и связуютъ съ собою послѣ-
дующее? Заграничностью мѣста и времени, связуютъ съ *этимъ*
показательнымъ звеномъ слова съ *этимъ* *этимъ* *этимъ*
этимъ. При изданіи 7-го выпуска она скомже позволяя намъ до-
ступъ, — ибо мы все-таки считаемъ «изданіе» памятниковъ, — на-
мъ судьбою невозможно, — *тогда* *эти* *воинскіе* *равеужде-*
ній *то* *семь* *предметъ*, — успѣли мы въ краткихъ чертахъ обо-
значить связь Московскихъ Былинъ съ предъидущими и спе-
ціальныя ихъ отличія, съ точки зрѣнія ихъ въ внутренней исто-
рии. Мы видѣли постепенность перехода отъ старшихъ формъ *Вы-*
лины въ *Поблудящиму* и *Старину*, — разложеніе ихъ на Пье-
ны, друицы, отбывовъ, да же въ Сказку и простое Сказаніе: но
смыслъ съ тѣмъ, въ Московскомъ періодѣ творчества мы усмат-
ривали *возобновленіе* *силъ*, *способовъ* и *средствъ*, — творчество
воскрѣсившее *и* *ознаменовавшее* *новую* *жизнь* *свою* *нѣкоторы-*
ми *новыми* *формами*, *новыми* *приемами* и *путями.* — Мы здѣсь
замѣтили *особенную* *краткость*, *мощность* и *законченность*,

въ опредѣленности *сжатую* могучую *силу*; въ характеръ *силы драматизма* и его первые яркіе зачатки, хотя еще тупо связанные узломъ эпическимъ, — Въ *размѣрѣ* стиха, последовательно, наблюдали мы, начиная отъ исторической основы въ 8 слоговъ, вступившее со временемъ на дощрицѣ исторіи и при первомъ цвѣтѣ собственнаго эпоса, господство 10 слоговъ, уклоненія къ 9, 11 и 12, черезъ 13 (любимыхъ) слоговъ, переходъ въ размѣры новые, зарожденіе *строфы* и *примѣвъ*, *разломъ* стиха *на двѣ* связанныя половины, и т. п. — Въ *манерѣ* Быдлитъ, чѣмъ ближе къ намъ, въ Московскихъ отличили мы небывалое дотошъ *разнообразіе*, связь съ *диржкой*, рѣкое дѣленіе *кодыль* или повтореніе одного въ *примѣвъ* и т. п.⁵⁾ — Разумѣется, все это совершалось въ связи съ исторіей *народныхъ инструментовъ*: XVII-й вѣкъ унесъ большинство ихъ съ лица нашей земли, даже тѣ средней поры инструменты, кои существовали у старшей Московской Руси: за то скоро замѣнили ихъ, отчасти развитіемъ музыки полковой, военной, отчасти, въ самомъ народѣ, и преимущественно по окраинамъ дѣи, что очень близко, по козацкимъ украинамъ, инструментами *записными*, исключительно струнными и притомъ *многострунными*, съ широтою діапазона и крайнимъ разнообразіемъ *дадовъ*⁶⁾. — Наконецъ, въ выраженіи и языкѣ не могли мы опустить безъ вниманія особенную *простоту*, *естественность*, *ясность*, близость къ нашему *современному обиходу рѣчи* и также точно *родство съ языкомъ Московской письменности*, съ языкомъ *господствующимъ и установившимся въ литературу*,

⁵⁾ Подробнѣе развита нами съ тѣхъ поръ теорія народнаго нашего стихосложенія, съ полнотою примѣровъ, въ поманутыхъ „публичныхъ Читаніяхъ“ и особенно въ томъ, которое держали мы передъ Московскимъ Археологическимъ Съездомъ 26 Марта 1869 года. Оно еще не напечатано.

⁶⁾ Исторія и виды нашихъ народныхъ инструментовъ изложены нами въ публичномъ Читаніи передъ Московскихъ Археологическихъ Съездомъ, въ заведеніи Общества древне-русскаго искусства 25 Марта 1869 года. Кнѣжетомъ будетъ напечатано въ изданіи Общества.

даже вторженіе *оборотовъ чисто-книжныхъ* или выраженій изъ документовъ письменныхъ и актовъ, а отсюда *близость къ печати* и самый легкій, такъ-сказать, самъ напросившійся переходъ въ старшія *изданія* нашихъ Пѣсенниковъ.—Нечего прибавлять, что все это отличіе «Московское,» и въ мѣрѣ болѣшей, и съ рѣшительнымъ перевѣсомъ, оказывается въ пѣсняхъ Петровскихъ, достойно заключившихъ собою Былевой періодъ Московскаго творчества. Но здѣсь, кромѣ того, есть еще нѣсколько шаговъ *впередъ*.— Пѣсня весьма часто выдерживаетъ старшій строй еще строгой, типической *Былины*; рѣдко ослабляетъ его до *Побывальщины* и вовсе не представляетъ примѣровъ, развѣ въ мелочахъ, — *Старины*, той формы, которая однако же господствуетъ въ уцѣлѣвшихъ до насъ образцахъ о Грозномъ. Въ Сказку, кромѣ двухъ-трехъ примѣровъ, нами приведенныхъ, Былины эти не переходили, и очень понятно: чѣмъ болѣе раскидывается здѣсь міръ историческій, тѣмъ менѣе сказочный, и, въ обратномъ отношеніи, чѣмъ выше восходимъ въ періодахъ Былеваго нашего творчества, тѣмъ болѣе тамъ элементовъ Сказки, пока, видимъ, совсѣмъ не завладѣла она нашимъ эпосомъ Доисторическимъ, разложивши его въ тысячи образцовъ своихъ. За то, напротивъ, пѣсня Петровская обыкновенно что ни будь одно: или строгая Былина, или уже *всякая* обычная *Пѣсня*, такъ называемая Лирическая, то есть Женская, — семейная, бесѣдная, тягольная и т. д.; другими словами, Былина, потерявши черты Былевыя и Историческія, перешла здѣсь не въ промежуточные формы (*Побывальщины*, *Старины*) и не въ Сказку, а въ простыя обиходныя Пѣсни, смѣшалась съ ними и часто въ нихъ затерялась. Въ этой растеряности она берегаетъ намъ порою только прежній *строй* и *размѣръ*, типически заданный Былиною, да еще нѣкоторыя мелкія черты, иногда по видимому даже однѣ лишь случайныя выраженія, и по симъ-то признакамъ, доступнымъ только опытному взгляду, вынимали мы часто изъ разнородной массы творчества пѣсню Петровскаго *происхожденія* и *харак-*

тера, или дополняли ею пѣсню чисто-историческую. Тѣмъ не менѣе, тамъ, гдѣ Былина еще уцѣлѣла, составъ ея и строй опять поражаетъ насъ характеромъ силы возобновившейся и воспрянувшей, яркою *возбужденностью* творчества, о которой, и даже причинахъ ея, мы упоминали выше. Какъ первыя собственно-Московскія Былины объ Иванѣ относятся къ періоду предшествовавшаго ослабленія и разложенія, къ періоду Княжескому и Областному, почти также Петровскія относятся къ Былинамъ, Побывальщинамъ, Старинамъ и всякимъ сего рода пѣснямъ XVII вѣка, у насъ прежде отпечатаннымъ (въ 7-мъ выпускѣ): творчество возстало *вновь* и еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ когда либо прежде, отличается законченностью, точностию, краткостию, опредѣленностию, сжатостию и сдержанностию силы. Единство Московское, въ основѣ народное, на вершинѣ общественное, во внѣшности государственное, единство царства и патриархата не прошло даромъ для творчества или, лучше, послужило и для сего послѣдняго замѣчательнымъ даромъ: имперія, новое войско, флотъ, преобразованія Петровскія и побѣды,—все это еще выше напрягло настроенность къ сознанию или по крайности чувству единства, цѣльности, опредѣленности, какой-то державной власти — во всемъ, даже въ творчествѣ и въ его словѣ. Строй творчества не могъ не отвѣтить сей общей настроенности: такъ называемая «концепція» Петровскихъ Былинъ нерѣдко удивляетъ своею искусною *выдержкой*, художественной *строюстью*, *цѣльностью*, *единствомъ*. Особенно, если попробуете это сравнить съ широтою, плодovitостью, цвѣтистостью, расплывчивостью, наклоностию къ эпизодамъ и тому подобными отличіями въ старшихъ, Богатырскихъ Былинахъ, на другомъ, Южномъ и старшемъ концѣ нашего творчества. Драматизмъ, о которомъ мы говорили прежде, такъ уже силенъ теперь, что сказывается въ самой внѣшней формѣ выраженія: Былина безпрестанно выводитъ *разговоры* лицъ дѣйствующихъ; въ рассказъ входитъ съ рѣчами *самъ народъ отъ себя* (особенно въ пѣснѣ о Голицынѣ); вступ-

леніе къ Шведскимъ войнамъ, цѣликомъ илагается въ *діалектахъ* и *репликъ*; говоритъ, отъ себя *Москва-рѣка-Смародина*, говоритъ *Земля* (о Ладожскомъ каналѣ), говоритъ и жалуется *Донъ*... И это все тѣмъ замѣчательнѣе, что для бытины Петровской представлялось гораздо больше искушений сойти съ подобнаго пути, чѣмъ во всѣхъ періодахъ предшествовавшихъ; обокъ съ нею, возникшее еще прежде, развилось теперь, окрепло и обозначилось всѣми особенностями *творчества*. *Окружили* дѣи, что почти до же для тогдашней эпохи. *Козацкии украини*. Не Малороссія могла вліять здѣсь, объ ней рѣчи еще впереди; наше ближайшее, наше присное козацество, хотя родомъ оттуда же, но въ новыхъ, «Московскихъ» формахъ, заирало роль *дотолѣ* небывалую. Начавшееся для насъ собственно съ Ермака, оживленное Разнымъ, *творчествомъ Козацковъ* теперь было уже и полно, и обширно, и своеобразно. Между тѣмъ по характеру, какъ и сама дѣйствительность, оно отличалось рѣзко отъ обрисованнаго нами творчества Московскаго, тѣмъ болѣе Императорскаго и Петровскаго. По славнымъ рѣкамъ своимъ, которыя несли славу козачества до моря, по двумъ морямъ, Черному и Синему—Хвалынскому, а иногда и по третью ему, Бѣлому—Средиземному, по прилежащимъ берегамъ и сѣнямъ острововъ, въ тысячу мелкихъ, тѣмъ не меньше геройскихъ походовъ, слѣдомъ за подвижными дружинами и за подвигами многихъ тысячъ удалыхъ личностей, творчество козацкое по преимуществу расплывчиво и почти безкрайно въ содержаніи своемъ, составѣ и строѣ; народные инструменты жителей, орудійскіе скоро совсѣмъ здѣсь исчезли, получили господство струнные, болѣею частью заносные и даже многострунные, бандура и кобза, потомъ торбанъ; въ приномъ соотвѣтствіи съ симъ, стихъ, растянувся, возросъ даже до 16 даговъ, то есть, вдвое противъ основныхъ восьми, переломился отъ такой длинноты на двѣ половинки, разбился на части и отрывки, въ особый запѣвъ и разнородные припѣвы; запѣвъ козацкій до растянуть до безконечности, то дробится на по-

второящаяся доля. Невозможно здесь, как и во прочих Петровских (радо, типическое перерождение Былина) в Стафину, а Побывальщину: напротив Былина, есть действующим лицом. И действующими лицами. Это — Повесть из известной литературы, и мы видели много примеров, как беспредельно переходить она от лирической песни лица к эпическому разказу о лицах и обратно. Высший пункт такого развития в XIII в. — песни Раинския. Къ третьей области эпохи относится своим происхождением большинство наших победней: Волги и по Волге, о Доне и по Дону, по Сивому морю Хвалынскому, Степь — Царыцнская, Моадоцкая, Саратовская, знаменитая Молодость и т. д. Къ этим стихам даже на это одно слово, один слог и звук гуляет по нескольким гаммам и регистрам. Когда не знали историч. нашего происхожденія. На такое невѣдѣніе и сожалѣнію дитя сурьдима неключением досель, — въ стихахъ пѣнахъ видѣли древнѣйшій, иконный типъ Веллорудскій, восторгалась безконечно ширью и удачею дивилась неудовимости, и удивлялась тономъ протяжнымъ и заунывнымъ тутъ дѣтъ дѣтъ пруды, все это сравнительно позднѣйшее, все это порождение окраины. Чѣмъ старше пѣсня наша вообще, тѣмъ — развѣ отдалѣе порчу и новизну, строже и опредѣленнѣе складъ, короне составъ, сосредоточеннѣе художественность, развѣреннѣе и тоянѣе стихъ, драматичнѣе и уловивѣе напѣвъ, въ прямомъ соответствіи съ быльями древними, народными инструментами, обыкновенно разнобразными, по количеству, но простѣйшимъ по качеству и строю, спеціальными по особымъ отдѣламъ пѣсни. Уже старинный и южный наш эпосъ, сравнительно позднѣйшій послѣ иконныхъ неэпическихъ пѣсней, нѣсколько выступилъ отсюда какъ мы видѣли выше и въ Запѣкахъ 7-го выпуска: расширилъ видѣннею предметностью, содержаніе, пораставилъ складъ, строй, стихъ, напѣвъ, и въ этомъ его ступень, въ этомъ особенности эпическаго творчества, историческое его отлѣче и развитіе. Сюда-то, на известной степени дальнѣйшей,

какъ убѣдимся еще ниже, примыкають Малорусскія, — Козацкія Южныя Думы, такъ сказать вторичныя Былины Русскаго Юга на частномъ нарѣчій Украйны; сюда же, еще того далѣе, подходятъ наши Великорусскія пѣсни Козацкія отъ Сибири и Урала до Кубани, отъ Каспійскаго, Чернаго, Азовскаго моря и устья Дона до верхней половины Волги. Былево творчество собственно-Московское, напротивъ, мы знаемъ, прямо наслѣдовало старшей Былинѣ типической, во всей цѣлости ея состава, склада, стиха и напѣва: но, мало того, — восполнило убыль промежутка Княжескаго или Областнаго и воспрянуло вновь къ вящей и особой, назовемъ ее — *Сѣверовосточной* художественности. Петровскими пѣснями это завершилось: за то, въ ихъ эпоху, повторяемъ, не только достигло зрѣлости творчество Козацкое, но даже исторически, мѣстно и территориально, вмѣстѣ съ самими козаками, подвинулось съ Юга въ верхъ, къ Воронежу и Москвѣ, отсюда разсыпалось по всему лицу земли Русской, обогнуло окраины самыя Сѣверныя и Западныя, прошло по морю Варяжскому, до Пскова, Двины, Нѣмана, а отсюда спустилось къ Полтавѣ и слилось навсегда съ творчествомъ Козацкимъ-Малорусскимъ. То есть, оно вернулось къ тому же южному началу, откуда нѣкогда вышло, но зрѣлое, обогащенное длиннымъ путемъ опытовъ, наложило свое господство и вліяніе на Украйну: съ тѣхъ поръ Малорусскія пѣсни отличаемъ лишь *по нарѣчію*; сколько въ нихъ есть еще Былеваго, сколько остатка отъ старшей Думы и сколько связи съ козацизною «Московскою», — это все уже не особый отдѣлъ, въ родѣ прежнихъ Думъ, напротивъ это *одна и та же общія пѣсни Козацкія*. Разумѣется, всѣ эти явленія должны были потрясти Былевой строй творчества Московскаго: и однако оно еще устояло крѣпко *въ пѣсняхъ Петровскихъ, за Петровское время*. Новое, что принесли съ собою въ поступательную исторію развитія Былины Петровскія, — это, кромѣ помянутыхъ выше отличій, — дальнѣйшее, рѣшительное образование *строфы*: при стихѣ въ *десять* или около того слоговъ, образуется стихъ

второй, добавочный, больше краткій; это уже не столько повтореніе второй половины стиха или второго колѣна, даже не второе, надломившееся и отдѣляющееся колѣно, какъ мы видѣли въ нѣкоторыхъ былинахъ старшихъ и откуда *зараждалась* строфа, выдѣлялся *припѣвъ*; нѣтъ, это уже большею частію стихъ *особый*, также опредѣленный, только кратчайшій, и, чѣмъ обильнѣе онъ попадаетъ въ общемъ складѣ, тѣмъ рѣзче выдается особенность «Петровская.» Именно, если симъ неминуемо прервано однообразное теченіе эпоса, то самое разнообразіе, стихъ—такъ сказать—пестрый не можетъ уже повторяться въ семь видѣ *однообразно*: теченіе дѣлится на группы, каждая группа представляется изъ нѣсколькихъ сочетаній стиха—то длиннѣе, то короче, являются обороты и повороты склада, однимъ словомъ—строфы. Сравнительно съ классическою древностью, это почти то же, что сначала переходъ отъ гексаметра къ пентаметру, а далѣе, черезъ пентаметръ, до тѣхъ размѣровъ и строфъ, кои видимъ уже, на примѣръ, въ господствѣ у Горация. Разумѣется, такое явленіе есть уже одною ногою близкій шагъ къ паденію эпоса, это переходъ ко всякой прочей пѣснѣ, такъ называемой «Женской:» здѣсь отчасти дѣйствовало вліяніе пѣсней Козацкихъ, скоро слившихся съ Солдатскими. Въ музыкѣ инструментальной отвѣчало сему—не какое ни будь развитіе прежнихъ народныхъ инструментовъ,—они совсѣмъ пали и въ XVIII вѣкѣ немногіе остались лишь на долю пѣсней не-былевыхъ, особенно, всего дольще, Хоровыхъ и Обрядныхъ; не было и расширеній инструмента, и заимствованій, какія съ чужи привились къ нему у козаковъ: напротивъ взяла силу музыка *военная*, скоро совсѣмъ смѣнившая и замѣнившая народную, хотя при Петрѣ она отчасти держалась еще старыхъ формъ народныхъ и гораздо меньше, чѣмъ послѣ, наполнялась инструментами Нѣмецкими или Итальянскими. Многія пѣсни Петровскія, на примѣръ о походахъ Шереметева,—такъ и слышно въ складѣ,—слѣдуютъ военному маршу, въ тактъ не народному уже выступу и не пляскѣ на-

родной, а военному шагу или вытурной искусственной вышас-
 квы родоначалье посядующихъ формъ Солдатскихъ. — Чтобы не
 осталось это для многихъ одной отвлеченностью, вотъ, пока до
 будущаго печатанія подробностей, въ сколко наглядныхъ образ-
 цовъ бытъ бытъ. У насъ же, да и въ мнѣхъ, да и въ
 а) Господствующій размеръ старшихъ Былинъ: **Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,**
Огъ въ сидняхъ сидѣлъ ровно тридцать пять.
 Развившійся далѣе, но еще любимый: **Что не была берѣва къ землѣ клонится,**
Съ надюмомъ, двеніемъ неровныхъ колбнъ, зародышемъ
строны.
 Какъ изъ далѣча далѣча вѣдѣтъ и стѣнъ и стѣнъ,
 Изъ чистаго поля. — **Съ зачаткомъ призыва:**
Сослать ты намъ, Боже, прелестника,
Прелестника.
 Съ повтореніемъ другаго свойства: **Вы скажите мнѣ про старое,**
Про старое, про бывающее.
 Любимыящны можно видѣть на каждомъ шагу, Старины
 особенно въ Ивановскихъ (выпускъ 6-й), строгія Московскія въ
 7-мъ выпускѣ, б) Козацкія и особенно Разинскія (выпускъ 7-й), растя-
 нутыя: **Ужъ не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась,**
Ие муравая къ сырой землѣ приклонилась.
 Внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
 Супротивъ то было устьяца Самары рѣки,
 Какъ далеченько-далеченько во чистомъ полѣ.

Тихономъ сине море становилося,
Ничьмъ наше Каспійское не шевельнулося.

Достижение 16 слоговъ:
Еще внизъ то было по матушкѣ Камышенцѣ рѣкѣ,
Легкая лодочка выдываетъ, братицы, креломенка,
Хорошо-больно легкая лодочка изукрашена.

Зачертились на Волгѣ Черноярскіе стружечки.
«Охъ вы гой еси, козачье наше вольное собрание!»

Черезъ надломъ сей крайней длинноты стиха по поламъ; Воз-
вращение къ основнымъ 8 слогамъ:

Какъ по матушкѣ по Волгѣ (легкая) лодочка плыветь.
Еще яснѣе:
Ужь вы горы мои, горы, прикажите-ка вы, горы,
Подъ собой намъ постояти, | намъ не годъ-то годовати.

Или:

Ужь вы горы мои, горы,
Прикажете-ка вы, горы,
Подъ собой намъ постояти,
Намъ не годъ-то годовати.

Зарождение припѣва:

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою,
Надъ высокою!

(при пѣніи растягивается 10 слоговъ до 16-ти).

Подобно нѣкоторымъ старшимъ и въ переходѣ къ Петров-
скимъ, съ образованіемъ строфы:

Собирался князь Пикита
Сынъ Федоровичъ,
Огъ во дуть во дороженьку,
Въ Астрахань городъ

XI

в) Изъ Петровскихъ, ближайшія къ старшему типическому складу Былинъ, въ особенности Стрѣлецкія, о казняхъ и всякой «грозѣ»:

Изъ Кремля-Кремля, крѣпка города,
Отъ дворца-дворца государева,
Что до самой ли Красной Площади.

Во далечѣ, во далечѣ во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ во раздольцѣ,
Тутъ не красное солнышко выкаталоя.

Или:

Во далечѣ, во далечѣ
Во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ
Во раздольцѣ.

На зорѣ было на утренней,
На восходѣ солнца краснаго,
Государь-царь по дворцу гулялъ.

Возлѣ рѣченьки хожу млада,
Меня рѣченька стопить хочеть.

Ахъ ты батюшка, свѣтѣль мѣсяць,
Что ты свѣтишь не по старому?

(Последній размѣръ черезъ 9 слоговъ особенно рѣзко переходитъ къ лиризму и потому всего болѣе любимъ у насъ въ пѣсняхъ заувныныхъ,—это своего рода элегія послѣ эпоса).

XLI

Преимущественно возобновленные въ размѣрѣ Московскомъ
всего виднѣе въ Шереметевскихъ походахъ, и здѣсь же отзвукъ
военный:

Не грозная туча возставала,
Не часть-крупенъ дождикъ выпадаетъ.

Идетъ тутъ царѣвъ большой бояринъ,
Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

Ни въ умѣ то было, ни въ разумѣ,
Въ помышленьицѣ того не было.

Ты злодѣй-злодѣй, ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое!

Графъ Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ,
Не дошедши Красной Мызы становился,
Хорошо-добръ полками приполчился,

Какъ никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ,
Что куда нашъ православный царь снаряжается.

То же съ отломомъ:

Какъ никто-то про то не знаетъ,
Не вѣдаетъ,
Что куда нашъ православный царь
Снаряжается.

Но и въ другихъ отдѣлахъ:

Злата труба въ полѣ протрубила,
Прогласилъ государь, слово молвилъ.

По морю морю по Верейскому.

XLII

Охъ ты ягодка самородинка,
Распрекрасное мое деревцо...
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ...
Воздыхаетъ онъ словно лѣсъ шумить,
Возрыдаетъ онъ ровно громъ гремитъ:
Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные!

Ахъ ты ноченька, ты ноченька осенняя,
Надоѣла ты мнѣ, мелодцу, наскучила.

Что подѣ славнымъ было городомъ подѣ Шлюшеномъ,
Ахъ не люта змѣя, братцы, извивалася.

То же, въ другомъ лишь способѣ размѣщенія:
Ахъ не люта змѣя, братцы,
Извивалася.

И т. п.

Связь Петровскихъ пѣсней съ предыдущими и Козацкими
въ переходѣ къ строфѣ:

Охъ вы гой естя, Азовскіи (ски)
Караульщички,
Доложите во Азовѣ свымъ
Начальничкамъ.

Что со вечера солдатамъ
Приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты
Ружья чистили,
Ко бѣлу свѣту солдаты
Во строю стоять.

г) Отличіе Петровскихъ пѣсней, особенно частое въ нихъ и
потому закрѣпленное ими въ творчествѣ:

Со трети со тѣми со малыми
Съ пригородками,

XLIII

А и со славною со Кубаньей,
Съ крѣпкимъ Лютикомъ.

Перекинулся собака
Ко Азовскому пашѣ,
А Азовскій-то паша
Сталъ его спрашивать:
Ты скажи, скажи, пріятель,
Правду истинную.

Малые малолѣточки
Перепужалися,
По темнымъ лѣсамъ
Разбѣжалися,
Одинъ у нихъ стоитъ,
Не полбшится:
Стойте, малы малолѣточки,
Не пужайтесь!

Да никто къ этой избушечкѣ
Съ роду не захаживаль,
Съ роду не завзживаль.
Случилося ѣхать самому-то царю,
Петру Первому.
Захватили въ этой избушечкѣ
Добра молодца.

Распросилъ бы меня батюшка
Православный царь,
Я сказалъ бы ему, батюшкѣ,
Правду истинну.

XLIV

Вечёръ-то мнѣ, матушка,
Малымъ-мало спалось,
Что малымъ-мало спалось,
Много видѣлося....
Какъ на кустикъ сидитъ птица,
Младъ сизой орель,
Во когтяхъ своихъ онъ держитъ
Черна ворона.

Ты дорожка ли моя, дорожка,
Торна-широкая!
Долиною ты, дорожка,
Конца-краю нѣту...
Закричалъ ли король Шведскій
Громкимъ голосочкомъ:
Поглядите вы, ребята,
На свою сторонку!

Какъ по крутому по красному
Бережку,
Какъ по желтому-сыпучему
Песочку,
Тутъ ходиль-гулялъ батюшко
Православный царь.

И т. п.

Просимъ однако не злоупотреблять сими примѣрами и не слишкомъ далеко простирать выводы: мы, для краткости, рассматриваемъ только *число словъ*; по количеству, протяженію голоса и удареніямъ — открываются совѣмъ другія стороны и отличія. Здѣсь, для незнакомыхъ съ дѣломъ, нарочно беремъ только самый внѣшній и наглядный признакъ: но по удареніямъ, на примѣръ, даже десяти-сложные стихи Московскіе, и

особенно Петровскіе, существенно рознятся порою отъ древнѣйшихъ. Объ этомъ у насъ въ своемъ мѣстѣ.

Равнымъ образомъ, въ теченіе всего изданія, бѣглыми при случаѣ замѣтками старались мы обозначить послѣдовательность въ періодахъ Былеваго творчества. Но мы не имѣли времени хорошенько остановиться на существенномъ вопросѣ и рѣшить: что именно слѣдуетъ считать здѣсь поступательнымъ *развитіемъ впередъ*, къ лучшему, и что *искаженіемъ* творчества? Оставляемъ этотъ вопросъ пока открытымъ и думаемъ только, что имъ полезнѣе было бы заняться разнымъ современнымъ у насъ критикамъ, чѣмъ пустымъ ихъ разглагольствіемъ съ отвлеченными выводами о Былинахъ. Одно только слѣдуетъ здѣсь замѣтить всего ближе къ настоящему дѣлу: пѣсни Петровскія, составляя высшій, завершительный пунктъ Былеваго творчества Московскаго, въ то же время и даже тѣмъ самымъ готовятъ ослабленіе эпоса и пророчать очевидно его паденіе. Въ этомъ мы сходимся съ мнѣніемъ покойнаго П. В. Кирѣевскаго: «Царствованіе Петрово можно назвать и границею настоящихъ народныхъ историческихъ пѣсень... Правда, что поются въ народѣ пѣсни о Семилѣтней войнѣ, о Турецкихъ и Шведскихъ войнахъ Екатерины, о войнѣ 1812 года и многія другія; но эти пѣсни разительно отличаются ото всѣхъ настоящихъ народныхъ пѣсень: онѣ лишены всякаго поэтическаго достоинства и заслуживаютъ вниманія только какъ любопытные памятники времени ?)» Явную порчу мы часто отмѣчали при печатаніи самого текста; увидимъ еще пути ея при частномъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ образцовъ; особенно же будемъ изучаться, когда предъ нашими глазами возстанутъ въ своемъ собственномъ видѣ, то есть во всемъ своемъ уродствѣ, произведенія съ половины XVIII вѣка. Теперь для насъ достаточны пока и разбросанныя выше бѣглыя черты: это—драматизмъ, самъ по себѣ прекрасный и двинувшій творчество впе-

?) См. у насъ выпускъ 1-й.

редъ, но вмѣстѣ разрушившій спокойное и ровное теченіе эпоса; вліяніе пѣсней Козацкихъ, а вмѣстѣ съ ними всѣхъ рѣчныхъ и степныхъ, бурлацкихъ и даже чумацкихъ, разбойничихъ, темничныхъ, лихихъ и разудалыхъ, самихъ по себѣ весьма замѣчательныхъ, но ставшихъ въ разрѣзъ опредѣлившемуся Московскому складу; вторженіе военного строя въ смыслѣ новѣйшемъ—рекрутчины и солдатчины; подрывъ музыкѣ народной и отсутствіе ея поддержки для стиха; размѣръ, узаконившій пестрые стихи—разныхъ величинъ—и строфу; наконецъ, при краткости состава, природной и художественной, совсѣмъ иное—по обстоятельствамъ—историческое дробленіе и мельчаніе образцовъ, неудержимая связь ихъ съ прочими «женскими» пѣснями и понятная затерянность въ огромной массѣ сихъ послѣднихъ. Прибавьте сюда новизну многихъ явленій жизни, прозванныхъ словомъ иностраннымъ, и значительнѣйшую, чѣмъ прежде, близость творчества устнаго къ письму, къ литературѣ, гдѣ воцарился тогда павлиный языкъ: и вотъ выдаются признаки, возможные въ народномъ творествѣ только *со времямъ Петра*. *Сенать, фельдмаршалъ, графъ, гвардія, драгуны, армія, генералы, солдаты, кавалеры, сенаторы, бомбардиры, капитаны, офицеры, кареты, квартиры*, и т. д.; во всемъ этомъ, разумѣется, нѣтъ еще большой бѣды и это нисколько не хуже десятка словъ Татарскихъ, зашедшихъ въ наши старшія Былины; но на этомъ не остановилось. Народный устный языкъ, созданный, воспитанный, поддержанный, облагороженный и воздѣланный творчествомъ, постепенно уступилъ письменному, и не старому конечно, а ходячему тогда новому, то есть болѣе или менѣе безобразному. Это замѣтно въ пѣсняхъ еще лучшихъ, при Петрѣ: «Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца За измѣну противъ царскаго Величества;» — «Ахъ не выслужила головушка Ни корысти себѣ, ни радости, Какъ ни слова себѣ добраго И ни рангу себѣ високаго;» «Ай что вѣговорить Турецкой царь, Что султанское Величество, Ко своимъ ли ко фельдмаршаламъ (прежде гораздо проще его назвали бы «со-

бакою,» а свиту его — «дивьями, затылками бритыми» и т. п.);» «Тутъ много мы Шведовъ порубили, А въ трое того въ полонъ ихъ взяли, Тѣмъ прибыль государю учинили;» «Побѣдили силу Шведскую, Покорили городъ надобной;» «Хорошо Ярославль городъ построенъ, Что во тѣхъ ли во садочкахъ гуляютъ дѣвочки, генеральскія дочки (въ устахъ любимца Софьи!);» и т. п. Все это сильно отзывается пунктами новыхъ законовъ, регламентомъ, табелью о рангахъ, куртизанствомъ иностранныхъ дѣлъ, реляціями и курантами, даже зачаткомъ романсовъ и романовъ. Близость къ новой письменности и печати была виною явленій, не возможныхъ и не виданныхъ прежде: произведенія устнаго творчества носились въ старину изъ устъ въ уста—въ письма; если что *записывалось*, оно оставалось по корню устнымъ, хотя бы и *на письмѣ*; если это вставляли куда либо, на примѣръ въ лѣтопись, то именно *вставляли*, какъ разнородное, и оно легко здѣсь выдается, и не трудно для насъ выкраивается изъ страницы; если оно *пораждало* собою письменныя сказанія, то само оставалось неприкосновеннымъ источникомъ. Совсѣмъ напротивъ, съ эпохи Петра, распространившіеся «Пѣсенники» намѣренно соединяютъ и непременно записываютъ, а скоро и печатаютъ ходячія пѣсни: здѣсь, сверхъ письменныхъ особенностей, проникшихъ въ самую пѣсню среди народа, составители особо еще дополняютъ—то или другое слово, выраженіе, даже образъ и цѣлую картину, за тѣмъ выправляютъ, а скоро *поддѣлываютъ* и *передѣлываютъ*; мало того, являются лица, и даровитыя, которыя священнымъ долгомъ своимъ поставляютъ *воздѣлать* пѣсню или даже вновь *сочинить* ее,—за народъ, вмѣсто народа, даже для самого народа; издатели позднѣйшіе соревнуютъ симъ поэтамъ, выбираютъ себѣ только воздѣланное и сами помогаютъ улучшенію, по крайнему своему разумѣнію. И на этомъ-то самомъ внѣшнемъ, доступномъ и наглядномъ отличіи всего болѣе пока мы останавливались, частію—чтобы вскрыть дѣйствительное искаженіе, частію чтобы очистить дѣйствительный или предпола-

гаемый подлинникъ: мы видѣли ясно покушенія Чулкова, пассивность перепечатавшаго Новикова, удачи Дмитриева, неудачи Попова и Львова, утонченныя уловки Сахарова, ревностныя труды г. Костомарова съ г-жею Мордовцевой. Прибавьте къ тому, что скоро за эпохою Петра народная жизнь съ ея исконнымъ творчествомъ или по крайности съ творческой способностью—отдѣлилась рѣзко отъ всякой прочей; что событіе, то есть предметъ, вызовъ и содержаніе эпоса, сдѣлалось не народнымъ всецѣло, а исключительно общественнымъ, клерикальнымъ и всего чаще политическимъ; что политическая жизнь, на первомъ планѣ, явилась по преимуществу военною; что въ военной области первымъ обрисовался солдатъ: и вы поймете, что эпосъ вскорѣ сдѣлался солдатскимъ, а солдатскія пѣсни остались единственно съ характеромъ былевымъ; народъ устранилъ или самъ устранился отъ участія въ семъ новомъ мірѣ и благополучно замѣненъ формою «націи;» народныя, новыя пѣсни о новѣйшихъ событіяхъ—вовсе не зараждались. Разумѣется, этимъ выдвигалось впередъ творчество или, правильнѣе, искусство и художество личное, письменное, книжное: оно вступило законнымъ наследникомъ творчеству народному, и это еще слава Богу, лучше, чѣмъ ничего, ибо въ творчествѣ народномъ оставалось только старое или именно ничего. Это предуготовило намъ Пушкина съ Борисомъ Годуновымъ, Полтавой и общественнымъ Онѣгинымъ: но этимъ же, и въ этомъ, рухнулъ до основанія эпосъ народный.—Такъ Петровскія пѣсни, кромѣ внѣшнихъ историческихъ обстоятельствъ, сами въ себѣ, въ собственной исторіи, несли зародышъ разложенія и паденія: онѣ только въ послѣдній разъ отпраздновали торжество творчества народнаго, онѣ же окончательно и *отпѣли*.

Теперь понятно, что такое дѣло, какъ изданіе настоящаго выпуска, потребовало помянутаго «усиленнаго труда и напряженныхъ разысканій:» намъ понадобились разнородныя приемы, которые вовсе были не нужны и о которыхъ потому не говорили мы прежде. Здѣсь мѣсто разъяснить ихъ въ подробно-

сти.—Прежде намъ предстояло только *привести въ порядокъ и издать* готовое, собранное и записанное замѣчательными дѣятелями или нами самими, а при изданіи *пояснить текстъ замѣтками*, необходимыми для правильного разумѣнія; *выводы* и *указанія* наши, которымъ мы впрочемъ никогда не придавали особеннаго значенія, были потребны только по новости дѣла, ибо оно вводилось въ литературу и науку съ подобающимъ мѣстомъ и значеніемъ *впервые*. Понятіе и отличія творчества Былеваго, исключительно пока занимающаго половину нашихъ главныхъ изданій, отношенія его къ Исторіи и переходъ самого въ Историческое, равно какъ Исторія сего рода творчества въ самомъ себѣ, — вотъ задача и содержаніе нашихъ, правда, многочисленныхъ, но далеко еще не полныхъ выводовъ, указаній и указателей. Мы только ставили вопросы, предлагали задачи, указывали, на что слѣдуетъ обратить свое вниманіе наукѣ: не можемъ не пожалѣть одного, — что, сдѣлавши свое дѣло, работы наши остаются на Руси до сихъ поръ единственными въ этой области и, кромѣ праздныхъ разглагольствій, доселѣ не дополнены и въ существенныхъ вопросахъ не рѣшены со стороны другихъ дѣятелей серьезными, положительными, научными изслѣдованіями. Такъ на примѣръ Ѳ. И. Буслаевъ, отъ котораго одного ожидалось бы прямо ближайшее содѣйствіе въ семъ родѣ, до послѣднихъ дней печатно не сказалъ по поводу нашихъ изданій ни слова. — Главное же дѣло, *изданіе* наше — состояло въ слѣдующемъ. Всѣмъ извѣстенъ подвигъ П. В. Кирѣвскаго: ему первому вся честь и слава съ такимъ рвеніемъ, умѣньемъ и успѣхомъ въ обиліи записать и еще болѣе собрать записанные другими памятники народнаго творчества. Еще при жизни его, въ близкихъ сношеніяхъ, приглашенные къ участию въ участіи его Сборника, мы учились изъ частыхъ бесѣдъ Петра Васильевича приемамъ записыванья и собиранія, способу обращенія съ памятниками, пониманію ихъ и оцѣнкѣ. Къ сожалѣнію, сами занятые тогда больше процессомъ собственной работы, соби-

раніемъ Духовныхъ Стиховъ (послѣ изданныхъ нами и издаваемыхъ), мы спѣшили приложить все это къ нашей личной практикѣ, и многое, касавшееся самого Сборника Кирѣевского, предоставляли будущему или памяти живыхъ нашихъ разговоровъ. Самъ Петръ Васильевичъ, какъ извѣстно, подготовилъ къ изданію только имѣвшійся тогда подъ рукою отдѣлъ *Пѣсней Свадебныхъ*, до сихъ поръ хранящійся въ рукописи, да *Стиховъ*, коихъ часть напечатана, но значительная часть въ тетради затеряна и до сихъ поръ не отыскана. Смерть его оставила дѣло въ нашихъ рукахъ и въ такомъ видѣ: куча съ тысячею листочковъ и сотнею тетрадей, большею частію разнородныхъ рукъ, гдѣ только мы одни, по памяти нашихъ бесѣдъ, въ состояніи отличить мѣста и лица, гдѣ и къмъ что либо записано; доля ихъ переписана наемнымъ писцомъ, обыкновенно съ ошибками; лучшая доля перебѣлена, съ отличнымъ знаніемъ дѣла, сестрою покойнаго, Марьей Васильевной, также вскорѣ скончавшеюся; наконецъ — переписанное или провѣренное для изданія нами самими, еще при покойномъ. Все это помѣщалось въ знакомомъ для всѣхъ «желтомъ чемоданѣ», который обыкновенно П. В. возилъ всюду съ собою и который также точно долго послѣ сопровождалъ всюду наши переездки, пока недавно С. А. Соболевскій сдѣлалъ для того прекрасный шкафъ и помѣстилъ его уже въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ для храненія. Кромѣ листковъ съ пѣснями, кои записалъ самъ П. В., другихъ письменныхъ замѣтокъ его, для руководства изданію, не осталось здѣсь *никакихъ*: то есть объ отдѣлахъ пѣсней и родахъ, о лучшихъ образцахъ, о выборѣ отсюда, о послѣдовательности, въ какой нужно бы издавать, объ исторіи сихъ памятниковъ, выраженіяхъ и мѣстахъ, требующихъ поясненія, размѣрахъ, напѣвахъ и т. п. Если что либо въ семь родѣ нынѣ есть на листочкахъ и тетрадахъ Сборника, то это принадлежитъ уже нашей рукѣ и сдѣлано послѣ смерти Собирателя, въ ту пору, какъ готовилось и велось настоящее изданіе. Когда, благодаря энергіи К. С. Аксакова, жертвованію

Ц

В. А. Елагина, уступившаго завѣщанное ему наслѣдство, и средствамъ, предложеннымъ отъ Общества Словесности, дѣло изданія наконецъ пущено въ ходъ, Коммиссія, собиравшаяся для того на первыхъ порахъ, и такія почтенныя, опытыя или свѣдущія лица, какъ В. И. Даль и К. С. Аксаковъ, не мало имѣли труда для рѣшенія возникавшихъ недоразумѣній и споровъ: съ чего именно начать печатаніе, что помѣстить въ избранномъ, первомъ Былевомъ отдѣлѣ, какому порядку здѣсь слѣдовать и какихъ приемовъ держаться. По долгомъ соображеніи, планъ, порядокъ размѣщенія для 1-го выпуска и всѣхъ послѣдующихъ, основанія сего порядка, примѣненіе основаній и вообще приемы изданія «установлены по мысли нашей ^{*)}».

Практиковались же они исключительно собственнымъ нашимъ трудомъ: К. С. Аксаковъ скоро за тѣмъ скончался, не дождавшись даже печати 1-го выпуска; В. И. Даль отвлеченъ былъ главнымъ, монументальнымъ трудомъ своего Словаря; Коммиссія распалась и перестала собираться. Остались мы одни, чтобы личными своими силами вынести все дѣло: къ намъ единственно съ довѣріемъ и надеждою обращались въ семъ случаѣ родственники покойнаго, Общество Словесности и Русское общество въ образованныхъ своихъ представителяхъ. Дальнѣйшія внѣшнія судьбы изданія извѣстны по печати: внутреннія, кажется, не совсѣмъ. Не разъ мы чувствовали всю тяжесть и неподсильность такого одиночнаго труда, гдѣ, кромѣ внутреннихъ условій, самая подборка листочковъ, провѣрка и размѣтка ихъ для печати, хлопоты по типографіи и продажѣ, корректура и всѣ прочія обстоятельства матеріальной работы и экономическаго расхода трудовому времени ложились на одно лицо; не разъ заявляли о томъ, напрасно привлекая въ пособіе или смѣну молодыя силы желающихъ, даже прямо отказывались отъ чести продолженія; не говоримъ уже о напряженіи мысли, примѣненіи знанія и опыта: но именно эти-то обстоятельства

---

^{*)} Вып. I, стр. I—IV, „Замѣтка“ стр. XXIII, XXIV—XXVIII.

постоянно и возвращали все дѣло снова въ наши руки. Намъ порою тяжело было видѣть, что, благодаря этому, безъ движенія остается наше собственное собраніе, въ нѣсколькихъ сундукахъ съ записанными лично или полученными отъ другихъ многочисленными памятниками, со спеціальностью нашей работы—Духовными Стихами, Пѣснями Дѣтскими, Хороводными, Бѣлорусскими, изслѣдованіями о Калѣкахъ Перехожихъ, объ исторіи народнаго творчества, музыкѣ, напѣвахъ и народныхъ инструментахъ: привязанность къ Петру Васильевичу и его завѣты, воспоминаніе убѣжденій И. В. и М. В. Кирѣвскихъ, любовь къ дѣлу сего рода, представленіе всей его важности и, увы, сознаніе, что пока *некому здѣсь дѣйствовать безъ насъ*,— все это давало намъ силы. Мы довольствовались по крайности, что при этомъ былъ случай добавлять образцы изъ собственного нашего собранія, дѣлиться опытностью, предлагать—для будущаго—указанія, по мѣрѣ надобности сообщать подробности изъ другихъ, спеціальныхъ областей нашего знанія въ томъ же родѣ. Оцѣнка Обществомъ Словесности, сочувствіе всего образованнаго общества Русскаго, мѣсто, завоеванное нами для народа и его творчества во всей литературѣ и наукѣ, интересъ, повсюду съ тѣхъ поръ возбужденный къ памятникамъ народнымъ, признаніе со стороны прочихъ Славянъ, обрадованныхъ не совсѣмъ ожидаемымъ успѣхомъ эпоса Русскаго,— все это достаточно наградило насъ. Размѣры успѣховъ расширились даже сверхъ нашего ожиданія и внѣ серьезнаго разчета: казенныя программы «заведеній» грозно потребовали отъ воспитанниковъ знанія народнаго творчества, именно отпечатаннаго—Былеваго, а учебники и хрестоматіи, съ разнузданною у насъ безконтрольностью и достойнымъ нестыдливѣемъ, на перехватъ перепечатывали плоды нашего труда, даже безъ нашего имени. Наконецъ, по обычаю нашему опираться на отзывы иностранцевъ,— и нельзя же серьезно не дорожить мнѣніями людей образованныхъ и трудами истинной науки,—иноземное одобреніе нашихъ работъ, пользованіе выводами, ряды статей, появив-

шихся тамъ о внезапномъ «открытіи» Русскаго творчества, провозглашеннаго собратомъ Гомеру, капитальные филологическіе труды, возникшіе за границей по разработкѣ изданныхъ нами памятниковъ, вниманіе Я. Гримма и Штейнтала, извѣстность въ литературѣ Англійской, Французской и Нѣмецкой⁹⁾,— нельзя не признаться, мы этимъ гордимся, хоть конечно передаемъ главный успѣхъ и славу — не намъ, а имени П. В. Кирѣевскаго и за нимъ, еще болѣе, всецѣло, — нашему народу, для котораго не пожалѣемъ никакого труда. Наши свѣдѣнія, опытность, силы, сюда привнесенныя, разумѣется, какъ дѣло личное и притомъ одного лица, не могутъ обольщать нашего самоцѣнія; онѣ только лишь «вызываютъ» собою лучшее, только ищутъ, кому бы уступить достойнѣйшее поприще и заслуженный успѣхъ въ будущемъ: но вмѣстѣ онѣ же выводятъ собою и впереди себя цѣлое дѣло, цѣлую область, цѣлый міръ, — а этотъ міръ — великій міръ народа, эта область — вѣковѣчной народности, это дѣло — лучшихъ, высшихъ силъ человека, силъ творческихъ. Если имѣемъ мы какой поводъ о чемъ либо сожалѣть здѣсь, если сожалѣемъ потому, что очевидно со стороны нашей вкрадся какой либо промахъ и мы не безъ вины въ собственномъ дѣлѣ: это то, что труды наши не вызвали доселѣ продолжателей и послѣдователей, работы стоятъ на точкѣ, гдѣ мы оставляемъ ихъ во всей бѣглости и слабости, наша Русская наука не сдѣлала здѣсь впередъ ни одного пока шага рядомъ съ нами и послѣ насъ, не возникло хоть бы одной ученической работы — въ родѣ указателей, словарей или объ-

⁹⁾ *Revue des deux mondes*, 1868, *La nationalité Bulgare d'après les chants populaires*, p. M-me Dora d'Jstria (Кольцова-Мосальская). — *The fortnightly review*, 1869, *Russian Popular Legends*, by Ralston. — *Revue Britannique*, 1869, *Légendes populaires Russes*. — *Zeitschrift für Psychologie u. Sprachwissenschaft*, v. Lazarus u. H. Steinthal, 1867—68, *Das russische Volksepos*, v. Bistrom. — *Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung*, v. A. Kuhn, 1869, *Ueber den dialekt Der russischen Volkslieder*, v. A. Leskien (въ Гёттингенѣ), подробное излѣдованіе творческаго языка по всѣмъ грамматическимъ формамъ. — *Archiv f. d. Studium d. neueren Sprachen u. Liter.* v. Herrig, *Das russische Helden-Epos*, и друг.

ясненій текста, напротивъ, вмѣстѣ съ другими плодами, породили мы—огорѣ!—г. Стасова и его непримиримыхъ, неумолчныхъ критиковъ, на немъ же, г. Стасовъ, круговращающихся, а на другомъ экстремѣ имѣли бѣдствіе увидать нѣжныхъ любителей Ильи Муромца и пожарную критику, прохлаждающую распаленный восторгъ ихъ... Оба явленія, судьбою своей одинаково горемычныя.

Взявшись за изданіе и печатаніе Сборника Кирѣевскаго, мы, говоримъ, имѣли въ рукахъ своихъ съ одной стороны сырой матеріалъ, никѣмъ еще не разобранный, не опредѣленный, не подобранный и даже не названный собственнымъ именемъ; съ другой никакого почти руководства къ изданію изъ прежней Русской литературы и науки, кромѣ собственнаго знанія и опыта, а въ наслѣдство отъ Петра Васильевича, для Былевыхъ Пѣсней, единственно только завѣтную «мысль» его или, лучше, «идеаль», чтобы этотъ отдѣлъ при изданіи не ограничивался одними, весьма недостаточными, образцами изъ его Сборника и былъ бы по возможности пополненъ изъ всѣхъ другихъ источниковъ, въ цѣльную картину нашей творческой народной Были ¹⁰⁾. Удовлетворить такой мысли можно было только при достаточномъ знаніи всей прежней нашей литературы и исторіи сего рода: но эта работа поисковъ, справокъ и выписокъ — скорѣе работа механическая и она затрудняла насъ единственно перепискою (переписчика и никакихъ подобныхъ средствъ мы до сихъ поръ не имѣли отъ Общества, выполняя все собственными силами и руками); частная наша бібліотека, вмѣщающая въ себѣ значительнѣйшую долю всего, что только касается народнаго творчества, въ спискахъ и печатныхъ экземплярахъ, для Россіи и Славянства, отчасти для Европейскаго Запада и Азіатскаго Востока, въ семъ отношеніи превышающая обиліемъ рѣдкостей С.-Петербуржскую Публичную, крайне облегчала нашъ трудъ и давала готовые сред-

¹⁰⁾ Вып. 1-й, „Предувѣдомленіе,“ стр. 1.

ства ¹¹⁾. За то самый строй внутренній и порядок внѣшній, уловимый складъ и наглядный видъ, въ которомъ народное творчество предстало съ тѣхъ поръ свѣту на страницахъ нашего послѣдовательнаго изданія; эти Отдѣлы и Области творчества Былеваго, съ постепеннымъ переходомъ въ Историческое, Южный, Кіевскій, Владиміровъ Кругъ, за нимъ Новгородскій, потомъ Княжескій и Московскій; эти разряды Богатырей-героевъ и воспѣтыхъ Былевыхъ данныхъ или Событій, съ той или другой Степенью, занятой ими въ разрядѣ; тотъ или другой Выборъ пѣсней, группированіе Образцевъ, опредѣленіе подлинности ихъ, старшинства, порчи и искаженія; факты изъ Истории самого Творчества, Термины, самыя Именованія, занятая изъ источниковъ, и чаще изъ живыхъ устныхъ, изъ народнаго употребленія, намъ лично по опыту извѣстнаго; эти Виды—Былины, Побывальщины, Старины, Пѣсни Безъ-имянной Молодецкой, Тягольной, Женской и т. д.; отдѣленіе составныхъ Частей образца, раздѣленіе Стиха, условія Напѣва, сопровожденіе Орудіемъ—Инструментомъ, значеніе Лицъ, славившихъ и пѣвшихъ въ древности, пѣвшихъ или говорившихъ для записи недавней, Мѣсть, гдѣ записано, и Лицъ собиравшихъ; условные Приемы, отъ сего зависѣвшіе и въ текстѣ отражавшіеся; разнообразныя вопросы Текста и рѣшеніе ихъ съ точки зрѣнія творчества, особенно же вопросы Языка, въ смыслѣ отдѣльныхъ словъ, въ словообразованіи и словосочиненіи, въ словоупотребленіи творческомъ и нетворческомъ, народномъ устномъ и письменномъ или позднѣйшемъ литературномъ; Объясненія и Примѣчанія, для сего къ тексту прибавленныя; соотношенія творчества Былеваго съ остальнымъ творчествомъ Народнымъ, по содержанію, изображенію, изложенію, языку; наконецъ отношенія къ Исторіи самой внѣшней, положительной

---

¹¹⁾ Она была представлена общему вниманію на Московской Этнографической Выставкѣ 1867 года и только часть пожертвована была нами послѣ въ Чешскій Музей Праги.

и дѣйствительной, Лѣтописной и Литературной, въ соотвѣтствіе, разъясненіе или подтвержденіе творческой, устной и народной, и т. д.: вотъ въ чемъ состояло собственно доселѣ наше *Изданіе* и все это совершено трудомъ нашимъ личнымъ. Полное вниманіе къ показаніямъ самого народа, какъ онъ ихъ передалъ намъ въ лучшемъ дѣлѣ его интеллектуальной жизни, въ творческомъ образѣ и словѣ, довѣріе къ этому, говоримъ, первѣйшему и живому источнику въ занимавшемъ насъ дѣлѣ; повѣрка данныхъ не личными воззрѣніями, а личнымъ опытомъ, добытымъ въ соучастіи съ жизнью народа, въ долгомъ обращеніи съ нимъ, въ интересѣ къ его произведеніямъ съ дѣтскихъ лѣтъ, въ двадцатилѣтнемъ собственномъ собраніи и столь же неспѣшномъ изученіи собраннаго; свѣрка и критическое сопоставленіе источниковъ другаго рода, внѣшнихъ творчеству, оцѣнка ихъ не выводами историковъ и не частными взглядами, а тою мѣрою, какою они вторили творчеству народному или же въ немъ вторились и отзывались; увѣренность въ правильности и примѣнимости извѣстныхъ приемовъ изданія, основанная не въ самоувѣренной бойкости мысли, а въ довѣрчивомъ воспитаніи народными образцами классической древности, особливо Греческой, и въ предварительной практикѣ на памятникахъ Славянскихъ ¹²⁾; ученіе Буслаева, отлично излагавшаго выводы науки изъ произведеній Западной народности и проложившаго намъ путь къ собственному знакомству съ сею областью; указанія Каткова и Леонтьева, когда, въ блестящую пору ихъ ученой дѣятельности, ревностно способствовали они молодымъ умамъ проникнуть въ великую мысль величайшаго современнаго знатока интеллектуальной жизни народовъ—Шеллинга; курсъ свѣдѣній по литературѣ народовъ Восточныхъ, для которыхъ не имѣли мы нужды, подобно но-

---

¹²⁾ Прежде, чѣмъ рѣшились мы издавать что либо народное наше, мы печатали уже объ эпосѣ и общемъ пѣснотворствѣ Славянъ, напр. Болгаръ и Сербовъ въ изданіи „Болгарскихъ пѣсней“ 1855 года.

вѣйшимъ сочинителямъ «происхожденія Былинъ» бѣгать по минутно за справкою къ Академику на Васильевскій Островъ, напротивъ выдержали пять лѣтъ серьезной студіи у П. Я. Петрова и съ тѣхъ поръ пользовались въ семь дѣлъ частыми и оживленными его бесѣдами; наконецъ такой учитель, какимъ былъ для насъ П. В. Кирѣевскій, и такая школа, какъ Московскихъ—минувшихъ—Славянофиловъ: вотъ что помогло намъ и чему благодарность, изданія, въ той или другой степени. Потому, на сколько въ нашихъ, говоримъ мы, выводахъ и соображеніяхъ участвовала личная ошибка или оказалось неправильное уклоненіе частныхъ силъ, во столько терпѣло самое дѣло и во столько нуждается оно со временемъ въ лучшей постановкѣ: но на сколько личныя усилія и частныя труды основывались здѣсь на талантѣ лучшихъ умовъ эпохи, на вѣчныхъ памятникахъ народовъ, на ихъ собственной жизни, на живомъ показаніи народа Русскаго, письменномъ и устномъ его завѣтѣ,—во столько же дѣло наше становилось дѣломъ народнымъ. Прочность мѣрятся здѣсь не современнымъ успѣхомъ и не случайною его долею: пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ успѣютъ отъ существеннаго отдѣлится здѣсь заблужденія личныя; нерѣдко впрочемъ намъ самимъ извѣстныя и отнюдь не защищаемыя съ упорствомъ; потребуется еще больше лѣтъ, чтобы воспользоваться нашими указаніями и за ними подвинуть дѣло дальше; никогда не настанетъ той поры, когда бы развѣдающими мелочами придирокъ и соблазнами разуверенія смогли бы сдвинуть монументальный памятникъ, отнынѣ воздвигнутый народу собственными его силами и обезпеченный за его вѣчнымъ владѣніемъ.

Тѣмъ не менѣе, при всемъ личномъ трудѣ, на это положенномъ, мы имѣли по крайности до извѣстной степени *готовый матеріалъ*, требовавшій работы, но ее вызывавшій яснымъ требованіемъ, если не всегда опредѣленный, то легче поддававшійся опредѣленію: запросъ на содѣйствіе личной силы былъ громокъ и внятень, стоило только вслушаться, чтобы ее при-

LVIII

ложить, и закипало дѣло само собственной жизнью. Не могло же явиться, на примѣръ, дикихъ сомнѣній въ подлинности Былины, предъ вами излетающей изъ устъ народа, не могла зародиться блажь повѣрять слово творческое пергаминоу, кинварью и припиской. Сибирской язвы, поразившей Петербургскихъ критиковъ, мы на себѣ не испытали и потому не могло прийти въ душу чахоточное желаніе, нельзя ли богатый нашъ эпосъ перевести съ нарѣчія Алтайскихъ дикарей. Подобныя проказы, возможныя только на Васильевскихъ островахъ, гдѣ, словами пѣсни, «молодой матросъ корабли снастилъ,» не развлекали насъ. Очень важно, что предметы старшаго нашего эпоса безъ особеннаго труда отдѣлялись передъ взоромъ отъ письменности или же скоро отыскивались въ ней—если какъ ни будь туда заходили: Добрыню не уносилъ народъ тихонько въ свою Былину изъ Лѣтописи; Новгородецъ въ спискѣ посадниковъ и въ своемъ спѣшномъ разказѣ о торговой общинѣ не поддѣлывалъ похищенныхъ изъ пѣсни именъ Буслаева и Садки, а говорилъ правду искреннюю, не предчувствуя даже самаго существованія г. Стасова; Ивана Грознаго трудно было бы вычеркнуть изъ Московскаго дѣписанія и положительной исторіи; Ксенія, хотя заняла крови Татарской отъ предковъ, но пѣла чистымъ языкомъ Русскимъ и Англичанинъ, увезшій къ себѣ свѣжую еще пѣсню ея, не думалъ, кажется, перейти въ Православіе и подслужиться поддѣлкою Русскимъ патриотамъ. Былины, нами издававшіяся, тѣмъ старше происхожденіемъ, содержаніемъ и строемъ, тѣмъ меньше зависѣли отъ литературы книжной, сохраняя съ нею только равноправную параллель, тѣмъ прочнѣе уцѣлѣли въ памяти и устахъ народа живаго, тѣмъ слабѣе интересовали книжныхъ трудолюбцевъ XVIII вѣка, тѣмъ труднѣе были для поддѣлокъ Сахарова съ братіей, тѣмъ вѣрнѣе записаны въ старыхъ рукописяхъ или изданы были новыми издателями, такими, какъ Калайдовичъ. Вызванное связію съ сими вопросами, наше изслѣдова-

ніе о жизни и изданіяхъ Калайдовича ¹³⁾, знакомство съ ранними трудами и владѣніе бумагами старшаго собирателя, Кн. Н. А. Церетелева, сближеніе, кромѣ Кирѣвскаго, съ такими почтенными авторитетами въ области народнаго творчества, какъ М. А. Максимовичъ и В. И. Даль, сотоварищество по работамъ съ Рыбниковымъ и сношенія со всѣми почти новѣйшими дѣятелями сего поприща, наконецъ постоянный интересъ ко всѣмъ обстоятельствамъ литературы, сюда примыкающимъ, отъ блаженной памяти Чулкова, Попова, Трутовскаго, Новикова и Дмитріева до забывчивости гг. Костомарова съ Мордовцевой, перепечатавшихъ старыя гѣсенники новою печатью Саратовской,—все это раскрыло, разоблачило или разъяснило намъ въ подробности процессъ и ходъ занимавшаго насъ дѣла. Кромѣ того, какъ извѣстно, Южное поприще старшей Былины не мѣняется съ Сѣвернымъ, Быль Кіевская не забываетъ въ Новгородскую, Терентище не служитъ Владимиру, Садко не споритъ съ Дюкомъ, Буслаевъ не водится съ Суровцами Суздальцами, Москва, принимая наслѣдство творчества, быстро поднимаетъ господскую свою голову, ни съ кѣмъ не дѣлится, сама собою управляетъ въ эпосѣ, собственными силами спасаетъ старину и достигаетъ вѣщихъ новыхъ успѣховъ. Смѣшать то, или другое и третье нѣтъ никакой возможности; потеряться въ сходствѣ — негдѣ. Различны лица, территоріи, событія, данныя; ярко замѣтна взгляду внутренняя постепенность и послѣдовательность въ ходѣ самого творчества и въ пріемахъ его, въ стихѣ и въ самомъ дробномъ — въ числѣ слоговъ, въ языкѣ и въ выраженіяхъ. Есть всюду связь, но есть и рѣзкія спеціальныя отличія. Звѣньями связи указуются періоды времени, временемъ постепенность, постепенностью особенности. — Послѣ изготовленія къ изданію первыхъ выпусковъ Сборника Кирѣвскаго, еще легче намъ было съ Рыбниковскимъ: всѣ Былины здѣсь изъ одной нынѣшней

¹³⁾ Оно два раза отпечатано, второй разъ со всѣми подробностями 1862 года.

мѣстности, записаны по большей части однимъ лицомъ отъ однихъ и тѣхъ же пѣвцовъ; получая черновыя тетрадки и листы прямо изъ подъ пера, изъ подъ свѣжаго дыханія пѣвшихъ живыхъ устъ, мы только приводили матеріаль въ порядокъ, только прилагали къ нему приемы изданія начатаго прежде, опредѣлившагося съ именемъ Кирѣвскаго, только *продолжали* ту же, прежде обозначившуюся, нить, только встрѣчали старыхъ намъ знакомыхъ или встрѣчали ихъ готовою обстановкой. У Кирѣвскаго, къ образцамъ его, мы многое прибавляли еще *сами*, разысканіемъ, заимствованіемъ изъ другихъ собраний, вставкою собраннаго нами лично: известно, что, до 7-го выпуска, образцовъ, собранныхъ П. В.—чемъ (хотя и не всегда имъ записанныхъ), приходится почти ровно на половину сравнительно съ прочими, у насъ отпечатанными (Кирѣвскаго 147, другихъ 148); съ 7-го даже дѣлается перевѣсъ и слагается Кирѣвскаго 196 образцовъ, остальные же 222 дополнены нашимъ трудомъ ¹⁴⁾. Но при изданіи сборника Рыбниковскаго мы не имѣли даже и этого труда: мы получали матеріаль отъ одного лица, хоть и разныхъ рукъ, и только впоследствии, отчасти самимъ Собирателемъ, обозначено было, что сюда вошло довольно вкладовъ отъ другихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, цѣльность всего того, что сообщалъ намъ для изданія Рыбниковъ, заставляла забывать дробныя особенности и онѣ не увеличивали намъ затрудненій. Изданія, тогда же рядомъ или вслѣдъ за симъ начатыя нами изъ личныхъ нашихъ сборниковъ и по частямъ спеціальнымъ, какъ-то Духовныя Стихи, вводившіе насъ въ область исключительную и мало другимъ извѣстную, а потому требовавшіе совершенно особыхъ приемовъ, многихъ толкованій и разъясненій; Дѣтскія Пѣсни, кои собирали мы почти по словечку, а всего болѣе почерпнули изъ собственной памяти, по наслѣдству отъ на-

---

¹⁴⁾ Это замѣчено нами еще при изданіи 1-го выпуска, стр. XXVIII, какъ пополненіе, „почти подавляющее долю самого Сборника“ Кирѣвскаго.

шей кормилицы, — издание первое въ семь родѣ на Руси и у всѣхъ Славянъ, подготовленное совершенно новою работою; наконецъ Пѣсни Бѣлорусскія, печатающіяся доселѣ и стоившія значительныхъ хлопотъ, ибо собирались на огромномъ пространствѣ, въ сторонѣ, недостаточно намъ знакомой и родной (хотя — увѣряютъ — совершенно Русской), притомъ чаще въ мелкихъ отрывкахъ: все это однако, при издававшихся нами Пѣсняхъ *Былевыхъ* Великорусскихъ, не только не мѣшало симъ послѣднимъ, но даже, можно сказать, помогало сравненіемъ разнородныхъ отдѣловъ творчества. Однимъ словомъ, *матеріаль* творчества Былеваго, въ прежнихъ выпускахъ, самъ по себѣ, какъ только былъ нами собранъ во едино, представлялъ способность и удобство къ обнародованію въ печати, легче поддавался приему изданія, самъ вызывалъ вопросы и отчасти самъ же отвѣчалъ на нихъ. Только одинъ Отдѣлъ здѣсь, по матеріалу, приносилъ съ собою наиболѣе затрудненій: это, какъ могли конечно замѣтить читатели, Былевия пѣсни — такъ названныя нами — *Княжескія*, *впервые* съ этимъ именемъ указанныя нами въ области творчества и введенныя въ науку, никѣмъ другимъ прежде не отмѣченныя и никогда особо не выдѣлявшіяся, но ясно обозначившіяся предъ нашимъ взглядомъ, когда опредѣлились другіе отдѣлы Эпоса. Онѣ занимаютъ средину между старшимъ періодомъ, Южнымъ, Кіевскимъ, Владиміровымъ, а съ другой стороны между Московскимъ: и по времени ихъ процвѣтанія, и по содержанію, по складу и составу, по частности событій воспѣтыхъ, по личности интересовъ, по подробности образцовъ, по особенностямъ въ самомъ даже стихѣ, по отличію ихъ употребленія, даже лицъ, ихъ пѣвшихъ, даже инструментовъ сопровождавшихъ. Ихъ слѣдовало выдѣлить изъ массы другихъ отдѣловъ, изъ пѣсеней схожихъ, но не однородныхъ, что мы и выполнили, отпечатавъ текстъ нѣсколькихъ образцовъ: но за этимъ, и гораздо больше, оставалось обозначить древній первообразъ ихъ, уцѣлѣвшій во многихъ Молодецкихъ и Безъимянныхъ, куда перешли онѣ потерявъ историческое имя

Княжеское, а также вскрыть слѣды ихъ употребленія во всей нашей древней словесности. Такая задача и работа трудна: мы ее общали читателямъ, мы съ своей стороны и выполнили, но именно по запутанности и важности вопросовъ не рѣшались пока отпечатать, продолжая до сихъ поръ пополненія и исправленія. Въ послѣднее время впрочемъ мы очень утѣшены, получивъ удостовѣреніе, что за насъ предпринять сей трудъ уже другими: сотрудникъ «Зари (1870, № 1),» коего не имѣемъ мы чести знать, г. *К. Б. Р.* замѣчаетъ, что «критика почти не открываетъ слѣдовъ удѣльности въ народномъ эпосѣ,»—въ чемъ мы совершенно согласны, ибо дѣйствительно эпосъ самъ въ себѣ не дѣлился на политическіе княжескіе удѣлы, а за тѣмъ прибавляетъ, что «пѣсни, относимыя г. Безсоновымъ къ этому періоду, подлежатъ еще разсмотрѣнію.» Мы не сомнѣваемся въ спеціальныхъ свѣдѣніяхъ автора по этому вопросу и съ живѣйшимъ любопытствомъ ожидаемъ отъ него обѣщаннаго разсмотрѣнія. Такимъ образомъ и съ этой стороны облегчилось наше дѣло; а все остальное въ народномъ Былевомъ творествѣ представляется, до конца XVII вѣка, *по материалу* достаточно яснымъ, цѣльнымъ, единымъ и полнымъ.

Совсѣмъ не то встрѣтили мы, какъ скоро дошли до Пѣсней Петровскихъ, занялись ими съ привычнымъ вниманіемъ, а по величію лицъ и эпохи сочли своей обязанностью посвятить изданію всѣ свои силы. Во первыхъ, насъ уже встрѣчала и оставливала здѣсь тенденціозность разныхъ взглядовъ: вся предшествующая литература или увѣряла Россію, что народъ въ своемъ творествѣ *пропустилъ* величавую эпоху, или хвалила его за то, что онъ отъ души *простилъ* ее, а потому—намеренно и усиленно—*забылъ*. Нельзя же было догадаться съ разу, что въ основѣ сихъ увѣреній лежитъ совершенное невѣдѣніе, а ято напротивъ вѣдѣнію и наукѣ открывается здѣсь благодарнѣйшее поприще и обильнѣйшій матеріалъ. За тѣмъ, всѣ обстоятельства и черты, извлеченныя нами выше для характеристики Петровскаго періода пѣсней, прежде чѣмъ были еще нами

извлечены, — казались почти неодолимою преградой, манили наше любопытство, но вмѣстѣ являлись намъ въ формѣ дѣйствительныхъ и крайнихъ затрудненій. Великія событія эпохи, въ слѣдъ за двигавшимъ ихъ лицомъ, вмѣстѣ съ подвигами главныхъ лицъ, прошли по всему лицу земли Русской и покрыли его до крайнихъ предѣловъ; они переступили далеко за предѣлы прежняго Московскаго государства, проникли до окраинъ Польши и странъ Европы Западной, вступили въ Бѣлую Русь и Малую, достигли отдаленнаго Славянства на Югъ. Съ событіями и лицами шли вмѣстѣ, шагъ за шагомъ, и пѣсни, питаясь возбужденіемъ интересовъ, отражая все, подлежащее народному сознанию, возводя въ поэтическій образъ, отвѣчая творческимъ словомъ: полнота небывалая, разнообразіе невиданное, единство съ трудомъ уловимое, подробности легко на семъ пространствѣ теряющіяся. Вы переноситесь изъ Москвы за границу съ первыхъ же шаговъ Былины; потомъ идете на Югъ до Воронежа, Черкаска, Азова, Дуная; со всѣмъ, здѣсь приобретеннымъ, спѣшите отсюда на самый отдаленный Сѣверъ и Западъ, пускаетесь по Варяжскому морю и вдоль береговъ его; изъ Пскова движетесь въ Бѣлую Русь и Польшу; оттуда снова вдаетесь на Югъ, въ Малороссію до Запорожской Сѣчи; вашъ взоръ достигаетъ уже Бендеръ, вамъ рисуется въ сторонѣ и Хвалынское море, и Дербентъ, а предстоитъ вернуться опять въ новый Петербургъ и въ сенатъ, гдѣ замышляются новые «бои да драки,» откуда, ради Прута, вамъ слѣдуетъ еще прибыть въ Черную Гору и, не минуя же въ промежуткахъ сего перехода ни разнообразныхъ личныхъ характеровъ и обстоятельствъ, ни мелкихъ семейныхъ дѣлъ и частнаго лиризма, вы, утомленные слишкомъ разнородными встрѣчами долгаго пути, отдыхаете отъ тревоги охватившаго васъ роковаго движенія только при гробовой доскѣ «во соборѣ Петропавловскомъ;» но и тутъ еще замогильная тишина прерывается громомъ обстоящаго войска, стонами осиротѣвшей земли Русской, казню двухъ вельможъ, которыхъ караетъ народъ

въ своемъ творчествѣ какъ искупительную жертву славы Петровой. Опуститься ли съ этой поверхности въ глубь, и, разумѣется, тѣ же судьбы отражаются во внутренней исторіи самого творчества, въ смѣнѣ и передвижкѣ его образовъ, то юныхъ, то сѣдыхъ древностью, то близкихъ вамъ, то уходящихъ въ туманную даль прошлаго, то чисто-историческихъ, то еще чисто-былевыхъ. Едва лишь коснулись вы пѣсни, на первой развернувшейся вамъ страницѣ эпического разсказа, какъ Петръ воскрешаетъ уже Добрыню, ѣздившаго съ молоду въ далекіе края и возвращавшагося «въ платьѣ Латынскомъ:» вы переноситесь въ представленія Владимірова круга, а васъ сдерживаетъ при Петрѣ ревнивая Москва-Смородина. Только что за симъ освоились вы съ картинами Стрѣльцовъ, Пправежа и смѣлаго Драгуна, представителя новому войску, съ картинами, куда переносить васъ живое творческое слово какъ будто это случилось вчера и сегодня, — и предъ вами возстаетъ образъ Грознаго Ивана, и вы за триста лѣтъ отъ сегодня. По Москвѣ возитъ васъ Голицынъ точь въ точь и съ тѣми же подробностями, какъ ѣздилъ онъ въ Троицкую Лавру и, даже больше, какъ ходилъ онъ въ своихъ пресловутыхъ Крымскихъ походахъ, въ той же обстановкѣ полчищъ, съ тѣмъ же яркимъ комизмомъ важности и неудачи. Но вотъ раздается приказъ къ Азову: ѣдетъ по Окѣ Шереметевъ, движеніе въ Воронежъ, чистятъ ружья солдаты, поднимается самъ царь, стелется небывалая жизнь по Тихому Дону, вы уже въ средѣ чисто-козацкой, при осадѣ Азова: просыпаются видѣнія Бояновы, расцвѣли засохшія временемъ краски Слова о полку Игоревѣ. Невольно увлекаемся сферою козачества: любопытные, знакомимся то съ дѣйствительными, то съ баснословными образами мѣстныхъ героевъ, съ этимъ Флоромъ, Некрасовымъ, Ефремомъ и Ефремовымъ, Маныцкимъ, Иваномъ Заморяниномъ, Федоромъ Ивановичемъ, Скордыгинымъ, Голымъ. Есть тутъ и коварная смута, есть и великодушная милость государя, является и казнь, и прощеніе: Козацкія черты въ творчествѣ совпадаютъ со Стрѣ-

лецкими, и сцена снова двоятся; не освоившись съ приемами, вы не рѣшите, гдѣ это ходитъ самъ царь,—въ Черкасскѣ, въ Москвѣ или въ Петербургѣ; Козакъ ли въ тюрьмѣ передъ нимъ, или старый Стрѣлецъ и новобранный Гвардеецъ; какая Царица, Историческая старая, или новая, или вовсе небывалая и Былевая молитъ царя о пощадѣ. Чувствуете наступившій водоворотъ и среди громадныхъ волнъ его личный эпизодъ Евдокии уже не волнуетъ вашего чувства, какъ бы ожидалось, — онъ успокоиваетъ; послѣ Тихаго Дона, неожиданно огласившагося трескомъ и громомъ, вы дѣйствительно рады очутиться въ тихомъ пристанищѣ заточенной, предъ словами ея прощенья и молитвы: но, столь же неожиданно, образъ ея будитъ снова Грозную тѣнь Ивана, творчество вводитъ васъ въ старыя картины Старой Руси, движутся Старцы Перехожіе, подслушиваютъ вздохи у дверей кельи, пѣсни въ прорубленныхъ окнахъ, и—тѣсная ограда монастырская готовитъ повѣсть всему народу, разнесется Былина Лопухиной отъ края до края. Эта ожившая дѣйствительность Древней Руси сопровождается въ слѣдующихъ пѣсняхъ — столь же свойственными ей древними снами и видѣніями: Гроза Шведская носится въ воздухѣ образами Слова о Полку Игоревѣ и Мамаева Побоища, снова воскресшими, снова обѣщающими повторить на приморьѣ Варяжскомъ сцены недавно помутившагося Тихаго Дона и осажденнаго Азова. И точно, въ слѣдъ за пророческими видѣніями, наступаютъ сборы козаковъ, сборы новаго войска, сборы полководцевъ, прощальныя и семейныя сцены: а за ними — «не грозная туча возставала, не часть—крупенъ дождикъ выпадаетъ,» и какъ звонкія капли ливня спѣшатъ по землѣ шаги войска при звукахъ оружія, тучею несутся полки съ грозою на сѣверъ и западъ. Тамъ очутились знакомцы ваши — Донскіе козаки, тамъ соединились одною задачею остатки стараго и кадры новаго войска: съ тѣхъ поръ море Верейское-Варяжское безпрестанно сливается съ Азовскимъ, Чернымъ и Хвалынскимъ; безъ умѣнья не различишь часто именъ ихъ, не

признаешь, гдѣ же собственно идетъ теперь дѣло. Прежде, чѣмъ опредѣлишь колеблющіеся признаки, сомнѣваешься нерѣдко, — по какому это морю несется въ корабль самъ царь, на какомъ морѣ воспѣтъ подвигъ Рычкова, на какомъ доносятся вѣсти съ Дона къ сыновьямъ Флоровымъ, какимъ каналомъ, подъ землю, или изъ подъ земля и лѣтъ позднѣйшихъ, всплывъ Краснощочковъ передъ лицо Лѣвенгаупта; въ довершеніе, Вереѣскія морскія стоянки чередуются съ сухопутными квартирами солдатъ въ городѣ Вереюшкѣ. Еще болѣе: Шведская королева маскируется рѣкою Смородиной и миѣическая рѣка-дѣва губительница возсѣдаетъ на Шведскомъ престолѣ, чтобы сгубить благо Молодца, а теперь созрѣвшаго лѣтами и опытомъ Государя. Тогда опять, и еще выше въ древность поднимаются народные образы творчества: старшій Селяниновичъ, нѣкогда встрѣтившій и удивившій приѣзжаго Олега, загонявшій его на своей соловой кобылкѣ, не умеръ и подоспѣваетъ въ XVIII вѣкѣ, чтобы вывезти на Русь государя, возвратитъ его изъ обаяній и лукавствъ Шведскихъ къ дѣйствительности Русской; благодаря этой связи миѣа, эпоса и исторіи, «Исторія» случившаяся на Шведскомъ поморьѣ, повторяется слово въ слово среди Москвы, въ «Сказкѣ» среди «розысковъ» Преображенскаго Приказа. Но мало по малу чисто-историческія событія и имена даютъ однакоже возможность освоиться въ пѣсни съ поприщемъ Шведскихъ дѣяній; вы привыкаете къ нему и слышите *въ третій разъ*, какъ Петровская повѣсть заключается словами пѣвца «трудныхъ повѣстій» XII-го вѣка:

Распахана Шведская пашня
 Солдатской бѣлой грудью;
 Орана Шведская пашня
 Солдатскими ногами;
 Посѣяна новая пашня
 Солдатскими головами;
 Поливана новая пашня
 Горячей солдатской кровью.

Такимъ заключеніемъ готовы бы повершить мы сами, какъ вдругъ, непосредственно за симъ, далекое и безучастное долготворчество Малорусское на полѣ Полтавскомъ дружится съ Московскимъ. Совершенно новый элементъ, новыя стихи, усложняющія очеркъ. Предчувствіе Лебединого поля, вызвавшее среди Москвы, при выходѣ изъ Успенскаго собора, задумшевую пѣсню Шереметева, сбывается въ дѣйствительности среди города «Лебедина,» въ раздумьѣ военнаго совѣта передъ труднымъ «поединкомъ» съ королемъ Шведскимъ, подъ стѣнами Полтавы: и Малорусская пѣсня сберегла намъ нарочныя черты этого дѣла въ отвѣтъ на вѣщее слово Шереметевской пѣсни. «Царь Бѣлый,» герой творчества Московскаго, явился съ Петромъ и для Украинскаго. Дружатъ ему Искра съ Кочубеемъ, измѣняетъ ему Мазепа, совпадаетъ съ нимъ Палій въ одинакихъ очертаніяхъ Богатырскаго образа. Безъ займа и подражанія, пѣсня Черкасовъ вторитъ выраженіямъ пѣсни Московской. Съ этихъ поръ, сверхъ другихъ побужденій, вы *обязаны* уже знать нарѣчіе Малой-Руси: безъ того не полны Великорусскія пѣсни, творческіе памятники Руси общей; на оборотъ, крайній любитель Украины заглянетъ теперь по неволѣ изъ Кіева въ Москву и—въ наши изданія. Пѣсня Петровская, пронесшаяся по всѣмъ краямъ Русскихъ нарѣчій и живущая съ оттѣнками любого областнаго нарѣчія, даетъ намъ слышать ихъ вмѣстѣ, обязываетъ вѣдать ихъ въ общемъ цѣломъ. Что же, когда рѣчь наша раздается еще среди Сербовъ и повѣсть Мазепы, пѣсня Полтавы вступитъ въ эпосъ Черногорскій? Сила Петрова и туда простерлась: отнынѣ Сербскую пѣсню непременно видите вы рядомъ на страницѣ съ Московскою, и Петербургскій критикъ убѣждается промѣнять Академическую справку о нарѣчіяхъ Тюркскихъ на смиренную азбуку Южнаго Славянства. Сѣтованія Сербовъ, оставленныхъ Туркамъ, вторятся и у насъ на Югѣ, при неудачахъ Прутскихъ; бѣды Сѣчи связываются съ Полтавой; выгонъ Украинцевъ на казенныя работы сливается со стенами на Ладожскомъ каналѣ; вопли дѣются и троятся

въ пѣснопѣніи о вернувшихся съ ратнаго поля, умирающихъ одинаково и на торговой площади Московской, и на Дону въ семьѣ козацкой. Вотъ смертный одръ и самого государя; но такою же пѣснею завершается цѣлый рядъ воспѣтыхъ подвиговъ начиная съ Грознаго: что же истекаетъ оттуда, что принадлежитъ Петру, чѣмъ отличенъ Плачь по немъ отъ всѣхъ другихъ Плачей обрядныхъ? Это столько же требуетъ счетовъ на сотни лѣтъ творчества, сколько пѣсня о Меншиковѣ и Гагаринѣ отводитъ насъ къ Репнину въ XVII вѣкѣ: творчество заставляетъ самого Ивана смѣшивать Малюту съ Сибирскимъ губернаторомъ и обязываетъ по крайности насъ отличить специальность сподвижниковъ Петровыхъ. «Сподвижниковъ:» и готовая прежняя тенденція, вставивши эти пѣсни куда ни будь въ Швецію или Полтаву, заглавила бы «Сподвижники» и сказала бы—«вотъ какъ понималъ и рисуетъ народъ эпоху Петрову!» Но то же творческое слово, заимствуя черты и краски изъ XVII вѣка отъ Репнина, надѣляя наслѣдствомъ симъ заблудившихся любимцевъ Петровыхъ, то же слово однимъ, но меткимъ, стихомъ выгораживаетъ Петра изъ вины и отвѣта: обличители Меншикова и Гагарина «хвалятъ—величаютъ императора Петра.» И осторожный издатель, если онъ вѣренъ исторіи, воззрѣніямъ народнымъ и провѣреннымъ даннымъ творчества, не сомнѣвается «вынести» объ эти пѣсни за предѣлъ «общихъ» Пѣсней Петровскихъ.—Такой—то, широко раскинувшийся, разнородный и разнообразный матеріалъ подлежалъ намъ: понятны трудности при его изданіи и совершенно особыя условія для пріемовъ издательскихъ.

Историческій элементъ, осилившій въ Петровское время и столь ярко представляющійся взорамъ при сличеніи съ отѣлами Былинъ предшествовавшихъ, убѣдилъ насъ держаться въ расположеніи и порядкѣ пѣсней—*нити исторической*, той связи, которая явно дается въ руки для изданія пѣсней Петровскихъ *въ условіи самого творчества*, то есть не по идеѣ и сущности сего послѣдняго, а по исторической жизни и дѣй-

ствительности. Не насиловали мы эту связь и не натягивали последовательность пѣсней въ настоящемъ выпускѣ: всякій видитъ, что она истекаетъ изъ самихъ данныхъ, изъ самого матеріала, и всякому легко понимается, какъ только всмотрится онъ въ ряды образцовъ отпечатанныхъ. Но каждый читатель столько же ошибется, если подумаетъ, что эта связь, во всякомъ случаѣ болѣе внѣшняя, прикрываетъ собою внутреннюю безсвязицу или беспорядокъ *въ самомъ творчествѣ*, смѣшеніе образцовъ различныхъ, разнородныхъ и разновременныхъ, разединеніе тождественныхъ и связанныхъ. Нѣтъ, мы не утаивали особенностей сего рода и вездѣ, гдѣ только было можно и нужно, при текстѣ указали нарочито это *несоответствіе Были творческой теченію и ходу, явленію и имени дѣйствительности Исторической*. Напротивъ, нигдѣ, какъ въ пѣсняхъ Петровскихъ, нельзя такъ ясно усмотрѣть рѣзкаго отличія въ *Творчествѣ Былево* отъ *Историческаго показанія и факта*; нигдѣ, говоримъ: ибо здѣсь только, и впервые, образъ творческій во всей выработанной его ясности и опредѣленности встрѣчается лицомъ къ лицу съ ясною, документальною историческою дѣйствительностью, намъ столь доселѣ близкою, намъ еще свѣжо памятною. Здѣсь-то и усмотрите все различіе приемовъ того и другаго; и съ этой-то именно точки зрѣнія убѣдитесь, что смѣшенія и противорѣчія открываются только тогда, когда мы сравниваемъ, а сравнивая, сами неосторожно *смѣшиваемъ* Творческую Быль съ Исторіей и отъ одной требуемъ того, что лишь возможно для другой. Точно, оно есть, это несоответствіе: для Исторіи со стороны творческой, для Творчества со стороны исторической. Но—*въ самомъ творчествѣ*, съ точки зрѣнія его собственной, тамъ, гдѣ мы, казалось, усмотрѣли присутствіе,—на самомъ дѣлѣ нѣтъ—ни смѣшеній, ни противорѣчій: тамъ управляетъ *свое* единство, тамъ руководитъ *своя* связь, тамъ властвуетъ *своя* цѣльность и ведетъ впередъ *своя* цѣль. Замѣтить и даже вездѣ указать это единство, эту связь, цѣль и цѣльность,—было нашей задачей, и мы, по мѣрѣ силъ, ее вы-

полнили: свойства и особенности творчества отмѣчены всюду въ нашемъ изданіи, *параллельныя* особенностямъ историческимъ, но своимъ путемъ *самобытныя*, *не нарушающія* исторіи въ ея спеціальности, но *вѣрныя самимъ себѣ*, изъ основъ своихъ истекающія, себя происхожденіемъ оправдывающія, въ себѣ самихъ опредѣляющіяся и разрѣшающіяся. Петръ и Грозный, Селяниновичъ и прибрежный Балтійскій крестьянинъ, Дѣва Смородина и дѣва Шведская Королевна, слова реляцій и вѣщанія Слова о Полку Игоревѣ, море Азовское и Варяжское, Стрѣльцы и Донцы, Донцы и Гвардія, Репнинъ и Меншиковъ, Гагаринъ и Малюта, Москва и Полтава, и такъ далѣе, до всѣхъ подробностей,—эти образы и краски, имена и выраженія, при всемъ сопоставленіи разницъ и при всей разницѣ своего со-вмѣстнаго жительствова, *въ самомъ творчествѣ* нисколько не подрываютъ единства, цѣлости и связи, напротивъ вызываютъ собою силу объединяющую и цѣлесообразную, напрягаютъ ее къ дѣйствию въ созданіи творческомъ, выражаютъ ее на практикѣ. Нить Былевая—Творческая и Историческая: даже не двѣ нити въ розѣ,—это нить, обвивающая одна другую; то одна подымается верхней волною, то другая спускается нижними волокнами; а въ концѣ концовъ—единая нить цѣльнаго созданія народнаго, Былеваго-Историческаго міровоззрѣнія. Различіе въ сходствѣ, сходство въ различіи,—усмотрѣть,—дѣло остроумія: не претендуя на даръ сей, завѣщанный, кажется, одному лишь современному ученому Петербургу, прибавимъ, что усмотрѣніе здѣсь—еще не все дѣло; важнѣе самый предметъ усмотрѣнія, а этотъ предметъ въ рукахъ народа, и цѣлому народу, въ лучшихъ его созданіяхъ—въ творчествѣ, —никто не откажетъ въ долѣ остроумія, по крайности на столько, не меньше, сколько доступна она сочинителямъ «происхожденія Былинъ.» Однимъ словомъ, связь творческая свободно здѣсь сошлась съ историческою, и послѣдованіе Былинъ въ нашей печати явилось продуктомъ той и другой, въ дѣйствительномъ существованіи обѣихъ.—Но, если въ дѣйствительности существовала эта

единая связь неизмѣнно, съ перваго звука, когда раздавались только что сложенные Петровскія пѣсни; если легко опредѣляется она нашимъ взорамъ теперь, пробѣгая звѣнья по ряду размѣщенныхъ и отпечатанныхъ пѣсней: не такъ легко было усмотрѣть ее первому издающему, не такъ скоро удавалось вывести ее изъ матеріала и указать какъ готовую для усмотрѣнія всякому. Широта развлекала, разнообразіе путало, противорѣчія не были еще «видимыми,» а казались «дѣйствительными,» смѣшеніе долго представлялось цѣльною массою, не давая различать элементовъ и началъ, его слагавшихъ. Опредѣлить точки зрѣнія, соединявшія порядокъ, и пункты, различавшіе степень послѣдовательности, стоило порядочныхъ личныхъ усилій. Ориентироваться въ дѣлѣ, совершенно новомъ для литературы и науки, притомъ въ природной области не науки и литературы, а въ живой природѣ самобытнаго творчества народнаго, для коего еще нова и литература наша, и наука,— ориентироваться было труднѣе, чѣмъ на примѣръ нашимъ ориенталистамъ при объясненіи Былины изъ Азіатскаго Востока. Не разъ готовы мы были отказаться отъ начатой работы. Легче казалось намъ, какъ это ни трудно, вмѣстѣ съ писателями Петербурга, которые среди тумановъ своихъ рѣдко видаютъ солнце, доказать «лѣтнее солнце» послѣ густыхъ «тучъ» въ образѣ Ильи Муромца, или «вѣроисповѣдное людоѣдство,» или даже «плодоносную лѣтнюю бабу,» чѣмъ успѣть въ трудѣ предстоявшемъ. Мы говоримъ теперь о распорядкѣ матеріала, о размѣщеніи и сопоставленіи образцовъ или данныхъ; это предполагаетъ собою матеріалъ *готовый*, данныя дѣйствительно кѣмъ либо *данныя*: но таковыхъ данныхъ и такового матеріала, вспомнимъ, намъ не было дано и никѣмъ не было съ разу изготовлено. *Есть* ли еще въ самомъ дѣлѣ какія либо пѣсни *Петровскія*? Предшественники наши отвѣчали—«нѣту;» Петръ Васильевичъ не отдѣлилъ ихъ въ своемъ Сборникѣ, какъ не успѣлъ отдѣлить и всей группы Былевой, къ которой бы принадлежали онѣ; онъ даже намъ *не оставилъ* всѣхъ Пѣсней

Петровскихъ; послѣ него осталась только *четвертая доля ихъ*, въ кучѣ разнородныхъ листовъ и тетратей. Чѣмъ же убѣдились мы, что онѣ есть и отыскать ихъ можно? Убѣдились бѣдою: не возложить же, какъ дѣлали другіе, на народъ нашъ, и безъ того бѣдный, послѣднюю бѣду—отсутствие творчества за цѣлую, и великую, эпоху, прощенье Петру—до забвенія собственныхъ пѣсней, забвеніе пѣсней до послѣдней простоты невѣжества, и безъ того порядкомъ обуревающей простой народъ нашъ. Онѣ *должны быть*, эти пѣсни, сказали мы себѣ, зная—и сколько мы знали—народъ нашъ: бѣдою куплена по-бѣда, и результатомъ явилось почти 200 образцовъ пѣсней Петровскихъ.—Откуда же?

Изъ собранія собственно Кирѣевского на весь выпускъ приходится только 53 №№. Намъ помогло нѣсколько вкладовъ послѣдующаго времени: пополненія отъ *В. И. Даля*, покойнаго *кн. В. Ѳ. Одоевскаго*, *С. М. Любецкаго*, сообщившаго намъ часть любопытныхъ остатковъ стариннаго своего сборника, и отъ покойнаго *кн. Н. А. Церетелева*, который въ прошломъ году, какъ только узналъ о начавшихся публичныхъ нашихъ Чтеніяхъ и прочелъ программу нашу по предмету народной Словесности, немедленно и беззавѣтно вручилъ намъ всѣ бумаги свои за пятьдесятъ лѣтъ ровностныхъ занятій тѣмъ же предметомъ ¹⁵⁾.

---

¹⁵⁾ При письмѣ отъ 12 Марта 1869 г. „Прочитавъ программу начатыхъ Вами публичныхъ чтеній, *О развитіи и современномъ положеніи Русскаго народнаго пѣснотворчества*, я искренно порадовался, что наконецъ скудные свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, въ высшей степени интересномъ для Русскаго человека, будутъ пополнены компетентнымъ судьей этого дѣла. Давнымъ давно, за полвѣка предъ этимъ, когда у насъ весьма немногіе обращали вниманіе на Русское народное пѣснотворчество, я усердно собиралъ Русскія сказки и пѣсни, въ особенности же послѣднія... Въ 1865 году, поселился въ Москвѣ, въ этомъ центрѣ Русской народной дѣятельности, я вспомнилъ и о моемъ сборникѣ.. Пожалѣлъ было, — но и утѣшился тѣмъ, что молодые, бодрѣ энергическіе собиратели сдѣлали то, чего я не сдѣлалъ, и сдѣлали лучше, чѣмъ бы я могъ сдѣлать... Препровождая къ Вамъ брѣнные останки моего покойнаго сборника, радъ буду, если они пригодятся Вамъ хотя какъ

Все это оказалось однако недостаточно и значительнѣйшая доля дополнена была собственнымъ нашимъ собираніемъ и трудомъ розысковъ. Трудъ сей, примѣнительно къ Петровскому періоду, начали мы еще съ 1863 года: уже въ 6-мъ нашемъ выпускѣ, при Иванѣ Грозномъ, читатели встрѣчали сноски на сравненіе съ пѣснями Петровскими. При подготовкѣ 8-го выпуска намъ приходилось пересмотрѣть нѣсколько тысячъ различныхъ образцовъ, въ рукописи и въ печати. Въ этой громадѣ, кромѣ нѣсколькихъ историческихъ названій, опредѣлявшихъ эпоху Петра, не было собственно указаній на пѣсни Петровскія и онѣ вовсе не были такъ названы: разумѣется, если бы прежніе собиратели или издатели поняли и знали бы ихъ въ семъ смыслѣ, они бы не преминули выставить такой важный матеріалъ для Петровской Исторіи, воспользовался бы имъ конечно г. Пекарскій въ своей замѣчательной монографіи и не попали бы въ литературу увѣренія объ отсутствіи пѣсней Петровскихъ ¹⁶⁾.

варианты.“ Письмо это прочтено было въ Общ. Л. Р. Сл. и, такъ какъ мы все, даже наше собственное, касавшееся Былицъ, пріобщали постоянно къ изданію Кирѣевского, то заявили желаніе предъ Обществомъ сюда же присоединить и подарокъ к. Церетелева. Въ немъ болшею частію оказались списки съ печатныхъ, разбросанныхъ прежде, пѣсней: по нашлось нѣсколько и замѣчательныхъ новыхъ, записанныхъ А. Хр. Востоковымъ и Н. А. Полевымъ.

¹⁶⁾ Пекарскаго „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ,“ 2 тома, С.П.Б. 1862: сюда не вошли даже значительнѣйшіе „сочиненные“ Стихи или канты о Петрѣ.—Не вошли пѣсни о Петрѣ и въ хрестоматіи Буслаева и Галахова, ни въ какія либо Исторіи нашей словесности, напротивъ, въ прекрасномъ трудѣ сего послѣдняго, въ „Исторіи Р. литературы,“ читаемъ такой отзывъ, результатъ всего тогдашняго положенія науки въ данномъ вопросѣ: „Могучая личность Петра не нашла достойнаго себѣ выраженія въ народной поэзіи: скудость пѣсней, отмѣтившихъ нѣкоторыя событія его царствованія, можетъ быть объяснена различно. Во первыхъ, время государственнаго устройства всего менѣе покровительствовало народному творчеству: напротивъ, указами и другими мѣрами оно преслѣдовало все то, чѣмъ питалось суевѣріе, но подъ влияніемъ чего возникали памятники двоевѣрной литературы. Во вторыхъ, стоя въ сторонѣ отъ реформы, народъ не питалъ сочувствія къ преобразователю и не имѣлъ слѣдовательно охоты воспѣвать

Напротивъ , признаки сихъ пѣсней только что начинали опредѣляться на нашихъ глазахъ и въ нашу пору. Такъ, на примѣръ, Былина, рисовавшая Голицына, долго неизвѣстно было, къ какому Голицыну относилась, и лишь «Воронежская Бесѣда» 1861 года, въ записанномъ для нея образцѣ вывода на сцену Софью Алексѣвну, окончательно рѣшила сомнѣніе. «Возлѣ рѣченьки хожу млада» извѣстна была издавна въ числѣ пѣсней Безъимянныхъ, пока въ 1861 году сообщенный намъ вариантъ отъ В. И. Даля и записанный кн. В. О. Одоевскимъ образецъ 1862 года указали здѣсь несомнѣнно пѣсню Евдокіи Лопухиной.—Съ упорнымъ трудомъ, подвигаясь медленно шагъ за шагомъ, мы нѣсколько лѣтъ подбирали скудные образцы одинъ за другимъ: краткость Московскихъ Былинъ вообще, по ихъ природному составу и отличію, созданіе пѣсней Петровскихъ въ періодъ перелома, послѣ котораго творчество Былевое склонилось къ упадку, а потому быстрое ихъ разложеніе въ Безъимянные и Молодецкія, близкая связь со всѣми прочими пѣснями, небылевыми, переходъ на нисшую ступень пѣсни Женской и Бесѣдной, отсюда отрывочность, разбросанность, затерянность въ массѣ произведеній совсѣмъ инаго рода,—особенности эти, неизвѣстныя прежнему нашему изданію кромѣ развѣ періода Княжескаго, вызывали крайнюю напряженность поисковъ. То одна прекрасная пѣсня Петровская вскрывалась нашему взору подъ покровомъ многихъ наносныхъ слоевъ, то въ пѣсняхъ совершенно обыденныхъ усматривали мы искаженіе и передѣлку образовъ Былевыхъ съ конца XVII и изъ начала XVIII вѣка,

---

его въ своихъ пѣсняхъ, какъ онъ воспѣвалъ, на примѣръ, Грознаго: замѣна стараго новымъ, введеніе европейскаго образа жизни въ ущербъ роднымъ обычаямъ способнѣе были вызвать сатиру, нежели хвалебные гимны. Наконецъ, въ третьихъ, развитіе книжнаго стихотворчества нанесло также сильные удары безъискусственной поэзіи, мало по малу затихавшей въ своемъ эпическомъ движеніи.“ Сочинитель, при всемъ его — извѣстномъ — знаніи и стараніи, отыскалъ только *три пѣсни*, касавшіяся Петра, двѣ у Кирши и одну изъ матеріаловъ Географич. Общ. (см. ихъ у насъ въ текстѣ).

то характерную черту творчества Петровскаго долго теряли мы изъ виду въ обстановкѣ, многословно и плодovито затемняющей, то принуждены были часто отсѣкать прочь всю суть пѣсни современной и ходячей, начало, конецъ, середину, главные лица и обстоятельства, дабы выручить отсюда слабый оттѣнокъ, не подходящій къ современности и очевидно истекающій изъ періода Петровскаго. Дѣло въ томъ, что *признаки* пѣсней Петровскихъ, постепенно опредѣлявшіеся для нашей критики и теперь явные въ изданіи, представшіе нынѣ критикѣ всеобщей какъ готовый и полный матеріалъ, вовсе *не были даны самимъ матеріаломъ въ началѣ*, въ эпоху его собиранія, не были никѣмъ для насъ и до насъ указаны: они *добыты только нашимъ трудомъ*. Еслибы мы ихъ имѣли и знали сначала, намъ легче было бы по нимъ отобрать и отдѣлать все Петровское: напротивъ, мы прежде перебирали все, подходившее къ Былевому творчеству, и постепенно уже, въ параллель самому собиранію и пересмотру, обозначались признаки однородные, въ послѣдствіи, своею цѣлостью, указавшіе связь и послѣдовательность пѣсней Петровскихъ. Кто, на примѣръ, въ началѣ догадался бы, что «теремъ» боярыни въ извѣстной пѣснѣ передѣланъ изъ «таволжаной избушки,» что эта избушка по другимъ образцамъ однородна съ земляной «тюрьмою,» что «эта самая» тюрьма является въ Черкасскѣ, что освободитель изъ нея есть «царь» и что этотъ царь — «Петръ,» наконецъ что всѣ эти варианты постепенно переводятъ насъ въ Москву, къ милости, эпически воспѣтой въ другихъ Былинахъ и исторически оказанной Петромъ Донскому козаку, Стрѣльцу, Молодцу на Правежѣ? Кто, услыхавъ пѣсню о томъ, какъ мать убивалась надъ растерзаннымъ сыномъ при кружалѣ государевомъ, обратилъ бы здѣсь вниманіе на черту «площади,» отправился бы отсюда искать площадь «Красную,» а на ней нашелъ бы дѣйствительно казнь Петровскаго Стрѣльца и Боярина, выведеннаго изъ Кремля города? Читавшіе Сахарова узнали прежде насъ въ «воеводѣ,» столь часто тамъ встрѣчающемъ

ся, замаскированного Петра? Приходило ли какому ни будь прежде нему издателю на умъ, что подъ «Петербургомъ» во многихъ нынѣшнихъ искаженныхъ пѣсняхъ слѣдуетъ разумѣть «Шлисельбургъ» и обстоятельства его осады? «Бѣлый Царь,» прозвище, трудомъ нашимъ и изданіемъ теперь специально утвержденное за Петромъ и въ самомъ дѣлѣ усвоенное ему народомъ по преимуществу, даже въ Малой Руси и у Сербовъ, помогло ли прежде кому либо выдѣлить по сему признаку пѣсни Петровскія и не скорѣй ли, на оборотъ, встрѣчавшимъ это имя рисовался прежде «Царь Древней Руси?» И такихъ подробностей, по видимому мелочей, и отчасти точно мелочныхъ, множество: всѣ онѣ теперь у насъ собраны, большею частію указаны при изданіи, всѣ вмѣстѣ сложили характеристику эпохи Петровской и народнаго ея творчества. — Тѣмъ же путемъ, уже подобравши пѣсни однородныя, опредѣливши ихъ признаки, а по признакамъ связь и послѣдовательность, цѣлость и единство Былеваго круга Петровскаго, мы успѣли замѣтить и отчасти обозначить читателямъ особенности Петровскаго склада въ пѣсняхъ, размѣра, стиха, послѣдовательности стиховъ, отношенія къ напѣву и къ музыкѣ, языка ихъ и слововыраженія. — Упомянемъ также, что мы первые, сличая эти пѣсни со всѣми другими Былевыми и только черезъ это выдѣляя, обратились къ пѣснотворчеству Малорусскому, сопоставили его съ Московскимъ, а далѣе къ Славянскому, именно Сербскому, гдѣ нашли тѣ же соотвѣтственныя черты. — Между тѣмъ Малорусское творчество обратило насъ къ сочиненнымъ, книжнымъ Стихамъ, Псалмамъ или Кантамъ, этому первому шагу, который послужилъ переходомъ отъ нашей народной устной словесности къ литературѣ книжной, къ поэзіи художественной и искусственной: самое названіе *Стиха*, а отсюда *Стихотворенія*, занято, какъ извѣстно, для нашей письменности изъ сей именно области, а первыя наши Стихотворенія содержаніемъ, складомъ, приемомъ, риемой и языкомъ вышли прямо изъ показаннаго источника Стиховъ, Псалмъ и Кантъ. Собственное

собрание наше, обильнѣйшее и спеціально для сей области назначенное, дало готовый матеріалъ для Кантъ о Петрѣ, доселѣ неизвѣстныхъ въ печати; съ тою же цѣлію испросили мы, часто при текстѣ цитованную, рукопись у *Θ. И. Буслева*, много пособившую въ семь дѣлѣ, такъ какъ она современна эпохѣ и произведенія записаны въ ней съ особой отчетливостью.— Отсюда, дальше, перешли мы къ прочей обще-русской письменности, и, какъ усмотрѣли связь пѣсней Петровскихъ съ ходячимъ языкомъ того времени, даже реляцій, такъ еще болѣе остановились вниманіемъ на зачаткахъ нашего книжнаго, письменнаго искусства словесности въ XVIII вѣкѣ. Стремленіе «творить стихотворенія» въ народномъ духѣ, способѣ и стилѣ, а за неумѣнъемъ того— «поправлять» готовое, а за трудностью сего «передѣлывать и поддѣлывать,» яснѣе всѣхъ прежнихъ періодовъ предстало намъ въ періодъ послѣ Петра, забравшій себѣ въ пользованіе Петровскія пѣсни: труды въ семь родѣ Попова и Дмитріева, отъ Львова до Сахарова, отъ Сахарова до гг. Костомарова и Мордовцевой, какъ уже поминали мы, предстаютъ теперь читателямъ въ достаточномъ разоблаченіи. Кое-что *новаго*, или, лучше, вѣрнаго народной *старинѣ*, удалось намъ отыскать и въ семь искаженіи: еще успѣшнѣе опредѣлили мы самое *искаженіе* и *пути* его. Если же прибавить сюда искаженія, вторгнувшіяся въ само *творчество народное*, путемъ его наступившаго разложенія, ослабленія, мельчанія и раздробленія послѣ Петра, то мы получимъ еще новую задачу, предстоящую нашему труду: отличить искаженія *дѣйствительныя*, возникшія симъ историческимъ способомъ, отъ мнимыхъ или кажущихся *противорѣчій* и *смѣшеній*, въ сущности только обособлявшихъ Былевое творчество отъ Исторіи, не нарушавшихъ, напротивъ своеобразно созидавшихъ его самостоятельность. И такого рода, совершенно розныя, стороны и точки зрѣнія также нашли разъясненіе въ нашемъ изданіи.— Вотъ бѣглыя черты поставленной нами и выполненной задачи, вотъ объясненіе «усиленному труду и напряженнымъ разыска-

ніямъ,» которые потребовались для настоящаго 8-го выпуска. Чередовавшійся съ прочими занятіями, но почти ежедневный трудъ изданія сего выпуска, не считая прежнихъ подготовокъ, взялъ у насъ цѣлыхъ *полтора юда*.

* * *

Наши изданія народныхъ памятниковъ ведутся непрерывно уже цѣлыхъ десять лѣтъ и, представляя собою главное средоточіе Русской литературы сего рода, обыкновенно съ послѣдовательностью отмѣчаютъ все то, что при нихъ вокругъ появляется новаго и важнѣйшаго въ той же области.—За недавнее время мы относимъ сюда съ особеннымъ удовольствіемъ два явленія замѣчательныхъ. Это, во первыхъ, продолжающееся печатаніе обильнаго сборника пѣсней, составленнаго *П. В. Шейномъ*, который, во вниманіе къ симъ трудамъ, единогласно избранъ въ Члены-соревнователи Общества Л. Р. Сл.¹⁷⁾: къ сожалѣнію, нужно только прибавить, что, по спѣшности ли работы самого собирателя, или по винѣ взявшихся издавать, только до сихъ поръ не видно здѣсь приемовъ, отличающихъ собственно порядочное и толковое *изданіе*, а между тѣмъ, кажется, довольно уже представлено нами образцовъ для руководства и успѣховъ въ семъ случаѣ; самый внѣшній видъ *печатанія*, сколько знаемъ — заглазнаго, вдали отъ собирателя, безобразенъ и очень много вредитъ своими корректурными ошибками. Впрочемъ матеріалъ собранный, на сколько онъ этимъ не испорченъ, все-таки сохраняетъ за собою неотъемлемое достоинство и значеніе.—Еще утѣшительнѣе другое дѣло, получившее недавно извѣстность: это собраніе «Олонецкихъ народныхъ причитаній,» составленное *Е. В. Барсовымъ*. Въ своемъ родѣ оно не уступаетъ дѣлу Рыбникова и, также точно, для Россіи и Славянства, вмѣстѣ съ тѣмъ частію для Европейской

---

¹⁷⁾ Въ засѣданіи 3-го января сего года.

литературы, есть подлинно радостное событіе, которое вызоветъ конечно собою живѣйшее вниманіе и принесетъ неоспоримо много полезныхъ плодовъ. Избранный немедленно Дѣйствительнымъ Членомъ Общества ¹⁸⁾, собиратель, весьма естественно, но вмѣстѣ однако къ чести его, связалъ судьбу своего предстоящаго изданія съ прочими трудами этой области, изданными отъ имени Общества или ему посвященными. Такое расположеніе самого владѣльца матеріаловъ, встрѣченное радушнымъ содѣйствіемъ, и содѣйствіе Общества, принятое со всѣмъ серьезнымъ вниманіемъ издателя, какъ мы близко знаемъ, ручается, что успѣшныя условія изданія совершенно отвѣтятъ замѣчательному достоинству собранныхъ памятниковъ. — Совсѣмъ иное, обратное, значеніе получила по обстоятельствамъ въ кругѣ предметовъ, насъ соприкасающихъ, пресловутая статья г. *Стасова* «О происхожденіи Русскихъ Былинъ ¹⁹⁾». Какъ извѣстно, она встрѣчена была въ нашей наукѣ неблагоприятными отзывами ближайшихъ специалистовъ: но частныя мнѣнія автора объ интересующемъ его, хотя и мало знакомомъ для него, вопросѣ, отъ того конечно не теряли свойственной особенности, то есть оставались въ ряду обиходныхъ произведеній нашей литературы, не выдаваясь рѣзко впередъ, и самому дѣлу народныхъ памятниковъ, собиранію ихъ, изданію, пониманію и выводамъ, отъ того не было ни тепло, ни холодно. Послѣдовавшее за тѣмъ представленіе статьи на соисканіе и самая выдача меньшей Академической Уваровской преміи также были явленіемъ совершенно обыкновеннымъ, на которое никто не обратилъ бы серьезнаго вниманія. Но оно сопровождалось и завершилось, на позорищѣ Русской литературы и науки, пассажами отчасти грустнаго, отчасти потѣшнаго свойства, хотя не измѣнившими существенно, однако причудливо окрасившими теченіе нашихъ дѣлъ, такъ что не лишне будетъ сказать о томъ нѣсколько словъ.

¹⁸⁾ Въ засѣд. 21 Марта с. г.

¹⁹⁾ Печаталась нѣсколькими приемами въ „Вѣстникѣ Европы.“

Участвовавшіе въ Московскомъ Археологическомъ сѣздѣ прошлую весною, члены Петербургскихъ кружковъ не скрывали своего удивленія передъ отвагою г. Стасова и, увѣренные въ безуспѣшности его исканія, возлагали надежду на Ѳ. И. Буслаева, которому отъ Академіи порученъ былъ разборъ Стасовской статьи. Съ своей стороны, вполне равнодушные къ тому вопросу, получить авторъ какую либо сумму или не получить, мы возражали только, что по нашему убѣжденію непременно получить, и основывали свое мнѣніе на самой непреложной послылкѣ: всѣ наши изданія въ сферѣ памятниковъ народнаго творчества, начиная съ «Болгарскихъ пѣсней (1855 г.),» въ теченіе пятнадцати лѣтъ и въ количествѣ до восемнадцати томовъ различнаго содержанія, пользовались постоянными, усиленными дурными отзывами Академіи Наукъ, по извѣстному ея Отдѣленію, не снискали никогда никакихъ «премій,» «поощреній» и тому подобныхъ знаковъ расположенія. Исключеніе было лишь за изданіемъ Рыбникова, и то потому, что премія передавалась цѣликомъ собирателю, а не намъ—издателямъ, и самъ П. Н. Рыбниковъ, сколько знаемъ, лично хлопоталъ о томъ въ Петербургѣ²⁰⁾. Но и при всемъ этомъ, безъ всякихъ уже изытаній, Академическіе отзывы нѣкоторыхъ секцій самымъ рѣзкимъ образомъ порицали наши труды, набрасывая, какъ говорили мы выше, тѣнь сомнѣнія на «подлинность» печатанныхъ у насъ образцовъ и отыскивая, какъ мы знаемъ также, твердые «признаки» въ устномъ творествѣ народа, то есть приписки, кинварь, годъ, вообще палеографическія данныя. Разумѣется, если симъ же способомъ Нѣмцы старались нѣкогда заподозрить знаменитую Чешскую Краледворскую Рукопись, безсмертное открытіе Ганки, то тѣмъ худшаго должны мы были ожидать отъ нашихъ доморощенныхъ господъ, въ под-

²⁰⁾ Издержки труда и матеріальныхъ расходовъ, понесенныя нами съ Хомяковымъ при изданіи двухъ первыхъ томовъ сборника Рыбникова, за выдачею сему послѣднему еще предварительной суммы, доселѣ не вознаграждены крайне-тугою распродажею экземпляровъ.

тверженіе ихъ меткаго такта и тонкаго чутья къ творчеству народному. Но по тому же самому, естественно, статья г. Стасова, не имѣвшая прямаго отношенія къ памятникамъ пѣсно-творческимъ, ни къ изданіямъ ихъ, ни къ наукѣ, ими вызванной или возбужденной, непременно должна была разсчитывать на побѣду своего «подвига» въ ристаніи и наградный вѣнокъ изъ листовъ кредитныхъ.—Скоро сдѣлался извѣстенъ и отзывъ г. Буслаева, сопровождаемый то серьезнымъ научнымъ обличеніемъ несостоятельности, то неудержимымъ гомерическимъ смѣхомъ предъ открытіями сочинителя «происхожденія Былинъ.»—Другой Академикъ, на котораго возложена была оцѣнка искательной статьи, г. Шифнеръ, не смотря на то, что статья своими заявленіями неоднократно воздвигала ему памятникъ, чертала рельефно его имя и безпрестанно, личными сносками на его личный авторитетъ, даже въ частныхъ бесѣдахъ и разговорахъ, связывала тѣсно судьбу свою съ репутациею Академика, г. Шифнеръ, говоримъ, не смотря на все это, какъ сказано печатно отъ Академіи, «доказалъ, что въ нынѣшнемъ положеніи нашихъ знаній по этому предмету, не только *нельзя согласиться съ главнымъ выводомъ* г. Стасова, о томъ, что всѣ наши былины заимствованы отъ Тюрковъ и Монголовъ, но что *напротивъ* Русскіе рассказы, вмѣстѣ съ чужими элементами Скандинавскаго сѣвера, занесены къ Тюркскимъ и Монгольскимъ племенамъ посредствомъ Новгородскихъ промышленниковъ и удалыхъ козаковъ,» т. е. изъ Россіи и русскаго народнаго творчества. «Въ заключеніе своей рецензіи, г. Шифнеръ замѣчаетъ,» сказано далѣе отъ Академіи, что «г. Стасовъ *не успѣлъ доказать восточное происхожденіе Русскихъ былинъ*, совершившееся, будто бы, въ сравнительно довольно позднее время, т. е. начиная съ XIII вѣка» и «должно напротивъ признать, что буддійская редакція (творчества) древнѣе другихъ редакцій и ближе къ древне-арійскимъ первообразамъ, такъ что уже *этимъ самымъ можно бы объяснить то большое сходство*, которое г. Стасовъ находитъ въ нихъ съ нѣкоторыми чертами Русскихъ

былинъ ²¹⁾,» то есть именно одно только *сходство*, общее Арийцамъ съ отдаленной древности, на что и указывали г. Стасову прежніе рецензенты, отвергая *заимствование* и *передѣлки цѣликомъ* съ позднѣйшей редакціи дикарей. Такимъ образомъ, спеціальный ориенталистъ, на коего возлагала всѣ надежды статья г. Стасова и которому на половину довѣряла сама Академія, отозвался рѣшительно, что главный выводъ г. Стасова не выдерживаетъ критики, противенъ положенію современной науки и ставить прочнѣе совсѣмъ обратныя начала воззрѣній, выраженные прежде того изслѣдователями другими: а вся статья г. Стасова состоитъ въ *выводахъ*, кои сходятся въ одномъ помянутомъ «главномъ,» и болѣе того нѣтъ ничего другаго, ни труда и умѣнья въ собираніи или отысканіи народныхъ памятниковъ устнаго творчества, ни изданія ихъ съ какими ни будь приѣмами науки и свѣдущаго опыта, ни современной общей науки «въ нынѣшнемъ положеніи знаній,» какъ выразилась Шиферовская рецензія. Матеріаль «собранъ» не изъ прямыхъ источниковъ, а изъ вторыхъ—третьихъ рукъ, именно изъ переводовъ съ языка Востока, и даже языка Славянскаго, котораго, доказали г. Стасову, онъ не знаетъ; Русскій матеріаль изъ нашихъ изданій—однѣ выписки; подлинная дѣятельность общей науки нашей, Славянской, Европейской, невинная автору, замѣнена причудливостью кабинетнаго соображенія, во всей личной и частной исключительности, такъ что не затронуть даже, а подавно не рѣшенъ, относительно устныхъ произведеній нашего творчества, ни одинъ вопросъ ни текста, ни склада и строя, ни стиха, напѣва и музыки, ни языка, ни вообще хоть бы одной черты изъ внутренней творческой исторіи или изъ отношеній ея къ исторіи внѣшней. Два Академика, особо довѣренные учрежденіемъ и компетентные по всѣмъ отзывамъ самого г. Стасова или его защитниковъ, высказались противъ

---

²¹⁾ „Записки И. Акад. Н.“ т. XVI, кн. I, 1869 г. Изложеніе принадлежитъ Академической редакціи.

внутренняго достоинства статьи гораздо рѣче и неумолимѣе, чѣмъ до того бѣгло и мимоходомъ отзывались рецензенты, «не официальные.» «Тѣмъ не менѣе,» отнесся г. Шифнеръ ²²⁾, «трудъ г. Стасова весьма замѣчательнъ,» а Ѳ. И. Буслаевъ заключилъ, что онъ «заслуживаетъ вниманія ²³⁾,» и предлагалъ Академіи дать «почетный отзывъ» «за новостъ взгляда и обширность *собранныя* материала.» Очевидно, это была извѣстнаго рода вѣжливость, принятая въ литературныхъ сношеніяхъ и ни къ чему необязательная, кромѣ ласковаго слова. Тѣмъ не менѣе опять, хотя и «меньшая,» г. Стасову присуждена премія. Члены, составлявшіе Академическую Коммиссію, были гг. *Устряловъ, Срезневскій, Гротъ, Куникъ, Никитенко, и Бычковъ*, а за отсутствіемъ по нездоровью *Пекарскаго, Броссе* ²⁴⁾.—Понятно, это не могло сдѣлаться или явиться «событіемъ» и никого бы не смутило, тѣмъ больше, что въ концѣ концовъ, послѣ того какъ опредѣлена степень «достоинства,» въ настоящемъ случаѣ не оказавшагося, здѣсь былъ вопросъ просто о денежной ссудѣ въ извѣстное «поощреніе,» и тѣмъ естественнѣе, что въ той же Коммиссіи назначена такая же премія г. Хрущову, не смотря на отзывъ довѣреннаго отъ Академіи рецензента, К. И. Невоструева. Профессоръ Невоструевъ подобнымъ же образомъ изъ деликатности отнесся, что разбираемый трудъ «заслуживалъ бы поощрительную премію,» прибавивши однако въ заключеніе: «но съ такимъ направленіемъ и съ тѣми недостатками, какіе замѣчены въ 3-мъ пунктѣ, поощрять сочиненіе... считаю неприличнымъ и не совсѣмъ справедливымъ, подѣ тѣмъ развѣ условіемъ, если авторъ признаетъ и исправитъ замѣченные въ этомъ отношеніи недостатки ²⁵⁾.» То, что здѣсь высказалъ уважаемый всѣми рецензентъ въ *концѣ*, съ одинакимъ

²²⁾ Тамъ же.

²³⁾ Тамъ же и „Вѣстникъ Европы“ февр. 1870, стр. 898, 899.

²⁴⁾ „Зап. А. Н.“

²⁵⁾ „Разсмотрѣніе книги И. Хрущева“ и проч. стр. 82.

смысломъ выразили гг. Шифнеръ и Буслаевъ *въ началъ* отзыва. Никому, разумѣется, не прійдетъ въ голову вторгаться, относительно денежныхъ вопросовъ, въ права Академіи, усвоенныя ей официально. Если бы даже приговоръ ея, по высшимъ соображеніямъ, не сходилъ съ рѣшеніемъ избранныхъ рецензентовъ или заключалъ бы въ себѣ ошибку и заблужденіе, и въ такомъ случаѣ вся отвѣтственность передъ судомъ общественнымъ лежитъ на самомъ учрежденіи, а рецензентамъ и всякому стороннему зрителю, въ литературѣ и наукѣ, остается во всей силѣ не право оспаривать казенныя права, а извѣстное право общества, право личного или частнаго мнѣнія и слова. Конечно, желаніе людей свѣдущихъ могло бы допустить, чтобы капиталъ, во всякомъ случаѣ составляющій неотъемлемое народное достояніе, помѣщенъ былъ гораздо производительнѣе на вопіющія нужды самого народа: то есть на собираніе гибнущихъ съ каждымъ часомъ неоцѣненныхъ памятниковъ его творчества; на порядочное изданіе ихъ, для котораго, изъ за матеріальныхъ средствъ, бьются пока всѣ еще собиратели и тѣмъ не менѣе, по тѣмъ же причинамъ, лежатъ неизданными цѣлыя громады собраннаго; далѣе на серьезную обработку такого незамѣнимаго ничѣмъ матеріала, на спеціальныя выводы науки сего рода или даже хоть на популярное изложеніе всего того, чтó касается народнаго творчества и въ чемъ такъ нуждаются наши среднія учебныя заведенія, домашнее воспитаніе, подростки молодежи. Стороннее личное мнѣніе не можетъ также не пожалѣть, что учрежденія, отъ коихъ сверху долженъ бы задаваться тонъ, начиная съ исторіи Ломоносова не принимаютъ на себя такую высокую роль въ дѣлѣ народномъ и пропускаютъ нерѣдко удобный случай стать дѣйствительно во главѣ столь замѣчательнаго явленія нашихъ дней, охватившаго интересомъ всѣ великіе умы и крайнія вершины науки въ Европѣ,—мы говоримъ о народномъ творествѣ, которое, даже при слабыхъ трудахъ частныхъ, успѣло занять у насъ видное мѣсто и самостоятельную область вѣдѣнія, къ чести и славѣ самого

творца—народа, къ пользѣ и поученію его будущимъ потомкамъ. Но, какъ бы то ни было, повторяемъ, все это только голось общественный, частное или личное мнѣніе и скромное слово, столь же необязательныя для власти и офиціи, какъ противоположныя мнѣнія и многія слова г. Стасова. Ни право преміи, ни фактъ самой преміи не могли въ обществѣ возбудить спора или показаться неестественными въ нашемъ привычномъ теченіи дѣлъ.

Но къ прискорбію, уже самый печатный докладъ о преміи, который Коммиссія, какъ говоритъ, «имѣла честь довести до всеобщаго свѣдѣнія ²⁶⁾», то есть, другими словами, до вниманія и обсуждения общества Русскаго, намекнулъ намъ, необычнымъ способомъ, что въ этомъ дѣлѣ запутаны какіе-то вопросы *кромя* вопроса о преміи и объ оцѣнкѣ статьи. «Литературные споры» по ея поводу, увѣряетъ насъ Коммиссія, «ясно показали, что сочиненіе—г. Стасова—высказываемыми въ немъ взглядами *затрагиваетъ не одни чисто научные интересы*. Это обстоятельство налагало на Коммиссію обязанность *приложить особенную заботу* о томъ, чтобы при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ этого сочиненія *были устранены все другія соображенія, кромя ученыхъ*. Коммиссія полагаетъ, что она исполнила *эту обязанность*, избравъ въ рецензенты — Акад. Ѳ. И. Буслаева и А. А. Шифнера ²⁷⁾». Не посвященные въ эту закулисную тайну, ни мы, ни кто либо въ Русскомъ обществѣ, конечно не въ состояніи были проникнуть въ тонкость намека. Если тутъ разумѣется соревнованіе и даже зависть касательно суммы 500 р. сер., то литературнымъ спорщикамъ во время споровъ вовсе еще не извѣстно было ни о представленіи къ наградѣ, ни объ ея выдачѣ. Литературно спорившіе, и даже не спорившіе, ибо споръ предполагаетъ обмѣнъ, котораго не было, а только отозвавшіеся прежде о статьѣ г.

²⁶⁾ Тамъ же въ Зап. А. Н.

²⁷⁾ Тамъ же.

Стасова, единственно были лишь мы, гг. Гильфердингъ, Миллеръ, Веселовскій и Некрасовъ: но здѣсь не затронуто, не могло быть и даже нельзя предположить инаго интереса, кромѣ научнаго и отношенія статьи г. Стасова къ наукѣ. Разумѣется, само творчество народное не есть наука, и мы думали было, его-то и разумѣть Академія: но самый способъ и умѣнье собирать народные памятники, а тѣмъ болѣе издавать и объяснять, а тѣмъ паче дѣлать изъ нихъ выводы и совершать по нимъ изслѣдованіе, конечно принадлежать уже чисто къ области науки. Довѣренные рецензенты Академическіе слѣдовали совершенно тому же пути; самый способъ возраженія, если бы прежде точно не были соблюдены въ немъ условія науки, явился однакоже въ устахъ гг. Шифнера и Буслаева, особенно послѣдняго, такимъ же продолженіемъ прежняго, даже, какъ мы видѣли, съ вящею еще неумолимостью, рѣзкостью и даже насмѣшливостью, вовсе не нарушающею предѣловъ живой науки между живыми людьми. Какимъ же образомъ, избраніемъ сихъ лицъ и отзывами ихъ «устранены всѣ другія соображенія, кромѣ ученыхъ,» и что это за соображенія или «не одни чисто научные интересы?»

Дѣло оставалось и такъ бы осталось на всегда для всѣхъ загадкою, не весьма впрочемъ интересною, такъ что скорѣе видѣли бы въ ней случайную обмолвку и легко забыли бы ее, если бы «Вѣстникъ Европы,» гдѣ прежде печаталась статья г. Стасова, въ Декабрьской книжкѣ 1869 г. не поспѣшилъ «растолковать» всѣмъ, на что намекала загадка и каковъ подлинный смыслъ ея. Похваливъ «приличное безпристрастіе» Академіи, журналъ продолжаетъ: «Благопріятный отзывъ Академической Коммисіи нельзя не счесть хорошимъ урокомъ для тѣхъ черезъ мѣру пылкихъ и торопливыхъ критиковъ, которые поспѣшили произнести отлученіе надъ г. Стасовымъ, обвинивъ его какъ въ недостаткѣ *патріотической гордости*, такъ и въ отсутствіи всякаго ученаго значенія въ его трудѣ. Послѣднее, т. е. ученое значеніе, признано отзывомъ Академи-

ческой Комиссiи; перваго, т. е. недостатка *патріотизма*, Комиссiя вовсе и не касалась, и конечно прекрасно одѣлала, потому что дѣйствительно ничто не можетъ до такой степени опошлить науки, какъ подобныя полицейскія розысканія о количествѣ *патріотизма* у писателя, и, главное, какого *патріотизма*?—того самаго, который зиждется на невыносимо глупомъ самохвальствѣ и кисло-сладкой сентиментальности ²⁸⁾.» И такъ, разгадка всѣхъ этихъ «нѣ научныхъ интересовъ» и «не ученыхъ соображеній»—въ *патріотизмъ*. Но, если патріотизмъ разумѣть какой угодно, обыкновенный и всюду существующій, то ему конечно все равно, выводитъ ли наука происхождение Былинъ и даже цѣлой Руси съ Востока, откуда, съ прародины, и дѣйствительно всѣ мы нѣкогда пришли вслѣдъ за старшими братьями Европейцами, или откуда ни будь иначе, даже изъ Сибири, съ Алтая и Борнео, о чемъ хлопочетъ г. Стасовъ. Скажите, чѣмъ же отъ того меньше будетъ всякій любить настоящее свое отечество, чѣмъ тутъ смущаться патріоту, чѣмъ уязвляется здѣсь народная гордость? Наука можетъ отвѣтить, что это вздоръ: но патріотъ въ чувствѣ своемъ даже и не справится съ нею. — Если же здѣсь понимать тотъ, описанный въ «Вѣстникѣ,» тотъ полицейскій, самохвальный и кислосладкій патріотизмъ, проще фальшивый, недавно у насъ, съ Петербургской зры, объявившійся и точно противный честному чувству, а еще болѣе несостоятельный въ наукѣ, то солидному журналу съ его редакціей и сотрудниками, а вмѣстѣ и цѣлому Русскому обществу должно быть очень хорошо извѣстно, что такимъ «патріотизмомъ» вовсе не пользуется у насъ народное дѣло, а потому и народное творчество: не ищетъ оно успѣховъ у такого «патріота,» не пользуется здѣсь фаворомъ, даже не привлекаетъ къ себѣ подобнаго «патріотическаго» вниманія, не вѣдается въ такого рода сферахъ, обойдено въ официальной области,

²⁸⁾ „В. Евр.“ стр. 104—108.

обдѣлено всякого рода преміями, не осчастливлено наградами, не поощрено чинами, степенями или орденами. Не забѣгаетъ оно въ душу писателей съ допросомъ, по той простой причинѣ, что, кромѣ двухъ—трехъ, много если десятка, писатели и не знаютъ его, не пишутъ объ немъ и его не касаются, состоя внѣ народа и его дѣла, снаружи. Существуетъ оно, кое-какъ уцѣлѣвши, въ уголкѣ внѣ сихъ «патріотическихъ» сферъ, въ масѣ народа «простаго:» тамъ допѣваются и послѣднія пѣсни, тамъ работаютъ немногіе самоотверженные собиратели и оттуда выносятъ сокровища—драгоцѣнныя по ихъ мнѣнію, но совершенно безобидныя, оттуда выходятъ издатели и изслѣдователи съ однимъ лишь трудомъ и затрудненіемъ, на нихъ падающимъ, съ недостаткомъ всякихъ средствъ матеріальныхъ, почти безъ всякаго нравственнаго содѣйствія въ обществѣ, и только ихъ упорному убѣжденію въ достоинствѣ предпріятій обязано само дѣло нѣкоторымъ успѣхомъ, болѣе внутреннимъ и существеннымъ, чѣмъ внѣшнимъ, а уже подавно не патріотическимъ полицейскимъ, ибо извѣстны напротивъ случаи направленнаго сюда «полицейскаго надзора.» Вотъ почему и дѣятели сего рода, а вмѣстѣ отчасти и прежніе возражатели г. Стасову, какъ сами уже нисколько не принадлежать къ описаннымъ «патріотамъ,» и усвоивать имъ подобное свойство было бы напрасною клеветою, такъ, сколько знаемъ, за исключеніемъ развѣ интимныхъ объясненій г. Миллера, ребячество которыхъ никому не вмѣнимо кромѣ самого г. Миллера и участника ихъ г. Стасова, не вторгались въ душу автора «происхожденія былинъ» ни съ какимъ вопросомъ о патріотизмѣ и даже, помнится, вовсе не употребляли этого слова.—Остается только одно: подъ именемъ «патріотизма» разумѣть здѣсь само народное творчество, а такъ какъ это одинъ изъ главныхъ членовъ и выразительнѣйшихъ представителей, то понимать вмѣстѣ «цѣлое—вообще—все народное Русское дѣло.» Дѣйствительно, его нѣтъ, оно не затронуто ни одной чертою, не воспособлено, не двинуто и не рѣшено ни малѣйше въ подвигѣ

LXXXIX

и статья г. Стасова. Съ этой точки зрѣнія, обязательно растолкованной журналомъ, разъясняются всѣ намеки и обстоятельства самымъ лучшимъ способомъ; отсюда и возражатели усматривали въ статьѣ *недостатокъ*, ибо ей точно *недостаетъ* народнаго творчества и воспитанной на немъ или устремленной къ нему науки; отсюда Академическая Коммиссія нашла, что сочиненіе г. Стасова *затроивало* не одни чисто-научные интересы, т. е. затрогивало народноѣ творчество и дѣло, но такъ, что это послѣднее не вошло въ науку г. Стасова, а осталось цѣликомъ внѣ, на долю его возражателей; отсюда же «особенная забота» Коммиссіи устранить эти «всѣ другія соображенія,» какъ не-ученыя, ибо дѣйствительно Академія съ постоянствомъ вычеркивала эту область изъ своихъ наукъ, изданій, вниманій и премій; отсюда же не принятъ былъ «къ исполненію» приговоръ Буслаева, ибо онъ оказался на сторонѣ народнаго творчества и «другихъ соображеній,» т. е. науки, связанной съ вопросомъ народнымъ; отсюда наконецъ и изъ отзыва г. Шифнера взять къ соображенію только кончикъ «тѣмъ не менѣе,» а все начало «хотя» отнесено къ «соображеніямъ другимъ,» то есть къ самому дѣлу творчества и выводамъ его науки.—Что дѣлать! Насильно милъ не будешь: остается помириться съ фактомъ и народу нашему не привыкать стать къ подобному терпѣнію, — онъ, какъ извѣстно, не въ авантажѣ, особенно въ сферахъ Петербургскихъ. По неволѣ утверждаемся на томъ, что по господствующему мнѣнію С. Петербурга творчество народное и связи его съ дѣломъ народа суть нечто иное, какъ глупый, самохвальный, кислосладкій и sentimentalный патріотизмъ, а разысканія въ области этого рода суть «полицейскія разысканія о количествѣ патріотизма.» Оставалось только рукоплескать такому послѣдовательному и меткому выводу, а съ другой стороны устыдить сопротивниковъ: что съ усердіемъ и совершенно С. Петербургскимъ журналомъ.

Правда, журналъ въ томъ же самомъ отзывѣ выразился: «Оказывается такимъ образомъ, что изслѣдованіе (г. Стасова)—вѣрно

или невѣрно въ своихъ выводахъ, *все равно;*» правда, что этому же «все равно» въ точности слѣдовали учрежденія, покинувши въ сторонѣ показанія своихъ рецензентовъ о непригодности главнаго вывода или существенныхъ выводовъ. Но по крайности равнодушіе, столь громко заявленное, требовало бы, кажется, дальнѣйшаго хладнокровнаго безпристрастія и, одинъ разъ сдѣлавши промахъ, помѣстивши у себя статью, внушившую ученымъ ужасъ или смѣхъ передъ монстромъ, журналу изъ простаго приличія не дурно было бы промолчать о послѣдствіяхъ и не сопровождать прежней ошибки новымъ неловкимъ упорствомъ. Единственный плодъ сочиненія, который объявляется журналомъ съ дѣтскою радостью послѣ его мужественнаго «все равно,» это: оно, говорятъ, по крайности «поставило вопросъ такъ, что привело ученую археологію въ нѣкоторое затрудненіе, и она не вдругъ нашлась, что отвѣчать.» Но столь же известна пословица, что дѣйствительно десятокъ умныхъ не справится иногда съ тяжелымъ камнемъ, брошеннымъ съ маху въ воду. Это еще не заслуга смѣльчака, и не вина умному труду. Къ сожалѣнію, какъ ученая Коммиссія, не удовлетворившись фактомъ, противъ коего никто бы съ нею не спорилъ, и чувствуя неоправданнымъ кое-какое внутреннее требованіе, поспѣшила прибавить увѣсистую хулу на «не-ученые интересы» и «не-ученыя соображенія,» такъ и «Вѣстникъ Европы» не остановился на официальномъ успѣхѣ, котораго никто не отнималъ у него святотатственною рукою, напротивъ постарался «растолковать» его, порицая тѣхъ, кто вытаскивалъ камень. Признаться, мы всегда прежде наклонны были уважать солидность и степенность сего журнала, болѣе, говоримъ, чѣмъ другія современныя явленія въ періодической литературѣ. Но при этомъ уваженіи насъ невольно смутило неожиданное отсутствіе всякаго такта: какъ можно съ такой узкостью защищать случайную печать прежнихъ страницъ своихъ, очевидно проскользнувшую въ свѣтъ благодаря отсутствію, въ ближайшемъ кружкѣ, компетентныхъ, предварительныхъ критиковъ?

Какъ можно *продолжать* случайную ненормальность новыми рѣшительными и бездоказательными обвиненіями на возражательней; и какими еще обвиненіями? Какова бы ни была форма, въ которой они высказаны, но только самыя обвиненія свойства отнюдь не деликатнаго. Г. Стасову возражали или о статьѣ его отозвались ученые, *какіе ни есть у насъ*, но только единственно спеціальныя въ данномъ случаѣ, по вопросу народнаго творчества, Русскаго, или Обще-славянскаго, или Западнаго Европейскаго, ученые, раздѣленные въ то время огромными пространствами Россіи, отъ Петербурга до Москвы и отъ Москвы до Одессы, частію даже вовсе не знакомые между собою лично, какъ на примѣръ мы съ г. Миллеромъ, и во всякомъ случаѣ безъ сношеній и предварительныхъ объясненій, а отозвались почти въ одно время и въ одинъ голосъ. Мало того: мы, на примѣръ, по преимуществу заняты нынѣ областью творчества Русскаго, г. Гильфердингъ исключительно Славянскаго, г. Веселовскій Западно-Европейскаго; съ нами діаметрально противоположенъ въ своихъ работахъ и выводахъ г. Миллеръ ²⁹⁾, мы не сочувствуемъ приемамъ его послѣдующей дѣтской полемики; намъ непріятна и неумѣстна казалась «обличительная» параллель, проведенная г. Гильфердингомъ между Стасовымъ и Духинскимъ (ибо конечно отъ нея нисколько не проигралъ бы первый, еслибы оба были правы въ наукѣ). И однако же въ главномъ, на статьѣ г. Стасова, всѣ сошлись: откуда такое единодушіе? Не ужели въ самомъ дѣлѣ заговоръ или общая полоса невѣдѣнія? Не ужели тутъ нѣтъ доли правды, по крайности въ силу явнаго безкорыстія, не прибѣгавшаго ни къ какимъ преміямъ, и въ силу искренности, явной до того, что она въ своемъ негодованіи не избѣгла даже рѣз-

---

²⁹⁾ У котораго, какъ извѣстно, собственно только то и заслуживаетъ вниманія, что взято имъ изъ нашихъ изданій, у г. Бусласва или изъ Западной литературы и не слишкомъ затемнено его собственнымъ способомъ выводовъ.

кости выражений? Отвергнуть ли за то всякую спеціальность знанія или вложить усильно корыстное намѣреніе и полицейскій расчесть? Понятно, къ этому способу могъ обратиться г. Стасовъ, въ отчаяніи узрѣвши вокругъ, какъ *l'homme qui rit* въ палатѣ, изумленные безобразіемъ взоры или расхохотавшіяся лица: но журналу, солиднѣйшему изъ прочихъ, то есть— излишне бы говорить—органу мнѣнія общественнаго и цѣлой конгрегаціи людей науки или литературы, слѣдовало бы, кажется, оцѣнить, хоть частью, мнѣніе возражателей, не прямыхъ своихъ, а косвенныхъ противниковъ случайнаго сотрудника. Между тѣмъ вотъ какою широкою и крупною кистью маляра журналъ обводитъ ихъ подъ одинъ цвѣтъ и въ одну краску. «Наука, говорятъ, имѣетъ свойство *очищать и возвышать понятія и цивилизовать нравы*: наши ученые не рѣдко блистательно это опровергаютъ. Дѣло въ томъ, что такое благотворное дѣйствіе оказываетъ только настоящая наука, которая ставитъ себѣ цѣлю только излѣдованіе истины, какова бы она ни была, пріятна для насъ лично или непріятна, *соответственна полицейскимъ вкусамъ или несоответственна*,—а не такая ученость, которая занимается только формальностями науки, или же мнимо ученымъ фантазерствомъ, и *ношеніемъ ученою мундира*. Поэтому такіе ученые и не могутъ выносить никакой свободы чужаго мнѣнія, никакого противорѣчія понятіяцамъ ихъ собственнаго изобрѣтенія или той рутинѣ, которой они служатъ учеными представителями: сколько они ни окружаютъ себя учеными атрибутами, изъ за этихъ атрибутовъ выглядываетъ все тотъ же «ветхій человекъ», тотъ же не совѣтъ образованный человекъ, *не рѣдко со всѣми дикими понятіями и замашками*, какого до сихъ поръ за частую производитъ наша жизнь. Поэтому въ нашемъ ученомъ быту и встрѣчаются такъ часто *уродливыя явленія* въ родѣ тѣхъ нападеній, которыя дѣлались противъ г. Стасова... Нападеніе на г. Стасова сдѣлано было *совершенно въ духъ этихъ нравовъ*. Прежде всего нашли нужнымъ дать понять *о недостаткѣ*

ХСП

патріотизма, (а потомъ?) отвергали всякое научное значеніе труда ³⁰⁾.» О патріотизмѣ, котораго не требовали отъ г. Стасова, сказано нами уже выше. Отвергать научное значеніе ничтожнаго труда на основаніи спеціальной, какой ни есть, науки, значить по этимъ словамъ держаться полицейскаго вкуса, то есть впадать въ тотъ же полицейскій патріотизмъ, лишаться чистыхъ и возвышенныхъ понятій, не имѣть цивилизованныхъ нравовъ, отличатся дикими замашками и т. д.,—свойства по преимуществу «личныя», которыхъ не ставили въ упрекъ даже г. Стасову и которыя счелъ приличнымъ солидный журналъ приписать возражателямъ. Не говоримъ уже объ этой мягкости выраженія, ни объ изяществѣ приемовъ: мы только отмѣтимъ здѣсь *ношеніе ученаго мундира*. Надѣмся, что его вовсе не стыдно носить тѣмъ, кто состоитъ на Русской службѣ ученаго или учебнаго вѣдомства, и не знаемъ, на сколько уничтожаетъ противниковъ это тяжелое обвиненіе. Не извѣстно также намъ, носить ли свой мундиръ профессоръ Миллеръ: но г. Веселовскій, нынѣ профессоръ всеобщей литературы, не занималъ еще никакой каѣдры, когда возражалъ г. Стасову; г. Некрасовъ, также теперь профессоръ Русской словесности, сколько намъ извѣстно, произнесъ рѣчь, гдѣ коснулся выводовъ г. Стасова (даже не называя его), только что прибывши въ Одессу, заготовивши матеріалы въ Москвѣ и едва ли успѣвши изготовить мундиръ, столь ненавистный для редакціи журнала; мы вовсе не принадлежимъ къ профессурѣ; а г. Гильфердингъ никогда и не носилъ синяго мундира. Страхи, которымъ всюду мерещится полиція на яву, скрываютъ за собою не рѣдко полицію другую: есть мундиры, которыхъ не надѣваютъ при появленіи въ публикѣ; есть равно обличители мундировъ, которые при первомъ случаѣ прячутся подъ такой же мундиръ, и такого же цвѣта, только чужой. Достоинство статьи г. Стасова журналъ считаетъ

---

³⁰⁾ Тамъ же, стр. 1005, 1006.

рѣшеннымъ и рѣшаетъ неопровержимымъ потому только, что ему дана премія отъ Академіи. «Благопріятный отзывъ Академической Коммисіи нельзя не счесть хорошимъ урокомъ для тѣхъ черезъ мѣру пылкихъ и торопливыхъ критиковъ.... Ученое значеніе признано отзывомъ Академической Коммисіи,» и т. д. ³¹⁾. Самъ г. Стасовъ въ томъ же журналѣ простирается еще далѣе: «Съ искренней благодарностью принялъ я отъ Академіи Наукъ приговоръ ея, признавшій, что мое изслѣдованіе о происх. Русск. был. имѣетъ нѣкоторое значеніе не только для нашей публики, но и для ученыхъ, и для науки. Теперь, *когда дѣло уже кончено*, я признаюсь, что не совѣмъ былъ увѣренъ въ томъ... Тѣмъ поразительнѣе и дороже было для меня извѣстіе, что не только Академія Наукъ нашла нѣкоторое значеніе въ моемъ изслѣдованіи, но что *даже премія* за него присуждена мнѣ ею едва ли не единогласно.» Онъ доходитъ до того, что, разбирая отзывы *оффиціальныхъ*, игнорируетъ и глубоко презираетъ другихъ *не-оффиціальныхъ* рецензентовъ, возражавшихъ *по собственному желанію*: «Кромѣ двухъ Академиковъ, разсматривавшихъ мой трудъ по порученію Академіи Наукъ, и при этомъ представившихъ свои возраженія, у меня было еще нѣсколько другихъ возражателей, разсматривавшихъ мое изслѣдованіе по собственному своему желанію. Я не стану излагать ихъ мнѣній.... ³²⁾» Намъ просто не вѣрится, ужели серьезные органы общественнаго мнѣнія серьезно думаютъ утвердить или видятъ достоинство статьи на основаніи данной преміи; намъ даже совѣстно предположить, что они въ рѣшеніи извѣстнаго «учрежденія,» хотя бы и спеціального, усматриваютъ непогрѣшимость папы, невозможность заблужденія, ошибокъ и тому подобныхъ явленій, именно то, чего не видятъ въ себѣ само учрежденіе и чего избѣгаетъ, предлагая въ печати на общественный судъ свои акты къ отчету.

³¹⁾ Тамъ же и см. выше.

³²⁾ Тамъ же, кн. 2 и 3-я 1870 г. стр. 897, 390.

При всемъ нашемъ уваженіи къ правамъ и общему достоинству всякаго официальнаго учрежденія, мы хорошо знаемъ, со всею Россіей, что официальность не ограждаетъ еще отъ ошибокъ и случайныхъ мотивовъ рѣшенія: иначе не было бы права апелляцій въ области той же самой системы и не нужна была бы періодическая литература, излагающая свои мнѣнія о совершенныхъ актахъ. Мы помнимъ: во всякомъ учрежденіи Русскомъ, даже въ избранной отъ него Коммисіи, легко случиться, на примѣръ, что по вопросамъ, касающимся народнаго дѣла или спеціальнѣе Русскаго народнаго творчества, могутъ участвовать люди, вовсе его не признающіе и, по отсутствію палеографическихъ признаковъ, отвергающіе подлинность самаго его существованія; могутъ присутствовать, какъ у насъ въ Россіи за частую, иностранцы, весьма достойные, но безъ всякаго живаго интереса къ подобнымъ вопросамъ; могутъ быть даже отличные спеціалисты, только не по той спеціальности, которая требуется въ данномъ случаѣ. Такъ ориенталисты, болѣе или менѣе официальные по своей профессіи, на которыхъ постоянно ссылается г. Стасовъ, поелику статья его фигурируетъ «восточною страной,» даже ориенталисты Академики, могутъ легко не имѣть никакого правильнаго понятія о пѣснотворествѣ Русскомъ, къ суду котораго привлекъ ихъ г. Стасовъ, а по тому самому и тѣмъ болѣе поводовъ имъ ошибаться, еслибы захотѣли они примѣнять къ предмету незнакомому выводы собственной своей ориентальной области. Мы позволимъ себѣ привести примѣры изъ того времени, когда, при выходѣ «Областнаго Словаря» Русскаго, Академики и прочіе официалисты ориентальныхъ знаній сообщали свои мнѣнія о происхожденіи, именно заимствованіи многихъ словъ Русскихъ съ поздняго Востока Азіатскаго. Г. Григорьевъ, на примѣръ, выводилъ слово «болобанъ (перегласовка «болванъ»)» съ *Татарскаю*; оттуда же «буять;» «жупанъ (исконное Славянское, своего стариннаго, сложнаго словообразованія)» отъ *Татарскаю*, а у Татаръ «изъ языка Персіанъ;» «озарной, озарничать» отъ *Персидскаю*; «отава

(видъ травы)» съ *Тюрскаю*; «зѣриться» «въ связи съ Персидскимъ корнемъ;» «таланъ (талантъ)» — *Персидское*. Г. Казембекъ: «бабай, бабайка (въ той же почти формѣ у Сербовъ и Болгарь—старшій въ родѣ, отецъ, прамать и т. п.)» отыскивалъ въ *Персидскомъ* и *Тюркскомъ*; «бажатка (божатка, крестная мать)» въ *Азербиджанскомъ Тюркскомъ языкѣ*; «боровчакъ (заборовѣвшій, заматорѣвшій, взрослый теленокъ)» въ *Тюркскомъ* «бозовъ (съ перемѣною з въ р),» а «что касается до окончанія чакъ или сакъ, то оно чисто Тюркское;» «буйный (о хлѣбѣ; ср. Польск.)» и «буять (рости на волѣ)» изъ *Тюрскаю*; «витвина (вѣтвина)» — «въ нѣкоторыхъ *Тюркскихъ нарѣчійхъ*;» «вица (вѣтвь, свитое, пруть и прутья, розги)» въ *Персидскомъ*; при выраженіи «въ назирку» поставлено «восточное слово, которое, по наружной формѣ, имѣетъ здѣсь болѣе право на родоначаліе; *Араб. гл. кезерэ*;» «выбрякать (выбрякнуть, слово)» — «заимствовано изъ *Тат.* глагола *бришамек*;» «вытарачиться,» при чемъ, въ смыслѣ страха, хотъ бы вспомнить греч. «Тарассо,» послѣ Рейфа, искавшаго въ *Персидскомъ*, — «въ *Тюркскомъ диришимек*;» «вьюнъ» — «можно подозрѣвать въ *Тюркскомъ*.» Г. Березинъ: «водерень (въ одерень, въ разрѣзъ, въ разъ, совсѣмъ)» изъ *Татар.* «ботара;» «дробина» — *Персид.* «мердебанъ» и т. д. Самъ г. Шифнеръ, въ знаніяхъ коего не имѣемъ мы повода сомнѣваться, опровергшій хранину главнаго вывода у г. Стасова и постоянно имѣющій несчастье пользоваться его ссылками или благоволеніемъ, г. Шифнеръ, сообщившій привязчивому почитателю, по увѣренію сего послѣдняго, существенныя оріентальныя объясненія, по неволѣ несетъ вину за производство словъ, которыя г. Стасовъ съ триумфомъ ведетъ съ Востока: *артель* (перегласовка и дальнѣйшая форма отъ «роты»), *буеракъ* (буй яругъ, заросшій или дикій оврагъ), *жупанъ* и *зитунъ*, *товаръ* (общее Индо-европейское), даже *упырь* (вампиръ) и т. п. ³³⁾. Никто не за-

³³⁾ Тамъ же, кн. 3, стр. 389.

подозрѣть спеціальныхъ свѣдѣній упомянутыхъ ориенталистовъ, но никто также изъ Русскихъ, Славянъ или вообще Европейцевъ, сколько ни будь образованныхъ филологически въ «своей спеціальности,» не удержится отъ улыбки, читая приведенныя словопроизводства и сближенія: какъ же не ошибиться послѣ этого въ высшей еще функціи народнаго слова, въ пѣснотворчествѣ устномъ, которое, помимо всего прочаго, мало извѣстно въ подробностяхъ даже многимъ ученымъ спеціалистамъ литературы Русской? Не удивительно, если бы излюбленные ученые погрѣшили здѣсь невѣдѣніемъ и даже, по невѣдѣнію, отнеслись сочувственно къ статьѣ г. Стасова. Притомъ можно очень сочувствовать чувствомъ сердца, но, какъ мы видѣли, въ то же время критикою ума отвергать главные выводы и по человѣческой слабости грѣшить въ дѣлѣ спеціальнаго знанія. Степенному журналу очень хорошо извѣстно, что въ подобномъ вопросѣ не застрахованы Академики отъ заблужденій прочихъ своихъ собратьевъ ученыхъ и не имѣютъ предъ ними въ дѣлѣ науки никакого преимущества, кромѣ оффиціальнаго положенія и—связаннаго съ нимъ мундира. Журналъ, ратующій чуть не въ каждой книжкѣ за свободу литературы и науки противъ монополіи учрежденій, оффиціальности и мундира, журналъ, ради либеральности своей, которой мы не могли бы не сочувствовать въ *истинномъ* смыслѣ, подвизающійся противъ Министерства Просвѣщенія и особенно Университетовъ, въ настоящемъ случаѣ, купно съ прикрытымъ уже достаточно сотрудникомъ, укрылся самъ также. точно *подъ мундиръ*, и развѣ только, при синемъ цвѣтѣ и прочихъ форменныхъ отличкахъ, измѣнилъ пуговицамъ и шитью воротника. Мы всегда были убѣждены, что либерализмъ Петербургскій въ сущности, *подъ покровомъ*, есть постоянно жесточайшій деспотизмъ, именно въ дѣлѣ литературы и науки.

Журналъ, разумѣется, разсыпается вмѣстѣ съ тѣмъ въ похвалахъ рецензентамъ, Академикамъ Буслаеву и Шифнеру, признавая ихъ вполне компетентными судьями въ интересующемъ

вопросъ. «Выбраны были дѣйствительно компетентные люди: г. Буслаевъ доселѣ есть самый заслуженный специалистъ по древней Русской поэзіи; г. Шифнеръ извѣстенъ своими трудами о сказочномъ эпосѣ и могъ наилучшимъ образомъ судить о восточныхъ элементахъ вопроса ³⁴⁾.» Мы готовы совершенно раздѣлить это мнѣніе, особенно относительно г. Буслаева, который намъ столько же знакомъ почтенными трудами и вліяніемъ благотворнымъ, сколько неизвѣстенъ лично, и однако ничѣмъ еще не оказалъ противнаго г. Шифнеръ.

Но, дѣло въ томъ, что все это писалось въ журналѣ, когда, по увѣренію его, «подробный отчетъ Академической Коммисіи, гдѣ будутъ напечатаны вполнѣ и самыя рецензіи, еще не вышелъ въ свѣтъ ³⁵⁾.» Намъ нѣтъ возможности проникать въ закулисныя тайны или предполагать, что журналу не были хорошо извѣстны тогда же, до печати, и отзывъ Коммисіи, и рецензіи гг. Шифнера съ Буслаевымъ, тѣмъ болѣе, что на нихъ-то прямо и основывается журналъ торжество статьи г. Стасова.

Вскорѣ однако, если не въ одно время съ выходомъ Декабрьской книжки «Вѣстника Европы,» отпечатано и то, и другое, и третье. «Отчетъ» разсказалъ о составѣ Коммисіи и о «другихъ соображеніяхъ,» ею устранившихся, а рецензія одного Академика опровергла въ статьѣ все существенное, другой же Академикъ превзошелъ всѣхъ прежнихъ возражателей неумолимымъ обличеніемъ, рѣзкостью приговора въ дурную сторону и элементомъ комизма, или, лучше, неудержимаго смѣха. И вотъ на страницахъ того же самаго журнала, въ слѣдующей же февральской книжкѣ, тотъ же самый компетентный судья и самый заслуженный специалистъ оказался просто никуда не пригоднымъ и ниже всякой критики. Нѣтъ мѣры ярости противъ г. Буслаева со стороны г. Стасова; рецензія Академика

³⁴⁾ Тамъ же, Декабрь 1869, стр. 1004.

³⁵⁾ Тамъ же, стр. 1008.

«крайне изумительна по своей непослѣдовательности,» «онъ совершаетъ нѣсколько эволюцій, въ которыхъ нѣтъ ничего хорошаго,» и т. д. Какъ вы думаете, впрочемъ, какой выставляется здѣсь первый предлогъ гнѣва? Трудно повѣрить этому въ печати: за чѣмъ г. Буслаевъ присуждалъ за статью *почетный отзывъ* (а не премію). Другими словами, но въ томъ же самомъ смыслѣ, авторъ даетъ разумѣть, что еслибы Буслаеву быть послѣдовательнымъ, то ему непременно должно бы или отозваться хорошо и приговорить премію, или уже не предлагать почетнаго отзыва, а рѣшительно осудить или уничтожить статью. «Я всего болѣе желалъ, чтобъ моимъ критикомъ сдѣлался этотъ ученый (и Академія, уничтожая стороннія соображенія, мы видѣли, исполнила это желаніе)... Я былъ твердо убѣжденъ, что если правда не на моей сторонѣ, то пусть же все ложное и слабое такъ сразу и погибнетъ подъ ударами, науки, знанія, глубокихъ соображеній и могучей силы (Буслаевъ это и исполнилъ, какъ убѣдимся еще ниже, а предложеніе почетнаго отзыва не въ состояніи воздвигнуть падшаго подъ ударами «могучей силы»); но за то, если правъ я, тогда въ самомъ настоящемъ свѣтѣ выступитъ значеніе высказанныхъ мною положеній (и воспослѣдуетъ, заключаемъ мы отъ себя, согласіе на премію)... Я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ его рецензіи, ожидалъ отъ нея *горы пользы* и поученія для себя. Но, прочитавъ ее, я былъ удивленъ *только однимъ*: какимъ образомъ послѣ всего, что профессоръ Буслаевъ нашелъ въ моемъ изслѣдованіи, онъ *могъ еще* предложить Академіи наукъ, чтобы она присудила мнѣ *почетный свой отзывъ* (и такъ вся бѣда въ почетномъ отзывѣ: онъ-то и обиденъ). Почти нѣтъ ни единой страницы въ критикѣ профессора Буслаева, гдѣ бы не было говорено о моей непозволительной точкѣ зрѣнія на факты и такомъ же способѣ обращенія съ ними, о моихъ пріемахъ, не относящихся къ серьезной наукѣ, о моемъ насильственномъ приравниваніи былинъ къ иностраннымъ оригиналамъ, объ уклоненіи отъ открытія дѣйствительнаго сходства между

тѣми и другими, о затеряніи мною того «*кое-что*,» которое безъ сомнѣнія есть между былинами и восточными сказаніями, о моихъ натяжкахъ, о моихъ ухищренныхъ натяжкахъ, о моей методѣ храбрыхъ натяжекъ, о моемъ навязываніи былинамъ безсмысленности, пошлыхъ урѣзокъ и недомолвокъ, о капризной случайности моихъ болѣе или менѣе остроумныхъ сравненій, о моихъ многочисленныхъ запутанностяхъ, и т. д. (канцелярскимъ слогомъ, но безпристрастно авторъ по Буслаеву высчитываетъ всѣ свои недостатки: кажется, Буслаевъ выполнилъ все свое дѣло? Но—или премія, или ничего! Все сводится къ тому: за чѣмъ почетный отзывъ, столь бесполезный и не правый?)... Не почетнаго отзыва, а самаго рѣшительнаго осужденія и самаго строгаго порицанія заслуживаютъ они (пріемы и выводы г. Стасова), и, конечно обязанность Академіи Наукъ состояла именно въ томъ, чтобъ еще съ *большею рѣшительностію*, чѣмъ ея рецензентъ, дать отпоръ нехорошимъ вещамъ, имѣющимъ претензію проникнуть въ святилище науки; вѣдь Академія должна быть самымъ вѣрнымъ стражемъ этой послѣдней.» Сравните выше понятіе г. Стасова и журнала объ официальномъ положеніи Академіи; продолжая безпристрастіе свое, авторъ обвиняетъ и ее за непослѣдовательность въ присужденіи преміи. Но, раздѣляя съ г. Стасовымъ мнѣніе о свободѣ критики вообще и относительно сужденій Академіи, мы однако же, въ данномъ случаѣ, обязаны въ защиту ея замѣтить, что, обращаясь къ «отпору нехорошихъ вещей,» она уклонилась бы въ стороннія соображенія не-ученыя и въ интересы не-научные: для устраненія ихъ, какъ сказано, и избранъ былъ г. Буслаевъ, а потому нужно же было дать свободу его мнѣніямъ и отзывамъ. Куда однако, среди этихъ упрековъ, затерялись похвалы журнала безпристрастію Академической Коммиссіи? Другими словами: если бы не дана была премія, тогда, по логикѣ журнала, восторжествовали бы стороннія соображенія и полицейскій патріотизмъ, а между тѣмъ обличенія Буслаева все-таки остались бы въ «могучей силѣ,» да

уцѣлѣлъ бы и ненавистный «почетный отзывъ.» Развѣ это было бы пріятнѣе г. Стасову? «Правда, проф. Буслаевъ предлагалъ дать мнѣ почетный отзывъ—за *новость взгляда*» и за «*обширный матеріалъ*;» но, безъ сомнѣнія, такіе мотивы не могутъ имѣть равно никакого значенія для Академіи Наукъ, и «новость взгляда,» никуда негодящагося, и «обширность матеріала,» употребленнаго во зло или искаженнаго, все это не достоинства, а пороки, требующіе кары.» Надо признаться, намъ рѣдко случалось видать столь спокойныя, столь безпристрастныя обличенія, направленные на себя самого и на всѣ свои труды до послѣдней подробности. Авторъ признается, что не стоитъ даже почетнаго отзыва. Авторъ ставитъ вѣрному стражу святилища науки противу вторженія вещей нехорошихъ суровую дилемму: или будь послѣдователемъ, вѣренъ довѣреннымъ рецензентамъ и, устраняя всякіе не научные интересы и не ученые соображенія, осуди меня, лиши даже деликатнаго почетнаго отзыва;—или же будь непослѣдователемъ, войди въ соображенія стороннія и дай нехорошимъ вещамъ премію къ полному ихъ торжеству. Какъ ни рѣзко здѣсь исканіе правды, всегда весьма почтенное, мы можемъ только замѣтить автору, что онъ слишкомъ натянулъ отношенія, что онъ черезъ чуръ напрягъ соображенія, кои не входятъ въ науку спокойную и только раздражаютъ, да и въ жизни такой способъ дѣйствій доводитъ иногда до крайности преступленій и во избѣжаніе ихъ именно улаживается мягче какими ни будь компромиссами. Не возможно же быть такимъ строгимъ, особенно въ отношеніи нашихъ учреждений, иногда затрудненныхъ въ своемъ официальномъ признаніи разными неотвратимыми случайностями. Однако не довольно еще того: сочинитель, выступивъ совѣмъ изъ области литературы и науки, обратился къ собственному лицу и предначерталъ себѣ нравственный подвигъ. «Награды тутъ немыслимы, и, если бы, какимъ нибудь чудомъ, по какой-то невообразимой оплошности, Академія присудила что ни будь за вещь негодную, всякому автору, сколько ни будь раз-

мысляющему и сознающему свое достоинство, слѣдовало бы отказаться отъ столь странной награды ³⁶⁾» Мало удавалось намъ встрѣчать такую неподкупную искренность или высоту въ сознаниі нравственныхъ требованій, и, хотя они конечно уже удаляются отъ сферы науки въ соображенія стороннія, моральныя и этическія, но по нашему вовсе нѣтъ бѣды въ родствѣ и связи такихъ двухъ важныхъ областей человѣческой жизни. Можно сказать, вспоминая слова Журнала, этимъ данъ хорошій урокъ тѣмъ черезъ мѣру пылкимъ и торопливымъ критикамъ, которые отдѣляютъ рѣзко вопросъ науки отъ жизненныхъ соображеній, яко бы стороннихъ, требующихъ заботливаго исключенія. Можно не соглашаться съ авторомъ, становясь на практическую точку зрѣнія и допуская неизбѣжныя—увы—компромиссы; но послѣдняя дилемма его, по логикѣ ума и чутью нравственному, остается въ могучей силѣ: или премія присуждена за вещь негодную, не естественнымъ путемъ, чудомъ, даже невообразимую оплошностью, и въ такомъ случаѣ судъ послѣдователенъ отзыву компетентнаго, довѣреннаго Академика, а награжденный, если онъ мыслить и сознаетъ свое достоинство, немедленно обязанъ отказаться отъ странной награды; — или же Академія нецелѣсообразна, Буслаевъ негоденъ, прочь его почетный отзывъ, а годна только самая вещь, и естественно, не чудомъ и не по оплошности, напротивъ совершенно послѣдовательный, авторъ долженъ принять премію.

Прекративъ однако же свои нападки на Академію, прибавимъ—несправедливыя, авторъ предпочелъ въ сей дилеммѣ не отказаться отъ преміи, сознавъ свою вещь годною и только обрушился на негодность профессора Буслаева. Но этотъ послѣдній подвигъ, если онъ совершенъ, какъ изъ всего оказывается, главнымъ образомъ за «почетный отзывъ,» также намъ кажется несправедливымъ, ибо выступаетъ *исключительно* въ сферу нравственныхъ требованій, уже не въ родствѣ и въ связи,

---

³⁶⁾ Тамъ же, Февраль 1870, стр. 898, 899.

а во враждѣ и въ противоположности съ наукою. Конечно, можно требовать: но вѣдь можно же ошибаться въ самыхъ—кажется—нравственныхъ требованіяхъ, а главное, *нашихъ* требованій не всегда въ состояніи исполнить *другіе*. Можетъ статья правда, Буслаевъ былъ непослѣдователенъ, допустивши «почетный отзывъ» послѣ того, какъ уничтожилъ все научное значеніе статьи: тѣмъ не менѣе, уничтожая, вѣдь онъ дѣйствовалъ во имя науки, ея средствами, столь у него богатыми, со всею искренностью научнаго убѣжденія, столь извѣстнаго въ почтенномъ профессорѣ. *Со стороны науки* онъ правъ и совершенно послѣдователенъ: и вотъ почему, между прочимъ, ничего не возражала и не нашла ему возразить Академія, вполне довѣрчивая къ своему достойному сочлену и хорошо понимающая его достоинства. Переходя отсюда къ «почетному отзыву,» профессоръ вступалъ въ область *нравственныхъ вопросовъ*: можетъ быть онъ хотѣлъ только поощрить къ добру, поднять челоуѣка, пособить ему выйти изъ заблужденія, чтобы нѣ совсѣмъ оттолкнуть, чтобы не отбить впередъ охоты отъ всякихъ уже занятій отечественной словесностью? Допустимъ, что здѣсь оказалъ онъ нравственную непослѣдовательность и слабость: вѣдь это уже переходитъ въ свойства моральныя; а кто же имѣетъ право пробираться сюда, вкрадываться, какъ говорить «Вѣстникъ Европы,» въ душу писателя съ полицейскими разысканіями, о количествѣ патріотизма или направленіи нравственномъ? Статья можетъ, ваше требованіе черезъ чуръ уже строго; статья можетъ, ему и не могли удовлетворить въ данномъ случаѣ. Да и какіе же мы судьи нравственныхъ побужденій! Сами вполне готовые изъ за нихъ отречься отъ прямой выгоды, бросимъ ли камень въ тѣхъ, кто, положимъ по слабости, желалъ намъ дать хоть почетный отзывъ? Вспомните, что даже Академія, выслушавъ Буслаева съ полнымъ вниманіемъ и довѣряя вполне его серьезному научному обличенію, съ другой стороны имѣя отзывъ г. Шишнера, также уничтожившій суть статьи, не колебалась однако и, почти едино-

гласно, какъ увѣряетъ г. Стасовъ, дала ему премію: конечно, не съ дурною же, не съ злобною цѣлю и коварнымъ намѣреніемъ, не по оплошности, не въ насмѣшку, а именно въ поощреніе, въ вящее побужденіе трудиться впередъ и совершенствоваться, принимая къ сердцу отпечатанныя строгія рецензіи и высвобождаясь отъ заблужденій. Вотъ что и значило подлинно *устранить всякія иныя, внѣ науки, соображенія*, вынести ихъ за предѣлы критики: то есть, мы не имѣемъ теперь права и входить въ нихъ; другое дѣло отзывы науки,—ихъ можно критиковать, а совсѣмъ другое область нравственная, куда простираться нѣтъ намъ никакого права ни относительно высшихъ учреждений, какъ состоящихъ изъ человѣческихъ лицъ, ни относительно рецензентовъ, также лицъ въ положеніи человѣческомъ. Тутъ нужно уже съ нѣкоторою деликатностію понимать личныя *положенія*. Чего, на примѣръ, вы можете требовать и даже ожидать отъ г. Невоструева, келейнаго труженика, отдавшаго всю жизнь и силы своей наукѣ, среди Славянскихъ рукописей, священныхъ текстовъ, богослужебныхъ книгъ или церковной исторіи, умѣвшаго въ своемъ уединеніи возвыситься изъ сферы кропотливаго труда до замѣчательнаго творчества мысли, вкусившаго этой свободы знанія и его освобождающей силы, никакой внѣшности не ищущаго, не связаннаго расчетами званія, мѣста, чина, степени, дохода, преміи, какого угодно журнала, однимъ словомъ того г. Невоструева, котораго всѣ знаютъ,—и онъ этому требованію отвѣтилъ, онъ правдиво—по своему убѣжденію—отвергъ всякое приличіе преміи за книгу г. Хрущова: того же, говоримъ, и въ той же мѣрѣ, несправедливо, черезъ чуръ сурово, насильственно было бы домогаться и непремѣнно то самое вымагать у лицъ совсѣмъ инаго положенія, лицъ хотя бы единичныхъ, въ какомъ ни будь профессоръ и академикъ, хотя бы коллективныхъ, въ сложной Академической Коммисіи или въ цѣлой Академіи. Притомъ, къ чему же привелъ научный и тѣсно соединившійся нравственный подвигъ г. Невоструева, конечно,

какъ слѣдуетъ предполагать, стоившій ему не мало раздумья, не мало нравственныхъ колебаній, не мало споровъ съ собственнымъ личнымъ, столь же извѣстнымъ, добродушіемъ? Сочиненіе г. Хрущова, не смотря на отзывъ довѣреннаго рецензента, не склонившагося на частныя инсинуаціи, говорятъ, ему предпославшіяся, было увѣнчано наградою: и вопросъ возвращается съ тою же, прежнею силою, и если бы даже Буслаевъ, слѣдуя примѣру Невоструева и внушеніямъ г. Стасова, взялъ назадъ свой почетный отзывъ, и тогда г. Стасовъ всё-таки не избѣгъ бы непріятнаго положенія получить премію. Наконецъ нельзя же не принять въ расчетъ личнаго *характера*, отъ котораго не имѣетъ возможности вполне высвободиться писатель и куда мы не имѣемъ права вторгаться съ преобразованиями. У иного кажущаяся слабость или видимая неустойчивость условливается и даже объясняется на самомъ дѣлѣ природнымъ добродушіемъ, врожденною деликатностью и постоянною привычкою къ мягкости отношеній, такъ что человѣкъ, видя даже ничтожество произведеній другаго, просто не въ силахъ произнести рѣзкаго заключенія и, хоть къ концу, да всё-таки похвалитъ непременно. Этого, къ величайшему сожалѣнію всѣхъ людей благомыслящихъ, также не оцѣнилъ г. Стасовъ: минуя правдивую сторону рецензіи и разборъ серьезныхъ аргументовъ, безъ всякой лести уничтожившихъ всю статью г. Стасова, онъ опять, за почетный отзывъ, устремился въ другую крайность, на *личную характеристику* г. Буслаева. Здѣсь онъ превзошелъ всякую мѣру и, если мы выпишемъ хоть нѣсколько строкъ его заключенія, то единственно лишь въ примѣрѣ, какъ, по словамъ Академіи, легко можно избѣгнуть науки и впасть совсѣмъ въ инныя, стороннія соображенія. «Проф. Буслаевъ, какъ истый старовѣръ въ литературѣ, всегда восхищался самыми невообразимыми, самыми удивительными вещами въ древней русской литературѣ и исторіи, приводя лишь тѣмъ въ удивленіе своихъ читателей. Всякій обскурантизмъ, всякое недѣльное ханжество, всякая чепуха старин-

ныхъ легендъ и сказаній находили въ немъ постоянно наивнаго энтузіаста; всякое наибезобразнѣйшее произведеніе древняго русскаго искусства находило въ немъ себѣ набожнаго поклонника и пропагандиста, лишь бы только оно было древнее и русское. Однимъ словомъ, хотя онъ отъ времени до времени и подсмѣивается надъ Славянофилами, но онъ тотъ же Славянофилъ, только въ новомъ видѣ и образѣ, отчасти за новопрошпигованный кое-какими европейскими диссертаціями и трактатами. Ему и Европейцемъ-то быть хочется (даже, если возможно, современнымъ), да и русскихъ-то всѣхъ предразсудковъ уступать нѣтъ охоты. Вотъ, труся и того другаго (отъ того до другаго?), шатаясь постоянно отъ одного берега къ другому, онъ никогда не достигаетъ ничего опредѣленнаго. Спрашивается, легко ли при такой натурѣ и тенденціяхъ вдругъ отказаться отъ стародавняго убѣжденія на счетъ самостоятельности цѣлаго отдѣла старой русской поэзіи ³⁷⁾? Мы удивляемся только, какъ солидный журналъ, за мѣсяцъ говорившій съ увлеченіемъ о г. Буслаевѣ, какъ судья «компетентномъ и самомъ заслуженномъ специалистѣ по древней Русской поэзіи,» то есть когда нужно было, до напечатанія рецензіи, выставить торжество г. Стасова, теперь, ради одного упорства въ прежней ошибкѣ, допустившей статью г. Стасова, соизволилъ еще новую и вящую, не опасаясь, что это можетъ компрометировать всякую репутацію степеннаго органа общественнаго мнѣнія. Если даже предположить, что г. Буслаевъ дѣйствительно оказалъ какую ни будь слабость, то это уже слишкомъ незаслуженная кара. Давно и глубоко уважая почтеннаго нашего профессора, мы не можемъ скрыть живѣйшаго негодованія на такое «личное» обращеніе среди вопросовъ науки. Самому г. Стасову, ни прежніе рецензенты, ни гг. Шиоферъ и Буслаевъ, такихъ вещей не высказывали и не согласятся сказать даже теперь. Напротивъ, не имѣя чести знать лично г. Стасова, мы,

³⁷⁾ Тамъ же, кн. 2. стр. 935.

на основаніи его прежнихъ статей и брошюрокъ, всегда были увѣрены по крайности въ его талантѣ, остроуміи, находчивости соображеній и, не ощущая ни нужды, ни права, ни охоты обращаться къ «натурѣ» и тому подобнымъ личнымъ свойствамъ, видѣли въ немъ постоянно полезнаго въ литературѣ любителя, въ наукѣ диллетанта. Даже знаменитая статья «о происхожденіи Русскихъ былинъ» не совсѣмъ поколебала наши заочныя убѣжденія: мы усматривали только, и откровенно это высказали въ своемъ мѣстѣ, что г. Стасовъ взялся за дѣло, которое ему вовсе не подѣ силу, такъ какъ онъ очевидно не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о Русскомъ народномъ пѣснотворествѣ, не знаетъ и Славянскаго—по незнанію языковъ и литературъ Славянскихъ, съ прочимъ народнымъ пѣснотворчествомъ Европы знакомъ только по переводамъ, популярнымъ изложеніямъ и учебникамъ, а Восточнаго не вѣдаетъ и подавно, ни въ оригиналахъ, ни въ критическихъ изданіяхъ текста, замѣняя все это поминутными справками у окружающихъ—болѣе или менѣе — специалистовъ, урывками прихватывая, случайно пользуясь, на обумъ цитую, по догадкѣ растолковывая, то не договаривая, то переговаривая, то оговариваясь. Трудность такой задачи—повѣствовать о томъ, и печатно, чего не знаешь, заставляла автора на неблагогодарную работу тратить непроизводительно, по мелочамъ, свойственное остроуміе, напряженность дивинаціи, ловкость приемовъ, нѣкоторую художественность въ построеніи статей изъ непрочнаго матеріала и замѣтный всѣтаки литературный талантъ вообще. Узнавъ о преміи, мы радовались искренно этому поощренію, ибо снисходительность одной стороны побуждаетъ другую, если она сколько ни будь правильно развита, восходить выше и подниматься, освобождаясь отъ недостатковъ. Не принадлежа нисколько къ противникамъ г. Стасова и къ массѣ его неустающихъ ратоборцевъ, мы готовились, напротивъ, при случаѣ пособить г. Стасову и сообщить ему, разумѣется пріятный, но конечно неизвѣстный по незнанію Славянскихъ литературъ, отзывъ почтеннаго За-

СѢІІ

гребскаго ученаго В. Ягича, который въ отвѣтъ нѣкоторымъ Русскимъ сомнѣніямъ призналъ статьи г. Стасова статьями «трезвыми ³⁶⁾». Прискорбныя послѣдствія злополучной преміи, т. е. статьи, за ней появившіяся и особенно самого г. Стасова, а всего больше отношенія его къ рецензіи г. Буслаева, совершенно измѣнили, доселѣ достаточно прямое, дѣло и вопросы чистой науки, не совсѣмъ еще прежде обойденныя.

Обстановка журнальная, сопровождавшая естественное присужденіе преміи, бросила обратно какой-то странный свѣтъ на все теченіе дѣла. Эти предварительныя, никому собственно не нужныя, оправданія и «особенныя заботы» объ устраненіи какихъ-то «другихъ соображеній.» Это довѣріе къ Академикамъ, позднѣе не оправданное примѣненіемъ ихъ приговора; эти похвалы рецензентамъ до напечатанія рецензій и страшныя хулы по напечатаніи тотчасъ же; это нравственное отвращеніе отъ почетнаго отзыва и отъявленная готовность къ подвигу отказа отъ преміи; эти хлопоты ссылокъ на составъ Комиссіи и суровая ссылка цѣлому составу ученыхъ критиковъ; эти неоднократныя пополненія вѣнчаемаго труда новыми справками и приписками, честь пополняющимъ, горе не выдавшимъ того; эти бѣганья, забѣганья и убѣганья... А тутъ еще проносится вѣсть громкаго «Голоса» о томъ, какъ забалотированъ почтенный ученый г. Гильфердингъ: обстоятельство весьма странное намъ, и по самому желанію или расчету балотироваться, и по чернотѣ шаровъ. Можетъ статья, мы ошиблись, но только взору нашему предстали слишкомъ явныя знаменія времени: времени, неблагопріятнаго успѣхамъ Русскаго и всего Славянскаго народнаго творчества, собиранію, изданію, оцѣнкѣ памятниковъ, выводамъ науки въ сей области и вообще движенію, въ семъ смыслѣ, общаго народнаго дѣла.

Случайно этотъ «тонъ дѣлающій музыку» заданъ былъ въ ту

---

³⁶⁾ „Труды“ Югославянской Академіи, кв. VІІІ, 1869; г. Ягичъ называетъ „трезвыми писанными чланци од В. Стасова.“

именно пору, когда послѣ нѣсколькихъ неудачъ предъ высшимъ судилищемъ, но послѣ десятилѣтнихъ удачъ изданія, извѣстнаго подъ именемъ Кирѣвскаго, мы рѣшились было представить трудъ свой на соисканіе Уваровской преміи, съ цѣлю, матеріальными ея средствами ускорить продолженіе того же или двинуть впередъ ходъ другихъ подготовленныхъ изданій народнаго Русскаго пѣснотворчества. Намъ въ семь случаевъ отнюдь не отталкивалъ успѣхъ г. Стасова въ соисканіи, напротивъ именно эта, неожиданно объявившаяся, склонность поощрять подъ рядъ всѣ труды, направленные въ народную область, всего болѣе вызывала и обнадеживала. Документы Общества Л. Р. Слов. всего яснѣе раскроютъ ходъ этого дѣла. «По докладѣ секретаря о томъ, что въ виду оказаннаго недавно вниманія И. Академіи Наукъ къ сочиненіямъ о памятникахъ нашей народной словесности, удостоеннымъ Уваровской преміи, благо временно было бы представить къ тому же соисканію законченныя нынѣ *двѣ части* изданія «Пѣсенъ, собр. П. В. Кир.,» обнимающія былевое творчество всей Древней Руси до Петра I-го и снабженныя, при текстѣ пѣсенъ, многочисленными примѣчаніями, нѣсколькими указателями и издѣваніями, г. предсѣдатель выразилъ желаніе слышать о семъ мнѣніе В. А. и Н. А. Елагиныхъ, родственниковъ покойнаго собирателя, кои вмѣстѣ состоятъ дѣйств. членами Общества, но въ настоящее время отсутствуютъ ³⁹⁾» В. А. Елагинъ, которому вручено было покойнымъ П. В. Кирѣвскимъ распоряженіе его сборникомъ по смерти и который передалъ намъ пѣсни, а Обществу право изданія, отвѣтомъ своимъ, какъ и слѣдовало ожидать, подтвердилъ: «Вы конечно и безъ моего отвѣта знаете мое мнѣніе о Вашемъ предложеніи Обществу: съ Вашей стороны обращеніе къ Обществу было только одною учтивостью, потому что Вы имѣли полное право представить Вашъ почтенный трудъ

³⁹⁾ Проток. О. Л. Р. Сл. 265 засѣд. 1869 года; печатаются протоколы въ „Моск. Вѣдом.“ и „Журн. Мин. Нар. Просв.“

на премію ни съ кѣмъ не спрашиваясь, и я не понимаю. почему бы хотя малѣйшая частица преміи могла принадлежать, по всѣмъ правамъ, кому либо *кромя Васъ* ⁴⁰⁾.» Тѣмъ не менѣе издатель, въ виду новыхъ, означенныхъ выше, неблагоприятныхъ обстоятельствъ вынужденъ былъ отказаться отъ намѣренія, выжидая въ будущемъ лучшей переменѣны господствующаго тона. «Общество, выслушавъ отвѣтъ д. ч. В. А. Елагина по вопросу о представленіи изданія «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кир.,» на соисканіе Академической преміи и выразивъ вновь полное сочувствіе издателю д. ч. П. А. Безсонову, предоставило его собственному усмотрѣнію распорядится впредь по сему предмету; при чемъ издатель прочтенною докладною запиской заявилъ, что въ виду нѣкоторыхъ современныхъ обстоятельствъ онъ отлагаетъ съ своей стороны соисканіе преміи.... ⁴¹⁾» По-

⁴⁰⁾ Письмо при дѣлахъ Общества.

⁴¹⁾ Проток. 266-го засѣд. Докладная записка при дѣлахъ Общества: «Побужденія и права, руководившія издателемъ къ соисканію преміи, достаточно разъяснились.—Между тѣмъ мнѣніе самого издателя о соисканіи Академической преміи совершенно измѣнилось.—Произведеніе г. Стасова, удостоенное отъ Академіи Уваровской награды, входитъ въ область Русскихъ памятниковъ народнаго творчества, которыхъ сочинитель никогда не собиралъ, не издавалъ и по видимому даже не читалъ какъ слѣдуетъ, ибо выводы его касаются гораздо болѣе Алтая, Борнео и Ореоко. Посему, специалисты наши по предмету народнаго творчества и народной исторической жизни у Славянъ вообще, а у Русскихъ въ особенности, какъ-то гг. Миллеръ (весьма впрочемъ намъ несочувственный), А. Θ. Гильфердингъ, А. Н. Веселовскій, Θ. И. Буслаевъ, коего печать по справедливости признаетъ «самымъ заслуженнымъ специалистомъ по древней Русской поэзіи,» и нѣкоторые другіе сочлены нашего Общества—не открыли въ изслѣдованіи г. Стасова слѣдовъ успѣшнаго обращенія съ предметомъ.—Тѣмъ не менѣе лестное вниманіе Академіи Наукъ удостовѣряло готовность ея—поощрять всякой трудъ, касавшійся народнаго творчества, особенно же, если бы встрѣтилось

слѣдствія еще дальнѣйшія доказали, что по крайности относительно господствующаго нынѣ тона въ литературѣ и наукѣ даннаго предмета издатель не ошибся, воздержавшись вступить на арену немножко странную и въ сообщество не весьма вожделѣнное.

Премія, данная г. Стасову, сама по себѣ безобидная, вмѣстѣ съ рецензіями официальныхъ критиковъ и антирецензіями авто-

изданіе или сочиненіе дѣйствительно порядочное. Въ этихъ видахъ и сдѣлано было представленіе Обществу Любителей Россійской Словесности, дабы итти на встрѣчу заявленному расположенію Академіи и дабы суммы, очевидно составляющія излишекъ въ оборотѣ народнаго капитала, посвященнаго поддержкѣ наукъ, получили бы прямое назначеніе, то есть съ ихъ помощію могло бы отпечататься и разъясниться еще нѣсколько памятниковъ, составляющихъ неотъемлемое духовное достояніе народа, для пользы его же самого и потомства.—Къ сожалѣнію, въ настоящее время журналы, пользующіеся нѣкоторымъ удѣльнымъ вѣсомъ, усмотрѣли напротивъ и провозгласили въ поощрительномъ дѣйствіи Академіи, своеобразно толкуя его, какое-то знамя свѣжей партіи, смѣняющей Русскаго «ветхаго человека,» и торжество началъ новѣйшихъ, олицетворенныхъ статьею «о происхожденіи Русскихъ Былинъ.» Слѣдовательно *возможный успѣхъ* соисканія преміи по тому же предмету набросилъ бы нынѣ на труды испытанные и долготѣніе невыгодную тѣнь, поставивши ихъ на ступень равную съ дѣтскими играми юнѣйшихъ началъ, а *впроятный неуспѣхъ* придалъ бы искателямъ вовсе ненужный блескъ достоинства, которымъ неблагопамѣренные могли бы воспользоваться для незаслуженнаго укора ученому учрежденію. — Потому, ММГГ., впредь до измѣненія обстоятельствъ, издатель, удерживая за собою право, ему принадлежащее, соисканіе преміи означеннымъ путемъ отлагаетъ.»

*

Послѣ этого въ сочиненіяхъ г. Миллера встрѣтили мы совершенно излишнюю и бесполезную шутку, будто въ предлагаемомъ изданіи или прочихъ трудахъ моихъ «взято» мною все главнѣйшее у

ра, подала сигналъ еще далѣе къ безконечному пролітію чернилъ и къ появленію статей, статей, цѣлыхъ толстыхъ книгъ, излюбившихъ предметомъ своимъ частію Ілью Муромца, частію г. Стасова, литературныхъ преній просто или даже официальныхъ диспутовъ въ университетѣ, и т. д.; на двухъ оконечностяхъ, раздѣленные барьеромъ, стали г. Стасовъ и г.

старшихъ Славянофиловъ: изъ собранія Кирѣвскаго мнѣ по смерти его переданъ только «матеріаль;» статьи и примѣчанія покойнаго или К. С. Аксакова, немногочисленные и также посмертныя, отпечатаны вездѣ съ подписью ихъ. Остальное все въ изданіи и самое «изданіе,» въ тѣхъ условіяхъ, которыя темны взору, непривычному въ сихъ дѣлахъ, и пояснены нами выше, принадлежитъ исключительно мнѣ. Дядюшка г. Миллера, по трогательному разсказу сего послѣдняго, положилъ ему, дитяти, на рабочій столъ въ первыхъ выпускахъ Кирѣвскаго трудъ мой, безъ котораго нынѣшній обильный авторъ, взявшій изъ моего изданія «рѣшеніе собственной жизненной задачи,» долго, можетъ быть никогда, не зналъ бы текста, содержанія, языка, отличій, самаго имени нашего эпоса, въ томъ видѣ, въ какомъ это извѣстно стало теперь, а подавно не пришелъ бы къ блестящимъ своимъ выводамъ и высшимъ степенямъ. Ему неизвѣстны, умалчивая уже объ А. Ст. Хомяковѣ, связи мои съ Кирѣвскими, ни постепенный ростъ Славянофильства, въ которомъ былъ я ближайшимъ сверстникомъ (немного позже) К. С. Аксакова. При всемъ моемъ уваженіи къ памяти ихъ, ради котораго я и несу на себѣ долгъ, завѣщанный пріязнью высокихъ друзей моихъ, едва ли кто въ состояніи заподозрить независимость и самостоятельность моихъ изданій или прочихъ трудовъ, сколько бы ни нашелъ въ нихъ недостатковъ. Г. Миллеръ не можетъ уразумѣть при семъ даже тотъ смыслъ, который имѣетъ у меня употребленіе названій «собраніе, Общество Л. Р. Сл., Коммиссія» и т. д.: совсѣмъ обратнымъ путемъ поднимаясь на свои, недостижимыя мнѣ, степени, привыкъ онъ открывать Америку безъ предшественниковъ и не скрываетъ «единственныхъ» заслугъ своихъ подъ названіями, кои намечали бы на общество и содѣйствіе.

Миллеръ, по бокамъ свидѣтели, вокругъ толпа сторонниковъ того или другаго; не только прочесть, даже перечесть всѣхъ перипетій отчаянной борьбы нѣтъ никакой возможности. Одинъ противникъ называетъ другаго «любезнѣйшій Владиміръ Васильевичъ,» «сѣдовласый мужь,» «доблестный мужь:» другой отвѣчаетъ эпитетами «кропотливаго крота,» человѣка «Молчалинскихъ принциповъ,» который «не надѣленъ даромъ остроумія,» или прозвищемъ Русскаго «Менцеля.» Говорится о «гнѣздѣ» г. Миллера и о томъ, что «ничего другаго не знаютъ и не вѣдаютъ слѣпые его глаза,» особенно «послѣ трудовъ проф. Буслаева, стоящихъ на столько же выше трудовъ г. Миллера, на сколько трудъ мастера стоитъ выше ковырянья ученика, которому суждено никогда изъ учениковъ не выйти.» Ставится вопросъ о статьяхъ: «честно ли это?» Обзываются литературныя мнѣнія то «штучками,» то «завывающимъ тономъ анаемы, обличительною буллою, непогрѣшимостью папы.» Докладывается Русской публикѣ, что одинъ другаго «отлучилъ отъ общества умныхъ людей» и что пожалуй «книга моя невыразимо глупа.» Ссылаются на то, что одинъ соперникъ говорилъ «при свидѣтеляхъ» и какъ ему данъ былъ «отъ рукописи (статьи) послѣдній листокъ,» но листкомъ злоупотребили. По поводу вѣнчанія, одна сторона намекаетъ на «закулисныя сдѣлки» съ кѣмъ-то и разбираетъ, дѣйствительно ли «трудъ независимъ отъ какого либо Нѣмецкаго наважденія;» другая сторона спѣшитъ предупредить, кого сіе касается, чтобы толстая книга врага, эта «плодоносная лѣтняя баба,» не получила также успѣха въ соисканіи: «Сотни страницъ, употребленныя лишь на подобныя кривыя толкованія, становятся, не смотря ни на какой трудъ, ничтожными и ни на что негодными, и такой книгѣ нельзя желать успѣха. Русскій народъ имѣетъ за собою столько дѣйствительныхъ качествъ заслугъ и значительныхъ историческихъ фактовъ, что не требуетъ себѣ на помощь славянофильской реторики и размазни.» Выводится какое-то учрежденное Общество, въ коемъ про-

исходили личные объясненія, а компрометирующіе факты «выпущены изъ жалости (къ тому-то) въ печатномъ протоколѣ за сѣданія.» Сцена переносится въ университетъ, на официальный диспутъ; печатается, что противнику «немедленно» доставлена была диссертация «для диспута,» а онъ явился только чтобъ «просидѣть;» увѣряютъ, чему мы впрочемъ продолжаемъ не вѣрить, будто какіе-то «писатели» на диспутъ возражали, что «мужичье преобладаетъ и господствуетъ въ жизни Славянской,» но что «словесность этого мужичья составляетъ предметъ совершенно чуждый какимъ либо живымъ вопросамъ,» и т. д., и т. д. Какъ ни прискорбно намъ, что въ этой передрагѣ одинъ роняетъ видимый литературный талантъ свой, другой незамѣтно самому себѣ дѣлаетъ слишкомъ замѣтнымъ свое безсиліе, однако и тутъ еще не конецъ. Тотъ и другой главный супостатъ, въ свитѣ сторонниковъ, попеременно прибѣгаетъ — печатно — къ посредству г. Ламанскаго и называетъ его — одинъ — «добрѣйшій, многоуважаемый, любезный Владиміръ Ивановичь,» другой — «мой старинный пріятель В. И. Ламанскій,» или за одно — «нашъ общій старинный пріятель.» Только что нашъ извѣстный любитель Славянства въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, успѣлъ произнести «объединяющую» «Русскую» рѣчь среди Славянъ въ Прагѣ; только что мы получили въ иллюстрированныхъ Чешскихъ изданіяхъ прекрасный портретъ его; только что задалъ онъ въ официальномъ журналѣ «непорѣшенный вопросъ» и не рѣшилъ его до такой степени, что открылъ и подробно описалъ новоболгарскую рукопись «XVI—XVII вѣковъ,» «не позже первой половины XVII и едва ли раньше второй половины XVI вѣка,» выразивъ догадку о памятникѣ, «что онъ писалъ до 1666 года,» а въ самомъ дѣлѣ онъ по письму и языку XVIII-го, если еще не XIX вѣка; только что, при разборѣ и описаніи, минуя разстояніе двѣнадцати вѣковъ, смѣшалъ здѣсь Никомидійскаго Великомученика Георгія съ мученикомъ Георгіемъ, такъ называемымъ Сербскимъ или, правильнѣе, Болгарскимъ, и очень удивился, что при по-

слѣднемъ является, въ Болгарской Софіи, въ замѣнѣ Діоклитіана султанъ съ пашами, кадіями, спахіями, съ диваномъ и съ ферманами ⁴²⁾; только что выразилъ сожалѣніе относительно найденной рукописи, что ни изъ покойниковъ, «ни другой кто изъ Славистовъ не употребили ея для своихъ грамматическихъ изслѣдованій, не представили хотя краткаго ея описанія и не сообщили даже отрывковъ изъ нея,» а самъ въ обиліи пополнилъ сей недостатокъ и, умолчавши о своихъ предшественникахъ въ изученіи новоболгарскаго языка, заплатилъ за свою забывчивость, прочитавъ въ рукописи и напечатавъ изъ нея «легома» вмѣсто «голема (большой, великій),» а особенно остановившись на курьезномъ словѣ «псаха» и приведя выраженіе «или псаха,» то есть вмѣсто «и липсаха,» прошедшее отъ глагола «липсамъ» ⁴³⁾; наконецъ, только что коснулся здѣсь споровъ гг. Стасова и Миллера, назвавши перваго «старымъ и добрымъ пріятелемъ,» а втораго «столь же старымъ и добрымъ пріятелемъ:» только что, — говоримъ, — какъ оба подхватили его на третейскій судъ въ свои посредники и пронесли нынѣ имя его въ качествѣ «легома злѣ» по мытарствамъ своей литературной размолвки. Голосъ, Вѣстникъ Европы, С.-Петербургскія Вѣдомости, Журналь Мин. Нар. Просв., Заря и кажется еще два-три «органа общественнаго мнѣнія» приняли на свои страницы и, кажется, еще не кончили всей перипетіи этой драмы. — Вопросъ локализовался въ С.-Петербургѣ: кромѣ Академій, Университетовъ, учрежденныхъ Обществъ, органовъ общественнаго мнѣнія, литераторовъ и ученыхъ, есть тамъ теперь цѣлыя стѣнки: одни за народное пѣснотворчество, другіе противъ, одни за г. Миллера, другіе за г. Стасова, одни за вмѣняемость приговора г. Ламацкаго, другіе за невмѣня-

⁴²⁾ Славистъ нашъ долженъ бы знать по крайности, кѣмъ и когда писано по Славянски житіе этого мученика.

⁴³⁾ Это послѣднее такой уже курьезъ въ дѣлѣ „Слависта,“ что близко роднитъ его со многими „Ориенталистами.“

емость. Справедливо общественное мнѣніе негодуетъ на разныя Московскія «исторіи,» ему надоѣвшія: но онѣ ограничиваются обычно своимъ «мѣстнымъ» поприщемъ и, не претендуя на «общее» значеніе, оставляютъ общее и серьезное дѣло итти послѣдовательно въ прежнемъ, болѣе или менѣе правильномъ, теченіи поступающей впередъ жизни. Только лишь провинціализмъ Петербургскій одинъ въ состояніи забирать вопросы Русской науки въ свою карманную собственность и, забывая объ остальной Россіи, Славянствѣ, Европѣ, выдавать свои бюрократическія рѣшенія за всеобщія. Мы всегда боялись за вопросъ ученый, какъ скоро онѣ туда переходитъ; оставалось, въ дѣлѣ народномъ, только одно нетронутое — пѣснотворчество: но пришла пора и ему. Нельзя было не радоваться, пока тамъ учились сему дѣлу по указкѣ Москвы, какъ нельзя равно не желать, чтобы дѣятельность интересующей насъ области покинула исключительную — по обстоятельствамъ — сферу Московскую и децентрализовалась по нашимъ провинціямъ къ лучшему преуспѣянію: но Петербургъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать столичному образу дѣйствій, по обычаю и здѣсь вдавался въ свой узкій — и однако же — импонирующій провинціализмъ. Можно сказать теперь о народѣ нашемъ, что послѣднія, дотолѣ по крайности неприкосновенныя, ризы его раздѣлены и о послѣдней великолѣпной одеждѣ его, а иногда пожалуй и о простой послѣдней сорочкѣ его, простѣйшей пѣснѣ, метали жребій. И все это, кажется, ради профессорскаго мѣста, ученой степени, удачи диспута или преміи, журнальнаго гонорарія и своего рода славы. . . .

Мы безъ вины здѣсь виноваты. Наши изданія, наши труды подали поводъ къ трагикомической локализациі вопроса въ С.-Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе, наше дѣло само въ себѣ и по существу своему, сколько бы ни было привнесено сюда частныхъ и личныхъ ошибокъ, не причастно подобной провинціальной суматохѣ. Вотъ почему мы обязаны были по крайности въ нѣсколькихъ словахъ выгородить его на будущее и высво-

бодить на всегда отъ грезъ, надавленныхъ на Русскій мозгъ туманами прибалтійскаго Сѣвера. Наше дѣло, на сколько оно народно и посвящено цѣлому народу, поступаетъ въ развитіи неуклонно: свидѣтельствомъ уже подлежащій выпускъ. Общество Любителей Россійской Словесности, какъ ни скудно оно матеріальными средствами, существуя и дѣйствуя безъ казенныхъ субсидій, безъ видовъ на мѣста, степени, преміи и гонорарія, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ вопроса приняло его горячо къ своему сердцу и продолжаетъ отстаивать со всѣмъ рвеніемъ, не словами, а самимъ дѣломъ. Пожертвованія Д. Чл. А. И. Кошелева, нынѣ—недавно—предсѣдателя, дали возможность пустить въ печать Словарь Даля. Обществу посвящены первые выпуски «Калѣкъ Перехожихъ:» теперь на тѣ же средства печатается 7, 8 и 9-й выпускъ. Обществу поднесены были первые томы коллекціи Рыбниковской, издававшіеся расходами его сочленовъ: нынѣ, могли мы порадоваться Русскихъ, рѣшено съ пособіемъ тѣхъ же суммъ Общества печатаніе замѣчательныхъ Олонецкихъ Причитаній. На тѣ же издержки печатается громадный сборникъ пѣсней Бѣлорусскихъ, куда вошелъ вкладъ покойнаго П. В. Кирѣевского: а присный сборникъ послѣдняго, съ дополненіями, изготовленъ нынѣ въ матеріалахъ къ 9-му выпуску Пѣсней Историческихъ, отъ Петра 1-го до Александра 1-го. Если прибавить сюда еще нѣкоторые одновременные труды сочленовъ Общества по изданію памятниковъ и рѣшенію разныхъ вопросовъ народнаго пѣснотворчества, да двѣ-три статьи, хотя бы въ Петербургскихъ журналахъ, но внѣ помянутой злополучной локализациі, то мы въ правѣ сказать, что само дѣло далеко еще не проиграно, последнее время не прошло для него даромъ и будущее сулитъ намъ еще новые существенные успѣхи.

* * *

СХVІІІ

Послѣ общаго обзора тому, что вошло содержаніемъ въ выпускъ 8-й, намъ по плану остается перейти къ частностямъ, къ Отдѣламъ и отдѣльнымъ Образцамъ.—Пѣсни о Петрѣ или, правильнѣе, Пѣсни Петровскія,—ибо онѣ далеко не всѣ выводятъ на сцену лицо государя, хотя и всѣ почти связаны съ нимъ такъ или иначе, — въ настоящемъ видѣ своемъ, когда собраны и послѣдовательно размѣщены согласно съ нитью исторической и вѣрно единству взгляда творческаго, распадаются видимо на *два Отдѣла главныхъ*: первый начинается рожденіемъ Петра и молодостью, простираясь до Войны Сѣверной и Походовъ Шведскихъ, второй идетъ до смерти государя и заканчивается нѣсколькими лицами, поставленными внѣ общаго хода дѣйствій. Въ первомъ народъ, какъ было съ нимъ и въ дѣйствительности, не успѣлъ еще и не смогъ въ умопредставленіяхъ и въ своей творческой фантазіи овладѣть слишкомъ крупною фигурою Петровой, ясно различить черты этого героя, возвести ихъ въ свой цѣльный образъ и опредѣлить здѣсь творческимъ однороднымъ способомъ. Народъ видимо раскидывается и даже какъ будто растеривается: то хватается за черты жизни личной и частной, то развлекается отношеніями и сценами семейными. Съ другой стороны, хоропенько не справившись здѣсь и чувствуя, что это почва не подобающая строгому творчеству, то прибѣгаетъ народъ къ наслѣдству Руси Древней и пробуетъ пустить на полотно ея краски, не будутъ ли онѣ приличнѣе, то принаравливается къ выступающимъ гордо явленіямъ жизни совершенно новой и пытается говорить ея языкомъ; то держится завѣщаннаго стариною склада, то чуткимъ ухомъ слышитъ и даетъ слышать первые аккорды музыки со всѣмъ иной, не бывалой; то рисуетъ Петра по своему, въ крайне незатѣливомъ нарядѣ, въ обиходной обстановкѣ, то какъ будто внезапно замѣчаетъ и приглашаетъ насъ замѣтить неожиданный ростъ державнаго исполина, а потому, увлекаясь имъ, вдается въ область древняго богатства и не прочь искать пособія своему изображенію въ мнѳологическихъ

цвѣтахъ и очеркахъ. Это, какъ и слѣдуетъ ожидать, всего чувствительнѣй отзывается и всего яснѣе выражается въ первой же Былевой пѣснѣ—о *рожденіи и молодости Петра*, потомъ въ повтореніи тѣхъ же почти мотивовъ, но уже въ другой половинѣ и во второмъ Отдѣлѣ, гдѣ историческое положительное міросозерцаніе взяло перевѣсъ и гдѣ самый образъ Петра достаточно опредѣлился передъ творческимъ взглядомъ, такъ что мѣсто Дѣвы-Рѣки Смородины заняла полумифическая, полуисторическая Шведская Королева. — Однако подробности образцовъ въ томъ и другомъ Отдѣлѣ, взаимное сличеніе ихъ и частныя отличія отняли бы теперь у насъ много мѣста и мы ихъ отлагаемъ до «Замѣтки» слѣдующаго выпуска. Тамъ ихъ еще удобнѣе будетъ рассмотретьъ, между прочимъ и потому, что онѣ связаны съ остальными Историческими Пѣснями XVIII вѣка. И такъ, до будущаго.

П. Безсоновъ.

Конецъ 8-го выпуска.

ЦѢНА 1 Р. 50 КОП. СЕР.

Цѣна 1 р. 50 коп.

*

Изъ Пѣсней, собр. П. В. Кир., въ продажѣ:

	Руб.	Коп.
Выпускъ 1, 2, 3 и 6-й.	по	— 50
— 4, 5 и 7-й.	"	4 —
Всѣ съ 8-мъ.	"	6 50

Прочія изданія Общества:

Кирило-Меѳодіевскій Сборникъ	"	2 —
Письма Карамзина и Грибоѣдова.	"	— 50
Сочиненія Мерзлякова, 2 тома.	"	3 —
Бесѣды въ Общ. Л. Р. Сл. вып. 1 и 2-й.	"	4 —
Всѣ изданія Общества.	"	14 —

Уступка не менѣе какъ при 10-ти экз.

При Обществѣ:

Калѣки Перехожіе. сборникъ народныхъ духовныхъ Сти- ховъ, вып. 1—6.	"	4 —
Рыбникова. сборникъ пѣсней, т. 1 и 2-й.	"	2 —
Дѣтскія Пѣсни, кн. 1 съ рисунками.	"	1 50
То же на обыкновенной бумагѣ	"	— 80

За всѣми изданіями выѣсть обращаться (пересылка без-
платно) къ Секретарю О., П. А. Безсонову, въ Универси-
тетѣ.

100p

